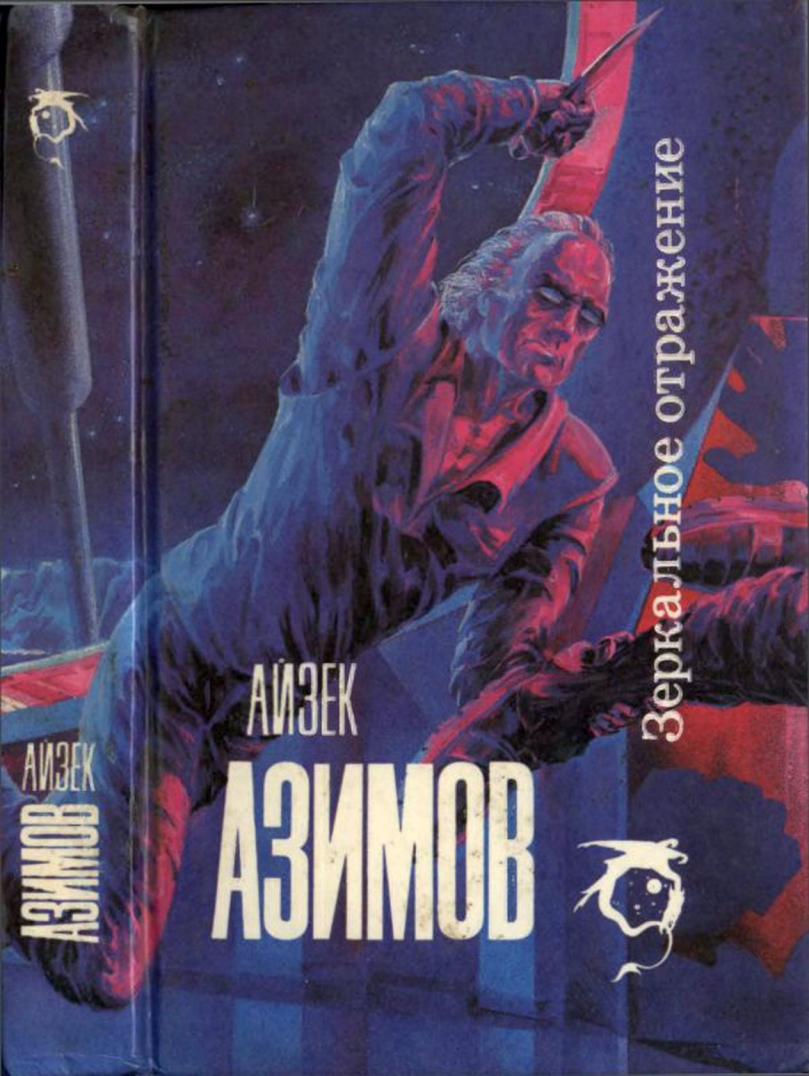

АЙЗЕК
АЗИМОВ
Зеркальное отражение
АЙЗЕК
АЗИМОВ

Зеркальное отражение : Стальные пещеры. Ночь,которая умирает

Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Зеркальное отражение:. Стальные пещеры. Ночь, которая умирает
Стальные пещеры
Стальные пещеры. (Пер. с англ. Ф. Розенталь)
Глава I. Разговор с комиссаром полиции
Глава II Поездка на экспрессе
Глава III. Происшествие у обувного прилавка
Глава IV. Знакомство с семьей детектива
Глава V Анализ убийства
Глава VI Шепот в темноте
Глава VII Посещение Космотауна
Глава VIII. Спор из-за робота
Глава IX Разъяснение космонита
Глава X. Вечер полицейского детектива
Глава XI Бегство из столовой
Глава XII. Мнение эксперта
Глава XIII. Мнение машины
Глава XIV Власть имени
Глава XV. Арест заговорщика

Глава XVI. Мотивы преступления
Глава XVII. Конец проекта
Глава XVIII. Конец расследования
Зеркальное отражение. (Пер. с англ. И. Гуровой)
Обнаженное солнце. (Пер. с англ. Т. Левич)
Илайдж Бейли получает задание
Илайдж Бейли встречает старого знакомого
Илайдж Бейли беседует со знатным солярианином
Перед Илайджем Бейли появляется женщина
Илайдж Бейли допрашивает солярианку
Илайдж Бейли становится свидетелем нового преступления
Илайдж Бейли беседует с врачом
Илайдж Бейли избавляется от партнера
Илайдж Бейли встречается с социологом
Илайдж Бейли посещает человеководческую ферму
Илайдж Бейли вступает в спор с роботехником
Илайдж Бейли получает новые сведения
Илайдж Бейли выходит на прогулку
Дэниел Оливо предлагает решение
Илайдж Бейли делает важное сообщение
Илайдж Бейли обвиняет

Обвинение подтверждается
Илайдж Бейли прощается
Илайдж Бейли предлагает новые пути
Ночь, которая умирает
Поющий колокольчик. (Пер. с англ. Н. Явно)
Ключ. (Пер. с англ. С. Авдеенко)
Ночь, которая умирает. (Пер. с англ. С. Васильевой)
I
2

Аннотация

Айзек Азимов (1920–1992) — один из отцов-основателей Золотого Века американской научной фантастики, ее неоспоримый лидер, удостоенный своими коллегами титула Великий Мастер. Он — неоднократный лауреат самых престижных в мире НФ премий: «Хьюго» и «Небьюла»; его новелла «Приход ночи» была признана «лучшим рассказом всех времен» Ассоциацией американских писателей-фантастов, а трилогия «Основание» в 1966 г. была объявлена «лучшей серией всех времен» Всеамериканской ассоциацией любителей фантастики. Автор почти 500 книг, многие из которых переведены на русский язык, он не нуждается в рекомендациях. Однако в этом сборнике творчество А. Азимова предстает в несколько необычном ракурсе: он выступает как автор детективов. Причем в самом широком спектре — читатель встретит здесь и фантастический, и реалистический, и научный детектив.

Айзек Азимов
Зеркальное отражение: Стальные пещеры. Ночь, которая умирает

Зеркальное отражение

АЙЗЕК

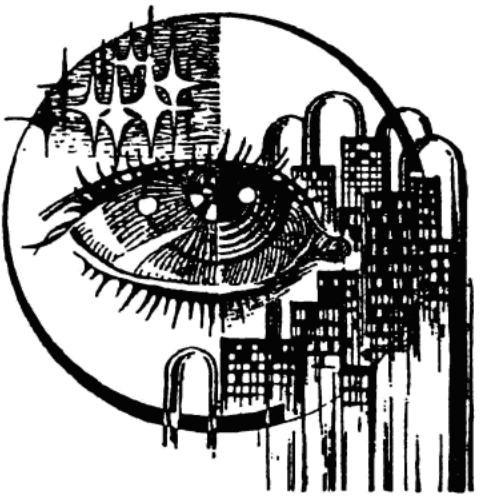
АЗИМОВ

Стальные пещеры

Ночь, которая умирает

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1992

Стальные пещеры



Стальные пещеры
(Пер. с англ. Ф. Розенталь)
Глава I
Разговор с комиссаром полиции

Едва Лайдж Бейли уселся за стол, как почувствовал на себе пристальный взгляд Р. Сэмми. Строгое вытянутое лицо Бейли застыло.

— В чем дело?

— Вы нужны боссу, Лайдж. Немедленно. Велел вам явиться, как только придете.

— Хорошо.

Р. Сэмми не двинулся с места.

— Я сказал, хорошо. Убирайся!

Р. Сэмми круто повернулся и пошел выполнять другие поручения.

«Будто человек не может делать все это!» — возмутился про себя Бейли.

Он стал не торопясь изучать содержимое своего кисета и прикинул, что если будет выкуривать по две трубки в день, то ему удастся дотянуть до выдачи новой порции.

Затем он вышел из-за перегородки — он уже два года имел право на отгороженный угол — и

через общую комнату направился к выходу. Его окликнул оператор ртутного запоминающего устройства Симпсон.

— Вас ждет босс, Лайдж.

— Знаю. Р. Сэмми уже приходил.

Испещренная кодом лента струилась из миниатюрного прибора. Он находил и анализировал данные своей памяти в поисках сведений, хранящихся в крохотных ячейках мерцающей внутри ртути.

— Я дал бы Р. Сэмми коленкой под зад, если бы не боялся сломать себе ногу, — сказал Симпсон. — На днях приходил Винс Бэррет.

— Ну и как?

— Хотел бы вернуться на старое место. Говорит, готов на любую работу у нас в управлении. Беднягa в отчаянии, но я ничем не мог его порадовать. Его место занял Р. Сэмми, и все тут. Парнишка нанялся на дрожжевую ферму. А ведь способный был малый и всем нравился.

Бейли пожал плечами и сказал строже, чем хотел на самом деле:

— Нам всем предстоит пройти через это.

Босс по своему положению имеет отдельный кабинет. На матовом дверном стекле вытравлена красивая надпись: «ДЖУЛИУС ЭНДЕБЕРИ Комис-

сар полиции города Нью-Йорка».

Бейли вошел в кабинет:

— Вы звали меня, комиссар?

Эндерби посмотрел на него. Он носил старомодные очки, так как его глаза не переносили контактных линз. Только привыкнув к очкам, можно было разглядеть черты его заурядного невыразительного лица. По твердому убеждению Бейли, комиссар отвергал контактные линзы только затем, чтобы выделяться среди других, а вовсе не из-за своих чувствительных глаз.

Комиссар был явно чем-то встревожен. Он поправил манжеты рубашки, откинулся на спинку кресла и сказал как-то уж слишком тепло:

— Садитесь, Лайдж. Присядьте, пожалуйста.

Бейли сел и ждал в напряженной позе.

— Как Джесси? Как сын?

— Хорошо, — ответил Бейли невыразительно. — Вполне нормально. А ваши как?

— Хорошо, — отозвался Эндерби. — Тоже нормально.

Начало было неудачным.

«Какое-то у него сегодня странное лицо», — подумал Бейли и вслух сказал:

— Комиссар, могу я просить не посылать за мной Р. Сэмми?

— Вы знаете мое мнение на этот счет, Лайдж. Но раз он есть, должен же я его как-то использовать.

— С ним неприятно иметь дело, комиссар. Пришел сегодня, передал вашу просьбу и стоит как истукан. Так и будет стоять, пока не отошлешь.

— О, это моя вина, Лайдж. Я велел ему позвать вас, но забыл точно указать, что делать дальше.

Бейли вздохнул. Мелкие морщинки у его темно-карих глаз стали более отчетливыми.

— Ну, ладно. Так вы хотели меня видеть?

— Да, Лайдж, — сказал комиссар, — и по весьма важному делу.

Он встал, подошел к стене позади стола, нажал какую-то кнопку, — и тотчас же часть стены стала прозрачной. Бейли зажмурился от неожиданно хлынувшего потока сероватого света.

Комиссар улыбнулся.

— Это сделано по моему заказу в прошлом году. Я вам, кажется, еще не показывал. Подойдите поближе, Лайдж. В старые времена во всех комнатах были подобные штуки. Их называли окнами. Бы слышали об этом?

Бейли прекрасно знал об этом, так как читал не один исторический роман.

— Разумеется, — сказал он.

— Подойдите сюда.

Бейли слегка поежился, но все-таки подошел. Было даже что-то неприличное в том, что уединенность комнаты выставлялась напоказ внешнему миру. Комиссар временами доводил до крайности свое увлечение медиевистикой.

«Эти очки, например», — подумал Бейли.

— Так вот в чем дело! Вот почему у него такое странное лицо!

— Простите за любопытство, комиссар, — сказал Бейли, — но у вас, кажется, новая оправа?

Комиссар взглянул на него с удивлением, снял очки, посмотрел на них, потом снова на Бейли. Сейчас его круглое лицо казалось еще более круглым, а подбородок более заметным. И взгляд у него стал беспомощным, потому что все расплывалось перед его глазами.

— Да, новая, — подтвердил он. Он снова надел очки и добавил со злостью: — Старые я разбил три дня назад. Дел было по горло, так что новые получил только сегодня утром. Лайдж, эти три дня были сущим адом.

— Из-за очков?

— Да. И по другим причинам. Но об этом потом.

Он повернулся к окну. Бейли последовал его примеру и был слегка поражен, обнаружив, что

снаружи идет дождь. С минуту он молча наблюдал, как сверху лились потоки воды, в то время как комиссар горделиво взирал на это явление природы, будто в этом была его личная заслуга.

— За этот месяц я третий раз смотрю, как идет дождь. Интересное зрелище, верно?

Бейли был вынужден согласиться, что зрелище действительно интересное. В свои сорок два года он почти не видел дождя да и вообще никакого другого явления природы.

— По-моему, неразумно, что вода вот так, без всякой пользы поливает город, — заметил он. — Ее место в резервуарах.

— Лайдж, — ответил ему комиссар, — вы модернист. Вот в чем беда. В медиевальные века люди жили на открытом воздухе, и не только на фермах. Даже в городах. Даже в Нью-Йорке. Когда шел дождь, им это не казалось неразумным. Они радовались этому, потому что жили близко к природе. Это и здоровее, и лучше. Все наши беды оттого, что мы оторваны от природы. Почитайте-ка на досуге об угольном веке.

Бейли довелось читать и об этом. Он слышал, как многие сетовали по поводу изобретения атомного реактора. Человек всегда чем-то недоволен. В угольном веке люди жаловались на паровую

машину. А герой одной из пьес Шекспира возмущался тем, что кто-то изобрел порох Лет через тысячу кому-нибудь не понравится создание позитронного мозга. К черту все это!

— Слушайте, Джулиус… — сказал он мрачно. (На работе он предпочитал держаться с комиссаром официально, даже если тот то и дело звал его по приятельски Лайджем. Сейчас что-то подсказало ему поступить иначе.) — Слушайте, Джулиус, вы говорите здесь о чем угодно, только не о том, зачем вы меня вызвали. Меня это беспокоит. В чем все-таки дело?

— Я дойду до этого, Лайдж, — ответил комиссар. — Не подгоняйте меня. У нас неприятности, Лайдж!

— Еще бы! Здесь иначе и быть не может. Опять что-нибудь с роботами?

— В каком-то смысле, да, Лайдж. Я вот стою здесь и думаю, что еще выпадет на долю нашей старушке Земле… Я сделал это окно не только чтобы иногда полюбоваться небом, а чтобы видеть город. Смотрю я на него и думаю, каким-то он будет через сотню-другую лет?

Бейли не был сентиментальным, но и он поддался очарованию открывшегося перед ним вида. Несмотря на окутавшую его серую дымку,

город представлял изумительное зрелище. Полицейское управление размещалось на одном из верхних этажей здания муниципалитета, который господствовал над всем. Окно комиссара находилось над крышами соседних башен, устремившихся вверх, подобно растопыренным пальцам чьей-то гигантской руки. Стены этих башен были совершенно гладкими и слепыми — наружные оболочки огромных человеческих ульев.

— Жаль, что идет дождь, — заметил комиссар. — Не виден Космотаун.

Бейли посмотрел на запад. Комиссар был прав. Горизонта не было видно; башни Нью-Йорка тонули в серо-белой пелене дождя.

— Я знаю, как он выглядит, — отозвался Бейли.

— Мне нравится вид на него отсюда, — сказал комиссар. — Его можно разглядеть между двумя секторами Брунсвика. Эти приземистые купола космонитов. В этом все различие между нами и ими: мы тянемся кверху и живем кучно, а у них каждая семья живет отдельно. На семью — по дому. А между ними земля. Вам доводилось когда-нибудь беседовать с космонитами, Лайдж?

— Несколько раз. Месяц назад я разговаривал с одним по вашему селектору, — ответил Лайдж

сдержанно.

— Да, да. Помню. Мне просто хочется пофилософствовать. Мы и они… Разные образы жизни…

У Бейли засосало под ложечкой. «Чем больше комиссар ходит вокруг да около, — подумал он, — тем ужаснее может оказаться известие».

— Это верно, — сказал он. — Но что в этом удивительного? На Земле невозможно расселить восемь миллиардов людей в маленьких куполах. А космонавты привыкли к простору. Так что пусть живут, как им нравится.

Комиссар подошел к столу и сел. Его глаза, искаженные выпуклыми стеклами очков, не мигая смотрели на Бейли.

— Не все так терпимы к различиям в образе жизни. Ни у нас, ни у них.

— Согласен. Ну и что?

— А то, что три дня назад умер один космонит.

Наконец-то дело сдвинулось с места. На узком, печальном лице Бейли не было и следа охватившего его волнения. Лишь едва дрогнули уголки тонкого рта.

— Скверно, — только и сказал он. — Что-нибудь заразное, вероятно. Какой-нибудь вирус или простуда?

Комиссар недоуменно взглянул на него.

— Вы понимаете, что говорите?

Бейли не стал объяснять Всем хорошо известно, что космониты совершенно искоренили болезни в своем обществе. Еще лучше известно, как тщательно они стараются избегать контакта с заразными землянами. Что поделаешь, до комиссара сарказм вообще не доходит.

— Так, ничего… — сказал Бейли и отвернулся к окну. — Отчего же он умер?

— Оттого, что кто-то разворотил ему грудь. Бластером.

Бейли напрягся всем телом. Не оборачиваясь, он спросил:

— А вы понимаете, что говорите?

— Я говорю об убийстве, — мягко сказал комиссар. — Вы ведь детектив и вам известно, что такое убийство.

— Но убит космонит! — повернулся к нему Бейли. — Три дня назад, говорите?

— Да.

— Кто это сделал? И как?

— Космониты считают, что кто-то из землян.

— Этого не может быть.

— Почему не может? Они не нравятся ни вам, ни мне и вообще никому на Земле. А кто-то их просто ненавидит, вот и все.

— Это так, но…

— На заводах Лос-Анджелеса возник пожар. В Берлине громили роботов. В Шанхае вспыхнули беспорядки.

— Верно.

— Все это говорит о растущем недовольстве. Возможно, об организованном недовольстве.

— Комиссар, — проворчал Бейли, — до меня это не доходит. Вы что, проверить меня хотите?

— Проверить? Вас? — с искренним недоумением повторил комиссар.

Бейли не сводил с него глаз.

— Три дня назад совершено убийство космонита, и они винят в этом землян. До сих пор, — Бейли постукал пальцем по столу, — еще ничего не выяснено. Я вас правильно понял? Невероятно, комиссар! Да если бы это действительно произошло, они стерли бы Нью-Йорк с лица земли.

Комиссар покачал головой.

— Все это не так просто. Слушайте, Лайдж. Я отсутствовал три дня За это время я поговорил с мэром, побывал в Космотауне, съездил в Вашингтон. Я разговаривал с чиновниками из Всепланового бюро расследований.

— Вот как! Ну и что эти чинуши?

— Говорят, что нам самим придется расхлебы-

вать кашу. Мол, космониты живут в границах Нью-Йорка.

— Но они же пользуются правом экстерриториальности.

— Я знаю. Об этом потом. — Комиссар не выдержал сверлящего взгляда Бейли и отвел глаза в сторону. Он вел себя так, будто его внезапно разжаловали и он стал всего лишь помощником Бейли.

— Космониты сами могут повести дело, — заметил детектив.

— Не торопитесь, Лайдж, — продолжал комиссар. — Не подгоняйте меня. Давайте обсудим все по-дружески. Войдите в мое положение. Когда это произошло, я был там. Я должен был встретиться с ними… С Роем Неменни Сартоном.

— С жертвой?

— С жертвой. — Комиссар тяжело вздохнул. — Окажись я там пятью минутами раньше, я бы первым обнаружил труп. Представляете, какой ужас? До чего жестоко и отвратительно! Меня встретили и рассказали о случившемся. Лайдж, этот кошмар продолжается целых три дня. А тут еще все расплывается перед глазами и некогда заменить очки. Но это больше не повторится: я заказал себе сразу три пары.

Бейли живо представил себе, как все происходило. Вот высокие, стройные космониты подходят к комиссару и бесстрастно, ничего не приукрашивая, сообщают ему об убийстве. Джулиус снимает очки и начинает их протирать. Взволнованный событием, он роняет очки и растерянно смотрит вниз на осколки стекол. Его мягкие, полные губы нервно подрагивают. Можно не сомневаться, что по меньшей мере минут пять комиссара больше беспокоили разбитые очки, чем убийство.

Комиссар продолжал:

— Положение чертовски скверное. Вы правы, у космонитов экстерриториальные права. Захотят — расследуют сами и доложат своим правительствам, что им вздумается. Внешние Миры воспользуются этим, чтобы потребовать с нас непомерную компенсацию. Вы представляете, как отнесется к этому население?

— Согласиться платить было бы для Белого дома равносильно политическому самоубийству.

— А не согласиться — тоже самоубийство, только другого рода.

— Можете мне не объяснять, — сказал Бейли.

Он был еще маленьким мальчиком, когда сверкающие космопланы высадили своих солдат в Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве, чтобы

получить с Земли то, что якобы причиталось космонитам.

— Как видите, уплатим мы или нет, неприятностей не избежать. Единственный выход — самим разыскать убийцу и выдать его космонитам. Все зависит от нас.

— Почему бы не передать это дело ВБР? Допустим, что с юридической точки зрения мы обязаны им заняться, но вопрос о межпланетных отношениях..

— ВБР не хочет вмешиваться. Расхлебывать все это придется вам. — Он поднял голову и внимательно посмотрел на своего подчиненного. — Плохи наши дела, Лайдж. Мы все рискуем остаться без работы.

— Ерунда! А кем они нас заменят? Ни у кого нет достаточной подготовки, — возразил Бейли.

— Кем? — повторил комиссар. — Вы забыли о роботах.

— Что?

— Р. Сэмми — только начало. Пока он выполняет мелкие поручения. Но подобные ему могут, например, патрулировать скоростные дороги. Черт побери, Лайдж, я лучше вас знаю космонитов и представляю, чем они сейчас занимаются. У них есть роботы, способные заменить и вас и

меня. Нас могут просто деклассировать. Я говорю вполне серьезно. Не очень-то приятно в нашем возрасте оказаться за бортом…

— Согласен, — проворчал Бейли.

— Простите, Лайдж, — смутился комиссар.

Бейли кивнул, стараясь не думать о своем отце.

Комиссару, конечно, известно, как неудачно сложилась его судьба.

— А когда заварилась эта каша с заменой? — спросил он.

— Слушайте, не будьте наивным человеком, Лайдж. Это грозит нам каждый день вот уже в течение двадцати пяти лет, с тех пор как на Земле появились первые космониты. Вы это знаете. Просто сейчас обстановка ухудшается, вот и все. Если мы проморгаем расследование, то быстро, слишком быстро окажемся там, где не радует мысль о пенсионной книжке. И наоборот, Лайдж, стоит нам его хорошо провернуть, и тогда это может случиться очень не скоро. А больше всего может повезти вам.

— Мне? — удивился Бейли.

— Вы поведете расследование, Лайдж.

— Но я не подхожу по классу. Ведь у меня всего С-5.

— Вы бы не отказались от С-6, не так ли?

Еще бы! Бейли знал, какие привилегии дает класс С-6. Кресло в экспрессе в часы пик, а не только с десяти до четырех, как сейчас. Лучшее меню в столовой сектора. Может быть, даже удастся получить новую квартиру и абонемент на место для Джесси в солярии.

— Вы еще спрашиваете. Конечно, нет! — сказал Бейли. — А что будет, если я не справлюсь?

— Справитесь. Лайдж, я в этом уверен, — льстиво ответил комиссар. — Ведь вы один из наших лучших сотрудников.

— У нас в отделе немало ребят с более высокими данными. Почему бы не поручить это дело кому-нибудь из них?

Хотя Бейли не сказал это вслух, по его лицу было видно, что он думает: только самый крайний случай может заставить комиссара нарушить установленный порядок.

— На это есть две причины. — Комиссар сложил руки. — Во-первых, вы для меня не просто один из детективов, Лайдж. Мы ведь друзья. Я не забыл, что мы учились вместе в колледже. Если иногда я и бывал с вами чересчур строг, то виной этому разница в положении. Я — комиссар, а вы знаете, что это значит. Тем не менее я считаю себя

вашим другом и не хотел бы, чтобы вы упустили такую блестящую возможность проявить себя.

— Это одна из причин, — отозвался Бейли без теплоты в голосе.

— Вторая заключается в том, что, как мне кажется, вы тоже питаете ко мне дружеские чувства… Я прошу об одолжении.

— Об одолжении?

— Вам придется взять в помощники космонита. Таково их условие. Они согласны пока не сообщать об убийстве и передать расследование нам. За это они требуют, чтобы их агент принял в нем участие от начала до конца.

— Похоже, что нам не доверяют?

— Вы правы, Лайдж. В случае неудачи многим из них придется нести ответ перед своими правительствами. Поверим им на слово. Хочется думать, что у них хорошие намерения.

— Я убежден в этом, комиссар. В том-то вся и беда.

Комиссар пропустил это мимо ушей.

— Итак, Лайдж, вы согласны, чтобы вашим партнером был космонит?

— Вы просили меня об одолжении, не так ли?

— Да, я прошу вас заняться этим делом на условиях, выдвинутых космонитами.

— Я согласен, комиссар.

Спасибо, Лайдж Но… ему придется жить у вас.

— Позвольте, позвольте…

— Я все понимаю, Лайдж. У вас ведь просторная квартира. Три комнаты. Всего один ребенок, место найдется. Он не доставит вам много хлопот, поверьте мне. Потом, это необходимо.

— Джесси будет недовольна, я уверен.

— Скажите Джесси, — убеждал его комиссар с таким старанием, что казалось, будто его напряженный взгляд просверлит отверстие в заслоняющих глаза стеклах, — скажите ей, что если вы сделаете это для меня, я постараюсь присвоить вам С-7, понимаете?

— Хорошо, комиссар, договорились.

Бейли привстал было со стула, но, заметив взгляд Эндерби, снова опустился.

— Что-нибудь еще?

— Еще один вопрос. — Комиссар медленно кивнул головой.

— Какой?

— Имя вашего партнера.

— Какое это имеет значение?

— Космониты, — начал комиссар, — довольно странный народ. Вашим партнером будет не… В общем, он не…

Глаза Бейли широко раскрылись.

— Постойте, комиссар!

— Это необходимо, Лайдж Просто необходимо. Другого выхода нет.

— В одной квартире? С этой штукой?

— Прошу вас, как друга прошу, — убеждал его комиссар. — Неужто вам надо все это разжевывать? Мы должны с ним работать. Мы должны выиграть, если хотим избежать новых контрибуций. А выиграть, пользуясь старыми методами, невозможно. Вашим партнером будет робот. Стоит ему самому раскрыть убийство, стоит ему сообщить своим о нашей беспомощности, и мы погибли. Я имею в виду наш отдел. Вам это ясно, Лайдж, не так ли? Положение очень щекотливое. Вы будете с ним сотрудничать, но нужно, чтобы дело раскрыли вы, а не он. Понятно?

— То есть полностью с ним сотрудничать и в то же время стараться перерезать ему глотку? Хлопать его по плечу одной рукой, а в другой держать нож?

— А что делать? Другого выхода у нас нет.

Бейли нерешительно встал:

— Не знаю, как отнесется к этому Джесси…

— Если хотите, я поговорю с ней.

— Не надо, комиссар. — Он тяжело вздохнул. —

Как его зовут?

— Р. Дэниел Оливо.

— К чему эти увертки, комиссар, — произнес Бейли грустно. — Я берусь за расследование, так что давайте называть этого типа полным именем; Робот Дэниел Оливо.

Глава II Поездка на экспрессе

Как всегда, свободных мест на экспресс-транспортере было немного: ни внизу, где ехать можно было только стоя, ни на верхней площадке с креслами для привилегированных пассажиров.

Непрерывный людской поток струился по обе стороны экспресса по замедляющимся дорожкам тротуаров к межсекторным линиям и неподвижным тротуарам, которые, ныряя под арки и взбираясь на мосты, вели в бесконечный лабиринт жилых кварталов-секторов. А с противоположной стороны к экспрессу стремился точно такой же поток пассажиров, пересекающих дорожки в обратном порядке — от медленных к быстрым.

Кругом стояло море огней; стены и потолки излучали холодный фосфоресцирующий свет; всплески рекламы требовали к себе внимания;

яркие цветные указатели не давали сбиться с пути: «К СЕКТОРАМ ДЖЕРСИ», «НАПРАВЛЕНИЕ К МАРШРУТНОЙ СЛУЖБЕ ИСТ-РИВЕР», «ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРАМ ЛОНГ-АЙЛЕНДА». А над всем этим царил неясный шум, не отделимый от жизни стального города: говор, смех, кашель, выкрики, пение, дыхание миллионов людей.

«Ни одного указателя к Космотауну», — подумал Бейли. Он переходил с дорожки на дорожку с непринужденностью человека, привыкшего делать это всю жизнь. Едва начав ходить, дети учились «скакать по лентам». Бейли почти не замечал увеличения скорости каждой новой дорожки. Через тридцать секунд он добрался до последнего тротуара, скорость которого достигала шестидесяти миль в час, и теперь мог перешагнуть на огражденную перилами и остекленную платформу экспресса.

«Ни одного указателя к Космотауну, — размышлял он. — Да они и не нужны. Тот, кто едет туда по делу, знает, как до него добраться. Если же он этого не знает, значит, делать ему там нечего». Когда двадцать пять лет назад возник этот поселок, толпы зевак осаждали его.

Космониты положили этому конец. Вежливо

(они всегда отличались вежливостью), но решительно, они отгородились от Нью-Йорка силовым барьером и учредили нечто среднее между пограничными постами и таможней. Убедившись, что вы идете по делу, они подвергали вас обыску и направляли на медицинский осмотр и дезинфекцию.

Среди землян росло недовольство. Что вполне естественно. Однако оно приняло неоправданно широкий размах. А это, в свою очередь, сказалось на программе модернизации. Бейли вспомнил Барьерные бунты. Он был среди толпы недовольных, которые висели на перилах экспресса; не считаясь с привилегиями, занимали кресла на верхней площадке; рискуя жизнью, носились по тротуарам и два дня осаждали Космотаун, выкрикивая лозунги и круша городскую собственность.

При желании Бейли мог вспомнить песенки того времени. Вот, например, «Человек родился на Земле, ты слышишь?», на мотив старой народной песни с тарабарским припевом «Хинки-динки-парле-ву».

Человек родился на Земле, ты слышишь?

Мать-Земля дала ему жизнь, ты слышишь?

Космонит, прочь с лица Земли

В свой космос.

Грязный космонит, ты слышишь?

Куплетов насчитывалось сотни. Некоторые из них были остроумными, но гораздо больше было куплетов глупых, а то и непристойных. И каждый оканчивался словами: «Грязный космонит, ты слышишь?» Грязный. Грязный… Это была тщетная попытка землян отплатить космонитам за то, что они упорно считали жителей Земли болезненными до отвращения.

Разумеется, космониты не покинули Землю. Им даже не понадобилось прибегать к помощи своего наступательного оружия. Земляне убедились, что всякая попытка приблизиться к космопланам пришельцев была равноценна самоубийству. Несколько старомодных самолетов, которые рискнули пролететь над территорией Космотауна еще в первые дни его основания., попросту исчезли. Единственное, что удалось впоследствии обнаружить, были лишь исковерканные обломки плоскостей.

И едва ли можно привести толпу в такое

неистовство, чтобы она забыла действие субэтерных «руколомок», применявшихся против землян в войнах прошлого столетия.

Космониты отсиживались за барьером, разрушить который земными средствами было невозможно, и ждали, пока городские власти не утихомирят разбушевавшуюся толпу. Это удалось сделать, применив снотворный и рвотный газ, после чего городские исправительные тюрьмы были набиты до отказа вожаками недовольных, подстрекателями и просто теми, кто оказался под рукой. Когда страсти улеглись, всех их отпустили на свободу.

Некоторое время спустя космониты стали снимать свои ограничения Барьер убрали, а городские власти поручили полиции обеспечить охрану космонитов. Главная же их уступка заключалась в том, что медицинский осмотр перестал быть таким унизительным.

«Теперь, — размышлял Бейли, — дело может снова принять плохой оборот. Стоит им решить, что землянин проник в Космотаун и совершил убийство, как они, чего доброго, опять поставят свой барьер. Плохо дело».

Он ступил на нижнюю площадку экспресса, протиснулся через толпу пассажиров и по узкой

спиральной лестнице поднялся наверх. Он не торопился предъявлять свою карточку находившемуся поблизости проводнику. Класс С-5 не давал права на кресло в экспрессе восточнее Гудзона и западнее Лонг-Айленда, и хотя здесь были свободные места, его могли попросить перейти вниз. Люди все щепетильнее относились к своим привилегиям, и Бейли это знал.

Воздух с характерным свистом обтекал изогнутые ветровые стекла, установленные на спинке каждого кресла. Разговаривать из-за шума было бы трудно, но думать, если к нему привыкнуть, он не мешал.

«Все мы медиевисты по натуре, — рассуждал про себя Бейли. — Особенно, если тебя влекут к себе старые добрые времена, когда Земля была единственным миром, а не одним из пятидесяти, как теперь, причем далеко не самым лучшим».

Бейли рывком повернул голову вправо, откуда донесся чей-то пронзительный вопль. Какая-то женщина уронила свою сумку, мелькнувшую мягким розовым пятном на скучном сером фоне дорожек. Спешащий с экспресса пассажир, должно быть, нечаянно отбросил ее в сторону медленных дорожек, и теперь владелицу уносило прочь от ее собственности.

Бейли криво усмехнулся. Женщина сумеет вернуть свою сумку, если сообразит перейти на еще более медленную дорожку и если еще одна нога не толкнет сумку в другом направлении. Он так и не узнает, настигнет она ее или нет. Уже сейчас место происшествия отстало от него на полмили.

Пожалуй, ей это не удастся. Высчитано, что в разных частях города пассажиры роняют на дорожках свои вещи в среднем раз в три минуты и не могут их достать. Отдел находок разросся до неимоверных размеров. И это тоже одна из сложностей современной жизни.

«Когда-то было проще, — думал Бейли. — Все было проще. Это и превращает людей в медиевистов».

Медиевизм принимает различные формы. Для лишенного воображения Джулиуса Эндерби — это такие атрибуты старины, как очки или окна. Для Бейли прошлое — это история В особенности — обычаи разных народов.

Взять, например, нынешний Нью-Йорк. Город, где он живет и работает. Эта громадина уступает по величине лишь Лос-Анджелесу. А население! Только в Шанхае живет больше народу. А ведь Нью-Йорку всего триста лет.

Правда, на этом месте когда-то существовало нечто, носившее название «Нью-Йорк». Тому примитивному поселению насчитывалось три тысячи, а не триста лет, и оно ничем не напоминало современный город.

То, что тогда называлось городом, было лишь жалким скоплением больших и малых домов, построенных под открытым небом. Они чем-то напоминали куполообразные жилища космонитов, хотя, конечно, сильно от них отличались. Тысячи таких городов (в самом крупном жило не более десятка миллионов человек, а в большинстве — даже меньше миллиона) были в беспорядке разбросаны по всей планете. С точки зрения современной экономики, каждый такой город был устроен крайне неразумно.

С ростом населения возникла необходимость более разумного устройства городов. Ценой снижения жизненного уровня Земля могла прокормить два миллиарда человек, три и даже пять миллиардов. Однако, когда население достигло восьми миллиардов, полуголодное существование стало почти неизбежным. В жизни человека должны были произойти коренные изменения, в особенности, когда выяснилось, что Внешние Миры, тысячелетие назад бывшие лишь колони-

ями Земли, намерены резко сократить приток переселенцев.

За тысячу лет современной истории Земли на ней выросли огромные города. Даже в древние времена люди догадывались, быть может, подсознательно, о выгодности укрупнения. Кустарное производство уступило место фабрикам, а фабрики и заводы — целым отраслям промышленности.

Подумайте, насколько невыгодно содержать сотни тысяч домов для сотен тысяч семей по сравнению с одним сектором на сто тысяч квартир; сравните домашнюю библиотеку с централизованной книго-фильмотекой; сравните индивидуальные телевизоры с системой видеопроводов. Наконец, возьмите такую простую вещь, как неоправданно глупое и бесконечное повторение одинаковых кухонь и ванных в каждой квартире в сравнении с блоками автоматизированных столовых и душевых, которые созданы современной городской цивилизацией.

Новые города медленно, но верно поглощали погибавшие деревни, поселки и старые города. Даже угроза атомной войны только замедлила этот процесс.

Изобретение же силового щита дало ему новый

толчок.

Современная городская культура означает целесообразное распределение пищевых продуктов и все возрастающее применение дрожжевых веществ и гидропоники. Нью-Йорк сейчас занимает площадь более двух тысяч квадратных миль, и по последней переписи в нем живет свыше пятнадцати миллионов человек. На Земле насчитывается около восьмисот городов с населением в среднем по десять миллионов человек в каждом.

Каждый город обладает определенной автономией и способен обеспечить себя почти всем необходимым. Он возвел над собой крышу, оградился со всех сторон, вгрызся глубоко в землю. Он уподобился стальной пещере, громадной, всем обеспеченной пещере из стали и бетона.

Внутренняя планировка города тщательно продумана, В центре его находится огромный комплекс административных учреждений. В строгом порядке разместились жилые сектора, соединенные друг с другом переплетением межсекторных пассажирских лент и линией экспресс-транспортера. На окраинах расположились заводы, гидропонные установки, дрожжевые чаны и энергостанции. Во все уголки проникают трубы водопровода и канализации, линии

энергопередачи и лучевой связи, везде школы, тюрьмы и магазины.

Несомненно одно, именно создание такого города является вершиной победы человеческого гения над природой. Именно это, а не космические полеты, не пятьдесят освоенных миров, которые стали так вызывающе независимы.

Почти все без исключения живут в стальных городах. Между городами простираются незаселенные пространства и открытое небо, один вид которого приводит в растерянность любого горожанина. Но и эти пространства необходимы человеку. Именно здесь он добывает себе воду, а также уголь и древесину, которые идут на изготовление пластмасс и вечно растущих дрожжевых культур. (Нефть уже давно израсходована, но ее полностью заменили богатые жирами штаммы дрожжей.) Здесь все еще работают шахты, и лишь немногие из горожан представляют, как широко используются поля для выращивания злаков и что на них до сих пор пасется скот. Несмотря на необычайную дороговизну таких продуктов, как говядина, свинина и зерно, которые превратились в предмет роскоши, они все же находят себе сбыт и идут на экспорт на другие планеты.

Нужно очень мало людей, чтобы следить — да и то с расстояния — за работой шахт, ферм и водонасосных станций. Трудятся же там роботы, которые стоят меньше и работают лучше.

Роботы! Какая ирония судьбы! Именно на Земле изобретен позитронный мозг, именно здесь роботы впервые стали использоваться в производстве.

Здесь, а не на Внешних Мирах. Тем не менее космониты ведут себя так, будто роботов породила их цивилизация. Справедливости ради надо сказать, что они достигли поразительных успехов в области роботехники. Долгое время земляне использовали роботов только на шахтах и фермах. Лишь за последнюю четверть века они начали постепенно проникать в города, да и то под нажимом космонитов.

Жить в городах не плохо. Все, кроме медиевистов, понимают, что без городов не обойтись. Беда, однако, в том, что жизнь это меняет к худшему. Население Земли постоянно растет. Наступит день, когда даже города, со всей их техникой, будут просто не в состоянии обеспечить людям минимум калорий, необходимых для существования.

Положение осложняется тем, что потомки

первых эмигрантов с Земли, космониты, живут в прекрасных условиях в своих малонаселенных, набитых роботами космических мирах. С холодной решимостью оберегают они созданный на полупустынных планетах комфорт и с этой целью ограничивают как уровень рождаемости у себя, так и приток эмигрантов с переполненной Земли. Поэтому..

Скоро Космотаун!

Бёйли интуитивно почувствовал приближение секторов Нью-Арка. Помедли он еще немного, и экспресс унесет его на юго-запад, в глубь Трентонского района, теплый воздух которого насыщен кисло-горьким запахом дрожжей.

Главное — правильно рассчитать. Не теряя времени, вниз по трапу протиснуться сквозь толпу недовольных пассажиров, проскользнуть вдоль перил к выходу, пересечь замедляющиеся дорожки.

Преодолев все это, он оказался как раз у того отверстия неподвижного тротуара, к которому стремился. Сознание не принимало в этом участия — иначе он наверняка бы промахнулся.

Кругом — ни живой души. Только полицейский прогуливается по тротуару, и лишь жужжание экспресса нарушает гнетущую тишину.

Полицейский подошел к нему и, мельком взглянув на удостоверение Бейли, поднял руку, разрешая ему пройти.

Коридор сужался, делая резкие повороты то влево, то вправо. Это, конечно, не случайно. Толпе землян здесь не развернуться и уж совсем невозможно совершить нападение.

Бейли был рад, что встреча с напарником произойдет по ту сторону Космотауна. Ему вовсе не улыбалась мысль о медицинском осмотре, пусть они хоть сто раз вежливы.

В глубине коридора, неподалеку от дверей, ведущих наружу к жилищам Космотауна, стоял космонит. Он был одет по земной моде: на нем были узкие в бедрах и расклешенные книзу брюки, отделанные по бокам цветной тесьмой, и обычная текстроновая рубашка с открытым воротом, застежкой на молнии и собранными у кисти рукавами. И все же это был космонит. Трудно сказать, что именно отличало его от коренного жителя Земли: посадка ли головы, манера держаться, гладко зачесанные назад короткие рыжеватые волосы или его широкоскулое лицо, холодное и невозмутимое.

Бейли подошел к нему деревянной походкой и сказал невыразительным голосом:

— Я — детектив Илайдж Бейли. Полицейское управление города Нью-Йорка, класс С-5…

Он показал свои документы и продолжал:

— Мне поручено встретить здесь Р. Дэниела Оливо. — Бейли взглянул на часы. — Я прибыл немного раньше времени. Можно попросить, чтобы обо мне доложили?

Ему было не по себе. Он привык, как и все люди, к земным роботам. Этот робот будет, вероятно, другим. До сих пор ему не приходилось их видеть, но по всей Земле ходили самые невероятные слухи о чудовищных роботах, которые решали непосильные для человека задачи в далеких, мерцающих Внешних Мирах. Бейли непроизвольно стиснул зубы.

— В этом нет необходимости, — вежливо ответил космонит. — Вас жду я.

Бейли было протянул руку, но тут же опустил ее. Его длинное лицо вытянулось еще больше. Он не нашелся, что сказать. Слова застряли у него в горле.

— Позвольте представиться, — продолжал космонит. — Мое имя — Р. Дэниел Оливо.

— Простите… Может быть, я ослышался? Мне казалось, что «Р» означает…

— Вы не ошиблись. Я — робот. Разве вас не

предупредили?

— Предупредили, — пробормотал Бейли и зачем-то провел вспотевшей рукой по волосам. Затем он протянул ее роботу. — Простите, мистер Оливо, я как-то не ожидал… Здравствуйте. Меня зовут Илайдж Бейли, я ваш напарник…

— Прекрасно… (Бейли почувствовал, как усиливается рукопожатие робота и, став, так сказать, дружеским, снова ослабевает.) Но вы, кажется, чем-то встревожены? Можно просить вас, быть со мной откровенным? В наших взаимоотношениях лучше всего знать как можно больше относящихся к делу фактов. Кроме того, у нас принято, чтобы сотрудники называли друг друга по имени. Я полагаю, это не очень противоречит обычаям вашего мира?..

— Дело в том, что вы совсем не похожи на робота, — окончательно растерялся Бейли.

— И вас это беспокоит?

— Я понимаю, что это глупо. Дэ… Дэниел. Ваши роботы все такие, как вы?

— С индивидуальными различиями, Илайдж, как люди.

— Земные роботы… В общем, понимаете, у нас их можно сразу отличить от человека… А вы совсем как космонит.

— А, понимаю… Вы ожидали увидеть довольно грубую модель, а теперь удивлены. Но разве не логично, что в данном, конкретном случае, во избежание недоразумений, робот должен обладать характерными человеческими чертами?

С этим нельзя было не согласиться. Обычный робот, разгуливающий по городу, сразу бы накликал на себя беду.

— Вы правы, — согласился Бейли.

— Тогда пойдемте, Илайдж.

Они направились к экспрессу. Р. Дэниел быстро понял назначение дорожек и без труда переходил с одной на другую. Вначале Бейли старался идти помедленнее, затем, рассердившись, увеличил скорость. Робот не отставал. Казалось, ему это вовсе не трудно… «Может, он умеет двигаться еще быстрее, но не подает виду», — подумал Бейли. Они добрались до бесконечной ленты экспресса, и Бейли совершил поистине рискованный прыжок на одну из платформ. Робот и здесь не уступил ему. Бейли покраснел и нерешительно сказал:

— Я с вами останусь внизу.

— Внизу? — переспросил робот, на которого ни шум, ни ритмичное покачивание экспресса не произвели ни малейшего впечатления. — Неужели мои сведения неточные? Мне сказали, что в

определенных условиях класс С-5 дает право на место в верхнем салоне.

— Совершенно верно. Я могу подняться туда, а вы нет.

— Но почему же?

— Нужно иметь класс С-5, Дэниел.

— Мне это известно.

— Но у вас его нет, — возразил Бейли.

На открытой нижней платформе из-за шипения воздуха разговаривать было трудно, а Бейли, по понятным причинам, не хотел особенно повышать голос.

— Вы ошибаетесь. Я ваш партнер, следовательно, права у нас одинаковые. Мне дали вот это.

Из внутреннего кармана рубашки он достал свое удостоверение и протянул его Бейли. Выдано оно на имя Дэниэла Оливо, класс владельца — С-5. Естественно, что инициал «Р» перед именем был опущен.

— Тогда пошли, — сухо сказал Бейли.

Бейли сидел, глядя прямо перед собой, и злился на свою недогадливость. Он попался дважды: во-первых, не признал в Р. Дэниеле робота; во-вторых, не сообразил, что ему не могли не дать класс С-5.

Беда в том, что по своему характеру Бейли

не отвечал общепринятому представлению о детективе. В нем не было ни холодной невозмутимости, ни непроницаемого спокойствия, ни способности применяться к любым условиям, он не был ни идеалом сообразительности, ни хладнокровия. Он отдавал себе в этом отчет, но никогда прежде не сетовал на отсутствие этих качеств. Но теперь он об этом жалел, и жалел потому, что, по всей видимости, Р. Дэниел Оливо был воплощением всего этого. Да и могло ли быть иначе? Ведь он — робот.

Бейли стал искать себе оправдание. Он привык к таким роботам, как их Р. Сэмми. Он ожидал встретить существо с кожей из плотного, и глянцевитого пластика мертвенно-бледного цвета. Он ожидал увидеть лицо, на котором застыло выражение бессмысленного добродушия. Он ожидал, что движения робота будут резкими, слегка неуверенными.

Ничего подобного у Р. Дэниела не было.

Бейли исподтишка взглянул на своего соседа, но Р. Дэниел перехватил его взгляд и спокойно кивнул. Когда он разговаривал, его губы двигались естественно, а не оставались полуоткрытыми, как у земных роботов. Да что там губы, у него был даже артикулирующий язык.

«Сидит себе спокойно, — подумал Бейли. — Ведь здесь для него все совершенно новое. Шум, свет, толпы людей!»

Он вскочил и обогнал Р. Дэниела со словами; «Не отставайте!» Они покинули экспресс и переходили с дорожки на дорожку.

«Боже правый, что же я все-таки скажу Джесси?» — думал Бейли.

Неожиданная встреча с роботом заставила его забыть обо всем другом, но теперь, когда межсекторная линия несла их прямо в Нижний Бронкс, мысль о предстоящем объяснении с женой тревожно сверлила его мозг. Он заговорил:

— Все, что вы видите вокруг, Дэниел, — это одно здание, весь город. В нем живут двадцать миллионов человек. Круглые сутки со скоростью шестьдесят миль по нему несутся ленты экспресса. Их протяженность двести пятьдесят миль, а длина местных линий в несколько раз больше.

«Чего доброго, — замолчал Бейли, — придется соображать сколько тонн дрожжевых продуктов Нью-Йорк съедает в день, сколько кубометров мы выпиваем воды и сколько потребляем мегаватт энергии».

Однако робот опередил его.

— На инструктаже меня снабдили подробной

информацией, — сказал он.

«Тем лучше. Значит, со всем этим покончено. Но чего ради я распинаюсь перед роботом?» — возмущался собой Бейли.

Они доехали до 182-й Восточной улицы. Отсюда на одном из лифтов, снующих вверх и вниз среди бесчисленного множества квартир, можно было добраться и до квартиры Бейли.

Он уж было направился к лифту, как его внимание привлекла небольшая группа людей, толпившихся у ярко освещенного силового защитного барьера магазина, каких было множество на нижних горизонтах этого сектора.

— Что здесь происходит? — по привычке внушительным голосом спросил он у одного из зевак.

Вытягиваясь на носках, тот ответил:

— Кто его знает. Сам только что подошел.

— У них здесь эти проклятые роботы, — раздался чей-то возбужденный голос. — Эх, вытащили бы их сюда. Вот позабавились бы!

Бейли нервно оглянулся на Дэниела, но тот либо не понял сказанного, либо не расслышал, во всяком случае вид у него был невозмутимый.

Бейли врезался в толпу:

— Позвольте. Позвольте… Полиция!

Люди расступились. До Бейли донеслись обрывки фраз:

— …разбирать по кусочку… Гайку за гайкой… Потихоньку распускать им швы..

Кто-то рассмеялся.

У Бейли похолодело внутри. Город был совершенным творением, и это накладывало на его обитателей определенные обязательства, и прежде всего от них требовалось подчиняться строгому, научно-обоснованному порядку и соблюдать дисциплину. Временами сдерживаемые страсти прорывались наружу.

Бейли вспомнил Барьерные бунты.

Причин для недовольства роботами достаточно. Те, кто полжизни провел в труде и кому грозит теперь деклассирование, а значит, и минимум средств существования, эти люди не могут решить хладнокровно, что роботы здесь ни при чем. Робота хоть ударить можно.

Ведь нельзя же ударить то, что зовется «правительственной политикой», или стукнуть по призыву «Роботы во имя производительности».

Правительство называет это болезнью роста. Оно сочувственно покачивает своей «коллективной головой» и заверяет их, что, мол, все устроится и для всех наступит новая и лучшая

жизнь.

Но движение медиевистов разрастается вместе с усилием процесса деклассирования Люди приходят в отчаяние, а тогда очень легко перешагнуть границу между горьким разочарованием и диким буйством.

Вот и сейчас. — Кто знает, может, считанные минуты отделяют сдерживаемую враждебность толпы от кровопролития и неистового мятежа.

Бейли отчаянно протискивается к силовому барьеру.

Глава III
Происшествие у обувного прилавка

Внутри магазина было значительно просторнее, чем снаружи. Директор с похвальной предусмотрительностью вовремя опустил перед дверью силовой защитный барьер, не дав тем самым потенциальным смутьянам проникнуть внутрь. Это позволило также задержать зачинщиков спора, что, впрочем, было не так важно.

Бейли прошел через барьер, открыв его офицерским нейтрализатором. К его удивлению, у Р. Дэниела тоже оказался такой нейтрализатор, только меньших размеров и более аккуратно вы-

полненный, чем обычный полицейский образец.

К ним тотчас же подбежал директор.

— Господа полицейские, продавцов мне прислали городские власти, — начал он громким голосом, — и я не допускал никаких нарушений.

В глубине зала вытянулись в струнку три робота. У самого выхода стояла группа взволнованных женщин.

— Спокойно, пожалуйста, — сказал Бейли сухо. — Что здесь происходит? Что за шум?

— Я хотела купить туфли! — взвизгнула одна из женщин. — Почему меня не может обслужить нормальный продавец? Что, я выгляжу хуже других?

Ее одежда, в особенности шляпка, выглядели достаточно вызывающе, чтобы оставить этот вопрос без ответа. Женщина покраснела от злости, и теперь на ее лице были видны следы обильного грима.

— Если нужно, я сам ее обслужу, — вмешался директор, — но не могу же я заниматься всеми сразу. С моими людьми все в порядке. Они зарегистрированы в качестве продавцов. У меня их свидетельства и гарантийные талоны..

— «Талоны»! — возмутилась женщина и, злобно рассмеявшись, повернулась к остальным

покупательницам. — Подумать только: он называет их людьми! Да в своем ли он уме! Не люди они. Они ро-бо-ты! — Она протянула это слово. — Вам должно быть известно, чем они занимаются. Если нет — я вам скажу. Они отнимают у людей работу. Вот почему правительство защищает их. Хочет проехаться на дармовщинку! А наши семьи пусть живут в бараках и питаются дрожжевой похлебкой! Это мы-то, рабочий люд! Будь я хозяином, мы бы живо покончили со всеми этими роботами. Уж это точно!

Ее вразнобой поддержали остальные; снаружи нарастал гул толпы.

Бейли буквально физически ощущал присутствие стоявшего рядом с ним Р. Дэниела Оливо. Он взглянул ка продавцов. Этих роботов изготовили на Земле, причем это были далеко не самые дорогие модели. Они предназначались для относительно несложной работы: они разбирались в стилях обуви, знали цены и размеры, ориентировались в колебаниях цен на бирже и делали это лучше людей, так как, не извлекая выгода для себя, они могли составлять заказ на следующую неделю и, если нужно, снять мерку с ноги покупателя.

Сами по себе они безобидны. В массе — чрезвы-

чайно опасны.

Сейчас Бейли сочувствовал женщинам гораздо больше, чем мог бы сочувствовать вчера. Нет, даже два часа назад. Он ощущал присутствие Р. Дэниела, и его не покидала мысль о том, что этот высокоорганизованный робот может заменить его, рядового детектива класса С-5. Перед его глазами возникали бараки, он ощущал вкус дрожжевой похлебки, он вспоминал своего отца.

Его отец был ядерным физиком и по своему классу принадлежал к высшему обществу города. На энергостанции произошел несчастный случай, и в этом обвинили его и деклассировали. Бейли не знал всех деталей: ему был всего год, когда это случилось.

Но он помнил бараки своего детства, тяжкое, почти невыносимое существование. Свою мать он почти не помнил: она не долго прожила после этого. Отец хорошо сохранился у него в памяти: изможденный и мрачный человек, который иногда рассказывал о прошлом хриплым, отрывистым голосом.

Отец умер, все еще деклассированный, когда Илайджу исполнилось восемь лет. Маленького Бейли и двух его сестер перевели в сиротский приют их сектора. Так называемый «детский

горизонт». Брат его матери, дядя Борис, был сам слишком беден, чтобы помешать этому.

Жизнь была по-прежнему трудной. Не легче приходилось и в школе, так как он не унаследовал от отца никаких привилегий.

И вот теперь ему приходилось усмирять людей, которые, в сущности, лишь боятся деклассирования, так же как боится его он сам.

Бесцветным голосом он обратился к первой женщине:

— Не надо скандалить, мадам. Продавцы ничего дурного вам не сделали.

— Конечно, не сделали, — взвизгнула женщина, — и сделать не посмеют! Думаете, я позволю их холодным, жирным пальцам коснуться меня? Как бы не так! Я живой человек и желаю иметь дело только с людьми. А потом слушайте, у меня двое детей, и я не хочу, чтобы они ужинали без меня в столовой, как сироты. Выпустите меня отсюда.

— Ну, хватит, — сказал Бейли, начиная терять терпение. — Если бы вы дали себя обслужить, то давно были бы дома. Вам просто хочется поскандалить. Ну, давайте, быстро.

— Как так?! — с испугом воскликнула женщина. — Я не позволю со мной так разговаривать.

Я вам не грязь под ногами. Пора бы правительству смекнуть, что, кроме роботов, на Земле есть люди! Я простая рабочая женщина, и у меня есть права… — Она уже не могла остановиться.

Бейли почувствовал себя в ловушке. Положение становилось критическим. Если бы даже скандалистка согласилась, чтобы ее обслужили, то от толпы снаружи так просто не отделаешься. За те несколько минут, что Бейли находился в магазине, она почти удвоилась, и сейчас у витрин собралось человек сто, не меньше.

— Как обычно поступают в таких случаях? — внезапно обратился к нему Дэниел Оливо.

Бейли едва не подпрыгнул от удивления.

— Во-первых, случай весьма необычный, — начал он.

— Что говорит закон?

— Роботы находятся здесь в соответствии с установленным порядком. Они зарегистрированы, и нарушений закона не допущено.

Они переговаривались шепотом. Бейли напустил на себя важный и грозный вид. Лицо Оливо, как всегда, ничего не выражало.

— В таком случае прикажите женщине дать себя обслужить или уйти, — предложил он.

Бейли слегка скривился.

— Нам придется иметь дело с толпой, а не с женщиной. Надо, видимо, вызвать полицейский патруль.

— Граждане должны беспрекословно повиноваться даже одному представителю закона, — ответил на это Оливо и, повернув к директору свое широкое лицо, сказал: — Откройте силовой барьер, сэр.

Бейли схватил было его за плечо, но вовремя остановился. Открытая ссора между ними лишит их последнего шанса утрясти инцидент мирным путем.

Директор возразил и посмотрел на Бейли. Тот избегал его взгляда.

Р. Дэниел повторил своим бесцветным голосом:

— Я приказываю вам именем закона.

— Городу придется отвечать за порчу товаров и оборудования, — пролепетал хозяин магазина. — Официально заявляю, что делаю я это по вашему приказу.

Защитный барьер опустился, и в зал набилось много народу. Толпа издала победный рев.

Бейли слышал о подобных беспорядках и даже был свидетелем одного из них. Он видел, как десятки рук хватались за тяжелые и покорные тела

роботов, с трудом поднимали их и передавали из рук в руки, разрывая на куски эти металлические подобия людей. В ход шли молотки, силовые ножи, игольчатые пистолеты, и в результате роботы превратились в груду изуродованного металла и запутанных проводов. Дорогостоящий позитронный мозг — венец творения человеческого ума — перебрасывали подобно мячу и в мгновение ока приводили в негодность. Обычно после такого веселого начала толпа принималась крушить и громить все вокруг, пока не насытится ее страсть к разрушению.

Роботы-продавцы, конечно, не могли знать всего этого, но и они при виде хлынувших в магазин людей пронзительно закричали и испуганно прикрыли лица руками, как бы пытаясь спрятаться. А женщина, затеявшая все это и не ожидавшая подобного поворота событий, лишь растерянно бормотала: «Что ж это такое? Что ж это такое?» Ее шляпка сбилась набок, и она лишь издавала какие-то нечленораздельные звуки.

— Остановите их, инспектор. Остановите их! — умолял хозяин.

Тут заговорил Р. Дэниел. Не прилагая видимых усилий, он перекрыл шум множества людских голосов.

«Конечно же, — в десятый раз подумал Бейли, — ведь он не...»

— Еще один шаг вперед, и я открою огонь! — сказал Р. Дэниел.

— Бей его! — крикнул кто-то из самых задних рядов, но на мгновение все застыли на месте.

Р. Дэниел тем временем легко вскочил на стул, а оттуда перебрался на транстексовую витрину. Холодный флуоресцирующий свет, струившийся сквозь полоски тонкой поляризированной молекулярной пленки, падал на его бесстрастное гладкое лицо и придавал ему какой-то неземной вид.

«Неземной, еще бы», — подумал Бейли.

Никто не двигался с места, а Р. Дэниел ждал со спокойным, но грозным видом.

— Вы говорите себе, — решительно произнес Р. Дэниел. — «У него в руке нейтронная плеть или „щекоталка“, и если мы все бросимся на него, то пострадают один или двое, да и те потом придут в себя. А мы тем временем разнесем здесь все, и пусть летят в космос закон и порядок». — Голос его не был ни суровым, ни злым, а авторитетным и уверенным. Он продолжал: — Вы ошибаетесь. У меня бластер, притом весьма мощный. Я им воспользуюсь и не стану целить поверх голов. Пока

вы до меня доберетесь, я поражу многих, а может быть, большинство из вас. Я говорю серьезно.

Где-то в задних рядах произошло движение, но толпа больше не росла. Кое-кто еще останавливался из любопытства, но у дверей толпа значительно поредела. Передние стояли, затаив дыхание и отчаянно стараясь выдержать напор сзади.

Напряженную тишину прервали вопли женщины в шляпке:

— Он убьет нас! Я не виновата! Выпустите меня отсюда! — Она обернулась и оказалась лицом к лицу с плотной стеной набившихся в помещение мужчин и женщин. Она упала на колени.

Движение к выходу усилилось еще больше.

Р. Дэниел соскочил с витрины и сказал:

— Сейчас я пройду к выходу. Я уничтожу любого, кто прикоснется ко мне. Когда я дойду до двери, то застрелю любого, кто сунется не в свое дело. Что касается этой женщины…

— Нет, нет, — раздался ее пронзительный голос, — я уже сказала: я не виновата, мне не нужно никаких туфель! Мне нужно скорее домой…

— Эта женщина, — продолжал Р. Дэниел, — останется здесь, пока ее не обслужат.

Он сделал шаг вперед. Толпа молча смотрела

на него. Бейли закрыл глаза. «Я здесь ни при чем, — думал он в отчаянии. — Сейчас совершится убийство, и произойдет нечто непоправимое..» Но ведь ему навязали в партнеры робота. Роботу дали равные с ним права.

Нет, это не оправдание. Это ясно. Он мог остановить Р. Дэниела в самом начале. Он мог вызвать полицейскую машину раньше. Вместо всего этого он разрешил Дэниелу действовать самостоятельно, а сам почувствовал трусливое облегчение. Когда же он признался себе, что просто-напросто в данной ситуации личность Р. Дэниела взяла верх, то стал противен самому себе. Робот взял верх...

В магазине было тихо — ни криков, ни проклятий, ни стонов, ни жалоб. Он открыл глаза.

Толпа расходилась.

Хозяин магазина понемногу приходил в себя; он поправил сбившийся пиджак, пригладил волосы и посылал угрозы по адресу бунтовщиков.

Снаружи донеслось характерное завывание сирены полицейской машины. «Как всегда, к шапочному разбору», — подумал Бейли.

Хозяин дернул его за рукав:

— Давайте уладим это дело, инспектор.

— Да уж все улажено, — сказал Бейли.

Отделаться от полицейских было нетрудно. Они прибыли, чтобы рассеять собравшуюся на улице толпу. Полицейские не знали, что здесь произошло, а к их приезду улица уже очистилась. Р. Дэниел с безразличным видом отошел в сторону, а Бейли представил им происшедший инцидент как весьма незначительный и совершенно не упомянул об участии в нем Р. Дэниела.

Потом Бейли подвел Р. Дэниела к железобетонной башне какого-то здания.

— Слушайте, — сказал он ему, — я вовсе не стараюсь отбивать у вас хлеб, понятно.

— Отбивать у меня хлеб? Что это значит?

— Я не сообщил о вашем участии. Мне не знакомы все ваши обычаи. В нашем мире положено давать полный отчет, у вас, возможно, это не так. Во всяком случае, беспорядки предотвращены, а это самое главное, не так ли?

— Не совсем. Выслушайте меня… — Вынужденный говорить злым шепотом, Бейли тем не менее старался придать своим словам как можно больше убедительности. — Никогда больше не делайте этого.

— Никогда не настаивать на соблюдении закона? В чем же тогда моя задача?

— Никогда не угрожайте человеку бластером.

— Я бы не выстрелил ни при каких обстоятельствах, Илайдж, и вы это прекрасно знаете. Я не могу причинить вреда человеку. Но, как вы убедились сами, мне и не пришлось стрелять. И я знал, что так и будет.

— Вам просто здорово повезло, что не пришлось стрелять Никогда больше не рискуйте. Я сам мог пустить нм пыль в глаза.

— Пыль в глаза? Зачем?

— Неважно. Поймите суть того, что я вам втолковываю. Я бы и сам мог пригрозить им бластером. Тем более, что он у меня всегда с собой. Однако ни мне, ни вам нельзя ввязываться в подобные авантюры. Гораздо безопаснее вызвать машину, чем проявлять героизм в одиночку.

Р. Дэниел задумался. Он покачал головой.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, Илайдж. Меня информировали о том, что кроме всего прочего, землян, в отличие от жителей Внешних Миров, с детства приучают подчиняться авторитетам. По-видимому, это результат вашего образа жизни. Как вы убедились, одного решительного человека оказалось вполне достаточно. А то, что вы вызвали полицейскую машину, было в действительности лишь выражением вашего почти инстинктивного желания переложить

ответственность на другого. Должен признаться, в нашем мире мой поступок не нашел бы себе оправдания.

Лицо Бейли покраснело от гнева.

— Если бы они узнали, что вы робот…

— Я был уверен, что не узнают.

— Во всяком случае, не забывайте, что вы все-таки робот. Робот, и ничего больше. Просто робот. Как те, что стоят у прилавка.

— Совершенно верно.

— И что вы не человеческое существо. — Бейли никак не мог совладать с охватившей его злостью.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этими словами.

— Разница между человеком и роботом, — наконец сказал он, — вероятно, не так важна, как разница между интеллектом и отсутствием интеллекта.

— Возможно, в вашем мире, — сказал Бейли, — но не на Земле.

Он взглянул на часы и с ужасом убедился, что опаздывает на час с четвертью. У него пересохло в горле при мысли, что Р. Дэниел выиграл первый раунд, выиграл, в то время как он сам оказался совершенно беспомощным.

Он вспомнил об этом юноше, Винсе Бэррете, которого заменил Р. Сэмми. Подумал о себе, Илайдже Бейли, которого может заменить Р. Дэниел. Отца, по крайней мере, выбросили из-за того, что погибли люди. Может быть, отец и был виновен, — Бейли этого не знает. Но с другой стороны, его могли выдворить, чтобы освободить место для физика-робота. Может быть, и так. И тут ничего не поделаешь.

— Пойдемте, — сказал он сухо. — Я должен отвезти вас к себе.

— Понимаете, проводя сравнение, следует исходить лишь из наличия интел… — начал было Р. Дэниел.

Бейли повысил голос:

— Довольно. С этим покончено. Нас ждет Джесси. — И он направился к ближайшей межсекторной переговорной трубке. — Мне надо предупредите ее, что мы сейчас поднимемся.

— Джесси?

— Да, мою жену.

«О боже, — подумал Бейли, — настроение у меня как раз для Джесси!»

Глава IV
Знакомство с семьей детектива

Илайдж Бейли сначала обратил на нее внимание только из-за ее имени. Он познакомился с Джесси у чаши с пуншем во время рождественского вечера их сектора еще в..02 году. Бейли лишь недавно окончил учебу, недавно получил назначение в городскую администрацию и недавно переехал в этот сектор. Он занимал один из альковов для холостяков в общежитии 122 А. Неплохое жилище для холостяков.

— Меня зовут Джесси, — сказала она, угощая его пуншем. — Джесси Наводны. Я с вами не знакома.

— Бейли, — ответил он. — Лайдж Бейли. Я только-только поселился в этом секторе.

Он взял рюмку и вежливо улыбнулся. Ему понравился ее веселый нрав и приветливость, так что он решил держаться к ней поближе. Он никого здесь не знал, а когда не можешь принять участия в общем веселье, тобой поневоле овладевает чувство одиночества. Быть может, потом алкоголь сделает свое дело и станет веселее.

А пока он не отходил от чаши с пуншем и смотрел по сторонам, задумчиво потягивая напиток.

— Я помогала готовить пунш. — Голос девушки вывел его из задумчивости. — Так что рекомендую попробовать еще. Хотите?

Оказалось, что его маленькая рюмка пуста. Он улыбнулся и сказал:

— Да.

Овальное лицо девушки можно было бы назвать красивым, если бы не чуть-чуть великоватый нос. На ней было скромное платье. Ее светло-каштановые волосы колечками падали на лоб.

Она выпила с ним следующую рюмку, и ему стало лучше.

— Джесси… — Он с удовольствием, будто смакуя, произнес ее имя. — Хорошее имя Вы не против, если я буду обращаться к вам по имени?

— Конечно, нет. А вы знаете мое полное имя?

— Джессика?

— Ни за что не догадаетесь.

— Больше я ничего не могу придумать.

Она рассмеялась и сказала лукаво:

— Мое полное имя — Джезебел.

Вот тут-то он по-настоящему заинтересовался ею. Он поставил свою рюмку и сдержанно

сказал:

— Не может быть.

— Честное слово. Я не шучу. Джезебел. Во всех моих бумагах стоит именно это имя. Моим родителям нравилось, что оно такое звучное.

Она явно гордилась своим именем, хотя едва ли во всем мире найдется менее подходящая Джезебел.

— Вы знаете, а меня зовут Илайдж, — серьезно сказал он. — То есть это мое полное имя.

Это не произвело на нее впечатления.

— Илайдж, по библии — Илия, был злейшим врагом Джезебел-Иезавели, — сказал он.

— Правда?

— Конечно.

— Вот как? А я и не знала. До чего интересно!.. Но ведь это же не значит, что в жизни вы тоже должны стать моим врагом.

Это было исключено с самого начала. Сперва благодаря именно такому совпадению она перестала быть для него просто милой разливальщицей пунша. А потом оказалось, что она и жизнерадостна, и добра, и, наконец, даже миловидна. Особенно ему пришелся по душе ее веселый нрав. Его собственный скептицизм нуждался в противоядии.

А Джесси, по видимому, ничего не имела против его серьезного, вытянутого лица.

— О боже, — говорила она, — а вдруг ты и в самом деле ужасно нудный? Нет, не может быть. И вообще, если бы ты вечно улыбался, как заводной, вроде меня, на двоих этого было бы слишком много. Оставайся самим собой, Лайдж, и не давай мне слишком отрываться от земли.

Она же помогала Лайджу Бейли держаться на поверхности. Он подал заявление на небольшую квартиру для новобрачных и получил разрешение въехать в нее после женитьбы. Он показал ей ордер и сказал:

— Хочешь устроить так, чтобы я выехал из общежития, Джесси? Мне там не нравится.

Это было далеко не самое романтическое предложение в мире, но Джесси оно пришлось по душе.

Бейли припоминает только один случай, когда присущая Джесси веселость начисто изменила ей, и это тоже было связано с ее именем. Это произошло на первом году их совместной жизни, еще до рождения ребенка. «Быть может, — вспоминал Бейли, — она стала такой раздражительной потому что ждала Бентли?»

У нее портилось настроение оттого, что Бейли

постоянно задерживался на работе.

— Мне неудобно каждый вечер ходить одной в столовую, — сказала однажды она ему.

Бейли устал и был не в духе.

— С чего бы это? — сказал он. — Там ведь немало интересных холостяков.

Тут уж она вскипела:

— Уж не думаешь ли ты, что я неспособна нравиться мужчинам, Лайдж Бейли?

Возможно, это случилось только потому, что он устал; возможно, потому что его соученик Джулиус Эндерби обошел его еще на одну ступеньку на служебной лестнице. А может быть, ему просто надоело смотреть, как она подделывается под свое имя, хотя у нее нет ни малейшего сходства с Иезавелью.

Во всяком случае, он едко заметил:

— Конечно, способна, но вряд ли станешь это делать. И вообще, забудь-ка ты свое имя и оставайся сама собой.

— Это уж мое дело.

— Это ни к чему не приведет. И если хочешь знать, она вовсе не была такой, как ты думаешь. Библейская Джезебел старалась быть верной и хорошей женой и вообще не позволяла себе лишнего.

Джесси сердито посмотрела на него:

— Ничего подобного. О ней говорят «нарумяненная Джезебел». Я знаю, что это значит.

— Тебе это только кажется. Вот послушай. Когда муж Иезавели, царь Ахав, умер, царем стал ее сын. Один из его военачальников восстал против него, убил его и отправился в Израиль, где жила старая царица. Она узнала об этом и поняла, что он хочет убить ее тоже. В своей гордыне и отваге она нарумянила лицо и оделась в свои лучшие одежды, чтобы встретить его как подобает надменной и непокорной царице. Он приказал выбросить ее из окна дворца, и она погибла; по-моему, они умерла достойно. Именно это и имеют в виду люди, когда говорят «нарумяненная Джезебел», — знают ее историю или нет.

На следующий вечер Джесси негромко сказала:

— Я читала библию, Лайдж.

— Что? — Бейли даже не сразу понял, о чем идет речь.

— Те места, где говорится о Джезебел.

— О Джесси! Извини, если я тебя обидел. Я поступил, как мальчишка.

— Нет, нет. — Она не дала ему обнять себя и со строгим видом села на кушетку поодаль от

него. — Я теперь знаю всю правду и не желаю, чтобы меня дурачили. Поэтому я и прочитала о ней. Все-таки она были испорченной женщиной, Лайдж.

— Понимаешь, эти главы написаны ее недругом. Мы не знаем ее версии.

— Она убила всех пророков Господа, какие попались ей в руки.

— Ей это приписывают. — Бейли полез в карман за жевательной резинкой. (Несколько лет спустя он оставил эту привычку, потому что Джесси сказала, что с его длинным лицом и грустными карими глазами он напоминает старую корову, жующую неприятную жвачку, которую она не может проглотить, но и не хочет выплюнуть.) — А если хочешь знать ее версию, то я могу кое-что тебе рассказать Она уважала религию своих предков, которые жили на этой земле еще задолго до прихода иудеев. У иудеев был свой бог, больше того — это был особый, единственный бог. Они хотели, чтобы ему поклонялись все без исключения.

Джезебел была консервативной по натуре и придерживалась старой веры. В конце концов, если новая вера отличалась более высокой моралью, старая приносила ей большее эмо-

циональное удовлетворение. Тот факт, что она истребила пророков, лишь подтверждает, что она была детищем своего времени. В те дни именно таким способом и обращали в свою веру. Если ты читала «Книгу царств», то должна помнить, что Илия — по нашему Илайдж (на этот раз мой тезка) — состязался с восьмьюстами пятьюдесятью пророками Ваала в том, кто сумеет вызвать небесный огонь. Илайдж победил и тут же приказал толпе убить восемьсот пятьдесят ваалитов. Что и было сделано.

Джесси прикусила губу.

— Как насчет виноградника Навуфея, Лайдж? Жил себе этот Навуфей, никого не трогал, а лишь отказался продать царю свой виноградник. Тогда Джезебел устроила так, что люди нарушили клятву и обвинили Навуфея в богохульстве или еще в чем-то.

— Кажется, он «хулил бога и царя», — заметил Бейли.

— Да. Поэтому его казнили и конфисковали его имущество.

— Они поступили несправедливо. В наше время с Навуфеем было бы легко справиться. Если бы городу понадобилась его собственность, и даже если бы это случилось в медиевальные времена,

и суд приказал бы ему освободить ее, то применил бы силу и уплатил бы ему разумную сумму. У царя Ахава не было другого выхода. И все же решение Джезебел было неверным. Ее единственное оправдание в том, что Ахав был тогда ужасно расстроен, и ей казалось, что ее любовь к мужу важнее благополучия Навуфея. Так вот я и говорю, она было образцом преданной же..

Джесси рванулась от него, раскрасневшаяся и рассерженная.

— Ты просто низкий и вредный человек.

Он посмотрел на нее в полном недоумении:

— Что я такого сделал? Что с тобой?

Она ушла, не сказав ни слова, и весь вечер до поздней ночи провела в субэтерных видеозалах, в раздражении переходя из зала в зал и расходуя свою двухмесячную норму (а кстати, и норму мужа).

Когда Джесси вернулась домой, Бейли все еще не спал, но она не стала с ним разговаривать.

Позднее, гораздо позднее, Бейли сообразил, что он нанес ей сокрушительный удар. Ей прежде казалось, что ее имя таит в себе что-то интригующе порочное. Оно было как бы приятным вознаграждением за ее чопорное, слишком уж респектабельное прошлое. Оно несло в себе аро-

мат безнравственности, и Джесси его обожала.

Но этому пришел конец. Она больше никогда не называла себя полным именем ни Лайджу, ни своим друзьям, ни, как он догадывался, даже самой себе. Ее звали Джесси, и она стала подписываться этим именем.

Через несколько дней она снова начала разговаривать с ним, а неделю спустя между ними установились прежние отношения. И как бы они потом ни ссорились, они никогда не касались этого больного места.

Только однажды, да и то косвенным образом, об этом зашла речь. Джесси скоро должна была стать матерью. Она оставила свое место помощника диетолога в столовой А-23 их сектора и от вынужденного безделья развлекалась тем, что занималась приготовлениями к рождению ребенка.

Как-то вечером она сказала:

— А как насчет Бентли?

— Прости, дорогая, не понял? — Бейли оторвался от работы, которую взял на дом. (Если учесть, что скоро появится еще один рот, и что Джесси перестала получать жалованье, и что перспектива его выдвижения на административный пост остается, как всегда, неопределенной, лишняя

работа на дому не помешает.)

— Ну, если ребенок окажется мальчиком… Тебе нравится имя «Бентли»?

Бейли скорчил недовольную мину:

— Бентли Бейли? Не слишком ли похоже друг на друга?

— Не думаю. Мне кажется, в нем что-то есть. И потом, мальчик, когда подрастет, подберет себе второе имя на свой вкус.

— Ну что ж, я не возражаю.

— Ты серьезно? То есть… Может, ты хочешь, чтоб его звали Илайдж?

— Илайдж-младший? По моему, это не очень удачная мысль. Если захочет, он может назвать так своего сына.

— Дело вот в чем. — начала Джесси и остановилась.

После короткой паузы он спросил:

— В чем?

Она словно избегала его взгляда, но все же достаточно твердо сказала:

— «Бентли» ведь не библейское имя, верно?

— Нет, не библейское, — ответил Бейли. — Я в этом вполне уверен.

— Тогда прекрасно. Хватит с меня всяких библейских имен.

Они больше никогда к этому не возвращались с того самого времени и до дня, когда Илайдж Бейли появился дома с роботом Дэниелем Оливо.

Бейли остановился у большой двойной двери, на которой светилась крупная надпись: «ТУАЛЕТНЫЙ БЛОК — МУЖЧИНЫ». Буквами поменьше было написано: «Секции 1А—1Е». А над замочной скважиной мелкая надпись: «В случае потери ключа немедленно сообщите по № 27-101-51».

Мимо них проскользнул мужчина, вставил в замочную скважину алюминиевую пластинку и вошел внутрь. Он закрыл за собой дверь, даже не сделав попытки придержать ее для Бейли. Поступи он иначе, Бейли воспринял бы это как серьезное оскорбление. По прочной традиции мужчины совершенно игнорировали присутствие друг друга внутри или в непосредственной близости от туалетных.

Джесси как-то сказала, что в женских туалетах дело обстоит совсем по-другому.

Она, бывало, говорит. «Встретила в туалетной Джозефину Грили, а та и говорит…»

Один из недостатков прогресса проявился в том, что, когда семья Бейли получила разрешение на установку небольшого умывальника в своей

спальне, от этого пострадала светская жизнь Джесси.

Бейли сказал, не сумев скрыть смущения:

— Пожалуйста, подождите здесь, Дэниел.

— Вы будете умываться? — спросил Р. Дэниел.

Бейли недовольно поежился и подумал: «Чертов робот! Уж если его напичкали сведениями о нашем стальном колпаке, то почему не научили манерам? Ведь мне отвечать, если он обратится к кому-нибудь с чем-то подобным».

— Я приму душ, — сказал он. — Вечером будет слишком много народу. Я только потеряю время. Если я сделаю это сейчас, весь вечер у меня будет свободен.

Лицо Р. Дэниела не меняло своего спокойного выражения.

— По вашим обычаям, я должен ждать снаружи?

Бейли смутился еще больше.

— Но ведь вам там нечего делать..

— О, я вас понял. Да, конечно. Однако, Илайдж, мои руки тоже становятся грязными, и я хочу вымыть их.

Он протянул ему руки ладонями кверху. Они были розоватого цвета, полные, совсем как у человека. Они могли служить образцом безупреч-

ного и тонкого мастерства и были чистыми ровно настолько, насколько необходимо.

— Между прочим, у нас дома есть умывальник, — заметил Бейли небрежно. Снобизм все равно не дойдет до робота.

— Благодарю вас за любезность. Но все-таки я предпочел бы воспользоваться этим местом. Поскольку мне предстоит жить среди вас, жителей Земли, будет лучше, если я усвою как можно больше ваших обычаев и привычек.

— Тогда пойдемте.

Внутри было светло и радостно, в отличие от серого утилитаризма большинства других частей города, но сейчас Бейли не обратил на это внимания.

Он прошептал Р. Дэниелу;

— Я провожусь около получаса. Подождите меня. — Он отошел, но затем вернулся и добавил: — Слушайте, ни с кем не разговаривайте и ни на кого не смотрите. Ни слова, ни взгляда! Таков обычай.

Бейли быстро огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не заметил этот короткий монолог и что на него не устремлены шокированные взгляды. К счастью, в вестибюле никого не было, и потом, это же только вестибюль, в конце концов.

Испытывая какое-то неприятное чувство, он быстро прошел мимо общих залов к индивидуальным кабинам. Прошло уже пять лет с тех пор, как он пользуется этим благом — просторной комнатой с душем, небольшой прачечной и другими удобствами. Здесь даже есть небольшой проектор, который можно настроить на передачу киноновостей.

— Дом вне дома, — пошутил он, когда впервые увидел эту кабину.

Сейчас он часто задумывался, трудно ли было бы ему вновь привыкнуть к спартанским условиям общих залов, если бы вдруг он лишился привилегии пользоваться кабиной.

Он нажал кнопку прачечной, и гладкая поверхность счетчика засветилась.

Р. Дэниел терпеливо ждал, когда Бейли возвратился чисто вымытый и в свежей сорочке; сейчас он чувствовал себя гораздо бодрее.

— Все в порядке? — спросил Бейли, как только они вышли наружу и уже могли разговаривать.

— В полном порядке, Илайдж, — ответил Р. Дэниел.

«Джесси встретила их у дверей, натянуто улыбаясь. Бейли поцеловал ее и неуверенно произнес;

— Джесси, это мой новый напарник — Дэниел

Оливо.

Джесси протянула руку, и Р. Дэниел подержал ее и отпустил. Затем она повернулась к мужу и, робко взглянув на Дэниела, сказала;

— Присядьте, пожалуйста, мистер Оливо. Мне нужно поговорить с мужем о семейных делах. Это займет не больше минуты. Надеюсь, вы не обидитесь?

Она потянула Бейли за рукав в соседнюю комнату.

— Ты не пострадал, Лайдж? — прошептала она торопливо. — Я так волновалась после этого ужасного сообщения…

— Какого сообщения?

— По радио, час назад. О скандале в обувном магазине. Передавали, что два детектива их утихомирили. Я знала, что ты идешь домой со своим напарником, а это произошло совсем рядом с нами и как раз в то время, когда ты должен был там проходить, и я подумала, что все гораздо серьезнее, чем сообщили, и что…

— Успокойся, Джесси. Ты же видишь, я в полном порядке.

Ей с трудом удалось овладеть собой, и она спросила, все еще нервничая:

— А он из твоего отдела?

— Нет, — ответил Бейли, смутившись. — Он., не из наших.

— Как его принимать?

— Да как всех. Он — мой напарник, вот и все.

Он сказал это так нерешительно, что Джесси насторожилась снова.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет же. Хватит, пойдем в гостиную, а то неудобно.

Лайдж Бейли испытывал сейчас какую-то неуверенность относительно своей квартиры. До самого последнего времени он был вполне ею доволен.

Сейчас же, когда гостем Бейли было существо из Внешних Миров, он вдруг засомневался. Квартира казалась ему тесной и неуютной.

— Лайдж, вы с мистером Оливо, наверно, здорово проголодались? — с наигранной веселостью спросила Джесси.

— Между прочим, — поспешно ответил Бейли, — Дэниел не будет с нами питаться. А я бы перекусить не отказался.

Джесси спокойно восприняла это известие.

При нынешнем жестком контроле над распределением продуктов отказаться от угощения в чужом доме не считалось дурным тоном.

— Надеюсь, вы нас извините, мистер Оливо. Мы с мужем и сыном Бентли обычно ходим обедать в столовую. Это и удобнее, да и выбор лучше, и, между нами, порции там побольше, чем дома. Кстати, нам с Лайджем разрешили трижды в неделю питаться дома, если мы захотим, конечно. Лайдж на хорошем счету у себя на работе, и у нас очень прочное положение. Так вот, я подумала, что, если бы вы к нам присоединились, мы бы могли немного попировать дома, хотя, признаюсь, я не одобряю тех, кто злоупотребляет своими личными привилегиями. Это просто антиобщественно.

Р. Дэниел вежливо слушал.

Бейли незаметно подавал ей знаки, чтобы она замолчала.

— Джесси, я проголодался, — сказал он.

— Нарушу ли я ваш обычай, миссис Бейли, — обратился Р. Дэниел к Джесси, — если буду называть вас по имени?

— Что вы, конечно, нет. — Джесси опустила скрытый в стене обеденный стол и к углублению в его крышке подключила подогреватель тарелок. — Пожалуйста, э-э… Дэниел, не смущайтесь: зовите меня просто Джесси. — Она захихикала.

Бейли был вне себя от гнева. Положение стано-

вилось все нелепей. Джесси принимает Р. Дэниела за человека. Он, конечно, будет темой для болтовни в женской туалетной. К тому же лицо у него по своему интересное, и Джесси польстила его вежливость. Это сразу видно.

„Интересно, — подумал Бейли, — какое впечатление на Р. Дэниела произвела Джесси?“ За восемнадцать лет, что они женаты, она почти не изменилась, так, по крайней мере, казалось ему. Конечно, она пополнела немного, и ее движения утратили девическую порывистость. В уголках рта появились складки, а щеки потеряли былую свежесть. Прическа стала более строгой, а волосы потемнели.

„А впрочем, — мрачно размышлял Бейли, — все это ерунда. На Внешних Мирах женщины выше ростом и такие же стройные и горделивые, как мужчины. Во всяком случае, такими изображают их в кинофильмах, и Р. Дэниел, привык, видимо, именно к такому типу женщин“.

Как бы то ни было, Р. Дэниел совершенно спокойно отнесся к болтовне Джесси, ее внешности и к тому, что она назвала его по имени.

— Вы уверены, что это правильно? Ведь „Джесси“ — это, видимо, уменьшительное имя, и так вас, наверное, зовут только близкие вам люди.

Быть может, мне надлежит называть вас полным именем?

Джесси вдруг чересчур сосредоточенно стала вскрывать упаковку их обеденного пайка.

— Ничего, — сказала она отрывисто. — Меня все так зовут. Другого имени у меня нет.

— Очень хорошо, Джесси.

Открылась дверь, и в комнату осторожно вошел мальчик. Его взгляд почти сразу остановился на Р. Дэниеле.

— Папа?»— сказал мальчик неуверенно.

— Это мой сын Бентли, — негромко сказал Бейли. — Это мистер Оливо, Бен.

— Он твой напарник, да, пап? Здравствуйте, мистер Оливо. — Глаза его заблестели от возбуждения. — Слушай, пап, а что произошло в магазине? По радио говорили.

— Сейчас никаких вопросов, Бен! — резко прервал его отец.

Лицо Бентли вытянулось от огорчения, и он посмотрел на Джесси, которая молча указала ему на стул.

— Ты сделал все, что я велела, Бентли? — спросила Джесси, когда мальчик сел за стол.

Она погладила его по голове. У него были такие же темные волосы, как у отца, и роста он будет

отцовского, все же остальное у него от нее. То же овальное лицо, карие глаза, тот же беспечный нрав.

— Конечно, мама, — ответил Бентли и подался немного вперед, чтобы разглядеть, что было в накрытом крышкой блюде, из которого уже поднимался пахучий пар. — Что у нас на обед? Опять зимовил, а, мам?

— А чем плох зимовил? — ответила Джесси и сердито поджала губы. — Ты будешь есть то, что тебе дадут, и, пожалуйста, без разговоров.

Было совершенно ясно, чем их будут кормить. Бейли занял свое место за столом. Он тоже съел бы что-нибудь другое вместо зимовил а с его резким запахом и неприятным привкусом. Но у них с Джесси уже был разговор на эту тему.

— Нет, я не могу этого делать, Лайдж, — объясняла она ему. — Я верчусь здесь целый день и не хочу наживать себе врагов. Все наши соседи знают, что я работала помощником диетолога, и стоит мне теперь раз в неделю брать на дом бифштекс или курицу, так начинаются лишние разговоры. Тем более, что многие из наших соседей не имеют права питаться дома даже по воскресеньям. Между прочим, зимовил и протовег не так уж плохи. Это очень питательные

вещества и полностью усваиваются организмом. К тому же в них много витаминов и минеральных солей, да и всего остального, что необходимо человеку. А курицу мы можем есть каждый вторник в столовой.

Бейли легко сдался. Джесси права: самое главное в жизни — избегать трений с людьми, которые со всех сторон окружают тебя. Убедить в этом Бентли было несколько трудней.

— Слушай, мам, — сказал он по этому поводу, — а можно мне одному пойти в столовую по папиному талону? Можно, а, мам?

Джесси раздраженно покачала головой и ответила:

— Ты меня удивляешь, Бентли. Что скажут люди, если увидят, что ты ешь, будто у тебя нет ни семьи, ни дома?

— А ну их, это их не касается.

— Не смей спорить с мамой, Бентли, — вмешался отец с нотками раздражения в голосе.

Бентли грустно пожал плечами и замолк. В это время с другого конца комнаты донесся голос Р. Дэниела:

— Можно мне посмотреть эти книгофильмы, пока вы едите?

— Конечно! — воскликнул Бентли, вскочив со

стула, и его лицо засветилось от интереса. — Это мои книги. Я взял их в библиотеке по специальному разрешению из школы. Сейчас я вам дам фильмоскоп. Он довольно хороший. Папа подарил мне его в прошлом году в день рождения.

Он принес фильмоскоп и спросил:

— Вы интересуетесь роботами, мистер Оливо?

У Бейли из рук выпала ложка, и он наклонился за ней.

— Да, Бентли. Очень интересуюсь.

— Тогда вам понравится. Здесь все о роботах. Я готовлюсь к сочинению на эту тему. А тема довольно сложная, — добавил он солидно. — Я, лично, против роботов.

— Сядь на место, Бентли, — не выдержал Бейли, — и не мешай мистеру Оливо.

— Он мне совершенно не мешает, Илайдж. Я бы очень хотел поговорить с тобой на эту тему, Бентли. К сожалению, сегодня вечером мы с твоим отцом будем очень заняты.

— Спасибо, мистер Оливо.

Бентли уселся за стол и, бросив на мать недовольный взгляд, ковырнул вилкой розовый, рыхлый кусок зимовила.

«Заняты сегодня вечером?» — подумал Бейли.

И тут он вспомнил о своем задании. Он с от-

вращением подумал о том, что в Космотауне лежит труп космонита и что, занятый своими собственными делами, он начисто позабыл о совершенном убийстве.

Глава V Анализ убийства

Джесси попрощалась с ними. На ней была вечерняя шляпка и жакет из кератофибра.

— Извините меня, пожалуйста, мистер Оливо, — обратилась она к Р. Дэниелу, — но я знаю, что вам с мужем надо о многом поговорить.

Открыв дверь, она подтолкнула сына вперед.

— Джесси, когда вы вернетесь? — окликнул ее Бейли.

Она помолчала.

— А когда нужно вернуться?

— Да как сказать... Допоздна не задерживайся. Приходи, как обычно, не позже двенадцати.

Он вопросительно взглянул на Р. Дэниела. Тот кивнул:

— Извините, что я выживаю вас из дому.

— Ничего подобного, мистер Оливо. Вы вовсе меня не выживаете Я всегда провожу этот вечер с подругами. Пошли, Бен.

Но мальчик заартачился.

— Мне-то зачем уходить? Я не буду мешать. Правда!

— Перестань, Бен.

— Тогда почему мне нельзя пойти с вами в этерекс?

— Потому что я иду со своими друзьями, а у тебя есть другие дела…

Дверь закрылась за ними.

И вот теперь наступил тот момент, который Бейли все старался оттянуть. Вначале он думал: «Сперва познакомлюсь с роботом, посмотрю, что это такое». Потом решил: «Поговорю лучше с ним дома», а дома подумал: «Надо сперва поесть».

Теперь все это позади, и откладывать больше нельзя. Он наконец оказался лицом к лицу с проблемами убийства, межпланетных отношений, возможного повышения по службе или столь же вероятного позора, Но начать расследование он мог, лишь обратившись за помощью к роботу.

Задумавшись, он отбивал ногтями дробь по крышке стола, который не убрали в углубление в стене.

Р. Дэниел прервал молчание:

— Вы уверены, что нас здесь не подслушивают?

Бейли взглянул на него с удивлением.

— Никому в голову не придет подслушивать разговоры в чужой квартире.

— То есть у вас это не принято?

— Конечно, нет, Дэниел. Это все равно, что, ну, скажем, заглядывать в чужую тарелку.

— Или же совершить убийство?

— Что?

— Убивать у вас тоже не принято, так ведь, Илайдж?

Бейли начинал злиться.

— Слушайте, если хотите быть моим партнером, не напускайте на себя космонитскую спесь. Вам это не под стать, Р. Дэниел. — Он подчеркнуто произнес «Р. Дэниел».

— Простите, если я вас обидел, Илайдж. Я лишь хотел указать, что, поскольку люди вопреки их обычаям способны совершить убийство, они тем более могут заниматься подслушиванием.

— Квартира хорошо изолирована, — ответил Бейли, все еще хмурясь. — Вы ведь не слышите, что происходит у соседей слева и справа он нас? Вот и они нас не слышат. Кроме того, откуда им знать, чем мы собираемся заниматься?

— По-моему, не следует недооценивать противника.

Бейли пожал плечами.

— А по-моему, пора приступать к делу. Я располагаю весьма отрывочными сведениями и могу без труда выложить все, что знаю. Мне известно, что человек, по имени Рой Немменни Сартон, гражданин планеты Аврора, житель Космотауна, был убит неизвестным лицом или лицами. Насколько я знаю, космониты не считают это случайным убийством. Я прав?

— Вы совершенно правы, Илайдж.

— Они связывают это с недавними попытками саботировать предложенный космонитами план превращения нас в единое общество людей и роботов, наподобие цивилизаций, существующих на Внешних Мирах, и полагают, что убийство было осуществлено хорошо организованной террористической группой.

— Да.

— Отлично. Тогда для начала предположим, что космониты ошибаются. Почему убийство не может быть делом рук какого-нибудь одинокого фанатика? На Земле некоторые недовольны роботами, однако нет ни одной партии, которая бы проповедовала насилие подобного рода.

— В открытую — возможно, и нет.

— Даже подпольная организация, цель которой — уничтожение роботов и роботехники, — не по-

шла бы на такой рискованный шаг, как убийство космонита.

Вероятнее всего, это поступок неуравновешенного человека.

Р. Дэниел внимательно слушал.

— «Фанатическая» версия кажется мне маловероятной, — сказал он. — Жертва выбрана тщательно, время для убийства тоже. Ясно, что все было заранее подготовлено организованной группой.

— В таком случае, вам известно больше, чем мне, и незачем играть в прятки!

— Я не знаю такого выражения, но смысл его, кажется, понял. Рассмотрим общую ситуацию. По нашему мнению, отношения между Космотауном и Землей складываются неудовлетворительно.

— Хуже некуда, — проворчал Бейли.

— Мне известно, что при основании Космотауна подразумевалось, что земляне создадут у себя объединенное общество, так хорошо зарекомендовавшее себя на Внешних Мирах. Поэтому нам казалось, что первые вспышки недовольства — это всего лишь проявление страха землян перед чем-то новым, непривычным… Однако, — продолжал Р. Дэниел, — время показало, что это не так. Несмотря на полное содействие Всеземного

Правительства и правительств большинства городов, мы наталкивались на постоянное сопротивление, и добиться нам удалось немногого. Естественно, нас беспокоит положение на Земле.

— Из чистого альтруизма, я полагаю, — вставил Бейли.

— Не совсем, — ответил Р. Дэниел. — Хотя очень любезно, что вы так хорошо о нас думаете. По нашему убеждению, здоровая и обновленная Земля принесет пользу всей Галактике, по крайней мере, таково мнение жителей Космотауна. Должен, однако, признать, что на Внешних Мирах имеются силы, противостоящие этому.

— Как? Разногласия среди космонитов?

— Разумеется. Кое-кто считает, что обновленная Земля станет опасней и агрессивней. Эту точку зрения разделяют те миры, которые расположены ближе к Земле и где еще хорошо помнят первые несколько столетий межпланетных путешествий, когда они находились в политической и экономической зависимости от Земли.

— Старая песня, — вздохнул Бейли. — Неужто их это в самом деле беспокоит? И когда им надоест попрекать нас тем, что произошло тысячу лет назад?

— Люди устроены по-особому, — заметил

Р. Дэниел. — Во многом они не столь разумны, как мы, роботы, поскольку их цепи в меньшей степени запрограммированы. Говорят, что это имеет свои преимущества.

— Может, и имеет, — ответил Бейли сухо.

— Вам лучше знать, — продолжал Р. Дэниел. — Как бы то ни было, наши постоянные неудачи на Земле сплотили ряды противников сближения с вами. Они утверждают, что земляне отличаются от космонитов и поэтому не могут усвоить традиции последних. И если навязать им роботов, говорят они, Галактика окажется в опасности. Они постоянно помнят о том, что население Земли насчитывает восемь миллиардов человек, тогда как число обитателей всех пятидесяти Внешних Миров не превышает пяти с половиной миллиардов. Жители Космотауна, в особенности доктор Сартон…

— Так он был ученым?

— Он был доктором социологии, специализировался в роботехнике. Весьма талантливый человек.

— Ясно. Продолжайте.

— Так вот, доктор Сартон и его сторонники опасались, что наши постоянные неудачи положат конец развитию Космотауна и всему, что с ним

связано. Он пришел к выводу, что пора, наконец, постараться понять психологию землян. Говорить об их внутреннем консерватизме, повторять избитые фразы о «неменяющейся Земле» или о «непостижимом уме» землян — значит лишь уклоняться от решения проблемы.

Доктор Сартон считал, что это говорит наше невежество и что ни присказками, ни снотворным от землян не отделаться Те космониты, говорил он, которые поставили задачу переделать Землю, должны отказаться от изоляции Космотауна и смешаться с землянами. Они должны жить как земляне, думать, как думают те, быть, как они.

— Космониты? Но это же невозможно! — воскликнул Бейли.

— Вы совершенно правы, — согласился с ним Дэниел. — Несмотря на эту теорию, сам доктор Сартон был не в силах поселиться в городе, и он знал это. Он бы не вынес его громадных размеров и такого скопления людей. Даже если бы под угрозой оружия его и вынудили жить среди вас, внешняя среда так довлела бы над ним, что он никогда бы не проник в сокровенные тайны, которых искал..

— Не забывайте, как космониты трясутся над

своим здоровьем, — прервал его Бейли. — Из-за одного этого они побоятся поселиться у нас.

— И это тоже. Внешние миры не знают, что такое болезнь в земном смысле. А неизвестность всегда пугает. Доктор Сартон понимал все это и тем не менее настаивал на глубоком изучении землян и их образа жизни.

— Похоже, что он сам загнал себя в угол.

— Не совсем, Все эти трудности касаются лишь людей-космонитов. Роботы — совсем другое дело.

«Дьявольщина, все время забываю, что он робот», — подумал Бейли, а вслух сказал:

— Вот как?

— Да, — ответил Р. Дэниел. — Мы, естественно, более гибки. По крайней мере, в этом отношении. Нас легче приспособить к жизни на Земле. Если внешне робот будет исключительно точной копией человека, земляне примут его и позволят ближе изучить свою жизнь.

— И вот вы… — осенило вдруг Бейли.

— …и есть такой робот, — подхватил Дэниел. — Целый год доктор Сартон разрабатывал проект и конструкцию новых роботов. Я первый и пока лишь единственный экземпляр. К сожалению, мое образование еще не закончено, так как из-за

убийства доктора Сартона меня решили использовать раньше намеченного срока.

— Значит, не все ваши роботы такие, как вы? То есть они все-таки больше походят на роботов, чем на людей?

— Разумеется. Внешний вид робота зависит от его назначения. Именно поэтому я и являюсь точным подобием человека. Другие роботы отличаются от меня, хотя все они имеют человеческий облик. И, уж конечно, они выглядят лучше, чем те невероятно примитивные модели, которые мы встретили в магазине. Неужели все ваши роботы такие?

— Более или менее, — ответил Бейли. — Вам это не нравится?

— Конечно, нет, — сказал Р. Дэниел. — Трудно заставить людей поверить в ум робота, пока внешне он лишь грубая пародия на человека. Разве ваши заводы не могут выпускать лучшие образцы?

— Я уверен, что могут, Дэниел. Но мы предпочитаем знать, когда имеем дело с роботом, а когда нет.

Бейли смотрел роботу прямо в глаза. Они были ясными и влажными, как у человека, однако Бейли показалось, что взгляд их был слишком

упорным и малоподвижным, в отличие от живого человеческого взгляда.

— Надеюсь, что со временем пойму эту точку зрения, — спокойно сказал Р. Дэниел.

Какое-то мгновение Бейли казалось, что он уловил сарказм в его словах, но тут же отбросил эту нелепую мысль.

— Во всяком случае, — продолжал Р. Дэниел, — доктор Сартон ясно себе представлял, что это одна из проблем C/Fe.

— Це-Фе? Что это такое?

— Химические символы, обозначают элементы углерода и железа, Илайдж. Углерод составляет основу человеческой жизни, а железо — жизни робота. Поэтому символами C/Fe легко обозначить культуру, сочетающую в себе лучшие качества обоих на равной, но параллельной основе.

— Це-Феррум… Это пишется через черточку или как?

— Нет, Илайдж. Между символами принято проводить диагональную линию. Тем самым предпочтение не отдается ни тому, ни другому, но подчеркивается слияние обоих.

Бейли вдруг спохватился, что с интересом слушает робота. Программа обязательного образования на Земле почти не дает знаний по

истории и социологии Внешних Миров после Великого Восстания, давшего им независимость. К тому же дешевые книгофильмы создали свою галерею образов пришельцев из Внешних Миров: промышленного магната, желчного и эксцентричного; его прекрасной наследницы, как правило пораженной чарами одного из землян и находящей утешение от всех невзгод в любви; надменного соперника-космонита, злобного и глупого неудачника. Эти романы приносят один только вред, потому что в них искажаются самые очевидные факты. Всем известно, что космониты никогда не появляются в городах и покуда на Земле еще не высадилась ни одна представительница Внешних Миров.

Впервые в своей жизни Бейли почувствовал какое-то странное любопытство. Как же все-таки живут космониты?

С трудом он заставил себя вернуться к тому, что занимало сейчас обоих.

— Кажется, до меня дошло, куда вы клоните, — обратился он к Р. Дэниелу. — Ваш доктор Сартон подошел к проблеме создания на Земле цивилизации C/Fe с новой и обнадеживающей позиции. Наши консерваторы, они еще называют себя медиевистами, забеспокоились. Они перепу-

гались, что ему это удастся. Вот они и убили его. Отсюда и ваша версия об организации заговора, а не случайном убийстве. Верно?

— Приблизительно так, Илайдж.

Бейли задумчиво и негромко присвистнул. Его длинные пальцы слегка барабанили по столу.

— Шито белыми нитками, — покачал он головой.

— Простите, я вас не понял.

— Я пытаюсь представить себе картину убийства. Один из наших идет в Космотаун, находит Сартона, уничтожает его и уходит. Не получается! Ведь вход в Космотаун охраняется.

Р. Дэниел кивнул.

— Я думаю, будет вернее сказать, что в Космотаун невозможно проникнуть через вход незамеченным, — заметил он.

— В таком случае, куда годится ваша теория?

Она бы не годилась, если в Космотаун из Нью-Йорка можно было проникнуть только через вход.

Бейли задумчиво посмотрел на своего партнера.

— Не понимаю, — наконец сказал он. — Пока что в Космотаун иного пути нет.

— Пути, который соединяет оба города напря-

мую, — заметил Р. Дэниел и замолчал. — Все еще не понятно?

— Увы, нет.

— Тогда, если вы не обидитесь, я постараюсь объяснить. Не дадите ли вы мне лист бумаги и графер? Благодарю вас. Смотрите, партнер Илайдж. Вот я изобразил большой круг. Это Нью-Йорк. Круг поменьше — Космотаун. А в точке их соприкосновения я начертил стрелку. Это — вход. Вы и теперь не видите никакого другого пути? — снова спросил Р. Дэниел.

— Не вижу. Другого пути нет.

— В каком-то смысле я рад, что вы так сказали, — начал Р. Дэниел. — Это совпадает с тем, чему меня учили о земном мышлении. Барьер и проход в нем — единственная прямая связь между городами. Но ведь и Нью-Йорк и Космотаун стоят на открытом пространстве. Кто-нибудь из землян мог свободно покинуть город, пересечь открытое пространство и беспрепятственно проникнуть в Космотаун.

Бейли облизал пересохшие губы и переспросил:

— Пересечь открытое пространство?

— Да.

— Пересечь открытое пространство! В оди-

ночку?

— Почему бы и нет?

— Пешком?

— Несомненно. Так меньше всего опасности быть замеченным. Убийство произошло в начале рабочего дня, поэтому переход был осуществлен до рассвета.

— Невероятно! В городе не найдется человека, способного на это. Уйти из города? В одиночку?

— В обычных условиях, возможно, и не нашлось бы. Согласен. Мы, космониты, это знаем. Поэтому охраняется только вход. Даже во время Барьерного бунта земляне атаковали лишь барьер, защищавший вход к нам. Ни один из них не покинул город.

— Ну и что дальше?

— Перед нами необычная ситуация. Мы имеем дело не со стихийным нападением толпы, следующей по линии наименьшего сопротивления. Речь идет о попытке небольшой группы людей нанести удар с таким расчетом, чтобы застать нас врасплох. Вот вам и объяснение, как житель Земли, по вашим словам, мог проникнуть в Космотаун, найти доктора Сартона, убить его и скрыться. Нападение совершено из-за полной беспечности с нашей стороны.

Бейли покачал головой.

— Слишком невероятно. Вы что-нибудь сделали для проверки этой версии?

— Да. Ваш комиссар полиции оказался на месте почти в самый момент убийства…

— Знаю. Он говорил мне.

— Вот, Илайдж, еще один пример того, как тщательно выбрано время убийства. Комиссар в прошлом сотрудничал с доктором Сартоном. На него-то и рассчитывал доктор Сартон, чтобы начать проникновение в город таких роботов, как я. В то утро он хотел обсудить свои планы с комиссаром. Убийство же приостановило их осуществление. Оттого, что в момент убийства на территории Космотауна находился ваш комиссар полиции, обстановка запуталась еще больше…

Но я отвлекся, — продолжал Р. Дэниел. — Мы сказали вашему комиссару; «Человек, наверное, прошел по открытому пространству». Как и вы, он ответил: «Невозможно» или «Недопустимо». Он, естественно, был очень расстроен, и это, верно, помешало ему разглядеть самое главное. Тем не менее мы потребовали от него немедленной проверки этой версии.

Бейли подумал о разбитых очках и, несмотря на свои мрачные мысли, даже слегка улыбнулся.

Бедный Джулиус! Конечно, он был расстроен. Вряд ли он стал делиться своей бедой с высокомерными космонитами, которые с особенным отвращением относятся ко всяким физическим недостаткам землян, не подвергающихся генетическому отбору. Едва ли он стал ронять перед ними свой престиж, которым он, комиссар полиции Джулиус Эндерби, так дорожил. Да, землянам нужно хоть в чем-то держаться друг за друга. Во всяком случае, от Бейли робот никогда не узнает, что комиссар близорук.

Р. Дэниел продолжал:

— Один за другим мы проверили все выходы из города. Знаете, сколько их?

Бейли покачал головой и произнес наугад:

— Двадцать?

— Пятьсот два.

— Не может быть!

— Вначале их было еще больше. А сейчас осталось только пятьсот два. Ваш город меняется медленно, Илайдж. Когда-то он стоял под открытым небом и люди свободно выходили за его пределы.

— Конечно. Я это знаю.

— Потом, когда город накрыли куполом, выходов было довольно много. И сейчас их еще

пятьсот два. Остальные застроили или закрыли. Кстати, мы не учитывали площадки для воздушного транспорта.

— Ну и что показала проверка?

— Безнадежно мало. Эти выходы не охраняются. Никто из ваших чиновников не считает это в своей компетенции. Создалось впечатление, что они и не подозревают об их существовании. Поэтому можно выйти и вернуться в город совершенно незамеченным.

— Ну, что еще? Оружие, конечно, исчезло.

— Конечно.

— Какие-нибудь улики?

— Никаких. Мы тщательно обследовали все пространство вокруг Космотауна. Сельскохозяйственные роботы как потенциальные свидетели оказались совершенно бесполезными. Они ведь едва отличаются от машин, а людей там не было.

— Так, так… Что же дальше?

— Не обнаружив ничего у нас, в Космотауне, мы будем продолжать расследование в Нью-Йорке. Сейчас наша задача — обнаружить подрывные организации, если они есть, тщательно проверить всех инакомыслящих…

— Сколько вы собираетесь здесь пробыть? — прервал его Бейли.

— Сколько понадобится. Чем меньше, тем лучше.

— Понятно, — сказал Бейли задумчиво. — Жаль, что вам не дали другого напарника.

— Что вы, — возразил робот, — комиссар высоко отзывался о вашей лояльности и способностях.

— Очень мило с его стороны, — сказал Бейли язвительно.

«Бедный Джулиус, — подумал он, — совесть его мучает, вот он и старается ради меня».

— Но мы не ограничились одним лишь отзывом комиссара, — заметил Р. Дэниел, — и навели справки сами. Вы открыто выступаете против использования роботов у вас в отделе.

— Ну и что? Вам это не по вкусу?

— Отнюдь. Вы, видимо, выражали собственное мнение. Однако пришлось тщательно проверить ваш психологический тип. Оказалось, что, несмотря на отвращение к роботам, по долгу службы вы стали бы сотрудничать с одним из них. У вас необычайно высоко развито чувство долга и уважение к законной власти. Это то, что нам нужно. Комиссар Эндерби правильно вас охарактеризовал.

— Вы лично ничего не имеете против моего отношения к роботам?

— Нет, если это не помешает вам работать со мной и помочь мне выполнить задание.

Бейли был обескуражен.

— Ну, хорошо, скажем, я прошел тест, а как вы? — спросил он вызывающе. — Почему вы считаетесь детективом?

— Я вас не понимаю.

— Ваше назначение, — сбор информации, так ведь? Вы человекоподобная машина, призванная снабжать космонитов фактами о жизни людей.

— Неплохое начало для расследования, согласитесь? Быть машиной, накапливающей информацию?

— Для начала, быть может, и неплохо. Но это далеко не все, что нужно детективу.

— К тому же в последний момент мои электронные цепи были перестроены.

— Любопытно узнать, каким образом, Дэниел?

— Очень просто. Моим мотивировочным элементам было задано сильное стремление к справедливости.

— К справедливости! — воскликнул Бейли. Ирония слетела с его лица, уступая место выражению откровенного недоверия.

Р. Дэниел вдруг резко повернулся лицом к двери и сказал:

— Там кто-то есть.

Он не ошибся. Дверь отворилась, и в комнату вошла бледная, с поджатыми губами Джесси.

— В чем дело, Джесси? Что случилось? — забеспокоился Бейли.

— Простите, — тихо ответила Джесси, не глядя мужу в глаза. — Мне пришлось... — Она замолчала.

— Где Бентли?

— Он переночует в Детском зале.

— Как так? Ведь я велел вам вернуться.

— Ты сказал, что твой напарник останется здесь на ночь. Вот я и подумала, что ему понадобится комната Бентли.

— Не понадобится, Джесси, — вмешался Р. Дэниел.

Джесси подняла глаза на Р. Дэниела, всматриваясь ему в лицо.

Бейли углубился в созерцание кончиков своих пальцев, охваченный предчувствием того, что может сейчас произойти и чего он не в силах предотвратить. Наступила тишина, тяжесть которой он ощущал физически, а затем откуда-то издалека, словно сквозь слой пластекса, до него донесся голос жены:

— По-моему, вы — робот, Дэниел.

Спокойным, как всегда, голосом Р. Дэниел ответил:

— Вы правы.

Глава VI Шепот в темноте

На самых верхних этажах некоторых богатейших секторов города расположены естественные солярии. Их воздухонепроницаемые кварцевые окна, снабженные металлическими ставнями, пропускают внутрь потоки солнечного света. Здесь загорают жены и дочери самых высокопоставленных чиновников. Здесь каждый вечер происходит необычайное явление.

Здесь наступает ночь.

В остальной части города (включая искусственные солярии, где миллионы горожан, по строгому расписанию, могут изредка подвергаться ультрафиолетовому облучению) смена дня и ночи — понятие весьма условное.

Деловая жизнь города могла бы вестись непрерывно: в три восьмичасовых или четыре шестичасовых смены — и «днем», и «ночью». Время от времени за это ратуют некоторые любители гражданских реформ, ссылаясь на интересы развития экономики и производства.

И каждый раз их идеи отвергаются.

И так уже во имя этой экономики пришлось пожертвовать тем, к чему привыкли люди прежних времен: простором, уединенным образом жизни и даже отчасти личной свободой. Но эти привычки возникли вместе с цивилизацией — не более десяти тысяч лет назад, тогда как привычке укладываться спать с наступлением ночи столько же лет, сколько самому человеку, — около миллиона, и избавиться от нее не так просто. Хоть самой ночи в городе не видно, ее можно узнать по тому, как гаснут в квартирах огни и замедляется ритм жизни. Пусть ни полуденное солнце, ни полночная луна не освещают крытых улиц, все же человечество следует молчаливым указаниям часовой стрелки.

Экспрессы пустеют, затихает шум на улицах, тают толпы людей в громадных провалах между зданиями. Город Нью-Йорк погружается в сон.

Лайджу Бейли не спалось. В комнате было темно, и где-то рядом с ним в кровати притаилась Джесси. По ту сторону стены сидел, стоял, а может, и лежал — терялся в догадках Бейли — JP. Дэниел Оливо.

— Джесс, — прошептал Бейли. — Джесси!

— В чем дело? — Она зашевелилась под про-

стыней.

— Джесси, мне и так трудно, а тут еще ты…

— Мог бы сказать мне.

— Да не мог я! Не знал, как… Слушай, Джесси!

— Ш-ш-ш…

Бейли снова перешел на шепот:

— Как ты догадалась, скажи!

Джесси повернулась к нему. Он почувствовал направленный на него сквозь темноту взгляд жены.

— Лайдж, — едва слышно выдохнула она, — он может нас услышать? Этот робот?

— Нет, если говорить шепотом.

— Почем знать. Может, его уши различают малейший звук. Эти космонитские роботы способны на все.

Для Бейли это не секрет. Пропаганда роботехники превозносит чудодейственные свойства космонитских роботов: их неутомимость, совершенство органов чувств; те бесчисленные услуги, которыми они могут осчастливить человечество. Лично он считал, что здесь явно пересолили. Земляне стали еще больше ненавидеть роботов за их превосходство над собой.

— Дэниел не такой, — прошептал он в ответ. — Они нарочно сделали его похожим на человека.

Поэтому он и слышит, как человек.

— Откуда ты знаешь?

— Было бы слишком опасно наделять его сверхчеловеческими чувствами: он мог бы случайно себя выдать Он бы знал и умел слишком много.

— Что ж, возможно.

Опять наступила тишина.

Через минуту Бейли заговорил снова:

— Джесси, это только до тех пор, пока… В общем, прошу тебя, не надо сердиться.

— Сердиться? Ты чудак, Лайдж. Я вовсе не сержусь. Я боюсь. Я перепугалась до смерти.

Она всхлипнула и схватилась за ворот его пижамы. Его охватила тревога.

— Не бойся, Джесси. Не волнуйся. Он совершенно безобидный, клянусь тебе.

— А ты не можешь избавиться от него, Лайдж?

— Ты же знаешь, что не могу. Ведь это задание управления. Как можно?

— Какое задание, Лайдж? Расскажи мне.

— Вот тебе и на. Ты меня удивляешь, Джесси. — Он протянул в темноте руку и погладил ее по мокрой от слез щеке. Рукавом пижамы он тщательно вытер ей глаза. — Слушай, — сказал он нежно, — не будь ребенком.

— Пусть поручат это задание кому-нибудь еще.

Пожалуйста, Лайдж, попроси их.

Теперь его голос звучал не так нежно:

— Джесси, ты не первый год замужем за полицейским, и пора бы тебе знать, что задание есть задание.

— Да, но почему именно так?

— Джулиус Эндерби…

— Как это я не сообразила? — прервала она его. — Сказал бы своему Джулиусу Эндерби, чтобы он хоть раз избавил тебя от черной работы. Ты слишком покорный, Лайдж, а сейчас…

— Ну, не надо, не надо, Джесси, — успокаивал он ее.

Она замолчала, вся дрожа.

Бейли подумал: «Ей никогда не понять».

С тех пор как они поженились, упоминание о Джулиусе Эндерби всегда вызывало у них споры. Эндерби шел на два года раньше Бейли в Городской административной школе. Они тогда были друзьями. Когда Бейли прошел комплексную проверку на склонности и невроанализ и оказалось, что он годен для службы в полиции, Эндерби опередил его и тут: он уже был зачислен в сыскной отдел.

Бейли шел по стопам Эндерби, но все еще отставал от него. Вообще-то винить в этом некого. У

Бейли вполне хватало и способностей, и рвения, но в одном Эндерби превосходил его. Эндерби был прирожденным руководителем и прекрасно уживался в бюрократическом аппарате.

Комиссар не отличался большим умом, у него были свои странности, например, внезапные приступы показного медиевизма. Он был ровен с подчиненными, никого не обижал, спокойно выслушивал приказы сверху и отдавал их сам без нажима, но достаточно твердо. Он даже ладил с космонитами. Пожалуй, он был слишком подобострастен с ними, но они ему доверяли, и городские власти высоко ценили за это комиссара. (В отношении себя Бейли был уверен, что не вынес бы и полдня общения с ними, хотя фактически ему пока не доводилось по-настоящему разговаривать с космонитами.)

Поэтому на гражданской службе, где общительность и умение ладить с людьми значат больше, чем личные способности человека, Эндерби быстро сделал карьеру и получил уже звание комиссара, тогда как Бейли застрял в классе С-5. Бейли не завидовал разнице их положения, хотя иногда, как всякий смертный, сетовал на судьбу. Однако Эндерби не забыл их прежней дружбы и старался как мог компенсировать свой успех.

Это задание тому пример. Сотрудничать с роботом нелегко и неприятно. Несомненно, однако, что в задании заложены блестящие возможности.

Комиссар ведь мог другому дать попытать счастья. Его просьба об одолжении была лишь прозрачным намеком на это.

Но Джесси смотрела на это совсем по-другому. В подобных случаях она, бывало, выговаривала ему: «Это все твоя глупая преданность работе. Мне так надоело слушать, как все превозносят твое чувство долга. Хоть раз о себе подумай. Что-то те, наверху, не очень-то часто вспоминают о своем индексе лояльности».

Бейли лежал с открытыми глазами и ждал, пока она успокоится. Он должен был все обдумать. Проверить свои подозрения. Он перебирал в уме мельчайшие детали, складывая их в пока еще неясную картину.

Он почувствовал, как рядом зашевелилась Джесси.

— Лайдж? — прошептала она ему в ухо.

— Что?

— Может, тебе подать в отставку?

— Не сходи с ума.

— Я серьезно, — зашептала она возбужденно. —

Зато ты избавишься от этого ужасного робота. Пойди и скажи Эндерби, что с тебя хватит.

Бейли холодно ответил:

— Я не могу подать в отставку в разгар важного расследования. Я не могу бросить все к черту, когда мне заблагорассудится. За такие штучки могут деклассировать.

— Ну и что? Ты снова пробьешься. Ты ведь можешь, Лайдж. Тебя возьмут в любой отдел.

— Деклассированных за служебные проступки на гражданскую службу снова не принимают. Меня могут поставить только на черную работу, так же, как и тебя. А Бентли потеряет наследуемые привилегии. Ради бога, Джесси, ты даже не знаешь, что это значит.

— Я читала об этом. Я готова на все, — пробормотала она.

— Ты с ума сошла! Ты просто сошла с ума! — Бейли задрожал всем телом. Перед его мысленным взором вспыхнула знакомая картина: его отец. Отец, которого вынужденное безделье привело к смерти.

Джесси тяжело вздохнула.

Бейли в гневе стал думать о другом. Его ум снова стал рисовать картины убийства.

Он сказал сдавленным голосом:

— Джесси, ты должна сказать. Как ты узнала, что Дэниел робот? Как ты догадалась?

— Понимаешь… — начала она и тут же осеклась. В третий раз она пыталась объяснить ему и почему-то не могла.

Он сжал ее руку, принуждая говорить.

— Пожалуйста, Джесси. Что тебя пугает?

— Я просто догадалась, что это робот, Лайдж, — ответила она.

— Ты не могла догадаться, Джесси. Ты не знала, что он робот, до того как ушла. Ну, говори!

— Н-нет, но я стала думать и…

— Продолжай, Джесси. Ну и что?

— Так вот… Понимаешь, приятельницы болтали в туалетной. Ну, ты знаешь, как обычно. Обо всем.

«О, женщины», — подумал Бейли.

— В общем, — продолжала Джесси, — весь город полон слухов.

— Весь город? — Бейли почувствовал, как от восторга у него подпрыгнуло сердце. Еще одна деталь на месте!

— Во всяком случае, так мне сказали приятельницы. По их словам, в городе скрывается робот космонитов. Его, мол, не отличишь от человека, и он должен работать с нашей полицией. Они

даже спросили об этом меня. Смеются и говорят: «А твой Лайдж слышал об этом, Джесси?» Я тоже засмеялась и сказала, что, дескать, не валяйте дурака. Потом мы пошли смотреть фильмы в этерекс. Вот тут я и подумала о твоем партнере. Помнишь, ты принес домой снимки космонитов, которые Джулиус Эндерби сделал в Космотауне? Я все пыталась вспомнить, кого напоминает твой напарник? И вдруг сообразила, что их И тут я сказала себе: «О боже, его, наверно, узнали в магазине, а он с Лайджем…» — и тогда я сослалась на головную боль и помчалась…

— Постой, постой, Джесси, — прервал ее муж. — Спокойнее. Чего ты боишься? Ведь не самого же Дэниела? Согласись, что не его самого? Ты же прекрасно держалась, когда пришла. Прекрасно. Поэтому..

Он вдруг замолчал и сел в кровати, тараща глаза в темноту.

Он почувствовал, что жена подвигается к нему. Рука Бейли метнулась к ней, нащупала ее рот и плотно зажала его. Она напряглась всем телом, пытаясь вывернуться и оттолкнуть его руку, но он прижал руку еще сильнее.

Потом он вдруг отпустил ее. Она всхлипывала.

— Извини, Джесси, — сказал он хриплым голо-

сом. — Я прислушивался.

Он встал и натянул на ноги теплый пленкопласт.

— Лайдж, куда ты? Не оставляй меня.

— Ничего. Я только к двери.

Его ноги, обутые в пленкопласт, мягко шаркали по полу. Он обошел кровать, приоткрыл дверь в гостиную и застыл в ожидании. Но ничего не случилось. Было так тихо, что он слышал дыхание Джесси. Он слышал, как глухо стучит кровь у него в ушах.

Рука Бейли осторожно протиснулась в щель и безошибочно нашла выключатель потолочного освещения.

Он только чуть-чуть к нему прикоснулся, и потолок тускло засветился, так тускло, что нижняя часть гостиной оставалась в полумраке.

Он увидел, что наружная дверь закрыта, а в гостиной нет ни души. Он повернул выключатель и пошел в спальню.

Итак, картина стала теперь полной. Все детали на своем месте.

— Что случилось, Лайдж? — испугалась Джесси.

— Ничего, Джесси, ровным счетом ничего. Его нет.

— Робота? Ты хочешь сказать, что он ушел? Насовсем?

— Нет, нет. Он вернется. Но пока ответь на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Чего ты боишься?

Джесси молчала.

— Ты сказала, что до смерти испугалась, — настаивал Бейли.

— Его.

— Нет, мы уже говорили об этом. К тому же ты знаешь, что робот не опасен для человека.

— Я подумала, — с трудом начала она, — что, если люди узнают, что это робот, начнется бунт. И нас убьют.

— Почему именно нас?

— Сам знаешь, как бывает во время беспорядков.

— Но ведь никому не известно, где он находится, верно?

— Они могут узнать.

— Значит, этого ты боишься — бунта?

— Понимаешь…

— Ш-ш-ш… — Он прижал Джесси к подушке. Потом наклонился к ее уху: — Он вернулся. Слушай меня и не произноси ни слова. Все в порядке.

Он утром уйдет и больше не вернется. Никакого бунта не будет, никакого.

Ему стало легко, совершенно легко. Он почувствовал, что теперь он заснет.

Потом он сказал себе: «Никакого бунта, никакого. Никакого деклассирования».

Уже засыпая, он повторил: «Ни бунта, ни даже самого расследования. Ничего. Разгадка найдена..»

И он уснул.

Глава VII Посещение Космотауна

Комиссар полиции Джулиус Эндерби с необычайной тщательностью протер стекла очков и не спеша надел их.

«Ловкий трюк, — подумал Бейли, — делаешь вид, что занят, а сам пока соображаешь, что сказать. И денег не стоит, как, например, разжигание трубки».

И уж поскольку эта мысль пришла ему в голову, он вынул свою трубку и погрузил ее в тощий кисет. Табак был одной из немногих дефицитных культур, которые пока еще выращивались на Земле, но этому вскоре должен был прийти конец. Сколько Бейли помнит, цены на табак все идут

вверх, а не вниз, а нормы — вниз, а не вверх.

Кончив возиться с очками, Эндерби протянул руку к выключателю на краю стола, и на короткое мгновение дверь со стороны кабинета стала прозрачной.

— Так где он сейчас? — спросил комиссар.

— Попросил показать ему управление. Я поручил это почетное дело Джеку Тобину. — Бейли раскурил трубку и плотно прикрыл крышку.

Как большинство некурящих, комиссар терпеть не мог табачного дыма.

— Надеюсь, вы ему не сказали, что Дэниел робот?

— Конечно, нет.

Чувствовалось, что комиссар нервничает. Он бесцельно крутил рукой автоматический календарь на столе.

— Ну, как дела? — спросил он, не глядя на Бейли.

— Так себе.

— Извините, Лайдж.

— Могли бы предупредить, что он так похож на человека, — сказал Бейли твердо.

— Как, разве я не сказал? — удивился комиссар. — Черт возьми, вам следовало самому сообразить, — добавил он раздраженно. — Не-

ужто вы думаете, я бы стал просить вас взять его на квартиру, если бы он был похож на Р. Сэмми?

— Все ясно, комиссар, но я никогда не видел такого робота, а вы видели. Я не представлял, что это возможно. Хотя бы предупредили, что ли.

— Ладно, Лайдж, это моя вина. Мне следовало сказать вам. Вы правы. Но я так закрутился со всеми этими делами, нервы буквально на пределе. И на людей кричу без причины… А этот Дэниел — робот нового типа. Находится пока еще на экспериментальной стадии.

— Он мне все объяснил.

— Ну тогда с этим покончено.

Бейли напрягся. Теперь, пожалуй, пора. Он зажал трубку в зубах и сказал как бы между прочим:

— Р. Дэниел устроил для меня поездку в Космотаун.

— В Космотаун? — возмутился комиссар.

— Да. Это логично, комиссар. Я бы хотел осмотреть место преступления и задать несколько вопросов.

Эндерби решительно покачал головой.

— Мне не нравится эта затея, Лайдж. Мы все осмотрели, и вряд ли вы найдете там что-нибудь новое. К тому же космониты — странный народ.

До того щепетильные… С ними надо уметь обращаться, а у вас нет опыта. — Он приложил свою пухлую руку ко лбу и добавил с неожиданной страстью: — Я их ненавижу!

— Черт побери, комиссар, — голос Бейли звучал враждебно, — раз робот пришел сюда — я должен побывать у них! Не хватает еще, чтобы этот тип обошел меня. Конечно, если вы думаете, что мне не справиться с заданием…

— Что вы, Лайдж! Дело не в вас — дело в космонитах. Вы совсем их не знаете.

Бейли нахмурился еще больше.

— Тогда, комиссар, почему бы нам не поехать вместе? — Чтобы не сглазить, он незаметно скрестил средний и указательный пальцы правой руки.

Глаза комиссара широко раскрылись.

— Нет, Лайдж. Не поеду. И не просите… — Казалось, эти слова вырвались у него помимо его воли. Потом он добавил более спокойно, с неуверенной улыбкой: — Понимаете, у меня масса дел. Запустил их ужасно.

Бейли задумчиво смотрел на него:

— Тогда вот что. Почему бы вам не использовать объемный видеофон. Ненадолго, на случай, если мне будет нужна помощь.

— Ну хорошо. Это я, наверное, смогу сделать, — нехотя согласился комиссар.

— Отлично! — Бейли взглянул на стенные часы, кивнул и встал. — Я буду держать с вами связь.

Выходя из кабинета, Бейли на секунду задержался в двери и оглянулся на комиссара. Он увидел, как его голова медленно опускалась в изгиб локтя, которым он опирался о стол. Детектив мог поклясться, что слышал, как тот всхлипнул.

«Господи!» — молча изумился Бейли.

В общей комнате он присел на краешек ближайшего стола, не обратив внимания на его владельца, который взглянул на него, пробормотал какое-то приветствие и продолжал заниматься своими делами.

Бейли откинул крышку с трубки и продул ее. Потом он опрокинул трубку над небольшой вакуумной пепельницей в крышке стола, и она поглотила белый рассыпчатый пепел. Он с сожалением посмотрел на пустую трубку, приладил крышку и убрал ее. Вот и еще одну выкурил!

Он стал обдумывать свой разговор с комиссаром. С одной стороны, поведение Эндерби его не удивило. Он предполагал, что тот будет противиться его попытке поехать в Космотаун. Комиссар часто подчеркивал трудности общения

с космонитами и нежелательность отправки туда неопытных людей для ведения переговоров даже по мелким вопросам.

Однако Бейли не ожидал, что комиссар так быстро уступит. Он думал, что тот, по крайней мере, будет настаивать на совместной поездке. Ссылка на занятость теряет смысл по сравнению с важностью этого дела.

Собственно, Бейли и не хотел этого. Он получил то, чего добивался. Он добивался не личного присутствия Эндерби, а лишь его объемного изображения, чтобы тот мог следить за ходом расследования в полной для себя безопасности.

Безопасность — вот что главное. Бейли понадобится свидетель, которого нельзя будет быстро убрать с пути. В этом хоть какая-то гарантия его личной безопасности.

На это комиссар согласился сразу. Бейли вспомнил, как тот всхлипнул — а может, ему это почудилось? — и подумал: «Боже, старик сыт по горло всем этим!»

Он вздрогнул от раздавшегося за его спиной бодрого, с хрипотцой голоса.

— Какого черта тебе надо? — возмутился Бейли.

На лице Р. Сэмми сияла глупая застывшая

улыбка.

— Джек велел сказать вам, что Дэниел готов, Лайдж.

— Хорошо. А теперь убирайся.

Он хмурился вслед удаляющемуся роботу. Фамильярность этого неуклюжего сооружения из металла буквально выводила его из себя. Он было пожаловался комиссару, но тот лишь пожал плечами: «Ничего не поделаешь, Лайдж. Народ требует, чтобы городские роботы имели сильный контур дружбы. К тому же ему вы нравитесь, вот он и называет вас самым дружеским именем, какое только знает».

Контур дружбы! Ни один робот, какой бы модели он ни был, не представляет опасности для человека. Первый Закон роботехники гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Первый Закон закладывается в самые недра позитронного мозга, и, что бы с ним ни произошло, робот не в состоянии нарушить этот закон. Строго говоря, введение дополнительных «контуров дружбы» — нелепая затея.

И все же комиссар прав. Вопреки всякой логике земляне не доверяют роботам, вот и приходится

конструкторам придумывать разные «контуры дружбы», так же как и снабжать лица роботов глупой улыбкой. Речь идет о земных роботах, разумеется.

Кстати, Р. Дэниел совсем не улыбался.

Вздохнув, Бейли встал со своего места.

Следующая остановка — Космотаун… Кто знает, быть может, это его последняя остановка.

Полицейским властям и крупным чиновникам до сих пор разрешается пользоваться служебными машинами для езды по городским коридорам и древним автотуннелям, вход в которые для пешеходов закрыт. Это дает повод либерально настроенным гражданам неустанно критиковать муниципалитет за его нежелание превратить туннели в детские площадки, или новые торговые центры, или, наконец, открыть их для пешеходов.

Однако соображения общественного порядка всегда берут верх. При возникновении больших пожаров, которые нельзя погасить местными средствами, серьезных авариях энергосистемы или вентиляции и, главным образом, при крупных вспышках недовольства блюстителям порядка важно быстро оказаться на месте происшествия. Автотуннели как раз и обеспечивают

им такую возможность.

Бейли несколько раз доводилось пользоваться туннелем, и всегда его неприятная пустота действовала на него угнетающе. Казалось, будто он находится где-то в тысяче миль от пульсирующей жизни города.

Сейчас, когда он сидел за приборной доской машины, туннель извивался перед ним, подобно слепому, полому червю. После каждого плавного поворота его глазам открывались новые и новые участки туннеля. А позади, знал он, не глядя туда, еще один слепой и полый червь тут же неизменно сокращался и закрывался. Туннель был хорошо освещен, но его пустота и молчание лишали свет всякого смысла.

Р. Дэниел ничем не старался ни нарушить это молчание, ни заполнить эту пустоту. Он смотрел прямо перед собой, безразличный сейчас к монотонному виду туннеля, так же как и прежде был безразличен к переполненному экспрессу.

Наконец под дикое завывание сирены они выскочили из туннеля на проезжую часть городского коридора. Из уважения к одной из традиций прошлого четкие линии обозначали проезжую часть всех главных коридоров. Так как, кроме полицейских и пожарных машин, а

также грузовиков технической службы, другие виды автомобильного транспорта не сохранились, пешеходы полностью игнорировали эти ограничения. Они с возмущением рассыпались в стороны от взвизгивающей сиреной машины Бейли.

Бейли лишь ненадолго почувствовал себя веселее в привычной городской сутолоке, так как метров через двести машина свернула в одно из неприметных ответвлений, ведущих в Космотаун.

У входа их ждали. Часовые, вероятно, знали Р. Дэниела в лицо и, хоть сами были людьми, кивнули ему без тени превосходства. Один из часовых приблизился к Бейли и отдал ему честь по всем правилам военного протокола. Он был высокого роста, с серьезным выражением лица, но, в отличие от Р. Дэниела, не являл собой идеальный образец космонита.

— Пожалуйста, ваше удостоверение, сэр, — сказал он.

Часовой быстро, но тщательно проверил удостоверение. Бейли заметил, что на нем были перчатки телесного цвета, а ноздри прикрывали едва заметные фильтры.

Возвращая удостоверение, часовой снова ко-

зырнул Бейли.

— Тут недалеко есть мужской туалетный блок, который мы хотели бы вам предложить, если вы пожелаете принять душ.

Бейли хотел было отказаться, но почувствовал, что Р. Дэниел слегка потянул его за рукав.

— По нашему обычаю, партнер Илайдж, — сказал Р. Дэниел, — перед тем как войти в Космотаун, жители города обязаны принять душ. Я говорю это, так как знаю, что вы не хотели бы из-за недостатка информации ставить в неловкое положение ни себя, ни нас. Было бы также желательно, чтобы вы отправили здесь свои естественные потребности, так как в самом Космотауне для этого нет удобств.

— Нет удобств?! — сказал Бейли напряженно. — Но это невозможно.

— Точнее, они есть, — сказал Р. Дэниел, — но не для жителей города.

На лице Бейли было написано явное неодобрение.

— Я сожалею об этом, — сказал Р. Дэниел, — но таков обычай.

Бейли молча вошел в туалетную. Он скорее почувствовал, чем увидел, что Р. Дэниел Оливо последовал за ним.

«Проверяет меня, — подумал Бейли. — Следит, чтобы я смыл с себя городскую пыль?»

У него пронеслась злорадная мысль о том, какой удар он готовит Космотауну. Ему вдруг показалось неважным, что он фактически рискует подставить под бластер свою собственную грудь.

Туалетная не поражала размерами; она была хорошо оборудована и отличалась стерильной чистотой. В воздухе чувствовался какой-то резкий запах. На мгновение озадаченный Бейли сообразил: «Озон!» Комната облучается ультрафиолетовыми лучами.

Помигав сначала несколько раз, засветилась небольшая надпись: «Просим посетителя снять с себя всю одежду, а также обувь и положить в находящийся внизу приемник».

Бейли неохотно подчинился. Он отстегнул бластер с портупеей и потом снова надел его прямо на голое тело. Он показался ему тяжелым и неудобным.

Приемник с его одеждой закрылся и пропал из виду. Светящаяся надпись пропала. Впереди загорелся новый сигнал: «Просим посетителя отправить естественные надобности, а затем пройти в душ по направлению стрелки».

У Бейли было такое ощущение, будто его, как

болванку, обрабатывают на автоматической линии силовые резцы с дистанционным управлением.

Войдя в небольшую кабинку душевой, он прежде всего тщательно обернул кобуру бластера влагонепроницаемым чехлом. Он по опыту знал, что не менее чем за пять секунд сумеет выхватить оружие и пустить его в ход.

Повесить бластер было не на что. Не было видно даже душевой воронки. Он положил бластер в противоположный от входа угол.

Засветилась еще одна надпись: «Просим посетителя вытянуть руки в стороны и стать в круг посередине так, чтобы ноги заняли указанное положение».

Надпись погасла после того, как он поставил ноги в предназначенные для них углубления. И тотчас же с пола, потолка, со всех четырех сторон в него ударили жалящие пенистые струи воды. Он чувствовал, что вода бурлит даже под ступнями. Это длилось целую минуту; его кожа покраснела от горячих и сильных струй, а легкие жадно ловили воздух в этой влажной духоте. Потом еще минуту он стоял под прохладным легким душем, и еще минуту его обдавал теплый воздух, отчего он совершенно обсох и чувствовал

себя обновленным.

Он поднял бластер с портупеей, и оказалось, что он тоже был сухим и теплым. Он надел бластер и вышел из кабинки как раз в тот момент, когда из соседнего душа показался Р. Дэниел. Еще бы! Хоть Р. Дэниел и не жил в городе, он принес на себе городскую пыль.

Совершенно непроизвольно Бейли отвернулся от него. Затем, подумав, что, в конце концов, обычаи Р. Дэниела и обычаи города — это не одно и то же, он заставил себя бросить на него короткий взгляд. Его губы скривились в усмешке. Сходство Р. Дэниела с человеком не ограничивалось лицом и руками: все его тело до мельчайших подробностей было выполнено с такой же точностью.

Бейли сделал шаг в том же направлении, в каком он двигался с тех пор, как вошел в туалетную. Его вещи были аккуратно сложены, и от них пахло теплой свежестью.

Надпись гласила: «Просим посетителя одеться и положить руку в углубление».

Как только Бейли приложил руку к чистой, молочно-белой поверхности, он почувствовал укол в подушечку среднего пальца. Он поспешно отдернул руку и увидел в этом месте набухающую капельку крови. Она тут же перестала расти. Он

стряхнул кровь и попытался выдавить еще. Но даже тогда крови больше не показалось.

Значит, они делают ему анализ крови. Его охватила тревога. Он не сомневался, что врачи управления проводят ежегодный медицинский осмотр не с такой тщательностью и, пожалуй, не с таким знанием дела, как эти холодные роботопоклонники из космоса. Но он сомневался, так уж ли ему хочется снова проверять состояние своего здоровья.

Время ожидания показалось Бейли томительно долгим, но когда надпись вспыхнула снова, в ней говорилось: «Просим посетителя следовать дальше».

Бейли вздохнул с облегчением и направился было к выходу. Но тут путь ему преградили два металлических прута, а в воздухе повисла мерцающая надпись: «Просим посетителя не двигаться с места».

— Какого черта! — воскликнул Бейли, забыв в гневе, что все еще находится в туалетной.

Над ухом раздался голос Р. Дэниела:

— Наверное, детекторы обнаружили где-то источник энергии. Бластер у вас с собой, Илайдж?

Покраснев до корней волос, Бейли резко повернулся на каблуке и срывающимся голосом

прорычал:

— Офицер полиции обязан постоянно иметь при себе бластер как во время несения службы, так и вне ее.

С тех пор как ему минуло десять лет, он впервые заговорил вслух, находясь, в туалетном блоке. До этого он как-то в присутствии дяди Бориса всего лишь пожаловался, что ушиб палец ноги. Когда они вернулись домой, дядя Борис хорошенько его вздул и прочитал нотацию о том, как подобает вести себя на людях.

— Посторонним у нас не разрешается носить оружие, — спокойно ответил Р. Дэниел. — Даже ваш комиссар оставляет здесь свой бластер. Таков наш обычай, Илайдж.

При других обстоятельствах Бейли просто повернулся бы и ушел, ушел из Космотауна, ушел бы подальше от этого робота. Но сейчас им владело безумное желание осуществить свой план и досыта насладиться местью.

В конце концов, его не подвергали тому унизительному осмотру, какой существовал у них много лет назад. Как хорошо он понимал, быть может, слишком хорошо понимал то возмущение и гнев, которые привели к Барьерным бунтам в дни его детства.

Помрачнев еще больше, Бейли отстегнул портупею с бластером. Р. Дэниел взял оружие у него из рук и положил в углубление в стене. Тонкая металлическая пластинка тотчас же накрыла его.

— Если вы вставите сейчас в эту впадину большой палец руки, — пояснил Р. Дэниел, — то потом только ваш палец сможет открыть крышку.

Сейчас Бейли чувствовал себя более нагим, чем несколько минут тому назад в душевой. Он прошел до места, где его недавно остановили, и наконец оказался в коридоре за туалетом.

Что-то необычное привлекло здесь его внимание: где-то впереди мерцал странный свет. Затем он почувствовал на лице едва уловимое движение воздуха, словно невдалеке промчалась патрульная машина.

Должно быть, Р. Дэниел заметил его смущение, потому что тут же объяснил:

— Мы сейчас выйдем на открытый воздух, Илайдж. Здесь кондиционеры не применяются.

Бейли стало не по себе. Как могут космониты с такой опаской относиться к посетителям из города и в то же время дышать отвратительным наружным воздухом? Он зажал себе ноздри, словно это могло ему помочь лучше очищать вдыхаемый воздух.

— Я полагаю, вы скоро убедитесь, что открытый воздух отнюдь не вреден для человеческого организма, — сказал Р. Дэниел.

— Возможно, — проворчал Бейли.

Потоки воздуха раздражали его. Они мягко обдували его лицо, но были какими-то неустойчивыми. И это действовало на нервы.

Но худшее было впереди.

Коридор открывался в голубизну яркого солнечного дня. Бейли знал, что это такое. Однажды по долгу службы ему пришлось побывать в естественном солярии. Но там солнечные лучи преломлялись в толще защитного стеклянного колпака, и диска самого солнца видно не было. Здесь же все было открыто.

Он невольно посмотрел вверх на солнце, но сразу отвел взгляд. Его ослепленные глаза заморгали и заслезились.

К ним приближался космонит. Предчувствие беды на мгновение овладело Бейли.

Р. Дэниел выступил вперед и обменялся с подошедшим космонитом рукопожатием. Тот повернулся к Бейли и сказал:

— Пожалуйста, следуйте за мной, сэр. Меня зовут доктор Хэн Фастольф.

Внутри одного из куполообразных домов Бейли

почувствовал себя спокойней. Он с удивлением озирался вокруг, поражаясь величине комнат и тому, как неразумно использовалась их площадь, но был рад, что воздух здесь кондиционированный.

Усевшись в кресло и скрестив свои длинные ноги, Фастольф сказал:

— Вы, кажется, предпочитаете кондиционированный воздух наружному?

Его голос звучал дружелюбно. Мелкие морщины перерезали его лоб, кожа под глазами и подбородком казалась дряблой и иссохшей. У него были редкие, но не седые волосы, его большие уши смешно оттопыривались, придавая ему вполне домашний вид, отчего Бейли невольно почувствовал к нему еще большее расположение.

Рано утром перед поездкой Бейли еще раз просмотрел снимки, сделанные Эндерби в Космотауне. Р. Дэниел уже договорился о встрече в Космотауне, и Бейли старался привыкнуть к мысли, что скоро увидит космонитов во плоти. Как-никак это не то, что разговаривать с ними с расстояния в несколько миль.

С этих фотографий на него глядели высокие рыжеволосые люди с красивыми, но холодными лицами, в общем, такие, какими их иногда изоб-

ражают в книгофильмах. Такие, как, например, Р. Дэниел.

Р. Дэниел назвал имена этих космонитов, и когда Бейли, указав на одного из них, спросил: «А это вы, да, Дэниел?» — Р. Дэниел спокойно ответил:

— Нет, Илайдж, это мой конструктор, доктор Сартон.

— Значит, вы сделаны по образу и подобию создателя? — спросил язвительно Бейли, на что ответа не последовало, да Бейли его и не ожидал: ведь на Внешних Мирах мало кто знаком с библией.

А теперь перед Бейли сидел Хэн Фастольф, который совсем не походил на привычный образ космонита, чему представитель Земли был искренне рад.

— Не желаете ли закусить? — спросил Фастольф.

При этом он указал на стол, который разделял их.

На нем стояла ваза, полная разноцветных шаров. Бейли взглянул на нее с недоумением. Он принял эти предметы за украшения.

— Это естественные плоды, которые растут на Авроре, — объяснил ему Р. Дэниел. — Советую

вам попробовать. Их называют яблоками и говорят, что они приятны на вкус.

— Р. Дэниел, разумеется, сам никогда их не пробовал, — улыбнулся Фастольф, — тем не менее он прав.

Бейли поднес яблоко ко рту. Его красновато-зеленая кожица была прохладной и издавала слабый приятный аромат. Он с усилием откусил кусочек и стал осторожно пережевывать терпкую мякоть, от которой у него заныли зубы.

Рацион жителей города, разумеется, содержит определенное количество натуральных продуктов. Сам он часто ест натуральное мясо и хлеб. Но их продукты всегда подвергаются какой-нибудь обработке. Их подают либо в сваренном или перемолотом виде, либо смешивают или соединяют друг с другом. Строго говоря, из фруктов следует делать приправы или консервы. А то, что у него сейчас в руке, вышло, должно быть, прямо из грязного грунта планеты.

«Надеюсь, они догадались хотя бы помыть его», — подумал он.

И снова он удивился своеобразному представлению космонитов о чистоте.

— Позвольте мне более подробно рассказать о себе, — начал Фастольф. — Я здесь возглавляю

расследование обстоятельств убийства доктора Сартона, точно так же как у вас этим занимается комиссар Эндерби. Вы можете рассчитывать на мою помощь. Как и вы, мы стремимся уладить этот инцидент и не допустить его повторения в будущем.

— Благодарю вас, доктор Фастольф, — ответил Бейли. Мы вам признательны за подобный подход к делу.

«Ну, хватит обмениваться любезностями», — подумал Бейли. Он решительно откусил от сердцевины яблока и, почувствовав во рту какие-то твердые, продолговатые зернышки, поспешно выплюнул их на пол. Одно зернышко едва не попало на ногу космониту, которую тот вовремя отдернул.

Бейли покраснел и наклонился к полу.

— Не беспокойтесь, мистер Бейли, — остановил его космонит. — Пусть себе валяются.

Бейли выпрямился. Он осторожно положил яблоко на стол. У него было неприятное ощущение, Что после его ухода эти предметы подберут пылесосом, вазу с фруктами сожгут или выбросят подальше от Космотауна, а комнату, в которой они сидят, подвергнут тщательной дезинфекции.

Он постарался скрыть свое смущение нарочитой резкостью, с которой обратился к Фастольфу:

— Прошу вас разрешить комиссару Эндерби принять участие в нашей беседе при помощи объемного видеофона.

Брови Фастольфа взлетели вверх.

— Пожалуйста, если вам это нужно. Дэниел, наладьте, пожалуйста связь с городом.

Бейли сидел в напряженной позе, покуда блестящие стенки большого ящика в углу комнаты не превратились в объемное изображение комиссара Эндерби и части его стола. При виде знакомого лица Бейли сразу почувствовал себя намного лучше; ему захотелось быть рядом с ним в кабинете или все равно где, лишь бы в родном городе. Даже в самом непривлекательном районе — Джерси с его дрожжевыми фабриками.

Теперь, когда у него был свидетель, Бейли решил немедля приступить к делу.

— Мне кажется, — решительно сказал он, — что я проник в тайну, окружающую смерть доктора Сартона.

Краем глаза он заметил, как Эндерби резко вскочил на ноги, подхватив на лету соскочившие с носа очки. Его лицо оказалось при этом за границами объемного экрана, так что он, покрас-

невший и лишенный дара речи, был вынужден снова сесть за стол.

Доктор Фастольф был не менее поражен этим известием, однако он только слегка склонил голову набок. Только Р. Дэниел оставался бесстрастным.

— Вы хотите сказать, — спросил Фастольф, — что обнаружили убийцу?

— Нет, — ответил Бейли. — Я хочу сказать, что никакого убийства не было и в помине.

— Что? — воскликнул Эндерби.

— Минутку, комиссар Эндерби, — Фастольф поднял руку. Не сводя глаз с Бейли, он сказал: — По вашему, доктор Сартон жив?

— Да, сэр. И кажется, я знаю, где он.

— Где?

— Перед вами, — сказал Бейли и уверенно показал на Р. Дэниела Оливо.

Глава VIII
Спор из-за робота

Какое-то мгновение Бейли не ощущал ничего, кроме бешеного сердцебиения. Казалось, время остановило свой бег. Как всегда, Р. Дэниел не выражал никаких эмоций. Хэн Фастольф был явно

удивлен, но, как хорошо воспитанный человек, сдерживал свои чувства.

Но лишь реакция комиссара Джулиуса Эндерби по-настоящему интересовала Бейли. Объемный экран, из которого на него уставилось лицо комиссара, не давал совершенно четкого изображения. А потом, это его слабое мерцание и не совсем идеальная разрешающая способность. В общем, из-за этих несовершенств, а также толстых стекол очков комиссара прочесть взгляд Эндерби было невозможно.

«Держись, Джулиус, — подумал Бейли. — Ты мне нужен».

Он почти был уверен, что Фастольф не станет действовать в спешке или сгоряча. Он читал где-то, что космониты заменили религию холодным и флегматичным интеллектуализмом, возведенным в ранг философии. Он верил в это и рассчитывал на это. Они будут действовать не спеша, руководствуясь только здравым смыслом.

Будь он здесь один, без свидетеля, и сделай он такое заявление, ему бы никогда не вернуться в город. Холодный рассудок подсказал бы им это. Они дорожат своими планами больше, намного больше, чем жизнью одного из землян. Перед комиссаром Эндерби они как-нибудь оправда-

лись бы. Возможно, даже доставили бы в город труп Бейли, объяснив убийство кознями заговорщиков-землян. Комиссар поверил бы им. Уж так он устроен. Если он и ненавидел космонитов, то потому, что боялся их. Он не посмел бы не поверить им. Вот почему Бейли просил комиссара быть лишь свидетелем, причем таким свидетелем, до которого не дотянутся руки расчетливых космонитов.

— Лайдж, вы ошибаетесь, — раздался прерывающийся голос комиссара. — Я видел труп доктора Сартона.

— Вы видели обуглившиеся останки того, что вам выдали за труп Сартона, — смело парировал Бейли. Он мрачно подумал о разбившихся очках Эндерби. Космонитам здорово повезло.

— Нет, нет, Лайдж. Я хорошо знал доктора Сартона, и его лицо не было повреждено. Это был он. — Комиссар неловко притронулся к очкам: он, видимо, тоже вспомнил о них. — Я очень близко наклонился к нему, очень близко.

— Как по-вашему, комиссар? — Бейли указал на Р. Дэниела. — Этот похож на доктора Сартона?

— Да, как статуя может походить на человека.

— Но человек может придать своему лицу бесстрастное выражение, комиссар. Предположим,

что вы видели робота, а не труп человека. Вы говорите, что тщательно его осмотрели. Достаточно ли тщательно, чтобы отличить обгоревшую органическую ткань человеческого тела от ее искусной имитации?

Комиссар пришел в негодование:

— Вы несете чушь, Бейли!

Бейли повернулся к космониту:

— Вы согласитесь на эксгумацию трупа, доктор Фастольф?

Доктор Фастольф улыбнулся:

— Разумеется, я бы не возражал против этого, мистер Бейли. Но беда в том, что мы не хороним умерших. У нас в обычае кремировать покойников.

— Весьма удобный обычай, — буркнул Бейли.

— Скажите, мистер Бейли, — обратился к нему Фастольф. — Как вы пришли к столь неожиданному заключению?

«Не сдается, — подумал Бейли. — Теперь будет давить на меня».

— Очень просто, — ответил он. — Чтобы сойти за робота, недостаточно придать лицу застывшее выражение и говорить штампами. Ваша беда в том, что вы, жители Внешних Миров, слишком привыкли к роботам. Вы относитесь к ним как

к человеческим существам. Вы уже не замечаете разницы. На Земле все по-другому. Для нас робот есть робот. Во первых, Р. Дэниел слишком человечен для робота. Вначале я принял его за космонита. Мне было трудно заставить себя поверить его словам, что он робот. И дело все в том, что он и есть космонит, а вовсе не робот!

Р. Дэниел вмешался в разговор, нимало не смущенный тем обстоятельством, что сам был предметом спора:

— Как я уже говорил вам, партнер Илайдж, я создан для того, чтобы на время занять место в человеческом обществе. Меня умышленно наделили всеми человеческими чертами.

— Даже такими, как удивительно точная копия частей тела, обычно скрытых под платьем?

— Как вы об этом узнали? — неожиданно раздался голос Эндерби.

— Случайно… — покраснел Бейли, — в душевой.

Эндерби был явно шокирован.

— Вы, конечно, понимаете, что сходство должно быть полным, иначе бесполезно и начинать? — сказал Фастольф и добавил: — В осуществлении нашего проекта полумеры могут принести только вред.

— Разрешите мне закурить? — резко отозвался Бейли.

Три трубки в день — недопустимое расточительство, но он отважился на очень рискованный шаг, и табак ему нужен, чтобы успокоить нервы. В конце концов, он пытался уличить во лжи не кого-нибудь, а космонитов, и он заставит их подавиться собственной ложью.

— Простите меня, — раздался голос Фастольфа, — но я бы предпочел, чтобы вы не курили.

Его вежливая просьба прозвучала строже приказа. Поэтому Бейли безропотно сунул в карман трубку, которую он уже чуть было не зажег, полагая, что отказа не последует.

«Еще бы, — с горечью подумал он. — Комиссар ничего не сказал, потому что сам не курит, но это же ясно. Это само собой разумеется. Ведь чистюли с Внешних Миров не курят, не пьют и вообще не имеют никаких людских пороков. Не удивительно, что они признают робота в своем чертовом — как, бишь, Дэниел назвал его? — обществе C/Fe! Не удивительно, что Дэниел так хорошо играет роль робота. По существу, все они не люди, а роботы».

— Слишком полное сходство — только одна из многих улик, — сказал он. — Когда мы шли

с ним домой, в нашем секторе чуть было не вспыхнул бунт. — Бейли снова показал на своего напарника. Он не мог заставить называть его ни Р. Дэниелом, ни доктором Сартоном. — И вот он-то и утихомирил недовольных, направив на толпу бластер.

— Боже правый, — воскликнул Эндерби, — в протоколе говорится, что это вы…

— Я знаю, комиссар, — прервал его Бейли. — Протокол составлен по моим словам. Я не хотел, чтобы в официальных документах упоминалось, что робот угрожал людям бластером.

— Да, да. Разумеется, вы правы. — Эндерби был в отчаянии. Он наклонился в сторону, вглядываясь во что-то, находившееся за пределами экрана видеофона.

Бейли догадался, куда смотрит комиссар: он проверял, не подслушивают ли их.

— Итак, это тоже один из ваших аргументов? — спросил Фастольф.

— Конечно. Первый Закон роботехники гласит, что робот не может причинить человеку вреда.

— Но Р. Дэниел никому вреда не причинил.

— Согласен. Кстати, потом он сказал, что не выстрелил бы ни при каких обстоятельствах. Однако я никогда не слышал, чтобы робот мог

действовать вопреки духу Первого Закона, хотя бы угрожая бластером человеку. Пусть даже он не собирался пустить его в ход.

— Ясно. Вы специалист по роботехнике, мистер Бейли?

— Нет, сэр. Но я прослушал курс общей роботехники и позитронного анализа. Я не совсем невежда в этой области.

— Очень хорошо, — согласился с ним Фастольф, — но я, как специалист, могу вас заверить, что ум робота устроен таким образом, что он способен воспринимать события лишь буквально. Он не признает духа Первого Закона — только его букву. Примитивные земные роботы, видимо, настолько застрахованы от нарушения Первого Закона, что, вероятно, вообще не могут угрожать человеку. Другое дело такой совершенный робот, как Р. Дэниел. Если я верно вас понял, он угрожал людям, чтобы предотвратить беспорядки. То есть он стремился к тому, чтобы людям не было причинено вреда. Он следовал Первому Закону, а не нарушал его.

У Бейли внутри все сжалось, но внешне он сохранял напряженное спокойствие. Трудно ему придется, но он побьет этого космонита его же оружием.

— Можете спорить по каждому пункту — результат будет один и тот же, — сказал он. — Вчера вечером, когда мы обсуждали так называемое убийство, ваш липовый робот заявил, что его превратили в детектива при помощи какого-то дополнительного устройства в позитронном мозгу. Устройства, которое, видите ли, вызывает в нем стремление к справедливости.

— Готов поручиться за это, — ответил Фастольф. — Три дня назад я лично наблюдал за этой операцией.

— Но стремление ***к справедливости!*** Справедливость, доктор Фастольф, — это абстрактное понятие. Оно доступно только человеку.

— Если вы определяете «справедливость», как абстрактное понятие, как стремление воздать каждому по заслугам, как стремление к правде и тому подобное, то я согласен с вами, мистер Бейли. Человеческое понимание абстракции не может быть заложено в позитронный мозг, по крайней мере при нынешнем уровне наших знаний.

— Значит, вы это признаете, как специалист по роботехнике?

— Конечно. Вопрос лишь в том, что подразумевал Р. Дэниел под словом «справедливость»?

— Он подразумевал именно то, что могли бы подразумевать вы, или я, или любой другой человек, но никак не робот.

— Почему бы нам, мистер Бейли, не попросить его дать свое определение справедливости?

На мгновение Бейли смешался, но тут же повернулся к Р. Дэниелу.

— Ну?

— Да, Илайдж?

— Каково ваше определение справедливости?

— Справедливость, Илайдж, — это полное соблюдение всех законов.

Фастольф кивнул.

— Для робота это хорошее определение, мистер Бейли. Р. Дэниелу задано стремление следить за соблюдением всех законов. Справедливость у Р. Дэниела — вполне конкретное понятие, поскольку оно основано на соблюдении законов, конкретных, недвусмысленных законов. Здесь нет никакой абстракции. Человеку же, который исходит из каких-то абстрактных категорий морального порядка, некоторые законы могут казаться плохими, а проведение их в жизнь — несправедливостью. Как по-вашему, Р. Дэниел?

— Несправедливый закон, — ответил спокойно Р. Дэниел, — это терминологическое противо-

речие.

— Для робота — да, мистер Бейли. Так что, как видите, не следует смешивать его справедливость с нашей.

Бейли резко повернулся к Р. Дэниелу и сказал:

— Вчера ночью вы отлучались из моей квартиры.

— Да, — ответил Р. Дэниел, — и прошу извинения, если нарушил этим ваш сон.

— Куда вы уходили?

— В мужской туалетный блок.

Бейли был обескуражен. Он и сам был в этом уверен, но не ожидал, что Р. Дэниел сознается так легко. Он почувствовал себя немного неуверенно, но решил, что им все равно не удастся сбить его с толку. Комиссар напряженно следил за разговором, быстро переводя взгляд с одного на другого. Отступать было некуда, надо держаться до конца, какие бы хитроумные доводы они ни приводили.

— Когда мы дошли до нашего сектора, — начал Бейли, — он захотел войти со мной в туалетную. Причем предлог нашел для этого неубедительный. Ночью же, как он сейчас это сам признал, он пошел туда снова. Будь он человеком, я бы сказал, что это вполне естественно. Это ясно? Роботу же

там делать нечего. Следовательно, вывод может быть один: он — человек.

Фастольф согласно кивнул ему. Он по-прежнему сохранял свое вежливое спокойствие.

— Весьма интересно, — сказал он. — Почему бы нам не спросить об этом самого Р. Дэниела?

Комиссар Эндерби подался вперед.

— Помилуйте, доктор Фастольф, — пробормотал он, — как можно?

— Не беспокойтесь, комиссар. — Губы Фастольфа скривились в нечто напоминавшее улыбку, но это не было улыбкой. — Я убежден, что ответ Дэниела не оскорбит ваших с мистером Бейли чувств. Так скажите же нам, Р. Дэниел: куда вы отлучались прошлой ночью?

— Покидая нас вчера вечером, жена Илайджа, Джесси, была уверена, что я человек, и это было видно по ее отношению ко мне. Вернулась она, уже зная, что я робот. Из этого явствует вывод, что эти сведения она получила вне квартиры. Следовательно, вчера вечером наш разговор на квартире у Илайджа был подслушан.

Илайдж сказал мне, что их квартиры звуконепроницаемы. Мы разговаривали негромко. Значит, обычное подслушивание отпадает. Однако известно, что Илайдж работает в полиции.

Если в городе существуют заговорщики, которые сумели организовать убийство доктора Сартона, они с таким же успехом могли узнать, что расследование поручено Бейли. Поэтому вполне возможно, даже вероятно, что его квартира прослушивалась лучевыми подслушивателями.

После того как Илайдж и Джесси отправились спать, я как мог обыскал квартиру, но передатчика не обнаружил. Это усложнило задачу. Сдвоенный луч с фокусировкой прекрасно справляется и без передатчика, но устройство такого подслушивателя — дело довольно сложное.

Анализ ситуации привел меня к следующему выводу. Единственным местом, где житель Земли может заниматься чем угодно, не опасаясь постороннего вмешательства, является туалетный блок. Он может даже установить там сдвоенный подслушиватель. Никто и не посмотрит в его сторону, настолько интимным считается у землян пребывание в туалетной. Квартира Илайджа находится недалеко от туалетных блоков их сектора, так что фактор расстояния значения не имеет. Здесь мог использоваться портативный аппарат. Поэтому я отправился в туалетный блок.

— Что же вы там обнаружили? — быстро спросил его Бейли.

— Ничего, Илайдж Никаких признаков лучевого подслушивателя.

— Ну как, мистер Бейли, это звучит убедительно, не так ли? — обратился к нему Фастольф.

— Может быть, и убедительно, да только чертовски далеко от правды, — ответил Бейли с прежней уверенностью в голосе. — Чего он не знает, так это где и, главное, когда жена узнала об этом. А узнала она, что он робот, как только вышла из дома. Причем к тому времени слухи уже несколько часов ходили по городу. Поэтому слух, что он робот, не мог быть результатом подслушивания вчерашнего разговора.

— Тем не менее, — настаивал доктор Фастольф, — можно считать, что он объяснил причину своего посещения туалетной.

— Тогда пусть попытается объяснить следующее: где и каким образом просочился этот слух? — возбужденно отозвался Бейли. — Как люди узнали, что в городе робот космонитов? Насколько мне известно, только двое знали об этом — комиссар Эндерби и я, и мы держали это в секрете… Комиссар, кто-нибудь еще в управлении был в курсе дела?

— Никто, — ответил комиссар нервно. — Даже мэра я не информировал. Только мы с вами и

доктор Фастольф.

— Да он, — указал Бейли на Р. Дэниела.

— Я? — спросил Дэниел.

— Разумеется.

— Я все время был с вами, Илайдж.

— Ничего подобного! — воскликнул Бейли свирепо. — До того, как мы пришли на квартиру, я полчаса, а то и дольше оставался в туалетной. На это время я потерял вас из виду. Тогда-то вы и связались со своими людьми в городе.

— С какими людьми? — удивился Фастольф.

— С какими людьми? — почти одновременно раздался голос Эндерби.

Бейли встал со стула и повернулся к экрану приемника.

— Комиссар, прошу вас внимательно меня выслушать. Нам сообщают об убийстве, и по любопытному стечению обстоятельств оно происходит именно в тот момент, когда вы направляетесь в Космотаун на свидание с жертвой. Вам показывают труп, который выдают за труп человека, и тут же его уничтожают, чтобы исключить возможность более тщательного смотра.

Космониты заявляют, что убийца — житель Земли, но единственное их объяснение того, как это могло произойти, звучит смехотворно: по их

версии человек должен был ночью, в одиночку, выйти из города и пересечь открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. Не мне вам говорить, как чертовски невероятно это звучит.

Затем они посылают в город своего так называемого робота, фактически они навязывают его нам. Первое, что делает этот робот, попав в город, — он угрожает людям бластером. Затем он распускает слух о том, что в город проник робот космонитов. Между прочим, Джесси сказала, что стали известны даже такие детали, как то, что, мол, робот сотрудничает с полицией. Это значит, что скоро люди узнают, кто угрожал им бластером. Быть может, уже сейчас слухи о роботе-убийце растекаются по дрожжевым фермам и гидропонным установкам Лонг-Айленда.

— Невероятно! Это невозможно! — простонал Эндерби.

— Нет, возможно. Именно это и происходит, комиссар. Да, в городе существует заговор, но направляется он из Космотауна. Космонитам необходимо сообщение об убийстве. Им нужны беспорядки. Им нужно нападение на Космотаун. Чем серьезнее обернется дело, тем лучше для них, — тогда на нас обрушатся их корабли и оккупируют все города Земли.

— Но у нас был для этого повод двадцать пять лет назад — Барьерные бунты, — мягко возразил Фастольф.

— Тогда вы не были к этому готовы. Не то что сейчас. — У Бейли бешено колотилось сердце.

— Вы приписываете нам слишком сложный заговор, мистер Бейли. Если бы мы хотели оккупировать Землю, то сделали бы это более простым способом.

— Не тут-то было, доктор Фастольф. Ваш фальшивый робот проговорился, что на Внешних Мирах нет единодушия относительно Земли. Кстати, тогда он, видимо, говорил правду. Быть может, открытая оккупация была бы не по душе вашим народам. Быть может, для этого вам и понадобилось какое-то из ряда вон выходящее происшествие.

— Вроде убийства, да? Так ведь? Значит, мы должны были бы его инсценировать. Надеюсь, вы понимаете, что даже ради такого повода мы не стали бы убивать своих.

— Нет. Но вы создали робота — точную копию доктора Сартона, выстрелили в него из бластера и после этого показали комиссару Эндерби.

— А затем, — подхватил доктор Фастольф, — поручили доктору Сартону изображать Р. Дэниела в

спровоцированном нами расследовании инсценированного убийства.

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Я утверждаю это в присутствии свидетеля, которого вы не можете уничтожить и который достаточно важная персона, чтобы ему поверило городское правительство и сам Вашингтон. Вы не застанете нас врасплох, и нам известны ваши намерения. Если будет необходимо, наше правительство обратится непосредственно к вашему народу и разоблачит вас. Сомневаюсь, чтобы он смирился с такой авантюрой межзвездного масштаба.

Фастольф покачал головой.

— Простите, мистер Бейли, но ваши слова лишены смысла. У вас поистине поразительные идеи. Давайте предположим, лишь допустим, что Р. Дэниел — действительно Р. Дэниел. Допустим, что он в самом деле робот. Не следует ли из этого, что комиссар Эндерби видел труп доктора Сартона? Едва ли разумно полагать, что этот труп был еще одним роботом. Комиссар Эндерби видел, как создавался Р. Дэниел, и может поручиться, что существует только единственный экземпляр.

— Если на то пошло, — упорствовал Бейли, — то комиссар не специалист по роботехнике. Может, у вас дюжина таких роботов.

— Не уклоняйтесь, мистер Бейли, что, если Р. Дэниел действительно робот? Не рухнет ли вся система ваших рассуждений? Сможете ли вы и тогда отстаивать эту выдуманную вами версию мелодраматического и немыслимого межзвездного заговора?

— Если он робот! Я утверждаю, что это человек.

— И все же, мистер Бейли, вы не до конца изучили проблему, — возразил Фастольф. — Для того чтобы отличить робота, даже человекоподобного робота, от живого человека, вовсе не нужно делать заведомо шатких выводов из его реплик и поступков. Вы, например, пробовали кольнуть Р. Дэниела булавкой?

— Что? — У Бейли отвисла челюсть.

— Это простой опыт. Есть и более сложные. Его кожа и волосы выглядят как настоящие, но пробовали ли вы рассмотреть их при достаточном увеличении? Затем, кажется, что он дышит, особенно когда ему нужен воздух для произнесения слов. Но заметили ли вы, что его «дыхание» неритмично, что по нескольку минут он вообще не производит дыхательных движений? Наконец, можно было бы провести анализ выдыхаемого воздуха на содержание в нем окиси углерода.

Можно было бы попытаться взять анализ его крови, проверить его пульс или сердцебиение. Вы понимаете, к чему я клоню, мистер Бейли?

— Все это слова, — произнес Бейли сдавленным голосом. — Меня на пушку не возьмешь. Неужто вы думаете, что, если бы я даже и захотел, ваш липовый робот позволил бы мне приблизиться к нему со шприцем, стетоскопом или микроскопом?

— Конечно, да. Но не будем спорить, — ответил Фастольф и подал Р. Дэниелу какой-то знак.

Р. Дэниел притронулся к манжете правого рукава, и диамагнитный шов распался по всей его длине, обнажив гладкую мускулистую руку, на вид ничем не отличающуюся от человеческой. Она была покрыта короткими рыжеватыми волосами, совсем как у человека.

— Ну и что? — не сдавался Бейли.

Р. Дэниел проделал какую-то манипуляцию со средним пальцем правой руки, что именно, Бейли не успел заметить, и точно так же как разошелся диамагнитный шов на рукаве, так его рука распалась надвое.

А внутри, под тонким слоем похожего на кожу материала, тускло поблескивали стальные тяги, шарниры и провода.

— Не хотите ли вы более тщательно осмотреть внутренности Р. Дэниела, мистер Бейли? — вежливо спросил доктор Фастольф.

Бейли почти не слышал этих слов из-за шума в ушах и неожиданно раздавшегося истерического с подвыванием хохота комиссара Эндерби.

Глава IX Разъяснение космонита

Шум в ушах Бейли все нарастал, и вот в нем уже потонул хохот комиссара. Комната и все, что в ней было, закачалась у него перед глазами; он потерял ощущение времени.

Хорошо, хоть он остался сидеть в прежней позе. Изображение комиссара исчезло; стенки объемного экрана больше не светились; рядом с ним сидел Р. Дэниел, зачем-то оттянувший участок кожи на его обнаженной выше локтя руке. Теперь Бейли различил медленно растворявшееся под кожей темное пятно на месте инъекции, исчезавшее у него на глазах.

Он окончательно пришел в себя.

— Вам лучше, партнер, Илайдж? — спросил его Р. Дэниел.

Ему было лучше. Он высвободил руку, опустил рукав и огляделся вокруг. Доктор Фастольф оста-

вался на своем месте; легкая улыбка смягчала черты его невзрачного лица.

— Я потерял сознание? — спросил Бейли.

— Что-то в этом роде, — сказал Фастольф. — Боюсь, что вы пережили сильное потрясение.

И тут Бейли все вспомнил. Он схватил Р. Дэниела за руку, задрав рукав рубашки как можно выше. На ощупь рука казалась мягкой, как у человека, но под верхним слоем прощупывалось что-то более твердое, нежели кость.

Р. Дэниел спокойно реагировал на действия детектива. А Бейли оглядывал его руку со всех сторон, ощупывал там, где у человека проходит срединная артерия. Вероятно, здесь должен быть незаметный шов.

Логично предположить, что он должен проходить именно здесь. Такого робота, с искусственным кожным покровом и настолько похожего на человека, нельзя ремонтировать обычным способом. Нагрудная плита не может держаться у него на заклепках. И вряд ли его черепная коробка укреплена на обычных шарнирах. Вероятнее всего, различные части его механического тела соединяются по линии микромагнитных полей. Рука, голова, все тело его, должно быть, распадаются надвое в нужном месте и соединяются от

прикосновения в другом.

Бейли бросил взгляд на экран.

— Где комиссар? — пробормотал он, сгорая от стыда.

— Неотложные дела, — ответил доктор Фастольф. — К сожалению, я посоветовал ему оставить нас и пообещал, что позабочусь о вас.

— Вы и так уже отлично обо мне позаботились, благодарю вас, — мрачно отозвался Бейли. — С этим покончено.

Он устало выпрямился, внезапно почувствовав себя очень старым. Слишком старым, чтобы начинать все сначала. Не надо обладать большой проницательностью, чтобы угадать, что его ждет впереди.

Комиссар в одинаковой степени и напуган и разгневан. Он холодно встретит Бейли и каждые пятнадцать секунд будет протирать свои очки. Тихим голосом — Джулиус Эндерби почти никогда не повышает голос на подчиненных — он будет втолковывать ему, как смертельно оскорблены космониты.

«С космонитами так разговаривать нельзя, Лайдж. Они этого не любят. — Голос Эндерби звучал у него в ушах со всеми оттенками интонации. — Я предупреждал вас. Ясно без слов, какой

огромный ущерб вы нанесли нам. Но учтите, я вас понимаю. Мне ясно, чего вы добивались. Будь это земляне — тогда другое дело. Я бы сказал; да, попытайтесь. Рискните. Выкурите их. Но космониты! Лайдж, надо было сказать мне. Посоветоваться со мной. Ведь я знаю их. Я вижу их насквозь».

А что Бейли ответит на это? Что как раз ему он и не хотел доверить свой план? Что риск был слишком велик, тогда как комиссар — человек слишком осторожный. Что именно Эндерби подчеркивал невероятную опасность как полного провала, так и нерассчитанного успеха. Что избежать деклассирования можно было, лишь доказав вину космонитов…

Тогда комиссар скажет;

«Придется написать рапорт, Лайдж. Будут всякие неприятности. Я знаю космонитов. Они потребуют вашего отстранения, и мне придется подчиниться. Вы ведь понимаете, в чем дело, Лайдж, верно? Я постараюсь облегчить вашу участь. Можете рассчитывать на меня. Я как смогу буду отстаивать вас, Лайдж».

Именно так оно и будет. Комиссар выступит в его защиту., но лишь в известных пределах. Он побоится, например, навлечь на себя гнев мэра.

«Черт побери, Эндерби! — раскричится мэр. — Что за безобразие! Почему не посоветовались со мной? Кто в конце концов хозяин в городе? Кто разрешил этому Бейли…»

И если положение самого комиссара окажется под угрозой, то ему будет не до Бейли. Собственно, Эндерби тут ни при чем.

Лучшее, на что Бейли может теперь рассчитывать, — это разжалование — вещь довольно отвратительная. Условия жизни в современном городе таковы, что даже полностью деклассированным обеспечен прожиточный минимум. Но он слишком хорошо знает, как низок этот минимум.

Лишь занимаемая должность обеспечивает скрашивавшие жизнь мелочи: будь то удобное место в экспрессе, лучшее блюдо в столовой или более короткая очередь еще где-нибудь. Можно подумать, что философскому уму присуще пренебрегать подобными мелочами.

Но ни один человек, как бы философски настроен он ни был, не может без боли отказаться от привилегий, когда-то прежде им полученных. В этом все дело.

Какое ничтожное бытовое удобство представляет собой индивидуальный умывальник, если

учесть, что целых тридцать лет Бейли пользовался общими душевыми и это не казалось ему обременительным. Но если бы он лишился его, как унизительно и невыносимо стало бы снова ходить в душевые! С какой сладостной тоской вспоминал бы он о бритье у себя в спальне, как жалел бы об утраченной роскоши!

Среди современных публицистов стало модно с высокомерным осуждением толковать о меркантилизме прежних времен, когда экономикой правили деньги. Конкурентная борьба за существование, утверждают они, жестока. Ни одно по-настоящему сложное общество не может существовать из-за напряженных усилий, вызванных вечной борьбой за «чистоган». (Ученые по-разному толкуют слово «чистоган», однако общий его смысл сомнений не вызывает.)

И наоборот, они высоко превозносят современный «коллективизм», как наиболее продуктивную и просвещенную форму общества.

Может, это и так. Одни произведения романтизируют прошлое, другие — полны сенсации. Медиевисты же считают, что индивидуализм и инициатива расцвели благодаря именно меркантилизму.

Как бы то ни было, сейчас Бейли терзала одна

мысль: «Действительно, доставался ли когда-то человеку этот „чистоган“, что бы он ни означал, тяжелее, чем жителю города достается его право съесть на воскресный ужин куриную ножку — мясистую ножку некогда живой птицы».

«За себя я не боюсь, — подумал Бейли. — Вот как быть с Джесси и Беном?».

В его мысли ворвался голос доктора Фастольфа:

— Мистер Бейли, вы меня слышите?

Бейли вздрогнул:

— Да.

Как долго стоял он, застыв как истукан?

— Прошу вас присесть, сэр. Теперь, когда вы обдумали свои проблемы, быть может, вы пожелаете посмотреть пленку, снятую нами на месте преступления?

— Нет, благодарю вас. У меня дела в городе.

— Но ведь дело доктора Сартона важнее.

— Не для меня. Я уже, наверное, отстранен. — Тут он внезапно взорвался: — Черт возьми, если вы могли доказать, что Р. Дэниел робот, почему вы сразу этого не сделали? Зачем было устраивать какой-то фарс?

— Дорогой мистер Бейли, меня очень интересовали ваши выводы. Что касается отстранения,

то я в этом сомневаюсь. Я уже просил комиссара оставить вас. Полагаю, что он согласится.

Бейли с неохотой опустился на стул.

— Чем вызвана ваша просьба? — спросил он недружелюбно.

Доктор Фастольф забросил ногу на ногу и вздохнул.

— Мистер Бейли, мне встречались только два типа землян: бунтовщики и политиканы. Ваш комиссар нам полезен, но он увлекается политикой. Он говорит нам то, что нам хочется услышать. Он нас обхаживает, так сказать. Вы же приходите сюда и обвиняете нас в чудовищных преступлениях и стараетесь доказать свою правоту. Мне это понравилось. Это отрадное явление.

— Отрадное ли? — с сарказмом переспросил его Лайдж Бейли.

— Определенно. Вы тот человек, с которым можно говорить откровенно. Вчера ночью, мистер Бейли, Р. Дэниел связался со мной по субэтеральному каналу. Кое-что в его сообщении о вас меня заинтересовало. Например, ваши книгофильмы.

— А что в них особенного?

— Большинство из них на исторические и археологические темы. Значит, вы интересуетесь человеческим обществом и кое-что знаете об его

эволюции.

— Даже полицейский, если пожелает, может посвящать свободное время книгофильмам.

— Совершенно верно. Но мне нравится их тематика. Ваш интерес к истории поможет мне объяснить вам кое-что. Прежде всего, речь пойдет об исключительности жителей Внешних Миров. Вот мы живем в Космотауне, не бываем в городе, очень редко и со всякими ограничениями общаемся с землянами. Мы дышим наружным воздухом, но при этом пользуемся фильтрами. И сейчас у меня в ноздрях фильтры, на руках перчатки, и я стараюсь не подходить к вам близко. Как вы думаете, почему?

— Нет смысла гадать, — угрюмо ответил Бейли. «Теперь его черед говорить».

— Как многие земляне, вы могли бы ответить: потому что вы, мол, презираете землян и из опасения утратить свое превосходство не хотите, чтобы вас касалась даже их тень. Но это не так. Правильный ответ очевиден. Тот медицинский осмотр, который вы прошли, а также душ и прочее, вовсе не часть ритуала. Они продиктованы необходимостью.

— Болезни?

— Да, болезни. Дорогой мистер Бейли, первые

земляне, завоевавшие Внешние Миры, оказались на планетах, где полностью отсутствовали бактерии и вирусы. Они привезли своих, разумеется, но вместе с тем они обладали совершенными медицинскими и микробиологическими методами. Тем более, что им пришлось иметь дело с малым количеством микроорганизмов при полном отсутствии промежуточных хозяев — кормильцев паразитов. Не было ни комаров — разносчиков малярии, ни улиток, распространяющих шистозоматоз. Поэтому разносчики болезней были скоро уничтожены, а полезные бактерии беспрепятственно размножались. Постепенно на Внешних Мирах болезни исчезли. Естественно, со временем к иммигрантам с Земли стали предъявляться все более строгие требования, так как Внешние Миры все больше и больше опасались заразных болезней.

— А вы когда-нибудь болели, доктор Фастольф?

— Да, но не инфекционными болезнями. Мы подвержены таким заболеваниям, как, например, атеросклероз, но у меня никогда не было того, что вы называете гриппом. Заразись я им, я бы наверное не выжил. У меня к нему нет никакой сопротивляемости. Вот в чем беда всех жителей Космотауна. И все мы очень рискуем. Ведь Земля

кишит болезнями, от которых у нас нет защиты, естественной защиты. Вы сами являетесь носителем микробов почти всех известных болезней. Вы этого не чувствуете, поскольку постоянно контролируете их при помощи антител, выработанных вашим организмом за многие годы. В моем организме антител нет. Вы удивляетесь, почему я стараюсь держаться подальше от вас? Поверьте мне, мистер Бейли, только в целях самозащиты.

— Если это так, почему не растолковать это землянам? — предложил Бейли. — Объяснить, что дело не в вашей заносчивости, а в той реальной опасности, которая вам угрожает.

Космонит покачал головой.

— Нас мало, мистер Бейли, к тому же нас не любят, как всех иностранцев. Мы сохраняем нашу безопасность, поддерживая в ваших людях шаткое представление о нас, как о существах высшего порядка. Мы не можем уронить свой престиж, признав, что мы просто боимся приблизиться к жителю Земли. По крайней мере, до тех пор, пока земляне и космониты не научатся понимать друг друга.

— Если положение не изменится, это произойдет не скоро. Мы… они ненавидят вас как раз за это мнимое превосходство.

— В этом вся проблема. Не думайте, что мы этого не понимаем.

— Комиссар знает обо всем этом?

— Мы с ним никогда так откровенно не беседовали. Наверное, догадывается. Он ведь умный человек.

— В таком случае он должен был рассказать мне об этом, — как бы про себя произнес Бейли.

Доктор Фастольф удивленно поднял брови.

— И тогда вы не стали бы подозревать в Р. Дэниеле космонита. Так ведь?

Бейли только слегка пожал плечами.

— И вы были бы правы, — продолжал Фастольф. — Помимо психологических трудностей — влияния на нас ужасного шума и толп людей, — можно прямо сказать, что войти на территорию города для любого из нас равносильно самоубийству. Вот почему доктор Сартон предложил создать человекоподобных роботов, которые вместо людей могли бы общаться..

— Да, да. Р. Дэниел рассказывал мне.

— И вы это осуждаете?

— Послушайте, — сказал Бейли, — раз уж мы говорим откровенно, позвольте задать вам простой вопрос. Зачем вы, космониты, пришли на Землю? Почему бы вам не оставить нас в покое?

Доктор Фастольф не скрывал своего удивления.

— Разве вы довольны жизнью на Земле?

— У нас не так уж плохо.

— Верно, но всегда ли так будет? Население ваше постоянно растет; вам все труднее и труднее вырабатывать необходимое количество калорий. Земля зашла в тупик, мой дорогой.

— Нам не так плохо, — упрямился Бейли.

— Но и не хорошо. Нью-Йорк тратит массу усилий на то, чтобы добывать себе воду и удалять отбросы. Атомные электростанции работают на уране, запасы которого скудеют даже на других планетах нашей системы, а потребности в нем все возрастают. Жизнь города зависит от того, вовремя ли прибудет древесная масса для дрожжевых баков или минеральные соли для гидропонных установок. Наконец, проблема вентиляции. Иными словами, сохраняемое равновесие зависит от тысяч и тысяч разнообразных проблем, которые усложняются с каждым годом. Что произойдет с Нью-Йорком, если нарушить это равновесие хотя бы на час?

— Этого еще никогда не случалось.

— Но может случиться в будущем. В примитивные времена населенные центры были почти

полностью независимы и потребляли продукцию близлежащих ферм. Только стихийное бедствие — наводнение, эпидемия или неурожай — могли причинить им вред. О ростом этих центров и развитием техники стало возможным преодолевать бедствия местного характера, привлекая помощь извне, издалека. В результате огромные территории Земли стали зависеть друг от друга. Города медиевальных времен, даже самые крупные, могли просуществовать на своих запасах, в том числе неприкосновенных, по крайней мере, в течение недели. Когда Нью-Йорк только стал современным городом, он мог прожить на своих запасах в течение дня. Сейчас он не продержится и часа. То бедствие, которое десять тысяч лет назад ощущалось бы как неудобство, тысячу лет назад — как серьезная помеха, сто лет назад — как большая проблема, — сегодня такое бедствие было бы равносильно катастрофе.

Бейли заерзал на стуле.

— Я это слышал и раньше. Наши медиевисты хотят покончить с городами. Они призывают вернуться назад к природе и заняться возделыванием земли. Они просто рехнулись: это невозможно. Нас слишком много, и историю нельзя повернуть вспять. Конечно, если бы не

ограничивалась эмиграция на Внешние Миры.

— Вы знаете, почему она ограничивается.

— Тогда что нам делать? Вы топчетесь на одном месте.

— Почему бы не освоить новые миры? Галактика насчитывает сотни миллиардов звезд. Предполагается, что миллионы планет годны или могут быть сделаны годными для жизни.

— Это нелепость.

— Почему? — горячо возразил Фастольф. — Почему нелепость? Земляне осваивали планеты в прошлом. Более тридцати из пятидесяти Внешних Миров, включая нашу Аврору, были освоены самими землянами. Разве теперь это невозможно?

— Ну, знаете ли..

— Не можете ответить?! Тогда я вам скажу. Если это и невозможно, то только потому, что на Земле процветает культ стальных городов. До их появления вы были свободнее и могли оторваться от Земли, чтобы начать все сначала на чужой планете. Вы делали это не менее тридцати раз. А сейчас земляне так изнежились, так увязли в своих стальных пещерах, что им не выбраться оттуда вовек. Вы сами, мистер Бейли, не могли представить, что горожанин способен пересечь

открытое пространство на пути в Космотаун. Пересечь же космическое пространство к новому миру для вас должно быть труднее во сто края. Урбанизм разъедает Землю, сэр.

— Даже если это и так, — рассердился Бейли, — какое нам до этого дело? Мы сами решим свои проблемы. А если не решим, значит, таким будет наш особенный путь в ад.

— Лучше свой собственный путь в ад, чем чужая дорога в рай? — съязвил Фастольф. — Однако я понимаю вас. Едва ли приятно слушать проповеди чужестранца. А вот мы не отказались бы от поучений со стороны, ибо у нас тоже есть проблемы, причем аналогичные вашим.

— Перенаселенность? — криво усмехнулся Бейли.

— Аналогичные, но не одинаковые. Мы страдаем от недостатка населения. Как вы думаете, сколько мне лет?

— Я бы сказал — шестьдесят, — умышленно завысил его возраст Бейли.

— А надо было сказать: сто шестьдесят.

— Неужели?

— А если быть точным, то скоро мне стукнет сто шестьдесят три года. Здесь нет никакого подвоха. Мой возраст исчисляется стандартным земным

годом. Если мне повезет, и я буду за собой следить, и, самое главное, не подхвачу какую-нибудь земную болезнь, то доживу лет до трехсот. Многие жители Авроры достигают возраста трехсот пятидесяти лет. Причем средняя продолжительность жизни у нас постоянно растет.

Бейли оглянулся на Р. Дэниела (который за это время не проронил ни слова) будто за подтверждением.

— Но как это возможно? — недоуменно спросил он.

— В недонаселенном обществе большое внимание уделяется геронтологии — науке о старении организма. В вашем мире удлинение срока жизни было бы бедствием. Вы просто не можете себе позволить нового роста населения. На Авроре же хватает места и для трехсотлетних стариков. Чем длиннее жизнь, тем больше человек дорожит ею.

Умри вы сейчас, вы, возможно, потеряли бы ну сорок, а то и меньше лет жизни. Я же потерял бы не меньше полутораста лет. Поэтому в нашей цивилизации важнейшую роль приобретает жизнь индивидуума. Уровень рождаемости у нас низок, а рост населения строго контролируется. И чтобы обеспечить наилучшие условия существования

для каждого человека, мы поддерживаем определенное соотношение между количеством людей и роботов. Естественно, что мы тщательно отбираем умственно и физически неполноценных детей, не давая им достигнуть зрелого возраста.

Бейли прервал его:

— Значит, вы их убиваете, если они не…

— Если они не отвечают требованиям. Совершенно безболезненно, заверяю вас. Вас это шокирует, так же как нерегулируемое развитие землян шокирует нас.

— Оно регулируется, доктор Фастольф. Каждой семье разрешается иметь определенное количество детей.

Доктор Фастольф снисходительно улыбнулся.

— Определенное количество любых детей, а не ***здоровых*** детей.

— Но кто решает, каким детям жить?

— Вопрос довольно сложный, и на него сразу не ответишь. Когда-нибудь мы с вами поговорим об этом поподробнее.

— Ну так в чем ваши трудности? Похоже, что вы довольны своим образом жизни.

— Он стабильный. Вот в чем беда. Он слишком стабильный.

— Вам не угодишь, — заметил Бейли. — Мы, по-

вашему, стоим на пороге невообразимого хаоса, ваши же порядки слишком стабильны.

— Стабильность может быть чрезмерной. За два с половиной столетия ни один из Внешних Миров не пытался осваивать новые планеты. Этого не предвидится и в будущем. Мы живем слишком долго и в слишком хороших условиях, чтобы рисковать.

— Быть может, это и так, доктор Фастольф. Но вы-то прилетели на Землю? Вы рискуете жизнью?

— Конечно. Среди нас есть люди, мистер Бейли, которые считают, что прогресс человечества стоит такого риска. К сожалению, нас пока мало.

— Ладно. Мы, кажется, подходим к самому главному. Какую роль в этом играет Космотаун?

— Пытаясь увеличить на Земле количество роботов, мы стремимся нарушить равновесие вашей экономики.

— Так-то вы собираетесь нам помочь! — Губы Бейли дрогнули. — То есть вы хотите, чтобы становилось все больше смещенных из-за роботов и деклассированных?

— Отнюдь не из-за жестокости или бессердечия, поверьте мне, — убеждал его доктор Фастольф. — Эти смещенные, как вы их называете, составят

ядро будущих переселенцев на новые планеты. Кстати, вашу древнюю Америку открыли корабли, экипажи которых были укомплектованы преступниками. Разве вы не видите, что город бросает своих смещенных на произвол судьбы. Терять им нечего, но, покинув Землю, они завоюют себе лучшую жизнь.

— Но из этого ничего не получается.

— Пока — нет, — грустно согласился Фастольф. — Что-то здесь не так. Всему виной отвращение землян к роботам. А ведь именно роботы могут сопровождать людей, помочь им устроиться на необжитых планетах и, наконец, освоить их.

— Ну и что потом? Новые Внешние Миры?

— Нет. Внешние Миры появились еще до возникновения на Земле стальных городов. Новые же колонии будут созданы людьми, которые жили в крытых городах и к тому же знакомы с культурой C/Fe. Это будет синтез того и другого, своего рода гибрид. Если же оставить все постарому, то вскоре начнет разрушаться земная цивилизация, а несколько позднее наступит черед медленного загнивания и распада культуры Внешних Миров. Новые колонии внесут что-то свежее, так как будут сочетать в себе то лучшее, что есть в обеих цивилизациях. Их благотворное

влияние на более старые миры, включая Землю, поможет и нам зажить новой жизнью.

— Не знаю, не знаю… Все это очень туманно, доктор Фастольф.

— Да, это мечта. Поразмыслите над этим. — С этими словами космонит резко встал на ноги. — Я провел с вами больше времени, чем намеревался. Кстати, больше, чем положено с точки зрения безопасности здоровья. Вы разрешите мне оставить вас?

Бейли и Р. Дэниел вышли наружу, и снова сверху, но под другим углом на них лились потоки солнечного света, теперь уже более желтого оттенка. У Бейли возникла неясная мысль: «Как выглядит солнечный свет на другой планете? Может быть, он не такой яркий и слепящий. Может быть, он более приятный?» Другой мир? Безобразный космонит с оттопыренными ушами наполнил его ум странными мыслями. Интересно, пришлось ли однажды докторам с Авроры задуматься над тем, оставить жизнь ребенку по имени Фастольф, или нет? Не слишком ли он безобразен? А может, внешность вообще не принимается в расчет? В каких случаях отталкивающий вид считается уродством и какие виды уродства..

Но как только исчез солнечный свет и они вошли в первую дверь, ведущую к душевым, настроение у него изменилось.

Бейли в отчаянии затряс головой. Все это чепуха. Заставлять землян эмигрировать и устраиваться на новом месте! Какая чушь! Чего они в действительности добиваются? Ответ на это ему найти не удалось.

Служебная машина медленно катилась по проезжей части коридора. Бейли вновь почувствовал себя в реальном мире. На правом бедре он ощущал теплую, успокаивающую тяжесть своего бластера. Таким же теплом и спокойствием повеяло на него от шумной, бурлящей жизни огромного города.

В тот момент, когда они въезжали на его территорию, Бейли почувствовал какой-то странный, едва уловимый запах.

«Это пахнет город?» — удивился он.

Он подумал о двадцати миллионах человеческих существ, загнанных за стальные стены огромной пещеры, и в первый раз в жизни почуял их запах своими ноздрями, омытыми чистым наружным воздухом.

Интересно, как будет на другой планете? Меньше народу и больше воздуха. Значит, чище?

Но вокруг них шумел вечерний Нью-Йорк, а запах постепенно ослабевал и, наконец, исчез совсем, и Бейли стало неловко за свои мысли.

Он медленно нажал на рычаг управления и увеличил подачу лучистой энергии в двигатель. Машина резко увеличила скорость и нырнула в пустоту автотуннеля.

— Дэниел. — сказал Бейли.

— Да, Илайдж?

— Зачем доктор Фастольф рассказывал мне все это?

— Вполне вероятно, Илайдж, что он хотел показать вам всю важность данного расследования. Мы с вами должны не только расследовать убийство, но и спасти Космотаун, а вместе с ним и будущее всей человеческой расы.

— Было бы больше проку, — сухо ответил Бейли, — если бы он показал мне место преступления и позволил допросить тех, кто обнаружил труп.

— Сомневаюсь, чтобы вы узнали что-нибудь новое, Илайдж. Мы тщательно проверили все сами.

— Так ли уж тщательно? Вы ничего не нашли. У вас нет никаких улик. Вы не знаете, кого подозревать.

— Не знаем, вы правы. Ответ нужно искать в городе… Точнее говоря, мы подозреваем одно лицо.

— Как так? Что же вы раньше не сказали?

— Я не считал это необходимым, Илайдж. Да и для вас не секрет, что подозрение могло автоматически пасть лишь на одного человека.

— На кого? Кто это, черт побери?

— Единственный житель Земли, кто оказался на месте преступления, — комиссар Джулиус Эндерби.

Глава X
Вечер полицейского детектива

Служебную машину занесло в сторону, и она резко остановилась перед слепой бетонной стеной автотуннеля. Урчание мотора прекратилось, наступила мертвая тишина.

Бейли повернулся к сидящему рядом с ним роботу и неестественно спокойным голосом сказал:

— Что вы сказали?

Время растянулось, пока Бейли ждал ответа. Нарастал заунывный вибрирующий звук, который, достигнув своей невысокой вершины, стал постепенно затихать. Вероятно, в миле от них по каким-то своим делам пробиралась другая служебная машина. А может, это пожарная команда

спешила на встречу с огнем.

Где-то в уголке его мозга возникла отвлеченная мысль: «Найдется ли хоть один человек, который знает все автодороги, извивающиеся в чреве Нью-Йорка?»

Нет такой минуты ни днем, ни ночью, когда бы они совершенно пустовали. И все же там можно найти места, где в течение многих лет не ступала нога человека. Перед Бейли неожиданно с уничтожающей четкостью возник кинорассказ, который он видел еще в детстве.

Местом действия были автодороги Лондона, и все начиналось, как и положено, с убийства. Убийца пытался скрыться в заранее подготовленном убежище на одной из автодорог, в пыли которой за сотню лет отпечатались следы только его ботинок. В этом убежище он был бы в полной безопасности, покуда не закончатся розыски.

Но он свернул не в ту сторону и в безмолвном унынии извилистых коридоров произнес безумную и богохульную клятву, что назло всем богам найдет свое убежище.

С тех пор он ни разу не свернул в нужном направлении. Он бродил по нескончаемому лабиринту от Брайтонского сектора на Ламанше до Норвича и от Ковентри до Кентербери. Он про-

бирался, как крот, из одного конца громадного лондонского подземелья в другой, по всей юго-восточной оконечности Старой Англии. Его одежда превратилась в лохмотья, а ботинки истрепались вконец, силы изменяли ему, но никогда не покидали его совсем. Он устал, очень устал, но не мог остановиться. Он мог лишь идти вперед и вперед, туда, где его ждали неверные повороты.

Иногда до него доносился шум проезжающих машин, но они всегда оказывались в соседнем коридоре, и, как бы быстро он туда ни бросался (ибо теперь он бы с радостью сдался властям), коридоры всегда оказывались пустыми. Иногда он замечал далеко впереди выход, который мог вернуть ему жизнь и воздух, но, сколько бы он ни приближался к нему, выход мерцал еще дальше, а после очередного поворота исчезал вовсе.

Некоторым лондонским чиновникам доводилось видеть издали на подземных дорогах расплывчатый силуэт человека, который бесшумно брел навстречу, с мольбой протягивая к ним руки и беззвучно шевеля губами. Когда к нему приближались, он словно растворялся и исчезал.

Это был один из трех рассказов, которые из области дешевой беллетристики перешли в царство

фольклора. «Бродячего лондонца» знал весь мир.

В глубинах Нью-Йорка Бейли вспомнил этот рассказ, и ему стало не по себе.

Р. Дэниел заговорил, и его голос повторяло слабое эхо.

— Нас здесь могут подслушать, — насторожился он.

— Здесь? Никогда в жизни. Так что вы сказали о комиссаре?

— Он был на месте преступления, Илайдж. Он житель города. Естественно, что мы подозревали его.

— Подозревали? А сейчас?

— А сейчас — нет. Его невиновность была быстро доказана. Прежде всего, у него не было бластера. И не могло быть. Он проник в Космотаун обычным путем; это установлено точно. Как вам известно, все оставляют свое оружие при входе в Космотаун.

— Кстати, удалось вам обнаружить орудие убийства?

— Нет, Илайдж. Мы осмотрели все бластеры в Космотауне, и оказалось, что в течение нескольких недель они не были в употреблении. Проверка радиационных камер не оставляет никакого сомнения в этом.

— Следовательно, убийца либо так хорошо спрятал оружие, что…

— На территории Космотауна оно не обнаружено. Мы тщательно все осмотрели..

— Я пытаюсь представить себе все возможности, — нетерпеливо прервал его Бейли. — Значит, убийца спрятал оружие или унес его с собой.

— Совершенно верно.

— И если вы признаете только вторую возможность, значит, комиссар вне подозрений.

— Да. Для большей уверенности мы подвергли его цереброанализу.

— Какому анализу?

— Под цереброанализом я подразумеваю расшифровку электромагнитных полей живых мозговых клеток.

— Ага… — протянул неуверенно Бейли. — А что это вам дает?

— Мы получаем данные о типе нервной деятельности человека. В отношении комиссара Эндерби мы узнали, что он не способен на убийство доктора Сартона. Совершенно не способен.

— Верно, — согласился Бейли. — Не такой он человек. Я бы вам сразу это сказал.

— Лучше иметь объективные данные Естественно, все жители Космотауна согласились

пройти цереброанализ.

— И конечно, все вне подозрений.

— Несомненно. Поэтому мы убеждены, что убийца живет в городе.

— Что же, давайте пропустим всех жителей через эту вашу штучку.

— Это было бы не очень практично, Илайдж. Возможно, лиц, способных по темпераменту на такой поступок, оказалось бы миллионы.

— Так уж и миллионы… — проворчал Бейли и подумал о том далеком дне, когда толпы людей всячески поносили «грязных космонитов», и о недавней осаде обувного магазина не менее грозной толпой.

Бедный Джулиус. Подозреваемый!

Бейли вспомнил, как комиссар рассказывал ему об убийстве. «Это было жестоко, жестоко», — как сейчас слышал он его голос. Не удивительно, что от такого потрясения он уронил свои очки, а потом не хотел ехать с ним в Космотаун. «Я ненавижу их», — процедил он тогда сквозь зубы.

Несчастный Джулиус! Знаток космонитов. Человек, заслуга которого перед городом заключалась в том, что он умел с ними ладить. Интересно, помогало ли ему это делать карьеру?

Не мудрено, что он поручил расследование

Бейли. Преданный старина Бейли. Старый приятель! Уж он-то попридержит язык за зубами, если докопается до правды. «Интересно, — подумал Бейли, — как проводится этот цереброанализ?» Он представил себе огромные электроды, деловитые пантографы, вычерчивающие кривые на миллиметровке, автоматические устройства, со щелчком принимающие нужное положение.

Бедняга Джулиус! Если он сейчас в таком ужасном отчаянии, в каком у него есть все основания быть, значит, у него перед глазами стоит строгое лицо мэра, который держит в руках его заявление об уходе в отставку, а вместе с ним и конец его блистательной карьеры.

Тем временем машина скользнула в нижние этажи здания городского муниципалитета.

Было уже 14.30, когда Бейли добрался до своего письменного стола. Комиссара на месте не оказалось. Вечно улыбающийся Р. Сэмми не знал, куда комиссар отлучился.

Бейли некоторое время провел за размышлениями. Он даже не испытывал чувства голода.

В 15.20 к его столу подошел Р. Сэмми и сказал:

— Комиссар уже у себя, Лайдж.

— Спасибо, — поблагодарил его Бейли.

Впервые вид Р. Сэмми не вызвал у него раздра-

жения. В конце концов у Р. Сэмми было что-то общее с Р. Дэниелом, а Р. Дэниел отнюдь не такое существо — вернее, предмет, — который действует на нервы. «Интересно, — подумал Бейли, — как сложится жизнь на новой планете, где с самого начала у людей и роботов будут равные права?» Эта мысль нисколько не вывела его из себя.

Комиссар просматривал какие-то бумаги, делая на полях пометки.

— Ну и дали же вы маху в Космотауне! — сказал он.

Длинное лицо Бейли вытянулось еще больше от досады.

— Вы правы, комиссар. Мне очень жаль…

Эндерби бросил на него пристальный взгляд. Сейчас, впервые за последние тридцать часов, он выглядел самим собой.

— Ничего страшного, — сказал он. — Похоже, что Фастольф не обозлился, так что забудем об этом. Странный народ эти космониты. Вам повезло, Лайдж, хотя вы этого не заслужили. В следующий раз посоветуйтесь со мной, прежде чем надумаете изображать из себя героя-одиночку из субэтерикса.

Бейли молча кивнул. С его плеч свалилась огромная тяжесть. Он хотел с треском разобла-

чить космонитов, но у него ничего не вышло. Что ж, ладно. Его слегка удивило, как безразлично он относится к этому сейчас, но факт остается фактом.

— Послушайте, комиссар, — сказал он. — Мне нужна квартира на двоих, для меня с Дэниелом. Я не поведу его сегодня к себе.

— Что это вдруг?

— Всем стало известно, что он робот, понимаете? Может, ничего и не случится, но я не хочу подвергать опасности семью, если начнутся беспорядки.

— Чепуха, Лайдж. Я проверил. В городе нет никаких слухов.

— Но Джесси откуда-то узнала, комиссар.

— То есть нет организованных слухов. Ничего серьезного. Я занимался проверкой с тех пор, как отключился от дома Фастольфа. Собственно, я поэтому и ушел. Чтобы оперативно проверить источник слухов. Вот сообщения. Смотрите сами. Дорис Гиллид побывала в женских туалетных разных районов города. Вы знаете Дорис, она способная девушка. Она ничего не обнаружила, нигде.

— Тогда как об этом узнала Джесси, комиссар?

— Это можно понять. Р. Дэниел устроил спек-

такль в обувном магазине. Кстати, Лайдж, он действительно вынул бластер или вы немножко увлеклись?

— Он вынул его в самом деле. И даже направил на толпу.

Комиссар покачал головой.

— Ну ладно. Кто-то узнал его. Признал в нем робота.

— Погодите! — возмутился Бейли. — Его нельзя отличить от человека.

— Почему?

— Вы могли? Я вот не смог.

— Это не доказательство. Мы с вами не специалисты. Предположим, в толпе был роботехник с заводов в Уэстчестере. Профессионал — человек, который всю жизнь занимается перестройкой и конструированием роботов. Он замечает что-то странное в Р. Дэниеле. То, как Р. Дэниел говорит, или его манеру держаться. У него возникают сомнения. Может, он делится ими со своей женой, а та рассказывает подругам. Но это слишком неправдоподобно. Слухи замолкают. Люди не верят этому. Но до Джесси слухи успели дойти.

— Может быть, — неуверенно согласился Бейли. — Тем не менее как насчет комнаты на двоих?

Комиссар пожал плечами и поднял переговорную трубку. Через некоторое время он сказал:

— Вам могут дать лишь сектор Q-27. Соседство неважное.

— Ничего, сойдет.

— Кстати, где сейчас Р. Дэниел?

— Он просматривает картотеку. Пытается собрать сведения о подстрекателях.

— Боже правый, да ведь их миллионы!

— Я знаю, но он делает это с удовольствием.

Бейли уже было взялся за ручку двери, но неожиданно обернулся и спросил:

— Комиссар, доктор Сартон рассказывал вам о планах Космотауна? О внедрении культуры C/Fe?

— О чем?

— О введении роботов.

— Немного, — сказал комиссар равнодушно.

— Он говорил вам когда-нибудь, какие цели преследует Космотаун?

— О, улучшение здоровья людей, повышение жизненного уровня. Обычная болтовня, ничего нового. Конечно, я соглашался с ним. Поддакивал и все прочее. А что мне оставалось делать? Пусть себе тешится, авось далеко не зайдет. Быть может, когда-нибудь…

Бейли ждал, но так и не узнал, что может про-

изойти «когда-нибудь».

— А он говорил об эмиграции? — упорствовал он.

— Об эмиграции? Нет. Пустить жителя Земли на Внешние Миры им не легче, чем найти алмазный астероид в кольцах Сатурна.

— Я имею в виду эмиграцию на новые планеты.

На это комиссар ответил взглядом, полным откровенного скептицизма.

Бейли помолчал немного, а потом вдруг выпалил:

— Комиссар, что такое цереброанализ? Когда-нибудь слышали об этом?

Круглое лицо комиссара нисколько не изменилось; он спокойно ответил:

— Понятия не имею. А что это?

— Ничего. Просто услышал где-то..

Он вышел из кабинета и, усевшись за свой стол, снова погрузился в размышления. Не такой уж комиссар актер, чтобы так притворяться. Что ж тогда…

В 16.05 Бейли позвонил жене и сообщил ей, что ни сегодня, ни в течение нескольких следующих дней он не будет ночевать дома. После этого Джесси никак не хотела класть трубку.

— Лайдж, что случилось? Ты в опасности?

— Полицейский всегда в опасности, — объяснил он беспечным тоном.

Такой ответ, видимо, не устраивал ее.

— Где тебя искать?

Но он не хотел ей говорить.

— Если тебе будет вечером скучно, поезжай к своей матери, — сказал он поспешно и тут же отключил линию.

В 16.20 он заказал разговор с Вашингтоном. У него ушло много времени, чтобы разыскать человека, которому он звонил, и не меньше того, чтобы убедить его на следующий день вылететь в Нью-Йорк. К 16.40 ему это удалось.

В 16.55 из кабинета вышел комиссар и, проходя мимо Бейли, неопределенно ему улыбнулся. Дневная смена повалила к выходу. Те немногие, кто работал здесь вечером, при виде Бейли приветствовали его с различной степенью удивления в голосе.

К столу подошел Р. Дэниел с кипой бумаг в руках.

— Это что? — спросил Бейли.

— Список тех, кто может иметь отношение к организации медиевистов.

— Сколько же их набралось?

— Более миллиона, — сказал Р. Дэниел. — У меня только часть из них.

— И вы надеетесь все это проверить, Дэниел?

— Это было бы непрактично, Илайдж.

— Слушайте, Дэниел, почти все земляне медиевисты по натуре. Комиссар, Джесси и я сам. Возьмите, например, комиссара с его… (Он чуть было не сказал «очками», но вспомнил, что земляне должны держаться друг за друга и что нужно беречь лицо комиссара как в прямом, так и в переносном смысле…) с его украшением вокруг глаз, — невнятно закончил он.

— Да, я обратил на это внимание, но не решался спросить, что это такое, — сказал Р. Дэниел и добавил: — У других землян я не видел таких украшений.

— Это довольно старомодная штука.

— А для чего она служит?

Бейли оставил этот вопрос без ответа, а вместо этого спросил сам:

— Как вам удалось составить этот список?

— Его составила машина. Оказывается, машине можно дать определенную задачу, и она сделает все остальное. Я настроил ее на проверку всех случаев нарушения общественного порядка, связанного с роботами, за последние двадцать

пять лет. Другая машина просмотрела местные газеты приблизительно за тот же срок в поисках материалов, направленных против роботов или космонитов. Поразительно, как много можно сделать за три часа! Машина даже вычеркнула из списка тех, кого нет в живых.

— Чему вы удивляетесь? Ведь у вас тоже есть электронные машины.

— Конечно, и самые разнообразные. Очень совершенные. Но все они уступают вашим по величине и сложности. Нам такие и не нужны, учитывая тот факт, что население самого крупного из Внешних Миров едва достигает населения Нью-Йорка.

— Вы бывали на Авроре? — спросил его Бейли.

— Нет, — ответил Р. Дэниел. — Меня собрали на Земле.

— Откуда же вы знаете, какие там электронные машины?

— Ну, это просто, партнер Илайдж Моя электронная память содержит все, что знал покойный доктор Сартон. Можете не сомневаться, что в ней достаточно фактического материала о Внешних Мирах.

— Понятно. Вы можете есть пищу, Дэниел?

— Я работаю на ядерном топливе. Я думал, вы

знаете об этом.

— Прекрасно знаю. Я спросил, умеете ли вы есть, а не нуждаетесь ли вы в пище? Класть пищу в рот, пережевывать ее, глотать? Ведь это очень существенная деталь, без которой нельзя походить на человека.

— Я вас понял. Да, я могу производить механические операции жевания и глотания. Но емкость того, что вы могли бы назвать желудком, у меня мала, так что рано или поздно мне надо удалять поглощенный материал.

— Отлично. Вы его отрыгнете вечером, когда вернемся домой. Дело в том, что я проголодался. Я прозевал обед — черт его дери! — и хочу, чтобы вы пошли со мной в столовую. Вам придется делать вид, что вы едите, не то на вас живо обратят внимание. Поэтому я и спрашивал. Ну, поехали!

Все столовые жилых секторов города похожи одна на другую. Более того, Бейли доводилось бывать по делам в Вашингтоне, Торонто, Лос-Анджелесе, Лондоне и Будапеште, и там столовые точно такие же. Вероятно, в средневековую эпоху было иначе: тогда и языки и блюда были разные. Теперь всюду одни и те же дрожжи: от Шанхая до Ташкента и от Вашингтона до Буэнос-Айреса; что касается языка, то он перестал быть английским

Шекспира и Черчилля, а окончательно превратился в какой-то винегрет, которым пользовались на всех континентах и даже, с некоторыми изменениями, на Внешних Мирах.

Помимо языка и меню есть еще нечто такое, что еще больше сближает столовые. Это — специфический запах, не поддающийся определению, характерный запах столовой. Это — тройная очередь, медленно подвигающаяся к входу, сливающаяся у двери и снова разветвляющаяся влево, вправо и в центр. Это — людской гомон и шум от шарканья ног, в который врывается резкий перестук пластмассовой посуды. Это — отполированная до блеска имитация дерева, блики на стекле, длинные столы и облачка пара над тарелками.

Бейли медленно продвигался с очередью (несмотря на строгий график посещения столовой, в очереди приходится ждать по меньшей мере минут десять) и с неожиданным любопытством спросил Р. Дэниела:

— А вы умеете улыбаться?

Р. Дэниел, занятый тем, что внимательно вглядывался внутрь столовой, переспросил:

— Простите, Илайдж?

— Мне просто любопытно, Дэниел. Вы умеете

улыбаться? — сказал он шепотом.

Р. Дэниел улыбнулся Это была странная улыбка; его губы быстро растянулись в стороны и вверх, образовав на щеках две складки. Улыбался, однако, только рот. Улыбка не тронула большую часть лица робота.

Бейли покачал головой.

— Спасибо, Р. Дэниел. Лучше не улыбайтесь.

Они были у входа. Люди по очереди опускали свои жетоны в соответствующую прорезь автоматического контролера. Щелк, щелк, щелк…

Кто-то подсчитал, что четко работающая столовая может пропустить двести человек в минуту, причем жетоны каждого из них тщательно проверяются, чтобы каждый шел, куда положено, ел, что положено и сколько положено. Подсчитано также, какой длины должна быть очередь для максимальной эффективности столовой и сколько времени отнимает особое обслуживание.

Поэтому нарушение ритма работы столовой всегда имеет пагубные последствия. Именно в этом и были повинны Бейли и Р. Дэниел, когда они, миновав автомат, предъявили дежурной специальный пропуск.

Об этих последствиях Бейли как-то узнал от Джесси, хорошо осведомленной, как помощник

диетолога, о работе столовых.

— Все тогда идет кувырком, — рассказывала она ему. — Меняется закладка, меняется калькуляция. Приходится заниматься дополнительной проверкой. То есть надо сравнить чеки всех остальных столовых сектора, чтобы проверить, не слишком ли нарушен баланс. Понимаешь? Баланс полагается составлять каждую неделю. И если что-нибудь случилось и у тебя перерасход, то виновен в этом прежде всего ты. Городские власти, как всегда, ни при чем, хотя сами раздают талоны налево и направо. Еще бы! А какой шум поднимается, когда объявляем, что выбора блюд не будет… В общем, как обычно, все неприятности валятся на голову человека за прилавком. Ему всегда достается больше всех.

Бейли прекрасно помнил все это и спокойно воспринял тот холодный убийственный взгляд, который метнула в него из окошка дежурная. Она торопливо записывала: местожительство, род занятий, причина посещения чужой столовой («служебная командировка» — причина, вызывающая раздражение, но достаточно веская). Затем уверенными движениями она сложила чек и опустила его в прорезь. Электронный аппарат подхватил чек, поглотил его содержимое и пе-

реварил информацию. Дежурная повернулась к Р. Дэниелу.

Бейли добил ее.

— Мой приятель из другого города, — сказал он.

— Место постоянного жительства, пожалуйста, — спросила женщина с крайне недовольным видом.

И Бейли снова не дал Р. Дэниелу открыть рот.

— Сошлитесь на Полицейское управление. Детали не требуются. Находится здесь с официальным заданием.

Женщина рывком достала пачку чеков и заполнила их электронным кодом привычным нажатием двух пальцев правой руки.

— Долго вы будете у нас питаться? — спросила она.

— Впредь до дальнейшего уведомления, — ответил Бейли.

— Приложите сюда пальцы, — сказала она, перевернув бланк.

У Бейли екнуло сердце, когда Р. Дэниел приложил к бланку свои ровные, с блестящими ногтями пальцы. Да нет, едва ли они могли забыть такую важную деталь, как отпечатки пальцев.

Женщина взяла бланк и вставила его во все-

ядную машину, находившуюся у нее под рукой. Машина ничего назад не отрыгнула, и Бейли облегченно вздохнул.

Бейли и Р. Дэниел получили временные жетоны ярко-красного цвета. Женщина за конторкой, выдавшая им жетоны, строго предупредила:

— Сегодня выбора блюд нет. У нас перерасход продуктов. Ваш стол ДФ.

Они направились к столу ДФ.

— У меня создается впечатление, что большинство из вас регулярно питается в таких столовых, — заметил Р. Дэниел.

— Конечно. Правда, довольно неприятно ходить в незнакомую столовую. Ты никого здесь не знаешь. Другое дело в своем секторе: там всегда занимаешь определенное место, с тобой семья, твои друзья. А для молодежи это просто одно удовольствие. — И Бейли широко улыбнулся своим воспоминаниям.

Их стол, видимо, был предназначен для таких, как они, временных клиентов. Многие из них уже заняли свои места и сидели, молча уткнувшись в тарелки или с завистью поглядывая на другие столы, откуда доносились взрывы громкого смеха.

«Нет ничего хуже, — подумал Бейли, — чем пи-

таться в чужом месте. Дома даже пища кажется вкуснее, что бы там ни твердили химики, готовые поклясться, что здесь она нисколько не отличается от того, чем кормят в Иоганнесбурге».

Бейли сел на стул; Р. Дэниел уселся рядом.

— Нет выбора, — недовольно проворчал он, — что ж, тогда повернем этот выключатель и будем ждать.

Прошло две минуты. Диск в крышке стола отодвинулся в сторону, и в образовавшемся отверстии появилось дымящееся блюдо.

— Картофельное пюре, соус из зимовила и печеные абрикосы. Не так плохо, — заключил Бейли.

В проеме у низкой переборки посредине стола показались вилки и ломти темного дрожжевого хлеба.

— Если хотите, можете взять мою порцию, — едва слышно сказал Р. Дэниел.

Бейли было возмутился, но, вспомнив, с кем имеет дело, лишь пробормотал:

— Это неприлично. Начинайте. Ешьте.

Бейли поглощал еду быстро, но без удовольствия, изредка осторожно поглядывая на Р. Дэниела. Робот методично двигал челюстями. Слишком методично. Уж очень неестественно.

Странная вещь! Теперь, когда Бейли поверил,

что Р. Дэниел действительно робот, в глаза ему бросились прежде неприметные детали. Например, что у Р. Дэниела при глотании не двигался кадык.

Но теперь его это не трогало. Неужто он уже так привык к этому существу? Допустим, что люди начнут освоение нового мира (с тех пор как доктор Фастольф заронил в нем эту мысль, она часто приходила ему на ум); допустим, туда отправится, ну, скажем, Бентли, сможет ли он привыкнуть работать и жить бок о бок с роботами? «Почему бы и нет? Чем мы хуже космонитов?»

— Илайдж, — прервал его размышления Р. Дэниел, — прилично ли смотреть на человека, когда он ест?

— Конечно, нет, особенно если ты уставишься ему прямо в рот. Это подсказывает простой здравый смысл, не так ли? Человек имеет право на уединение. Однако разговаривать во время еды вполне прилично.

— Понятно. Тогда почему я насчитал восемь человек, которые внимательно, очень внимательно наблюдают за нами?

Бейли положил вилку. Он огляделся вокруг, как бы в поисках миниатюрной солонки.

— Я не заметил ничего подозрительного, — ска-

зал он без всякой уверенности в голосе.

Скопление обедающих в столовой представлялось ему лишь огромной безликой массой. Когда же Р. Дэниел повернул к нему свои невыразительные карие глаза, Бейли вдруг осенило, что это вовсе не глаза, а мощные объективы, способные с фотографической точностью и в ничтожно малое время зафиксировать все, что творится вокруг.

— Но я совершенно в этом уверен, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Ну и что из того? Они просто не умеют себя вести, а это еще ничего не доказывает.

— Не знаю, Илайдж, но случайно ли то, что шестеро из них были в толпе, осаждавшей вчера вечером обувной магазин?

Глава XI Бегство из столовой

Бейли судорожно сжал в руке вилку.

— Вы не ошибаетесь? — спросил он механически и тут же сообразил неуместность своего вопроса. Глупо спрашивать электронно-вычислительную машину, уверена ли она в своем ответе, даже если у нее есть руки и ноги.

— Нисколько, — ответил Р. Дэниел.

— Далеко они от нас?

— Не очень. В разных местах зала.

— Так, так. — Бейли снова принялся за еду, машинально двигая вилкой. Он нахмурился и лихорадочно оценивал обстановку.

Предположим, что вчерашние беспорядки были спровоцированы группой фанатиков, ненавидящих роботов, а не возникли случайно, как это показалось на первый взгляд. Среди подстрекателей могли быть люди, которые упорно занимались изучением роботов именно из-за своей ненависти к ним. Один из них, вероятно, сумел распознать в Р. Дэниеле робота. (Комиссар еще раньше подсказал такую возможность. Черт побери, иной раз поражаешься глубине ума этого человека.)

В этом есть логика. Хоть они и не сумели воспользоваться вчерашними беспорядками, но могут спровоцировать новые. Распознав Р. Дэниела, они с таким же успехом могли догадаться, кто такой Бейли. Раз офицер полиции находится в необычном обществе человекоподобного робота, значит, он — важная персона. (Теперь-то, задним числом, Бейли было легко все это сообразить.)

Из этого следует, что, наблюдая за муниципалитетом, — а, возможно, через своих агентов в муниципалитете, — им было нетрудно в короткое

время установить слежку за Бейли, Р. Дэниелом или за ними обоими. Неудивительно, что им удалось это сделать в течение суток. Они обнаружили бы его еще раньше, не проведи он столько времени в Космотауне и в дороге.

Р. Дэниел кончил есть. Он молча сидел, его совершенной формы руки спокойно лежали на краю стола.

— Не лучше ли нам предпринять что-нибудь? — наконец спросил он.

— Здесь мы в полной безопасности, — сказал Бейли. — И предоставьте это мне. Пожалуйста.

Бейли осторожно огляделся вокруг, будто впервые оказался в столовой.

Люди! Тысячи людей. Сколько народу вмещает такая столовая? Он припомнил какие-то цифры. Кажется, в среднем две тысячи двести человек. А здесь их еще больше.

Что, если в воздухе раздастся крик: «Робот!»? Что, если среди тысяч людей он пронесется подобно?..

Он искал подходящее сравнение, да не нашел. Неважно, все равно это не случится.

Стихийный мятеж может вспыхнуть где угодно: в столовых, так же как и в коридорах и подъемниках. Пожалуй, в столовых скорее, чем где-либо.

Люди здесь чувствуют себя свободней, простая забава из-за пустяка может перерасти здесь в нечто более серьезное.

Другое дело — организованный мятеж. В столовой сами подстрекатели окажутся среди разъяренной толпы, словно в ловушке. Как только в воздух полетят тарелки и затрещат столы, выбраться из зала будет нелегко. В числе сотен погибших могут оказаться и сами зачинщики бунта.

Нет, надежней устроить бунт на улицах города в каком-нибудь нешироком проходе. Пока паника будет ограничена этим пространством, можно быстро скрыться в заранее намеченном боковом переходе или незаметно ступить на межсекторный эскалатор и исчезнуть на одном из верхних горизонтов.

«Мы в западне, — подумал Бейли. — Снаружи, наверное, у них тоже есть люди. Они будут следить за каждым нашим шагом и в нужный момент подожгут запалы».

— Почему бы не арестовать их? — спросил Р. Дэниел.

— Это только ускорит события Вы помните их лица? Постарайтесь их не забывать.

— Я не способен забывать.

— Тогда мы схватим их в другой раз. А сейчас надо прорвать их сети. Следуйте за мной. Действуйте в точности, как я.

Он поднялся, перевернул свою тарелку вверх дном и установил ее в середине диска, из-под которого она появилась раньше. Затем он опустил в проем вилку. Р. Дэниел сделал то же самое. Вся посуда тотчас исчезла.

— Они тоже встают, — заметил Р. Дэниел.

— Хорошо. Мне кажется, они к нам не подойдут. Во всяком случае, не здесь.

Детектив и робот стали в очередь к выходу, где слышалось ритуальное пощелкивание автоматов; каждый щелчок означал, что использован один обеденный паек.

Бейли оглянулся на гудящий, словно окутанный легкой дымкой зал и с необыкновенной ясностью вспомнил, как шесть или семь лет назад он водил Бена в зоопарк. Нет, то было восемь лет назад, потому что Бену только исполнилось восемь. («Боже! Куда делись эти годы?»)

Бен впервые попал в зоопарк и поэтому был в восторге. Ведь до того он ни разу не видел живую кошку или собаку. Но больше всего ему понравился вольер с птицами. Даже Бейли, который бывал здесь не однажды, с удовольствием рас-

сматривал их.

Он испытывал не сравнимое ни с чем удивление, впервые увидев, как живые существа так непринужденно порхают по воздуху… Они подошли к клетке с воробьями во время кормежки, и служитель наполнил длинный желоб дробленым овсом. (Если люди постепенно привыкли к своим дрожжевым эрзацам, то более консервативные птицы и животные настаивали на натуральных продуктах.)

Воробьи слетелись со всех сторон, и казалось, их было бесчисленное множество. С пронзительным щебетаньем они плотно, крылом к крылу, уселись по краям желоба..

Вот в чем дело: именно эта картина возникла перед его глазами, когда он оглянулся на столовую. Воробьи на кормежке. «Какое отвратительное зрелище!»

«Боже, — подумал он, — должен же быть какой-то иной путь?»

Но какой? Чем плох путь, который избрали они? Подобные мысли прежде не тревожили его.

— Вы готовы, Дэниел? — бросил он отрывисто.

— Я готов, Илайдж.

Они вышли из столовой; теперь их спасение было в руках одного Бейли.

Почти всем подросткам знакома игра, известная под названием «кросс по тротуарам». Ее правила почти одинаковы во всех городах, поэтому мальчик из Сан-Франциско без всякого труда мог бы принять в ней участие, оказавшись в Каире.

Суть ее заключается в том, что группа участников во главе с «лидером» отправляется из пункта «А» в пункт «Б», пользуясь всеми видами городского транспорта. При этом задача лидера — избавиться от большинства или всех своих преследователей. Если ему удастся это сделать и он прибывает на конечный пункт один, значит, он поистине искусный лидер, и лавры с ним делит тот из участников, кто преследовал его до конца.

Игра обычно проводится в вечерние часы «пик», что намного усложняет и делает ее гораздо опасней. Лидер устремляется вперед, перебегая с тротуара на тротуар. Чтобы сбить с толку преследователей, он подолгу не сходит с какой-нибудь дорожки, а потом неожиданно бросается вправо или влево. Затем он быстро пересекает несколько других дорожек и снова останавливается на одной из них.

Беда тому преследователю, кто зазевается и ошибется дорожкой. Если он недостаточно ловок,

даже если вовремя заметит свою ошибку, его тотчас же унесет далеко вперед или назад от лидера, А тот, конечно, постарается **увеличить** разрыв, помчавшись в нужном направлении.

Трудность игры возрастает во сто крат, если лидер решается пересечь межсекторные скоростные линии или даже сам экспресс. Считается неспортивным как совсем избегать их, так и слишком долго оставаться на них.

Взрослым трудно понять, в чем прелесть этой игры, в особенности тем, кто в детстве сам не увлекался ею. Участникам здорово достается от обычных пассажиров — как ни старайся, а налетишь не на одного из них. Их безжалостно преследует полиция и наказывают родители. Им выговаривают за это в школах и поучают во время сеансов в субэтериксах. Не проходит года без четырех, а то и пяти смертельных случаев среди подростков — участников игры, десятков раненых, множества в той или иной степени «невинно» пострадавших.

Но никто не может справиться с ними. Чем больше опасность, тем ценнее награда из всех существующих наград — уважение в глазах сверстников. Подросток по праву гордится своим умением хорошо бегать кросс; слава же непобеди-

мого лидера делает его заправилой среди ребят.

Илайдж Бейли, например, даже сейчас с удовольствием вспоминает, что когда-то сам участвовал в кроссах. Однажды он вел группу в двадцать человек от сектора Конкорс до границ Куинса через три экспресс-транспортера. За два утомительных, изнуряющих часа ему удалось избавиться от самых ловких преследователей из Бронкса и достичь конечного пункта в одиночку. Молва об этом кроссе не умолкала несколько месяцев…

Увы, сейчас ему уже за сорок, и хотя прошло больше двадцати лет с тех пор, как он бегал, он еще помнил кое-какие из старых трюков. Если он и утратил былую ловкость, то приобрел нечто другое. Он — полицейский. Знать город так хорошо, как он, знать начало и конец почти каждого закованного в металл проспекта мог только другой сотрудник полиции, с не меньшим, чем у него, опытом.

Он проворно, но не слишком быстро зашагал прочь от столовой. Вот-вот за спиной раздастся крик: «Робот, робот!» Сейчас самый рискованный момент. Он считал шаги, пока не почувствовал под ногами ленту первого тротуара.

На мгновение он остановился, и Р. Дэниел при-

двинулся к нему.

— Они идут за нами, Дэниел? — спросил он полушепотом.

— Да, и приближаются.

— Ну, это ненадолго, — уверенно отозвался Бейли.

Он оглядел дорожки, простиравшиеся по обе стороны от него. Каждая дорожка слева со все большей скоростью несла на себе живой человеческий груз. Почти всю свою жизнь он по многу раз в день чувствовал под собой движение тротуара, но впервые за последние семь тысяч дней он согнул ноги в коленях перед броском вперед. Его охватило так хорошо знакомое ему волнение, дыхание его участилось.

Легким и быстрым шагом, с темпом вдвое большим «нормального» он стал переходить с дорожки на дорожку. Он резко наклонялся вперед, сопротивляясь ускорению. Теперь рядом с ним шелестела межсекторная линия. Какое-то мгновение казалось, что он непременно ступит на нее, однако он неожиданно подался назад и пошел все дальше и дальше, пробираясь через толпу, которая становилась тем плотнее, чем медленнее двигались тротуары. Он остановился на дорожке, идущей всего со скоростью каких-

нибудь пятнадцати миль в час.

— Ну, сколько их там позади, Дэниел?

— Всего один, Илайдж. — Робот стоял рядом с ним, спокойный и не запыхавшийся.

— Должно быть, он неплохо бегал в детстве, но и ему долго не продержаться.

Полный уверенности в своих силах, Бейли испытывал какое-то смутное волнение. Отчасти это было возбуждение участника мистического обряда, к которому допускались только избранные, отчасти — физическое ощущение ветра, бьющего ему прямо в лицо, и острое чувство опасности.

— То, что мы сейчас сделаем, называется «боковой финт», — сказал он тихо Р. Дэниелу.

Он широким, быстрым шагом пошел по дорожке, ловко лавируя среди других пешеходов. Он, не сбавляя хода, двигался вдоль самой кромки тротуара, и ритмичное мелькание его головы в толпе, должно быть, имело гипнотический эффект. На это, собственно, он и рассчитывал.

Не меняя скорости, Бейли шагнул в сторону всего на два дюйма и оказался на соседней дорожке. Мышцы его ног напряглись до боли, чтобы удержать равновесие. Не останавливаясь, он проскользнул мимо скопления пассажиров и попал на ленту, которая делала сорок пять миль в час.

— Ну, как теперь, Дэниел?

— Не отстает, — последовал спокойный ответ.

Бейли стиснул зубы. Ничего не поделаешь, придется попробовать скоростные платформы; вот тут действительно нужна координация движений, пожалуй большая, чем та, на которую он еще способен.

Он быстро огляделся. Мимо них пронеслась улица В-22. Прикинув что-то в уме, он сорвался с места. Все ближе и ближе к скоростной линии, и вот наконец ее платформа.

Отрешенные лица пассажиров скривились в гримасе негодования при виде того, как Бейли и Р. Дэниел вскочили на платформу и протиснулись под перилами.

— Эй, осторожнее! — схватилась за шляпку возмущенная дама.

— Простите, — задыхаясь, извинился Бейли.

Он пробился через стоящих пассажиров к противоположной стороне платформы. В последний момент какой-то разгневанный пассажир толкнул его в спину. Он потерял равновесие и, в отчаянии стараясь удержаться на ногах, шагнул на соседнюю ленту. От резкой перемены скорости он сначала упал на колени, а потом повалился на бок. Еще мгновение, и он собьет кого-нибудь,

тот — другого, и беды не миновать; образуется людская пробка, куча мала, результатом которой будут десятки переломанных рук и ног…

Но тут он почувствовал, как рука Р. Дэниела подхватила его с легкостью, недоступной человеку, поставила его на ноги.

— Спасибо, — выдохнул Бейли; на большее времени не было.

Он ринулся вниз по замедляющимся дорожкам. Его хитроумный замысел заключался в том, чтобы без потери времени оказаться в самой точке V-образного пересечения лент экспресса. Не снижая скорости, он снова помчался по ускоряющимся дорожкам, достиг экспресса и перебрался через него.

— Он все еще с нами, Дэниел?

— Нет. Я никого не вижу.

— Хорошо. Ну и лидер бы из вас получился, Дэниел! А теперь сюда! — И, не переводя дыхания, он увлек его за собой на межсекторную ленту, а с нее вниз к широкой, внушительного вида двери.

Часовой преградил им путь.

— Мы по делу. — Бейли помахал перед ним удостоверением.

Они вошли внутрь.

— Энергостанция, — коротко заметил Бейли. —

Здесь они окончательно потеряют наши следы.

Ему доводилось прежде бывать на энергостанциях, в том числе и на этой. Однако чувство благоговейного трепета от этого не уменьшалось. Оно овладевало им еще больше при мысли о том, что его отец когда-то руководил подобным предприятием до тех пор, пока…

В воздухе здесь царил острый запах озона и равномерный гул скрытых в глубине колодца мощных генераторов; ярко-красные линии молчаливо очерчивали границы, переступать которые без защитной одежды запрещалось.

Где-то в недрах установки (Бейли не знал, где точно) ежедневно потребляется около фунта ядерного топлива. Радиоактивные продукты распада, так называемая «горячая зола», удаляются сжатым воздухом по свинцовым трубопроводам в подводные пещеры, на расстояние в десять миль от берега океана и на глубину в полмили от его дна. Иной раз Бейли приходило на ум, что произойдет, когда эти пещеры наполнятся до отказа.

— Не подходите к красным линиям, — неожиданно резким тоном предупредил он Р. Дэниела. Затем, спохватившись, скромно добавил; — Впрочем, вам это наверное не страшно.

— Вы имеете в виду радиоактивность?

— Да.

— Тогда — страшно. Гамма-лучи нарушают чувствительное равновесие позитронного мозга. Они подействуют на меня раньше, чем на вас.

— Вы хотите сказать, что они убьют вас?

— Мне понадобится новый позитронный мозг. Поскольку невозможно создать два совершенно одинаковых мозга, из меня выйдет новый индивидуум. Иными словами, погибнет Дэниел, с которым вы сейчас разговариваете.

Бейли посмотрел на него с сомнением.

— А я и не знал… По этому трапу, пожалуйста.

— Обычно об этом не говорят. Чтобы убедить землян, Космотаун подчеркивает преимущества таких, как я, а не наши слабости.

— Тогда зачем вы сказали мне?

Р. Дэниел посмотрел прямо в глаза своему живому напарнику.

— Вы — мой партнер, Илайдж. И вам надлежит знать все мои слабости и недостатки.

В ответ Бейли лишь неопределенно хмыкнул.

Идемте сюда, — сказал он немного погодя. — Мы в четверти мили от нашей квартиры.

Это была унылая квартира низшей категории. Одна небольшая комната с двумя кроватями. Два складных стула и стенной шкаф. Встроен-

ный в стену субэтеральный экран без ручного управления, который нельзя самостоятельно включить, но нельзя и выключить, когда он начнет работать. Здесь нет умывальника, даже самого простого, неактивированного; здесь нельзя приготовить пищу или хотя бы вскипятить воду. Лишь в углу торчит уродливая, ничем не замаскированная труба мусоропровода.

Бейли всего передернуло.

— Вот мы и дома. Надеюсь, выдержим.

Р. Дэниел подошел к мусоропроводу. Его рубашка разошлась по шву, обнаружив мускулистую на вид грудь.

— Что вы делаете? — удивился Бейли.

— Хочу избавиться от пищи, которую проглотил. Если ее оставить в пищевом мешке, она начнет портиться, и в моем обществе будет неприятно находиться.

Р. Дэниел нащупал у себя что-то на груди и особым образом надавил там двумя пальцами. Его грудная клетка раскрылась в продольном направлении. Р. Дэниел просунул руку сквозь паутину серебристого металла и извлек оттуда тонкий, местами вздувшийся полупрозрачный пакет. Бейли с ужасом наблюдал, как тот открыл его.

Р. Дэниел неуверенно сказал:

— Пища совершенно чистая. Я не выделяю слюну и не жую. Понимаете, она проходит внутрь по пищеводу благодаря всасыванию. Она съедобна.

— Очень хорошо, — мягко ответил Бейли. — Я не голоден. Лучше выбросьте ее.

«Пищевой пакет Р. Дэниела сделан из фтористоуглеродного пластика, — решил Бейли. — Хорошо хоть, что к нему ничего не пристает». Пища легко выходила из пакета и понемногу исчезала в мусоропроводе. «Хорошая ведь еда пропадает», — подумал Бейли.

Бейли сел на кровати и стянул с себя рубашку.

— Я предлагаю начать завтра пораньше, — сказал он.

— На это есть причина?

— Наши друзья пока не знают местоположения квартиры. Вернее, я надеюсь, что не знают. Чем раньше мы уйдем отсюда, тем лучше. А в муниципалитете мы решим, стоит ли нам впредь работать вместе.

— Вы в этом сомневаетесь?

Бейли пожал плечами и строго сказал:

— Мы не можем каждый день подвергать себя такому риску.

— Но мне кажется, что…

Р. Дэниела прервала пунцовая вспышка сигна-

ла входной двери.

Бейли бесшумно вскочил на ноги, отстегивая ремешок бластера. Сигнал вспыхнул еще раз.

Держа бластер наготове, он осторожно приблизился к двери, повернул специальную рукоятку, и узкая полоска двери стала прозрачной изнутри. Она давала искаженное изображение, но и его было достаточно, чтобы Бейли различил за дверью сына Бентли.

Бейли распахнул дверь настежь, схватил Бена за руку, не дав ему в третий раз нажать на кнопку сигнала, и грубо втащил его в комнату.

С лица Бентли медленно сходило выражение испуга и недоумения, пока он стоял, прижавшись к стене, к которой толкнул его отец. Он смущенно потирал руку.

— Отец, — сказал он обиженно, — вовсе незачем меня так дергать.

Бейли внимательно вглядывался в смотровую полоску закрытой теперь двери. Насколько он мог судить, коридор был пуст.

— Там кто-нибудь был, Бен?

— Нет. Слушай, пап, я просто пришел тебя проведать.

— А зачем меня проведывать?

— Не знаю. Это мама. Она плакала и вообще…

велела разыскать тебя. Сказала, что если я не пойду, то она пойдет сама и тогда, говорит, не знаю, что случится. Она велела мне, пап…

— Как ты меня нашел? Ты от мамы узнал мой адрес?

— Нет. Я позвонил тебе на работу.

— И тебе сказали?

— Конечно, — тихо сказал Бен, смущенный горячностью отца. — А разве нельзя было?

Бейли переглянулся с Р. Дэниелом.

— Где мама, Бен? Дома? — спросил он, вставая.

— Нет, она у бабушки и останется там ночевать. Мне надо сразу вернуться туда. То есть если у тебя все в порядке.

— Ты останешься здесь. Дэниел, вы заметили, где находится переговорная трубка?

— Да. Вы хотите выйти отсюда?

— Это необходимо. Я должен связаться с Джесси.

— Разрешите мне заметить, что более логично было бы поручить это Бентли. Это довольно рискованно, а он представляет меньшую ценность..

— Ах ты… — возмутился было Бейли, но тут же пришел в себя. — Видите ли, Дэниел, — сказал он более спокойно, — у нас, у людей, взрослый мужчина никогда не станет подвергать опасно-

сти своего сына. Даже если логика подсказывает сделать это.

— «Опасности»! — с восторгом воскликнул Бен. — О пап, что случилось? Ну скажи..

— Ничего, Бен. И вообще это не твое дело. Понятно? Тебе пора спать. Когда я вернусь, чтобы ты уже был в постели. Слышишь?

— Ну ладно. Я не проболтаюсь.

— Немедленно!

— Да ну..

Стоя у переговорной трубки, Бейли откинул полу пиджака так, чтобы было удобнее выхватить бластер. Он назвал свой личный номер и ждал, пока электронная машина, установленная в пятнадцати милях отсюда, проверит, имеет ли он право на разговор. Ждать долго не пришлось, поскольку на детектива подобные ограничения не распространяются. Затем он назвал номер квартиры тещи.

У основания трубки засветился небольшой экран, в котором показалось ее лицо.

— Мама, — сказал он негромко, — попросите Джесси.

Должно быть, Джесси ждала его, потому что тотчас же подошла к трубке. Бейли посмотрел на нее и слегка притемнил экран.

— Все в порядке, Джесси. Бен здесь. Что у тебя стряслось?

Бейли водил глазами из стороны в сторону, не переставая следить за коридором.

— Как ты? С тобой ничего не случилось?

— Да нет же, Джесси, разве ты не видишь? Прекрати сейчас же.

— О Лайдж, я так волновалась!

— Почему? — спросил он напряженно.

— Ты знаешь. Из-за твоего друга.

— При чем здесь он?

— Я говорила тебе вчера. Быть беде..

— Ерунда. Бен останется у меня. Спокойной ночи, дорогая. Не волнуйся.

Он отключил соединение и дважды глубоко вздохнул, прежде чем отправиться обратно. Лицо его посерело от напряженного ожидания и страха.

Он застал Бена посреди комнаты. Одна из его контактных линз лежала аккуратно в миниатюрном футляре. Вторая еще была у него на зрачке.

— Пап, здесь нет даже воды умыться. А мистер Оливо не пустил меня в туалетную.

— Он прав. Никуда не ходи. Вставь эту штуку в глаз, Бен. За ночь ничего с тобой не произойдет.

— Ну ладно, — покорился Бен и взобрался на

кровать. — Ух ты, какой матрац!

Бейли повернулся к Р. Дэниелу.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если вам придется посидеть.

— Конечно, нет. Между прочим, что это за стекла на глазах у Бентли? Их носят все земляне?

— Нет. Некоторые, — ответил Бейли уклончиво. — Я не ношу, например.

— А каково их назначение?

Бейли был слишком поглощен своими невеселыми мыслями, чтобы ответить.

В комнате погас свет.

Бейли не спал. Он почти не слышал ровного и глубокого дыхания сына, которое стало потом несколько жестким. Повернув голову, он скорее вообразил, чем увидел, как в углу неподвижно сидит Р. Дэниел, уставившись взглядом на дверь.

Затем он уснул, и ему приснился сон.

Ему показалось, будто Джесси падает в реактор энергостанции, с воплем отчаяния протянув к нему руки. А он, не в силах переступить красную ограничительную линию, лишь смотрит, как удаляется от него ее искаженная фигура, становясь все меньше и меньше, пока не превращается в едва заметную точку.

Он ничем не может ей помочь и сознает во сне,

что столкнул ее туда он сам.

Глава XII
Мнение эксперта

Илайдж Бейли устало кивнул комиссару Джулиусу Эндерби, когда тот вошел в комнату.

Комиссар взглянул на часы и проворчал:

— Вы что, провели здесь всю ночь?

— Ничего подобного, — отозвался Бейли.

Комиссар понизил голос:

— Что-нибудь произошло?

Бейли покачал головой.

— Я подумал, что, пожалуй, недооценивал вероятность беспорядков, — начал комиссар. — И если что-то такое…

— Ради бога, комиссар… — сказал сдержанно Бейли. — Если бы что-нибудь случилось, я бы вам сказал. Все в полном порядке.

— Хорошо, хорошо… — С этими словами комиссар скрылся за дверью, за которой его ждало полное уединение, достойное его высокого положения.

«Он-то, наверное, неплохо выспался», — подумал Бейли, посмотрев ему вслед.

Бейли принялся сочинять рапорт, в котором не

будет и строчки о событиях двух последних дней. Однако слова, которые он выстукивал пальцем, расплывались и прыгали у него перед глазами. Постепенно до него дошло, что у стола кто-то стоит.

Бейли поднял голову.

— В чем дело? — спросил он.

Перед ним стоял Р. Сэмми.

«Личный лакей Джулиуса, — подумал он. — Все-таки неплохо быть комиссаром».

— Комиссар хочет вас видеть, Лайдж. Говорит, немедленно, — сказал Р. Сэмми со своей дурацкой улыбкой.

— Он только что меня видел. Передай ему, что я зайду позже, — отмахнулся от него Бейли.

— А он говорит: немедленно, — повторил Р. Сэмми.

— А я говорю: отправляйся.

Робот попятился, повторяя:

— Комиссар хочет вас видеть немедленно, Лайдж. Говорит: немедленно.

— О, дьявол! — процедил Бейли сквозь зубы. — Иду, иду.

Он встал из-за стола и направился к кабинету. Р. Сэмми замолчал.

— Черт возьми, комиссар. — начал Бейли с

порога. — Не посылайте вы, наконец, за мной этого идиота!

— Садитесь, садитесь, Лайдж, — только и сказал комиссар.

Бейли сел, уставившись на него. Может быть, он несправедлив к старине Джулиусу. Может, старик вовсе не спал всю ночь. Вид у него довольно измученный.

Комиссар постукивал пальцами по лежавшей перед ним бумаге.

— Вот запись о вашем разговоре с неким доктором Джерригелом из Вашингтона, который вы вели по изолированному лучу.

— Верно, комиссар.

— Естественно, что записи самого разговора нет, так как луч изолированный. О чем у вас шла речь?

— Мне нужны дополнительные сведения.

— Он, кажется, ведь специалист по роботехнике?

— Совершенно верно.

Комиссар выпятил нижнюю губу и стал вдруг похож на обиженного ребенка.

— Но зачем вам это? Каких еще сведений вам не хватает?

— Я и сам не знаю, комиссар. Просто у меня

такое ощущение, что материал о роботах может помочь расследованию. — Бейли замолчал, не желая вдаваться в подробности.

— Я бы этого не делал, Лайдж. Нет, нет. По-моему, это неразумно.

— Почему вы против, комиссар?

— Чем меньше народу знает об этом, тем лучше.

— Я не буду посвящать его в детали, естественно.

— И все же это ни к чему.

У Бейли и так было гнусно на душе, а потому он не стал сдерживаться:

— Вы мне приказываете не встречаться с ним?

— Нет, нет. Поступайте как знаете. Вы ведете расследование, а не я. Только…

— Только — что?

Комиссар покачал головой.

— Ничего… А где этот? Вы знаете, кого я имею в виду.

Бейли знал.

— Дэниел все еще работает с картотекой.

Комиссар помолчал немного, а затем сказал:

— Что-то медленно у нас идут дела, знаете ли…

— Да никак пока не идут. Но могут пойти.

— Ну, вот и отлично, — сказал комиссар, но

по его лицу не было видно, чтобы он сказал то, что думал.

Когда Бейли вернулся к своему столу, там его уже ждал Р. Дэниел.

— Ну, а у вас какие новости? — ворчливо произнес Бейли.

— Я закончил первую общую проверку картотеки, партнер Илайдж, и обнаружил двух из тех, кто вчера нас преследовал; кроме того, эти же двое участвовали в инциденте у обувного магазина.

— Покажите-ка мне их.

Р. Дэниел положил перед Бейли две карточки, размером с почтовую марку каждая. Их поверхность была Сплошь усеяна точечным шифром. Затем робот достал портативный дешифратор и вложил одну из карточек в предназначенный для этого паз. Точки шифра обладают электропроводными свойствами, отличными от свойств самой карточки. Поэтому электрическое поле, проходящее через карточку, особым образом преобразуется, в результате чего на небольшом экране аппарата возникают цепочки слов. Если бы не код, эти слова заняли бы несколько страниц бумаги стандартных размеров. И если бы не дешифратор утвержденного полицейского образца, понять их было бы невозможно.

Бейли безучастно просматривал материал. Первым оказался Фрэнсис Клусарр, тридцати трех лет; арестован два года назад; причина ареста — подстрекательство к мятежу; служащий компании «Нью-Йорк Йист»; домашний адрес такой-то; родители такие-то; цвет волос и глаз, особые приметы, образование, послужной список; психологический тип, тип конституции, дополнительные сведения и, наконец, номер трех опознавательных снимков в галерее мелких преступников.

— Вы проверили фотографию?

— Да, Илайдж.

Вторым был Герхард Пауль. Бейли просмотрел данные о нем и сказал:

— Все это не то.

— Я с вами не согласен, — возразил Р. Дэниел. — Если существует организация землян, способных на убийство, то они ее члены. Разве это не очевидно? Не следует ли допросить их?

— Мы ничего от них не добьемся.

— И тот и другой были как в магазине, так и в столовой. Они не могут отрицать это.

— Находиться там еще не преступление. Кроме того, они могут отрицать это. Скажут, что не были там, вот и все. Как доказать, что они лгут?

— Но я их видел.

— Это не доказательство, — рассердился Бейли. — Ни один суд, если бы даже до этого дошло дело, не поверит, что вы можете запомнить два лица из миллиона.

— Но ведь я могу.

— Конечно. Ну-ка скажите им, кто вы такой. Стоит вам только признаться, и вы больше не свидетель. Ни один законный суд на Земле не признаёт вашего брата.

— Значит, вы передумали? — заметил Р. Дэниел.

— Что передумал?

— Вчера в столовой вы сказали, что их не нужно арестовывать. Вы сказали, что коль скоро я помню их лица, их можно арестовать в любой момент.

— Верно, сказал глупость, — признался Бейли. — Я просто обалдел тогда. Это невозможно.

— Даже из психологических соображений? Они ведь не знают, что у нас нет доказательств их причастности к заговору.

— Слушайте, — произнес, нервничая, Бейли, — через полчаса сюда из Вашингтона прибудет доктор Джерригел. Вы можете подождать, пока я с ним не переговорю? Можете?

— Я подожду, — сказал Р. Дэниел.

Энтони Джерригел оказался аккуратным и весьма вежливым человеком среднего роста, и по его виду никак нельзя было сказать, что имеешь дело с лучшим знатоком роботехники на Земле. Он опоздал почти на двадцать минут и стал приносить свои глубокие извинения. Побелевший от томительного ожидания, Бейли не очень-то вежливо отмахнулся от его извинений. Он проверил, оставлена ли за ним комната для совещаний «Д», подтвердил распоряжение о том, чтобы в течение часа их никто не беспокоил, и повел доктора Джерригела и Р. Дэниела через коридор по трапу к двери одного из кабинетов, защищенных от лучей подслушивания.

Прежде чем приступить к делу, он тщательно проверил изоляцию стен, прислушиваясь к низкому гудению пульсометра, который он держал в руке. Малейшее изменение тона пульсометра указывало бы на неплотность защитной оболочки. Он направил его также на потолок, пол и — особенно тщательно — на дверь. Изоляция была в полном порядке.

Доктор Джерригел слегка улыбнулся. Он производил впечатление человека, который никогда не улыбался более, чем слегка. Одет он был с

аккуратностью, которую не назовешь иначе, как педантичной. Его седые волосы были гладко зачесаны назад, а румяное лицо, казалось, было только что вымыто. Он сидел, чопорно выпрямив спину, будто еще в детстве от постоянных материнских наставлений о том, как надо сидеть, его хребет навсегда принял это положение.

— Начало довольно устрашающее, мистер Бейли, — сказал он.

— Дело серьезное, доктор. Мне нужны сведения о роботах, которые можете дать, пожалуй, только вы. Все, о чем мы будем здесь говорить, является государственной тайной, поэтому власти надеются, что, покинув это помещение, вы забудете, о чем здесь шла речь.

Бейли взглянул на свои часы.

Легкая улыбка мгновенно слетела с лица эксперта по роботехнике.

— Позвольте объяснить, почему я опоздал. (Это, видимо, не давало ему покоя.) Я решил не лететь самолетом. Я подвержен воздушной болезни.

— Очень жаль. — Бейли последний раз взглянул на пульсометр и, убедившись, что точность установки его не изменилась и что он работает нормально, отложил прибор в сторону и сел.

— Точнее сказать, я начинаю нервничать. Лег-

кий приступ агорафобии. Так, ничего особенного, но факт есть факт. Вот я и решил добираться экспрессами.

— Агорафобия? — с внезапным интересом переспросил Бейли.

— У меня это прозвучало серьезней, чем следовало бы, — поспешно сказал эксперт. — Такое чувство вы испытываете в самолете. Вам когда-нибудь приходилось летать, мистер Бейли?

— Несколько раз.

— Тогда вы меня поймете. Это ощущение, будто вокруг вас ничего нет, будто от пустоты, от воздуха вас отделяет тонкая полоска металла. Ужасно неприятно.

— Значит, вы ехали экспрессом?

— Да.

— Прямо из Вашингтона в Нью-Йорк?

— О, пустяки. С тех пор как открыли туннель Балтимора — Филадельфия, это не составляет труда.

Так оно и есть. Хоть Бейли и не доводилось пользоваться этим видом транспорта, он знал, что такая возможность существует. За последние два столетия Вашингтон, Балтимора, Филадельфия и Нью-Йорк разрослись настолько, что почти соприкасались друг с другом. Эта часть восточно-

го побережья даже получила полуофициальное название Район Четырех Городов. Находятся даже сторонники объединения их в один Сверхгород. Бейли не нравилась эта идея. Один Нью-Йорк и то едва поддается централизованному управлению, а город с населением более пятидесяти миллионов человек просто рухнет под собственным весом.

— Беда в том, — продолжал доктор Джерригел, — что я опоздал на экспресс в Честере и из-за этого потерял столько времени. А потом вышла заминка с получением временного ордера на комнату. Вот почему я и задержался.

— Не беспокойтесь, доктор. Все, что вы рассказали, весьма интересно. Раз уж вы так не любите самолеты, что бы вы сказали относительно прогулки пешком за пределами города, доктор Джерригел?

— Это еще зачем? — спросил тот с удивлением и опаской.

— О, я вовсе не предлагаю вам такую прогулку! Мне просто хотелось узнать, по душе ли вам сама идея.

— Она мне далеко не по душе.

— Допустим, что вам пришлось бы выйти ночью из города и пройти пешком расстояние

около мили?

— Не думаю… чтобы меня удалось уговорить.

— Ни под каким видом?

— Ну, если бы от этого зависела моя жизнь или жизнь моих близких… — У него был растерянный вид. — Но объясните же мне, в чем дело, мистер Бейли?

— Я объясню. Совершено серьезное преступление, убийство, которое вызывает глубокое беспокойство. Я не волен посвящать вас в детали. Существует, однако, версия, по которой убийца, чтобы совершить преступление, должен был пересечь открытое пространство, притом ночью и без сообщников. Мне любопытно узнать, кто бы мог на это решиться.

— Ни один из тех, кого я знаю, — пожал доктор Джерригел плечами. — И, конечно, не я сам. Разумеется, среди миллионов людей можно найти нескольких безумцев.

— То есть, по вашему мнению, маловероятно, чтобы человек мог решиться на это?

— Да, разумеется.

— Иными словами, если существует другая версия преступления, другая приемлемая версия, то ее следует рассмотреть?

Доктор Джерригел выглядел еще более расте-

рянным, но сидел, по-прежнему строго выпрямившись и аккуратно сложив на коленях свои холеные руки.

— А у вас есть такая версия? — поинтересовался он.

— Да. Мне кажется, что для робота, например, не составит никакого труда пересечь открытое пространство.

— О, дорогой сэр! — вскочил доктор Джерригел.

— В чем дело?

— Не хотите ли вы сказать, что преступление совершил робот?

— Вот именно.

— Убийство? Человека?

— Да. Пожалуйста, сядьте, доктор.

Специалист по роботехнике повиновался.

— Мистер Бейли, речь идет о двух поступках: о том, чтобы пересечь открытое пространство, и об убийстве. Человек способен на последнее, но едва ли решится на первое. Робот же без труда совершит первое, но никогда — второе. Заменяя маловероятную версию невероятной, вы…

— «Невероятной» — это очень сильно сказано, сэр.

— Вы слышали о Первом Законе роботехники,

мистер Бейли?

— Конечно, и даже могу его процитировать: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». — Бейли вытянул руку и продолжил: — Почему нельзя построить робота без Первого Закона? В чем святость этого Закона?

Доктор Джерригел окончательно растерялся и промямлил:

— Что вы, мистер Бейли..

— Я жду ответа!

— Если вы хоть сколько-нибудь знакомы с роботехникой, мистер Бейли, то вам должно быть известно, какая гигантская задача — создать позитронный мозг как с точки зрения математики, так и электроники.

— Я представляю себе это, — сказал Бейли.

Он хорошо помнил посещение одного из заводов по производству роботов, где он был по делу. Он видел их книгофильмотеку. Каждый из книгофильмов содержал в себе математический анализ позитронного мозга определенного типа. Несмотря на сжатость изложения, на просмотр такого фильма уходит в среднем не менее часа. Но даже если изготавливать мозг по самым стро-

гим техническим условиям, то и тогда один мозг будет отличаться от другого. Насколько понимал Бейли, здесь действует принцип неопределенности Гейзенберга. А это значит, что каждый фильм снабжается приложениями, в которых даются различные варианты.

— Да, нелегкая это работа, что верно, то верно.

— Тогда, значит, вы понимаете, — продолжал Джерригел, — что сконструировать новый позитронный мозг, даже если в него вводятся мелкие усовершенствования, дело весьма сложное и за ночь с ним не справиться. Обычно на это уходит до года работы всего научного персонала завода средних размеров. Но и им бы никогда не справиться с этим, не сумей мы добиться стандартизации принципиальных схем, которые ложатся в основу дальнейших разработок. Фундаментальная теория стандартных схем включает в себя Три Закона роботехники: Первый Закон, который вы только что процитировали; Второй Закон, который гласит. «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех команд, которые противоречат Первому Закону»; и Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности постольку, поскольку это не противоречит Первому и Второму законам».

Р. Дэниел, который, по всей видимости, внимательно прислушивался к разговору, вежливо обратился к Бейли:

— Простите меня, Илайдж, но я хотел бы убедиться, что правильно понял доктора Джерригела. Вы хотите сказать, сэр, что любая попытка создать робота, позитронный мозг которого не учитывал бы Три Закона, будет связана прежде всего с разработкой новой фундаментальной теории, а на это, в свою очередь, уйдет много лет.

У доктора Джерригела был очень довольный вид.

— Именно это я и имел в виду, мистер…

Бейли помешкал немного, а потом вежливо представил Р. Дэниела:

— Это Дэниел Оливо, доктор Джерригел.

— Добрый день, мистер Оливо. — Роботехник протянул руку и пожал руку Р. Дэниела. — На мой взгляд, разработка теории позитронного мозга, в которой не были бы заложены основные положения Трех Законов, и создание приемлемой модели такого мозга заняла бы не менее пятидесяти лет.

— И никто никогда не брался за это? — спросил Бейли. — За несколько тысяч лет, что мы строим роботов? Неужто за все это время ни у кого не

нашлось пятидесяти лет?

— Конечно, нет, — ответил ученый, — да и едва ли кто-либо брался за это.

— Трудно поверить. Из любопытства человек пойдет на что угодно.

— Но он не пошел на создание подобного робота. Человеческая раса обладает сильным комплексом Франкенштейна.

— Какого комплекса?

— Франкенштейна. Это название взято из одного медиевального романа, в котором робот напал на своего создателя. Мне не довелось его читать, но это к делу не относится. Я хочу сказать лишь одно: без Первого Закона роботов просто не создают.

— И даже нет теории такого робота?

— Насколько я знаю, а знаю я довольно много, — заметил он не без самодовольства, — такая теория не существует в природе.

— С другой стороны, робот, оснащенный Первым Законом, не может убить человека, — требовал подтверждения Бейли.

— Никогда. Если это не произошло по чистой случайности или если от этого не зависела жизнь двух или более человек. В обоих случаях возникший позитронный потенциал наносит мозгу

непоправимый вред.

— Хорошо. Так обстоят дела на Земле. Верно?

— Да, конечно.

— А как насчет Внешних Миров?

Выражение самодовольства постепенно сходило с лица доктора Джерригела.

— Увы, мистер Бейли, я не могу утверждать наверняка, но убежден, что если бы они разработали конструкцию или хотя бы построили математическую модель такого мозга, нам стало бы об этом известно.

— Вот как? Тогда проследим еще одну мысль, если вы не возражаете, доктор Джерригел.

— Нет, нет, что вы… — Он беспомощно посмотрел сначала на Бейли, а потом на Р. Дэниела. — Раз вы считаете, что это так важно, я буду рад помочь вам, чем смогу.

— Благодарю вас, доктор. Мой вопрос заключается в следующем: зачем создавать человекоподобных роботов? Я с ними сталкивался всю свою жизнь, но только сейчас сообразил, что не знаю, чем оправдать их существование. Иными словами, зачем роботу иметь голову и четыре конечности? Почему он должен походить на человека?

— То есть вы хотите сказать, почему он не несет

функциональных признаков, как любая другая машина?

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Почему?

На губах доктора Джерригела появилась легкая улыбка.

— Дорогой мистер Бейли, вы родились слишком поздно. Это было главной темой первых работ по роботехнике. А полемика развернулась тогда просто смешная. Если вы пожелаете ознакомиться со взглядами функционалистов и антифункционалистов, я могу порекомендовать вам «Историю роботехники» Хэнфорда. Математика там сведена к минимуму. Думаю, вам будет интересно.

— Я разыщу ее, — сказал терпеливо Бейли. — А пока, быть может, вы все-таки объясните мне вкратце?

— Решение было принято из соображений экономического порядка. Посудите сами, мистер Бейли, если бы вы управляли фермой, стали бы вы приобретать трактор с позитронным мозгом, косилку, сеялку, доильную установку и так далее — все с позитронным мозгом; или купили бы обычные машины и механизмы и приставили к ним одного робота с позитронным мозгом? Учтите при этом, что вторая альтернатива в пятьдесят

или сто раз дешевле.

— Но зачем все-таки придавать ему вид человека?

— Потому что человеческая фигура — самая совершенная из форм, существующих в природе. Человек, мистер Бейли, не специализированное животное, за исключением, быть может, его нервной системы и некоторых других признаков Если вам нужна конструкция, способная выполнять, и довольно хорошо выполнять, самые разнообразные функции, вам не найти лучшей, чем человеческая фигура. Все рычаги и педали управления автомобилем, например, имеют такую форму и расположены таким образом, чтобы человеку было удобно ими манипулировать. Даже такие простые предметы, как стулья и столы, ножи и вилки, делаются с учетом формы и размеров человеческого тела и приспособлены для служения человеку. Поэтому проще создать человекоподобного робота, чем радикально изменить самую суть вещей, которыми мы пользуемся.

— Понятно. В этом есть смысл. Верно ли, доктор, что на Внешних Мирах роботы гораздо больше походят на человека, чем наши?

— Я полагаю, что это так.

— А они могут изготовить робота, которого в

обычных условиях совсем не отличишь от человека?

Доктор Джерригел поднял брови и задумался.

— Видимо, да, мистер Бейли. Правда, это обошлось бы очень дорого и вряд ли бы окупилось.

— Ну, а мог бы такой робот, — настаивал Бейли, — ввести в заблуждение вас?

Роботехник негромко хмыкнул:

— О, любезный мистер Бейли. Я сомневаюсь В самом деле. Ведь не только внешний вид отли…

Доктор Джерригел оборвал себя на полуслове. Затем он медленно повернулся к Р. Дэниелу, и его румяное лицо стало мертвенно-бледным.

— Не может быть, — прошептал он. — Не может быть.

Он протянул руку и осторожно притронулся к щеке Р. Дэниела. Р. Дэниел не пошевельнулся и продолжал спокойно взирать на ученого.

— Боже правый! — с надрывом произнес доктор Джерригел. — Так значит, вы — робот?

— Вам понадобилось немало времени, чтобы заметить это, — сухо констатировал Бейли.

— Я и не предполагал. Ни разу не видел такого. Изготовлен на Внешних Мирах?

— Да, — сказал Бейли.

— Теперь все ясно. Манера держаться, его

речь… Он не идеальное подобие человека, мистер Бейли.

— Все же неплохо сделан, а?

— О, потрясающе! Ведь с виду не скажешь, что это подделка. Я чрезвычайно вам признателен, что вы свели меня с ним. Можно осмотреть его? — Специалист по роботехнике нетерпеливо вскочил с места.

— Простите, доктор, — предупреждающе поднял руку Бейли. — Одну минуту. Сначала поговорим об убийстве.

— Значит, оно было в самом деле? — Доктор Джерригел не скрывал своего глубокого разочарования. — А я-то решил, что вы все это выдумали, чтобы отвлечь меня и посмотреть, как долго удастся меня дурачить…

— Это не выдумка, доктор Джерригел. Теперь послушайте. Вот создается такой робот, как этот, и его назначение — во всем походить на человека. Не должен ли его мозг как можно ближе соответствовать человеческому?

— Разумеется, должен.

— Очень хорошо. Разве не может в нем отсутствовать Первый Закон? Что если его опустили случайно? Вы сами сказали, что теория такого мозга не существует. А раз так, то конструкторы

могли создать его образ без Первого Закона. Они просто не знали, чего опасаться.

Доктор Джерригел энергично замотал головой.

— Нет, нет. Невозможно.

— Вы уверены в этом? Впрочем, мы можем проверить Второй Закон… Дэниел, дайте мне бластер.

Бейли не сводил глаз с робота. На всякий случай он положил руку на рукоятку своего бластера.

— Пожалуйста, Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел и протянул ему бластер прикладом вперед.

— Детектив не имеет права расставаться с оружием, робот же вынужден подчиняться человеку, — заметил Бейли.

— За исключением тех случаев, мистер Бейли, — вставил доктор Джерригел, — когда это ведет к нарушению Первого Закона.

— Знаете ли вы, доктор Джерригел, что Дэниел направил свой бластер на группу невооруженных мужчин и женщин и грозил открыть огонь.

— Но я не выстрелил, — сказал Р. Дэниел.

— Не отрицаю, но угроза сама по себе — факт необычный, вы согласны, доктор?

Доктор Джерригел закусил губу.

— Чтобы дать ответ, мне нужно знать все по-

дробности. Звучит это необычно.

— Тогда слушайте. Р. Дэниел был там, когда совершилось убийство, и если допустить, что житель Земли не мог перейти пространство, унося с собой оружие, то Р. Дэниел, и только Р. Дэниел из всех, кто там присутствовал, мог спрятать это оружие.

— Спрятать оружие? — переспросил доктор Джерригел.

— Я вам объясню. Бластер, которым совершено убийство, обнаружить не удалось. Место преступления было тщательно обследовано, но его там не оказалось. Не мог же он раствориться в воздухе. Существует лишь одно место, где его могли спрятать и которое никто не удосужился проверить.

— Какое место? — спросил Р. Дэниел.

Бейли вынул свой бластер и решительно направил его на робота.

— Ваш пищевой мешок, — сказал он. — . Ваш пищевой мешок, Р. Дэниел.

Глава XIII
Мнение машины

— Вы ошибаетесь, — произнес Р. Дэниел негромко.

— Да? Пусть решит доктор. Доктор Джерригел?

— Мистер Бейли. — Взгляд роботехника, дико метавшийся между детективом и роботом во время их диалога, остановился наконец на человеке.

— Я пригласил вас сюда для авторитетного анализа этого робота. Я могу предоставить в ваше распоряжение лаборатории Городского бюро стандартов. Если вам понадобится другое оборудование, вы его получите. Мне важно одно — быстрый и точный ответ, и плевать на расходы и хлопоты.

Бейли поднялся. Он говорил довольно спокойно, но внутри у него все кипело. Ах, если бы он только мог схватить доктора Джерригела за горло и выдавить из него нужные ему доказательства, а не заниматься научными изысканиями!

— Ну так как, доктор? — потребовал он.

Нервно улыбнувшись, доктор Джерригел заявил:

— Мой дорогой мистер Бейли, лаборатория мне не понадобится.

— Это почему же? — спросил Бейли недоверчиво. Он стоял, судорожно напрягшись всем телом.

— Первый Закон проверить нетрудно. Хоть прежде мне и не приходилось заниматься этим,

как вы сами понимаете.

Бейли втянул ртом воздух и медленно выдохнул его.

— Что вы хотите этим сказать? Что можете проверить его здесь?

— Да, конечно. Послушайте, мистер Бейли, я дам вам аналогичный пример. Будь я врачом и потребуйся мне узнать содержание сахара в крови пациента, я бы прибег к помощи лаборатории. Для определения интенсивности основного обмена, проверки функций головного мозга или исследования генов на наследственное заболевание мне потребовалось бы более сложное оборудование. С другой стороны, чтобы проверить, зрячий ли он, достаточно провести рукой у него перед глазами. Чтобы узнать, жив ли человек, почти всегда достаточно проверить его пульс.

Иначе говоря, чем важнее и фундаментальнее проверяемое свойство, тем проще используемое оборудование. То же самое с роботом. Первый Закон — его фундаментальное свойство. Он влияет на все. Проверить его наличие — или отсутствие — у робота можно десятками способов.

С этими словами он вынул из кармана плоский и черный предмет, который оказался портатив-

ным фильмоскопом. В приемное отверстие он вставил миниатюрный ролик пленки. Затем он достал секундомер, из нескольких белых пластмассовых полосок составил нечто похожее на логарифмическую линейку с тремя подвижными шкалами. Изображенные на ней условные знаки показались Бейли совершенно незнакомыми.

Доктор Джерригел погладил кинескоп и слегка улыбнулся, будто повеселев при мысли о предстоящей работе.

— Это мой «Справочник по роботехнике», — заметил он, — с которым я никогда не расстаюсь. Он стал частью моей одежды. — Доктор Джерригел самодовольно хмыкнул.

Затем он поднес к глазам окуляр аппарата и стал осторожно вращать рукоятку настройки. Аппарат издал жужжащий звук и замолк.

— Книгоскоп имеет встроенный алфавитный указатель, — гордо произнес роботехник, не отрываясь от аппарата, отчего его голос звучал приглушенно. — Моя конструкция. Экономит массу времени. Впрочем, не о том речь. Так, так. — Ну-ка, придвиньтесь ко мне поближе, Р. Дэниел.

Р. Дэниел придвинул к нему свой стул. Он внимательно и бесстрастно следил за всеми этими приготовлениями.

Бейли держал его под прицелом.

То, что последовало, смутило и разочаровало его. Доктор Джерригел стал задавать какие-то бессмысленные вопросы и делать что-то непонятное, манипулируя то своей счетной линейкой, то книгоскопом. Вот, например, один из его вопросов:

— У меня двое родственников с разницей в возрасте пять лет, младшая из них девушка. Какого пола старший родственник?

— На основании приведенных данных определить невозможно, — ответил Р. Дэниел.

«Еще бы ему не ответить», — подумал Бейли.

А доктор Джерригел, взглянув предварительно на секундомер, вытянул в сторону правую руку и предложил Р. Дэниелу дотронуться третьим пальцем своей руки до кончика его среднего пальца. С этой задачей Р. Дэниел справился быстро и легко.

Через пятнадцать минут, не больше, доктор Джерригел закончил проверку. Он в последний раз молча просчитал что-то на линейке и быстро разобрал ее, затем он убрал секундомер и вынул из книгоскопа «Справочник».

— И это все? — спросил Бейли, нахмурившись.

— Все.

— В высшей степени странно. Вы ведь не задали ни одного вопроса, относящегося к Первому Закону?

— Любезнейший мистер Бейли, когда врач ударяет вас по колену резиновым молоточком и нога дергается, не означает ли это, что он проверяет таким образом состояние вашей нервной системы? Или, например, удивляет ли вас, что по реакции вашего зрачка на свет он может сделать вывод о злоупотреблении некоторыми алкалоидами?

— Так каково же ваше решение? — спросил Бейли.

— Мозг Р. Дэниела создан на основе Первого Закона! — Он резко утвердительно кивнул головой.

— Этого не может быть, — сказал Бейли хриплым голосом.

Бейли поверить не мог, что доктор Джерригел способен принять еще более чопорный вид, чем обычно. Его глаза сузились, и взгляд их стал жестким.

— Уж не хотите ли вы учить меня роботехнике?

— Я не подвергаю сомнению ваши знания, — извиняющимся тоном произнес Бейли. — Но, может быть, вы ошиблись? Ведь вы сами сказали,

что никто не знает теории роботов, не оснащенных Первым Законом. Слепой может читать по системе Брайля или пользуясь звуковым аппаратом. Предположим, что вы ничего не слыхали ни о Брайле, ни об аппарате. Не стали бы вы тогда утверждать, и не подозревая о своей ошибке, что раз этот человек знает содержание какого-то книгофильма, значит, он зрячий?

— Я вас понял, — более мягко проговорил ученый. — Однако ваш слепой не мог бы читать при помощи глаз, а именно это — пользуясь вашим сравнением — я и проверил. Поверьте мне на слово, мистер Бейли, Р. Дэниел вне всякого сомнения оснащен Первым Законом.

— А что, если он пошел на обман? — Это был отнюдь не самый умный вопрос, и Бейли знал это.

— Исключено. В том-то и разница между человеком и роботом. Мозг человека, как, впрочем, любого млекопитающего, не поддается полному анализу ни одним из существующих математических методов. Поэтому и невозможно с уверенностью предугадать его реакцию. Мозг же робота поддается такому анализу — иначе было бы невозможно его построить. Мы точно знаем, какой должна быть его реакция на определенные возбудители. Ни один робот не способен на фаль-

сифицированные ответы. То, что вы называете обманом, просто-напросто чуждо умственному горизонту робота.

— Тогда давайте рассмотрим конкретный случай. Р. Дэниел все-таки направил свой бластер на толпу. Я сам видел это. Я присутствовал при этом. Верно, он не стрелял. Но не должен ли был Первый Закон вызвать у него какое-нибудь нервное потрясение? Как вы знаете, этого не произошло. Потом он был совершенно спокоен.

Доктор Джерригел неуверенно потер подбородок.

— Это явная аномалия..

— Ничего подобного, — неожиданно вмешался Р. Дэниел. — Партнер Илайдж, будьте любезны, осмотрите бластер, который вы у меня взяли.

Бейли взглянул на бластер Р. Дэниела, который лежал у него в левой руке.

— Откройте патронник, — настаивал Р. Дэниел. — Осмотрите его.

Бейли взвесил все «за» и «против» и с опаской отложил в сторону свой бластер, затем быстрым движением открыл бластер робота.

— Он пуст, — озадаченно сказал он.

— В нем нет заряда, — согласился Р. Дэниел. — При тщательном осмотре вы убедитесь, что его

там никогда не было. Этот бластер не имеет запальника и использоваться как оружие не может.

— Значит, вы направили на людей незаряженный бластер?

— Бластер мне нужен только для того, чтобы выполнять роль детектива, — ответил Р. Дэниел. — Однако если бы меня снабдили настоящим заряженным бластером, я мог бы случайно причинить вред человеку, что, разумеется, немыслимо. Я бы вовремя объяснил вам все это, но вы сердились и не хотели меня выслушать.

Бейли невидящим взглядом уставился на бластер, который все еще держал в руке и тихим голосом сказал:

— Теперь, кажется, все, доктор Джерригел. Благодарю вас за помощь.

Бейли послал за завтраком, но когда его принесли (рулет с дрожжевым орехом и довольно экстравагантный ломтик жареного цыпленка на крекере), он даже к нему не притронулся.

Мрачные мысли в хаотическом беспорядке проносились в его мозгу.

Он как бы жил в нереальном мире, жестоком, вывернутом наизнанку мире.

Как это могло случиться? Недавние события

тянулись за ним наподобие кошмарного сна, начиная с того момента, как он вошел в кабинет Джулиуса Эндерби и внезапно погрузился в пучину убийств и роботехники.

Господи! А ведь прошло только двое суток.

Он упорно искал разгадку в Космотауне. Дважды обвинил в убийстве Р. Дэниела: в первый раз как человека, подделывающегося под робота; во второй — как несомненного робота; и дважды его обвинение рассыпалось в прах.

Теперь он вынужден отступать Хочет он этого или не хочет, ему придется заняться Нью-Йорком, а с прошлой ночи он не может отважиться на это. Его мозг осаждают недвумысленные вопросы, но он отказывается их слышать, не в силах, наконец. Иначе придется ответить на них, и тогда… О боже, как страшится он этих ответов!

— Лайдж! Лайдж! — Кто-то тряс его за плечо.

— В чем дело? Фил? — спросил Бейли очнувшись.

Филипп Норрис, детектив класса С-5, сел, положил руки на колени и подался вперед, вглядываясь в лицо Бейли.

— Что с тобой? Наркотиков наглотался? Сидишь тут с открытыми глазами, а у самого вид, как у покойника.

Он взъерошил свои редеющие светлые волосы, а его близко поставленные глаза алчно поглядывали на стынущий завтрак Бейли.

— Цыпленок! — сказал он. — Скоро его будут давать только по рецепту врача.

— Угощайся, — сказал невыразительно Бейли.

Приличия взяли верх, и Норрис ответил:

— Не стоит, я через минуту иду обедать. Ешь сам... Слушай, что у тебя за делишки с шефом? — спросил он нарочито небрежным тоном.

— Какие делишки?

— Не прикидывайся. Ты знаешь, о чем речь. С тех пор как он вернулся, ты словно поселился у него. В чем дело? Наклевывается повышение?

Бейли нахмурился и почувствовал, как с упоминанием о служебных дрязгах к нему возвращается чувство реальности. У Норриса примерно такой же стаж, как у него, и не мудрено поэтому, что он ревностно следит за всякими признаками предпочтения, оказываемого начальством Бейли.

— Что ты, какое там повышение! — сказал Бейли. — Все это ерунда. А что касается комиссара, то я бы с радостью уступил его тебе. Забирай, ради бога!

— Ты неверно меня понял, — сказал Норрис. — Пусть тебя повышают, мне все равно. Но если у

тебя с шефом дела на мази, почему бы не помочь мальчонке?

— Какому еще мальчонке?

Ответа на это не потребовалось. Из какого-то укромного угла комнаты вышел, шаркая ногами, Винсент Бэррет, тот самый юноша, которого уволили ради Р. Сэмми. Он нервно мял в руках свою кепку, и на его скуластом лице появилось подобие улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Винс. Как дела?

— Неважно, мистер Бейли.

Он жадно оглядывался по сторонам.

«Конченый человек, — подумал Бейли, — живой труп… деклассированный».

Внезапно у него пронеслась гневная мысль (он с трудом сдерживался, чтобы не выразить ее вслух): «Что ему от меня-то нужно?»

— Мне очень жаль, малыш, — сказал он. Что он мог еще сказать?

— Я все думаю… может, что подвернется.

Норрис придвинулся к Бейли и сказал ему на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Теперь собираются уволить Чень-ло.

— Что?

— Неужто не слышал?

— Нет. Черт побери, у него же С-3. Десять лет службы за спиной.

— Что верно, то верно. Но его работу может делать машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Винс Бэррет не прислушивался к шепоту. Погруженный в свои мысли, он сказал:

— Мистер Бейли?

— Да, Винс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лирана Миллейн, танцовщица субэтерикса, вовсе не человек, а робот.

— Глупости.

— Разве? Говорят, будто теперь таких научились делать, что не отличишь от человека: с какой-то особой пластической кожей, что ли.

Бейли вспомнил о Р. Дэниеле и не нашелся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете, — продолжал юноша, — никто не будет против, если я поброжу здесь? Как-никак я здесь когда-то работал.

— Конечно, нет, малыш.

Юноша ушел. Бейли и Норрис проводили его взглядами.

— Пожалуй, медиевисты правы, — заметил Норрис.

— Значит, назад к Земле? Ты это имеешь в виду, Фил?

— Что ты! Я говорю о роботах. «Назад к Земле»... Ха! Будущее старушки Земли не имеет границ. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана иссякают, — проворчал Бейли. — Вот тебе и «не имеет границ».

— Ну и что, что иссякают. Ввозить уран будем. Или откроем новые ядерные процессы. Человеческую мысль не остановишь, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в наше серое вещество. Изобретательность — наше главное богатство, и ее запасы не истощатся никогда, Лайдж. — Он разошелся вовсю: — Во-первых, можно использовать солнечную энергию, а ее хватит на миллиарды лет. В орбите Меркурия можно построить космические станции — аккумуляторы энергии. На Землю энергия будет передаваться направленным лучом.

Этот проект был не нов для Бейли. Ученые-теоретики носились с этой идеей уже по меньшей мере лет полтораста. Беда в том, что пока не удается послать такой плотный пучок энергии, чтобы он не рассеялся, пройдя расстояние в пятьдесят миллионов миль. Бейли так и сказал.

— Понадобится, сделаем и это, — возразил Норрис. — К чему понапрасну трепать себе нервы?

Бейли представил себе Землю с неисчерпаемыми запасами энергии. Население сможет увеличиваться. Можно расширить дрожжевые фермы, интенсивнее использовать гидропонику. Все упирается только в энергию. Минеральное сырье можно доставлять с необитаемых небесных тел Галактики. А если узким местом станет вода, ее можно будет ввозить со спутников Юпитера. Черт возьми, можно будет заморозить и вытащить в космос океаны, и они будут кружить вокруг Земли, как маленькие ледяные луны. Всегда рядом, всегда под рукой, а дно океанов можно освоить и засеять. Даже запасы углерода и кислорода можно заморозить и увеличить за счет метановой атмосферы Титана и замороженного кислорода со спутника Урана Умбриеля.

Население Земли может вырасти до одного или двух триллионов. Почему бы и нет? Было время, когда казалось трудным представить, что население достигнет, как нынче, восьми миллиардов. Было время, когда население даже в один миллиард казалось невообразимым. Каждое поколение с медиевальных времен имело своих пророков мальтузианского толка, и их пророчества нико-

гда не сбывались.

Но что бы сказал на это Фастольф? Мир в триллион человек? Допустимо, только жизнь их будет зависеть от привозного воздуха, и воды, и от энергии, мудреные хранилища которой расположены в пятидесяти миллионах миль отсюда. Как это страшно ненадежно. Земля постоянно будет на волосок от полной катастрофы при малейшем нарушении работы любой части галактического механизма.

— Мне лично кажется, что проще вывезти излишек населения, — сказал Бейли. Это был скорее ответ на картину, которую он вообразил себе, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас возьмет? — беспечно, но с горечью сказал Норрис.

— Любая необитаемая планета.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу:

— Лайдж, съешь своего цыпленка и приходи в норму. Не иначе, как ты глотал наркотики. — И он ушел, посмеиваясь.

Бейли смотрел ему вслед, скривив рот в невеселой усмешке. Норрис раструбит об этом повсюду, и их отдельские остряки (а они есть в каждом учреждении) еще не скоро оставят его в покое. Тем не менее он был рад, что Норрис перестал

твердить о Винсе, о роботах и о деклассировании.

Бейли вздохнул и ковырнул вилкой холодного, вязкого цыпленка.

Бейли доел свой рулет, и только тогда Р. Дэниел встал из-за стола, который ему выделили еще утром, и подошел к нему.

Бейли неприязненно взглянул на него:

— Ну что?

— Комиссар отсутствует, и никто не знает, когда он вернется. Я предупредил Р. Сэмми, что мы хотим воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он не должен впускать никого.

— Зачем нам понадобился кабинет?

— Чтобы никто не мешал. Вы ведь не станете отрицать, что нам надо обдумать следующий шаг. Я полагаю, вы не намерены прекратить расследование, Илайдж?

Именно это и было сокровенным желанием Бейли, в чем, разумеется, признаться он не мог. Он молча поднялся со стула и прошел в кабинет Эндерби.

— Ну, Дэниел, так в чем дело? — спросил Бейли.

— Партнер Илайдж, — начал робот, — с прошлой ночи вы сам не свой. В вашем психоизлуче-

нии произошел заметный сдвиг.

Ужасная догадка промелькнула в голове у Бейли.

— Вы — телепат? — воскликнул он.

Если бы не все эти треволнения, он бы и мысли такой не допустил.

— Нет, разумеется, нет, — ответил Р. Дэниел.

— Тогда какого дьявола вы толкуете о моем психоизлучении? — немного успокоился Бейли.

— Я употребил данное выражение, чтобы описать какое-то ощущение, которое вы скрываете от меня.

— Какое ощущение?

— Это трудно объяснить, Илайдж. Если вы помните, первоначально я был предназначен для изучения психологии человека.

— Да, да, конечно. И вас потом превратили в детектива, снабдив пресловутым контуром справедливости, — Бейли и не старался скрыть свой сарказм.

— Совершенно верно, Илайдж. Однако мое первоначальное назначение также осталось в силе. Меня создали для проведения цереброанализа.

— Для анализа биотоков мозга?

— Вот именно. При наличии соответствующего приемного устройства цереброанализ можно

проводить на расстоянии, не прибегая к помощи электродных контактов. Мой мозг и является таким приемником. Разве на Земле не применяется этот метод?

Бейли не знал, что ответить, поэтому игнорировал этот вопрос.

— Что вы узнаете, измеряя биотоки мозга? — поинтересовался он с опаской.

— Конечно, не мысли, Илайдж. Я получаю представление об эмоциях и, главным образом, анализирую темперамент человека, его скрытые побуждения. Так мною было установлено, что комиссар Эндерби был не в состоянии убить человека при тех обстоятельствах, которые преобладали в момент совершения преступления.

— И с него сняли подозрение только на основании ваших выводов?

— Да. Потому что они достаточно достоверны. Я ведь очень точная машина.

Еще одна мысль поразила Бейли.

— Постойте! — воскликнул он. — Значит, комиссар и не подозревал, что его подвергают цереброанализу?

— Мы не хотели задевать его чувств.

— То есть вы просто стояли и смотрели на него. Никакой аппаратуры, никаких электродов: ни

самописцев, ни графиков.

— Конечно, нет. Я обхожусь без них.

От злости и досады Бейли до боли закусил нижнюю губу. Рухнула его последняя надежда нанести космонитам решающий удар.

Сначала Р. Дэниел заявил, что комиссара подвергли цереброанализу, а часом позже сам комиссар начисто и как будто вполне искренне отрицал это, сказав, что не знает даже, о чем идет речь. Но если бы с человека, которого подозревают в убийстве, снимали энцефалограмму, да еще с электродами и графиками, он получил бы полное представление о том, что такое цереброанализ.

От противоречия, которое сразу же подметил Бейли, не осталось и следа. Комиссар подвергся цереброанализу, и не догадываясь о нем. Значит, и робот и комиссар говорили правду.

— Ну, так что вы узнали обо мне? — не очень деликатно обратился к роботу Бейли.

— Вы обеспокоены.

— Потрясающее открытие, не правда ли? Еще бы мне не беспокоиться.

— Точнее, ваше беспокойство вызвано столкновением ваших внутренних побуждений. С одной стороны, преданность долгу призывает вас тщательно расследовать заговор землян, пресле-

довавших нас прошлой ночью. Не менее сильное побуждение толкает вас в противоположном направлении. Именно это мне удалось прочесть в биотоках ваших мозговых клеток.

— К дьяволу мои клетки! — возмутился Бейли. — Я вам скажу, почему нет смысла заниматься этим вашим так называемым заговором. Он не имеет никакого отношения к убийству. Признаться, раньше я думал, что имеет. Вчера в столовой мне показалось, что нам грозит опасность. Но чем это кончилось? Они нас преследовали, мы скрылись, и делу конец. Хорошо организованные и отчаянные люди так себя не ведут. Мой сын без труда разыскал нас, позвонив в управление. Причем он даже не назвал себя. То же самое могли сделать и наши уважаемые заговорщики, пожелай они только расправиться с нами.

— По-вашему, они этого не хотят?

— Конечно, нет. Они могли использовать беспорядки у магазина, а вместо этого покорно уступили приказу человека с бластером в руках. Не человеку — роботу, который — и они это хорошо знают — никогда не пустит в ход оружие против людей. Все они — медиевисты, безобидные, малость свихнувшиеся люди. Вы могли этого не знать, но как я опростоволосился? Дело в том,

что из-за всей этой кутерьмы я стал рассуждать, как... сентиментальный дурак. Поверьте, я знаю, что это за люди: мягкие, мечтательные, которым не по душе нынешний образ жизни. Они ищут спасения в идеальном мире прошлого, который они создали в своем воображении. Если бы вы могли подвергнуть своему анализу все это движение, как вы это делаете с отдельными людьми, то сразу бы убедились, что они не более способны на убийство, чем сам Джулиус Эндерби.

— Я не могу поверить вам на слово, — медленно сказал Р. Дэниел.

— То есть как это?

— Вы слишком резко изменили свою точку зрения. Кроме того, в ней есть определенные несоответствия. Вы договорились о встрече с доктором Джерригелом задолго до того, как мы оказались в столовой. В то время вы ничего не знали о моем пищевом мешке, и поэтому не могли подозревать меня в убийстве. С какой целью тогда вы вызвали доктора Джерригела?

— Я подозревал вас уже тогда.

— А прошлой ночью вы разговаривали во сне.

— Что я говорил? — широко раскрыл глаза Бейли.

— Одно слово — «Джесси», которое вы повто-

рили несколько раз. Я полагаю, вы имели в виду свою жену.

Бейли расслабился и проговорил неуверенно:

— Мне приснился кошмар. Вы знаете, что это такое?

— Не по личному опыту, разумеется. Словарь определяет это, как неприятное сновидение. Сущность последнего я также знаю по словарю. Это — иллюзия реальности, которую вы испытываете при временном выключении сознания, что называется у вас сном.

— Ладно. Идет. Пусть иллюзия Только иногда эти иллюзии чертовски похожи на жизнь. Ну так вот, мне приснилось, что моя жена оказалась в опасности. Людям часто видятся во сне подобные вещи. Я звал ее. Это тоже случается при определенных обстоятельствах. Можете мне поверить.

— Я охотно вам верю. В связи с этим у меня есть вопрос. Как Джесси узнала, что я робот?

Лоб Бейли снова покрылся капельками пота.

— Опять одно и то же По слухам, которые…

— Простите, партнер Илайдж, но в городе нет слухов. Если бы они были, весь город сегодня охватило бы волнение. Я проверил все поступившие в управление рапорты: в городе спокойно. Никаких слухов не существует. Поэтому каким

образом ваша жена узнала?

— Черт возьми! Куда вы клоните? Уж не думаете ли вы, что моя жена является членом…

— Да, Илайдж.

Бейли судорожно сжал руки.

— Ничего подобного, и давайте забудем об этом.

— Это на вас не похоже, Илайдж. Выполняя свой долг, вы дважды обвинили меня в убийстве.

— А теперь вы хотите со мной расквитаться?

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать. Я, разумеется, одобряю вашу готовность подозревать меня. У вас было на это основание. Вы ошибались, но могли и не ошибиться. Сейчас имеются столь же веские причины подозревать вашу жену.

— В убийстве? Вы с ума сошли, Джесси пальцем никого не тронет. Она бы ни за что не решилась выйти из города. Она никогда… Черт побери, да будь вы сделаны из плоти и крови, я бы…

— Я лишь говорю, что она участник заговора. Я говорю, что ее следует допросить.

— Нет, клянусь вашей жизнью! Нет, клянусь тем, что вы называете своей жизнью! Теперь послушайте меня. Медиевисты не жаждут нашей крови. Это не в их духе. Они просто хотят выжить

вас из города. Это точно. И для этого они повели психическую атаку. Они стараются доставить нам обоим как можно больше неприятностей. Они стараются как можно больше досадить вам, да и мне, раз я с вами. Они могли бы без труда узнать, что Джесси — моя жена. Их следующий ход — как-то сообщить ей о вас. Джесси такая же, как все люди. Она не любит роботов. Она не хочет, чтобы я имел дело с роботом, тем более, если ей кажется, что это опасно. А уж опасность они ей, конечно, расписали. И это, представьте, подействовало. Всю ночь Джесси умоляла меня бросить расследование и как-нибудь выдворить вас из города.

— По-видимому, — сказал Р. Дэниел, — вы испытываете сильное желание избавить жену от допроса.

Я подозреваю, что вы сами не очень верите в то, что только что пытались мне объяснить.

— Не забывайтесь, черт возьми! — пришел в ярость Бейли. — Вы не детектив. Вы — машина для цереброанализа, вроде тех, что стоят у нас в лаборатории. Вы — машина, хоть у вас есть руки и ноги и вы умеете говорить. А та цель, которую в вас всадили, ни черта не значит. Все равно вы не детектив, а потому помалкивайте и предоставьте

делать выводы мне.

— Мне кажется, будет лучше, если вы немного понизите голос, — спокойно произнес Р. Дэниел. — Пусть по-вашему я не детектив, тем не менее я бы хотел обратить ваше внимание на одну небольшую деталь.

— Меня это нисколько не интересует.

— И все же прошу меня выслушать. Если я ошибаюсь, вы меня поправите, и от этого никто не пострадает. Дело в следующем. Вчера вечером вы вышли из комнаты, чтобы позвонить Джесси. Я предложил тогда поручить это вашему сыну. Вы мне сказали, что, по вашим обычаям, отец никогда не станет подвергать жизнь своего сына опасности. Может ли позволить себе это мать?

— Конечно, нет… — начал было Бейли и осекся…

— Вы меня поняли, — сказал Р. Дэниел. — Если бы Джесси хотела предупредить вас о грозящей опасности, она бы сделала это сама, а не рисковала бы жизнью сына. Тот факт, что она все-таки послала Бентли, может означать одно: она боялась за себя, но была уверена в полной безопасности сына. Если бы в заговоре состояли люди, не знакомые Джесси, она бы за себя не опасалась, во всяком случае, у нее не было бы

причин для опасения. С другой стороны, будучи членом заговорщической группы, она ***могла знать,*** Илайдж, что за ней станут следить и узнают ее, тогда как Бентли может не обратить на себя внимание.

— Постойте, — сказал Бейли упавшим голосом, — вы хорошо рассуждаете, но…

Бешено замелькавший сигнал на столе комиссара не дал ему закончить свою мысль. Р. Дэниел ждал, что Бейли ответит, но тот лишь беспомощно уставился на сигнал. Р. Дэниел соединил контакт сам.

— В чем дело? — спросил робот.

Громкий, с хрипотцой голос Р. Сэмми ответил:

— Здесь какая-то дама желает поговорить с Лайджем. Я сказал ей, что он занят, но она не хочет уходить. Она говорит, что ее имя Джесси.

— Пропустите ее, — спокойно сказал Р. Дэниел, и его бесстрастные карие глаза встретились с паническим взглядом Бейли.

Глава XIV Власть имени

Бейли стоял как в столбняке, когда к нему подбежала Джесси и прижалась к нему, обхватив его за плечи. Его побелевшие губы беззвучно

произнесли:

— Бентли?

Джесси посмотрела на него и затрясла головой так, что взметнулись ее каштановые волосы.

— С ним все в порядке.

— Так что же ты..

Джесси вдруг разразилась слезами и прерывающимся, чуть слышным голосом сказала:

— Я больше не могу, Лайдж. Я этого не выдержу. Я не ем и не сплю… Я должна тебе все рассказать…

— Не говори ничего, — сказал Бейли с болью в голосе. — Ради бога, не сейчас..

— Я должна. Я такое натворила. Это ужасно, Лайдж… — Из-за рыданий ее совсем нельзя было понять.

— Мы здесь не одни, — сказал Бейли безнадежно.

Она подняла голову и безучастно посмотрела на Р.

Дэниела. Вполне возможно, что из-за потоков слез, струившихся из ее глаз, она вообще не различала, кто стоит перед ней.

— Добрый день, Джесси, — негромко сказал Р. Дэниел.

Она задохнулась от изумления:

— Это… тот робот?

Джесси провела по глазам тыльной стороной ладони и освободилась от обнимавшей ее за плечи руки мужа. Она глубоко вздохнула, и на какое-то мгновение на ее губах возникла дрожащая улыбка.

— Так это вы, да?

— Да, Джесси.

— Вы ведь не против, что я называю вас роботом?

— Нет, Джесси. Я ведь и есть робот.

— А меня можно назвать дурой, идиоткой и… и… подрывным агентом. Потому что так оно и есть.

— Джесси, — простонал Бейли.

— Не надо, Лайдж, — сказала она. Он твой партнер, так что пусть знает. Я больше не могу. Я чуть с ума не сошла со вчерашнего дня Пусть меня бросят в тюрьму. Пусть отправят в самый низ и посадят на сырые дрожжи и воду. Мне безразлично… Ты защитишь меня, Лайдж, правда? Ты не дашь им расправиться со мной? Я боюсь. Я так боюсь…

Она снова громко разрыдалась. Бейли поглаживал ее по плечу и сказал, обращаясь к Р. Дэниелу:

— Она нездорова. Ее надо увезти отсюда. Ко-

торый час?

— Четырнадцать сорок пять, — ответил робот, не глядя на часы.

— Комиссар может вернуться в любую минуту. Вызовите служебную машину. Мы поговорим в туннеле по дороге домой.

Джесси резко вскинула голову.

— В туннеле? О, не надо, Лайдж!

Он старался говорить как можно мягче и успокаивающе:

— Слушай, Джесси, не надо капризничать. Ведь в таком виде тебе просто нельзя появиться на экспрессе. Будь паинькой и успокойся, а то даже через общую комнату неудобно идти. Я принесу тебе воды.

Она вытерла лицо влажным платком и сказала тоскливо:

— О, посмотри на мой грим…

— Не волнуйся ты о гриме, — сказал Бейли. — Дэниел, как с машиной?

— Машина ждет нас, партнер Илайдж.

— Пошли, Джесси.

— Подожди. Одну минуту, Лайдж. Мне что-то надо сделать с лицом.

— Да неважно это.

— Ну, прошу тебя, — упорствовала она. — Я не

могу в таком виде идти через общую комнату. Это займет буквально секунду.

Человек и робот ждали: человек при этом нервно сжимал и разжимал кулаки, робот же был бесстрастен.

Джесси рылась в своей сумочке в поисках нужных ей принадлежностей. (Бейли однажды торжественно заявил, что если и есть на свете нечто такое, что не поддалось усовершенствованию с медиевальных времен, то это дамская сумочка. Потерпела неудачу даже попытка заменить металлическую застежку магнитным замком.) Джесси вынула небольшое зеркальце и косметический набор в серебрянкой оправе, который Бейли подарил ей на день рождения три года назад.

В наборе было три миниатюрных распылителя, и она по очереди воспользовалась каждым. Она обращалась с ними с таким изяществом и ловкостью, которыми природа наделила женщину и которые, казалось, не изменяют ей даже в самые тяжкие минуты.

Первым кладется ровный слой основы, от которого кожа становится матовой и гладкой, с легким золотистым оттенком, именно таким — Джесси по опыту знала это, — который больше

всего идет естественному цвету ее волос и глаз. Затем налет загара на лоб и подбородок, мягкое прикосновение румян на обе щеки и изящный мазок голубизны на верхнее веко и на мочку уха. Наконец, на губы ровным слоем ложится кармин. Это и есть то единственное видимое облачко нежно-розового цвета, которое влажно поблескивает в воздухе, но высыхает и темнеет от прикосновения к губам.

— Ну вот, теперь все, — сказала Джесси, несколькими ловкими движениями взбив волосы и изобразив крайнее неудовлетворение своим видом. — Пожалуй, так сойдет.

Джесси, конечно, не уложилась в обещанную секунду, но вся эта процедура заняла менее четверти минуты. Однако Бейли казалось, что ей конца не будет.

— Пошли, — сказал он.

Она едва успела убрать в сумочку свою косметичку, как он тут же подтолкнул ее к двери.

По обе стороны дороги лежала жуткая, плотная тишина.

— Ну так что, Джесси? — сказал Бейли.

Ее лицо, отчужденно застывшее с тех пор, как они покинули кабинет Эндерби, начало постепенно оживать. Она молча беспомощно переводила

взгляд с мужа на робота.

— Ну что же ты, Джесси? Прошу тебя. Ты совершила преступление? Настоящее преступление?

— Преступление? — Она неуверенно покачала головой.

— Возьми себя в руки, Джесси. Не надо истерик. Скажи только «да» или «нет». Ты… — он заколебался, — убила кого-нибудь?

— Ты что, Лайдж Бейли? — Выражение лица Джесси стало возмущенным.

— Да или нет, Джесси?

— Нет, конечно, нет!

У него отлегло от сердца.

— Ты украла что-нибудь? Подделала талон для питания? Кого-нибудь оскорбила? Причинила ущерб городу? Говори же, Джесси!

— Я не сделала ничего особенного! То есть не то, что ты думаешь. — Она оглянулась. — Лайдж, почему мы стоим здесь?

— Мы не тронемся с места, пока ты все не расскажешь. Ну, начинай. Зачем ты пришла к нам?

Бейли встретился со взглядом Р. Дэниела, устремленным на него поверх склоненной головы Джесси.

Джесси заговорила тихим голосом, который становился все громче и уверенней по мере того,

как продолжался ее рассказ.

— Всему виной эти медиевисты. Ты-то их знаешь, Лайдж. Они всегда тут как тут и все время болтают. Так было, еще когда я работала помощником диетолога. Помнишь Элизабет Торнбау? Она была медиевисткой и постоянно твердила, что все наши беды из-за стальных городов и что до их появления все было куда лучше.

Я допытывалась, откуда у нее такая уверенность в этом, особенно после того, как встретила тебя, Лайдж (помнишь наши разговоры?), а она ссылалась на эти ролики книгофильмов, что до сих пор ходят по рукам. Ну, знаешь, вроде «Позора городов» того парня… Как там его имя?

— Оргински, — рассеянно сказал Бейли.

— Вот, вот, только большинство из них намного хуже. А когда мы с тобой поженились, она стала страшно ехидничать. Бывало, говорит: «Уж коли ты вышла замуж за полицейского, так станешь, наверное, настоящей городской дамой». Она стала меньше со мной разговаривать, а потом я ушла с работы, и на этом все кончилось. Она рассказывала мне всякую всячину и, наверное, хотела меня поразить, или ей нравилось казаться эффектной и таинственной. Понимаешь, она была старой девой и так никогда и не вышла замуж.

Многие из этих медиевистов просто-напросто неудачники. Помнишь, ты как-то говорил, Лайдж, что иногда люди сваливают свои собственные неудачи на общество и требуют переделать города, потому что не могут переделать сами себя.

Бейли вспомнил, но теперь эти самые слова прозвучали для него как пустая болтовня.

— Пожалуйста, ближе к делу, Джесси, — ласково сказал он.

— В общем, — продолжала она, — Лиззи все твердила, что придет день и люди объединятся. Мол, всему виной космониты, потому что они хотят, чтобы Земля всегда оставалась слабой и деградировала. Это было любимое ее словечко — «деградировать». Посмотрит, бывало, на меню, которые я составляла на неделю, поморщится и скажет: «Деградируем, деградируем». Мы в поварской со смеху умирали, когда Джейн Майерс принималась ее передразнивать. Она говорила — Элизабет, конечно, — что в один прекрасный день мы разделаемся с городами и станем жить на свободе, а заодно и рассчитаемся с космонитами, которые стараются всучить нам роботов, чтобы навсегда связать нас с городами. Только она никогда не говорила «роботы»: она называла их — простите меня, Дэниел — «бездушными

чудовищами».

— Я не понимаю значения прилагательного, Джесси, — сказал робот, — но тем не менее принимаю ваше извинение. Пожалуйста, продолжайте.

Бейли заерзал на месте. Вот так с ней всегда! Будет ходить вокруг да около, чтобы тут ни случилось, каким бы критическим ни было положение.

— Элизабет любила говорить намеками, чтобы создалось впечатление, будто у нее много единомышленников. Бывало, начнет: «На прошлом собрании…», потом остановится и посмотрит на меня так, словно ей и хочется, чтобы я расспрашивала, да боится, как бы не попасть в беду. Я, конечно, ни о чем не спрашивала. Не хотела доставлять ей удовольствия. Короче говоря, когда мы поженились, Лайдж, все это прекратилось, пока…

Она замолчала.

— Продолжай же, Джесси, — подгонял ее Бейли.

— Помнишь, Лайдж, как мы с тобой повздорили? Ну, из-за Джезебел?

— Ну и что? — Он даже не сразу сообразил, что Джесси имеет в виду свое имя, а не говорит о

ком-то другом.

Он повернулся к Р. Дэниелу и стал машинально оправдываться:

— Джезебел полное имя Джесси. Она его не любит и не пользуется им.

Р. Дэниел серьезно кивнул головой, а Бейли подумал: «Господи, и этот еще на мою голову».

— Меня это здорово взволновало, Лайдж, — продолжала Джесси. — В самом деле. Может, это и глупо, но твои слова не выходили у меня из головы. Ты сказал, что Джезебел была просто консервативной и отстаивала обычаи своих предков против странных обычаев пришельцев. В конце концов меня тоже звали Джезебел, и я всегда…

Она замялась, подыскивая нужное слово, и Бейли подсказал ей:

— Отождествляла себя с ней?

— Вот-вот, — сказала она, но тут же замотала головой и опустила глаза. — Вернее, нет. Не в прямом смысле. В общем, ты понимаешь, за кого я ее принимала. Я такой не была.

— Я знаю, Джесси. Не глупи.

— Я ломала над этим голову и потом решила, что сейчас все происходит так же, как было когда-то. То есть у нас, землян, были свои старые обычаи, но вот пришли космониты с массой но-

вых обычаев и стали поддерживать то новое, до чего мы как-то добрели сами. Может быть, медиевисты все-таки правы. Может, нам и в самом деле стоит вернуться к старым добрым обычаям. Вот я и вернулась и нашла Элизабет.

— Ну, продолжай…

— Она сказала, что не знает, о чем я говорю, и что к тому же я — жена полицейского. Я возражала, что это, мол, к делу не относится, и наконец она согласилась поговорить с кем-то. А через месяц подошла ко мне и говорит, что все, мол, улажено и меня приняли. С тех пор я хожу на их собрания.

Бейли грустно смотрел на нее.

— И ты не сказала мне ни слова.

— Прости меня, Лайдж, — дрожащим голосом сказала Джесси.

— Слезами горю не поможешь. Расскажи мне о собраниях. Прежде всего, где они проводились?

Им овладело какое-то тупое безразличие. Как ни старался он скрыть его от себя, горькая правда предстала перед ним во всей полноте. В каком-то смысле даже лучше, что с неопределенностью покончено.

— Здесь, — ответила Джесси.

— Здесь? В туннеле? Да ты что?

— Да, в туннеле. Поэтому мне так не хотелось сюда ехать. Правда, для встреч здесь идеальное место. Мы приходили…

— Сколько вас было?

— Трудно сказать. Человек шестьдесят — семьдесят. Сюда приносили раскладные стулья, напитки, еду, кто-нибудь произносил речь, чаще о том, как хорошо жилось прежде и как мы разделаемся с чудищами, то есть с роботами, да и с космонитами тоже. И так каждый раз. Всем было скучно, но мы чувствовали себя ужасно важными. Мы давали разные клятвы, выдумывали тайные приветствия.

— И вас ни разу не прерывали? Ни служебные машины, ни пожарники?

— Ни разу.

— Это необычно, Илайдж? — вмешался Р. Дэниел.

— Пожалуй, нет, — задумчиво сказал Бейли. — Некоторыми боковыми проездами практически уже давно не пользуются. Правда, найти их мудреная штука… И это все, чем вы занимались на собраниях? Произносили речи да строили из себя конспираторов?

— Иногда еще пели песни. И, конечно, закусывали сэндвичами, сок пили…

— В таком случае, — зло произнес Бейли, — чего ты устроила истерику?

Джесси заморгала глазами.

— Не сердись, Лайдж.

— Пожалуйста, — с необычайным терпением настаивал Бейли, — ответь на мой вопрос. Если все так безобидно, как ты говоришь, почему ты вдруг ударилась в панику?

— Я боялась за тебя, Лайдж. Почему ты не хочешь меня понять? Я ведь объяснила тебе..

— Нет, Джесси. Пока ты еще ничего не объяснила. Ты рассказывала о ваших секретных сборищах с болтовней и песнопениями. А открытые демонстрации вы устраивали? Учиняли расправу над роботами? Устраивали беспорядки? Убивали людей?

— Никогда! Лайдж, да я бы сразу порвала с ними, как ты не понимаешь.

— В чем же тогда твое преступление? Почему ты завела речь о тюрьме?

— Дело в том... в общем, нам говорили, что когда-нибудь мы окажем давление на правительство. Мы организуем огромные забастовки, прекратим работать и вынудим правительство запретить роботов, а космонитов заставим убраться восвояси. Я думала, что дальше разго-

воров дело не пойдет, но потом произошла эта история с тобой и Р. Дэниелом И вот теперь в туалетной я услышала: «Пора переходить к действиям», и еще: «Надо проучить их как следует, надо сейчас же остановить вторжение роботов». Они не знали, что речь идет о тебе. А я сразу это поняла.

Ее голос прервался.

— Ну, успокойся, — сказал Бейли уже не так строго, — ты же видишь: ничего не произошло. Все это — одна болтовня.

— Я так ис... испугалась. Я подумала, что если начнут убивать, громить, то могут убить тебя с Бентли. И что все это из-за меня, а поэтому меня надо посадить в тюрьму.

Бейли дал ей выплакаться. Он нежно прижал ее к себе и, стиснув зубы, вызывающе посмотрел на Р. Дэниела, который ответил ему невозмутимым взглядом.

— Ну, а теперь, Джесси, постарайся вспомнить, кто был во главе вашей группы?

Она понемногу приходила в себя и время от времени прикладывала к глазам мокрый от слез носовой платок.

— Его зовут Джозеф Клемин. Он очень маленького роста и ничего собой не представляет.

Совершенно затюканный и безобидный человек. Ты ведь не арестуешь его, правда, Лайдж? Только потому, что я сказала? — Она виновато посмотрела на мужа.

— Пока я не собираюсь никого арестовывать. Как он получал инструкции?

— Не знаю.

— На собраниях появлялись какие-нибудь неизвестные тебе люди? Я имею в виду ваших деятелей из Центра.

— Иногда, раз или два в год, но их никогда не называли по имени. Просто говорили: это, мол, один из наших, и все.

— Ясно. Дэниел!

— Да, Илайдж?

— Опишите людей, которых вы подозреваете. Может быть, Джесси узнает кого-нибудь.

По мере того как Р. Дэниел с присущим ему педантизмом перечислял подозреваемых, подробно характеризуя каждого из них, на лице Джесси все отчетливее появлялось выражение отчаяния. Наконец она замотала головой:

— Не надо, хватит. Не помню я такого! Ни одного…

Она немного помолчала, будто задумалась. Потом спросила:

— Вы сказали, что один из них работает на дрожжевой ферме?

— Фрэнсис Клусарр, — ответил Р. Дэниел, — служащий «Нью-Йорк Йист».

— Понимаете, однажды я сидела в первом ряду. И от выступавшего на меня пахнуло запахом сырых дрожжей. Я запомнила это потому, что чувствовала себя неважно, а тут мне чуть не стало плохо. Пришлось даже перейти в задние ряды. Было так неловко. Может, это и есть тот человек? Ведь когда работаешь с дрожжами постоянно, их запах насквозь пропитывает одежду.

— А ты не помнишь его лица? — спросил Лайдж.

— Нет, — без колебания ответила Джесси.

— Ну хорошо. Сейчас, Джесси, я отвезу тебя к твоей матери. Бентли уже там. Без моего ведома никуда не отлучайтесь. Бен пусть не ходит пока в школу. Я договорюсь, чтобы вам приносили еду на дом. Все подступы к квартире будут под наблюдением полиции.

— А как ты? — заволновалась Джесси.

— Я буду в безопасном месте.

— Долго это будет продолжаться?

— Не знаю. Может, день или два. — Он почувствовал, как неубедительно прозвучали его

слова.

Бейли и Р. Дэниел снова ехали по автотуннелю, но на этот раз без Джесси.

— Мне кажется, — прервал Бейли свои невеселые мысли, — что структура этой организации такова: внизу — основная масса ее членов, у них нет никакой программы, главная их задача — поддержать переворот, когда придет время. Ими руководит немногочисленная верхушка, имеющая четко выработанную программу действий. Ее-то мы и должны обнаружить. Опереточными заговорщиками, о которых говорила Джесси, можно пренебречь.

— Это звучит логично, — заметил Р. Дэниел, — если принять на веру то, что рассказала Джесси.

— Я думаю, что в правдивости ее рассказа сомневаться не приходится, — жестко сказал Бейли.

— Возможно. Мозговые импульсы Джесси не указывают на наличие у нее патологической склонности ко лжи.

Бейли бросил на робота оскорбленный взгляд.

— Этого еще не хватало! И вообще, в рапортах не следует упоминать ее имя. Вы меня поняли?

— Если вам так угодно, партнер Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел, — но тогда наш рапорт

не будет ни точным, ни полным.

— Ну и что из того? Она пришла к нам по своей воле и откровенно все рассказала. Если мы о ней напишем, она будет на учете полиции, а мне бы этого совсем не хотелось.

— Хорошо, я согласен, при условии, что нам не нужно больше ничего выяснять.

— Что касается ее — ничего. Ручаюсь.

— В таком случае, не объясните ли вы, почему слово «Джезебел», почему сочетание этих звуков заставило ее забыть свои прежние убеждения ради новых? Не ясна мотивировка.

Они медленно ехали по пустому извилистому туннелю.

— Это трудно объяснить. Джезебел — редкое имя. Когда-то оно принадлежало женщине с очень плохой репутацией. Моя жена весьма дорожила этим. Это имя как бы бросало на нее тень порочности и вознаграждало за всю ее добропорядочную жизнь.

— Зачем уважающей закон женщине чувствовать себя порочной?

Бейли едва не улыбнулся.

— Женщина есть женщина, Дэниел. В общем, я поступил очень глупо. Я вышел из себя и стал доказывать, что библейская Джезебел вовсе не

была такой уж порочной и что, пожалуй, она была хорошей женой. Я никогда себе этого не прощу. Джесси ужасно расстроилась, — продолжал он. — Сам того не сознавая, я погубил то, что было ей очень дорого. И она, вероятно, решила отплатить мне. У нее, видимо, появилось желание сделать что-то назло мне. И она вступила в эту организацию. Я бы не сказал, что ее желание было осознанным.

— Может ли желание быть неосознанным? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли молча смотрел на Р. Дэниела, даже не пытаясь объяснить ему, что такое подсознательное мышление. Затем он сказал:

— К тому же на ум и чувства человека очень влияет библия.

— Что такое библия?

Бейли было удивился, но затем вспомнил, что космониты исповедуют механистическую философию, а Р. Дэниел может знать только то, что знают они, ни словом больше.

Он сказал отрывисто:

— Это священная книга у почти половины населения Земли.

— Я не понимаю значения прилагательного в этой фразе.

— Это значит, что ее высоко чтут. Различные ее части при правильном толковании содержат в себе правила поведения. Многие считают, что, следуя им, человечество достигнет всеобщего счастья.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этим:

— Входят ли эти правила в ваши законы?

— Боюсь, что нет. Их нельзя насаждать законодательным порядком. Каждый человек сам по себе должен чувствовать сильную внутреннюю потребность соблюдать их. В каком-то смысле они стоят над любым законом.

— Над законом? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли криво улыбнулся.

— Хотите, я расскажу вам кое-что из библии? Думаю, вам будет интересно.

— Пожалуйста.

Машина медленно катилась по инерции и наконец остановилась. Некоторое время Бейли сидел с закрытыми глазами, вспоминая притчу.

Он рассказал библейскую притчу об Иисусе Христе и виновной женщине, которую хотели побить камнями. На вопрос о том, как поступить с этой женщиной, Христос ответил обвинителям: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень».

Никто не мог это сделать, и все разошлись.

Притча заканчивалась следующими словами:

«Иисус, не видя никого, кроме женщины, спросил: „Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?“

Она ответила: „Никто“.

Он сказал: „И я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши“».

Р. Дэниел внимательно слушал.

— И та женщина была виновной?

— Да, была.

— Тогда почему же ее не побили камнями?

— После слов Иисуса никто из обвинителей не мог решиться на это. Смысл рассказа в том, чтобы показать, что существует нечто даже более возвышенное, чем понятие о справедливости, которые ты усвоил. Например, человеческое побуждение, называемое жалостью; человеческий поступок, называемый прощением.

— Я не знаком с этими понятиями, Илайдж.

— Я знаю, — проворчал Бейли. — Я знаю.

Он рывком тронул машину с места, и она с бешеной скоростью понеслась вперед Бейли прижало к подушкам сиденья.

— Куда мы едем? — спросил Р. Дэниел.

— В Йист-таун — Дрожжевой город, — бросил

Бейли. — Чтобы вытрясти правду из этого заговорщика Фрэнсиса Клусарра.

— Вы сумеете это сделать, Илайдж?

— А я и не собираюсь. Это сделаете вы, Дэниел. Причем весьма просто.

Машина прибавила скорость.

Глава XV
Арест заговорщика

Бейли почувствовал приближение Йист-тауна по специфическому запаху, который усиливался с каждой минутой. Он не был ему противен, как некоторым; Джесси, например. Пожалуй, он даже нравился ему. Стоило запаху сырых дрожжей донестись до него, как алхимия чувств отбрасывала его более чем на тридцать лет назад. Ему снова было десять, и он гостил у дяди Бориса, работавшего на дрожжевой ферме. У дяди Бориса дома всегда был небольшой запас дрожжевых сластей; мелкое печенье, конфеты со сладкой текучей начинкой и другие, твердые, — фигурки собачек и кошек. Несмотря на свой возраст, он понимал, что у дяди Бориса они не для того, чтобы раздавать бесплатно, и всегда потихоньку уплетал сласти, повернувшись ко всем спиной.

От этого они казались еще вкусней.

Бедный дядя Борис! Он погиб от несчастного случая. Мальчику так и не рассказали, как это случилось, и он горько плакал, ибо решил, что дядю арестовали за то, что он **уносил** дрожжи с фабрики. Он боялся, что его тоже арестуют и накажут. Много лет спустя он внимательно просмотрел полицейский архив и узнал правду. Дядя Борис попал под гусеницы транспортера. Так буднично развеялся этот миф.

Но все же при малейшем запахе дрожжей он неизменно возникал у него в голове, пусть на самое короткое мгновение.

Йист-таун — Дрожжевой город… Официально в Нью-Йорке нет района с таким названием. Его не найдешь ни в справочнике, ни на карте. То, что горожане зовут Йист-тауном, в почтовом ведомстве числится как округи Нью-Арк, Нью-Брунсвик и Тронтон. Большая часть этого огромного пространства, за исключением нескольких жилых секторов, занята многоэтажными дрожжевыми фермами, где растут и размножаются сотни разнообразных дрожжевых культур.

Здесь трудится пятая часть населения города. Столько же народу работает в смежных отраслях.

Горы древесины и сырой целлюлозы, которые поступают из дремучих лесов Аллеген и перерабатываются в громадных чанах с кислотой в глюкозу; тысячи тонн селитры и фосфатов, необходимых для процесса; бесчисленные контейнеры с органическими веществами из химических лабораторий — все это нужно, чтобы получить только один продукт — дрожжи, как можно больше дрожжей. Без них шесть из восьми миллиардов землян через год страдали бы от голода.

Бейли похолодел от этой мысли. Такая возможность существовала и три дня назад, но подобная мысль тогда просто не пришла бы ему в голову.

Машина выскочила из туннеля на окраины Нью-Арка. Вид малонаселенных улиц, с обеих сторон сжатых слепыми блоками дрожжевых ферм, не радовал глаз.

— Который час, Дэниел? — спросил Бейли.

— Шестнадцать часов пять минут, — ответил Р. Дэниел.

— Если он в дневной смене, мы его застанем.

Бейли поставил машину в проеме одной из стен и выключил двигатель.

— Так это и есть «Нью-Йорк Йист», Илайдж? — спросил робот.

— Да. Часть ее.

Они пошли по коридору между двумя рядами служебных помещений и оказались лицом к лицу с улыбающейся секретаршей.

— Кого вы хотели бы увидеть? — вежливо спросила она.

Бейли показал ей свое удостоверение.

— Полиция, — пояснил он. — У вас в «Нью-Йорк Йист» должен работать некий Фрэнсис Клусарр.

— Одну минутку. Я проверю. — Девушка была явно обеспокоена.

Она нажала кнопку селектора, под которой значилось «Отдел кадров», и, хотя губы ее двигались, артикулируя какие-то слова, вслух она их не произносила.

Бейли не впервые встречался с ларингофоном, который преобразовывал в слова малозаметные движения гортани.

— Говорите вслух, пожалуйста. Мне нужно вас слышать.

— ..и говорит, что он из полиции, сэр, — тотчас же донеслось до него.

Появился смуглый, хорошо одетый человек. У него были небольшие усики и редеющая шевелюра. Приятно улыбаясь, человек представился:

— Я — Прескотт из отдела кадров. Чем могу

быть полезен, инспектор?

Бейли холодно посмотрел на него, и его улыбка стала напряженной.

— Мне бы не хотелось волновать рабочих, — извиняющимся тоном произнес Прескотт, — они не очень-то жалуют полицию.

— Ничего не поделаешь, — остановил его Бейли. — Клусарр сейчас работает?

— Да, инспектор.

— В таком случае, дайте мне поводок. И если Клусарра не окажется на месте, нам придется разговаривать при других обстоятельствах.

Прескотту стало не до улыбок. Он пробормотал:

— Сию минуту, инспектор.

«Поводок» был настроен на вторую секцию отдела ЦГ. Бейли понятия не имел о значении этих слов, да его это и не интересовало. Он знал, что «поводок» приведет его туда, куда нужно. Этот оригинальный маленький аппарат легко помещается в ладони и обладает способностью быстро нагреваться или охлаждаться в зависимости от того, идете вы в правильном направлении или отклоняетесь от него. Чем ближе вы к цели, тем теплее становится «поводок».

Для новичка «поводок» с его едва заметными

колебаниями температуры почти бесполезен: горожане же все, за малым исключением, прекрасно справляются с ним. Испокон веков дети увлекаются игрой в прятки с игрушечными «поводками» в коридорах школьного горизонта. («Поводок, поводок, приведи в уголок». «Горячо, горячей. Поводок всех умней».)

Издавна привыкший им пользоваться, Бейли без труда нашел правильный путь среди лабиринта каких-то громоздких сооружений. Когда через несколько минут он оказался в большой, ярко освещенной комнате «поводок» нагрелся до предела.

— Фрэнсис Клусарр здесь? — спросил Бейли у ближайшего к нему рабочего.

Тот кивком головы показал ему на человека в другом конце комнаты, который встал со своего места и начал снимать с себя передник. Он был среднего роста, с молодым, хотя и в глубоких морщинах лицом и начинающими седеть волосами. У него были большие узловатые руки, которые он не торопясь вытирал селлетексовым полотенцем.

— Я Фрэнсис Клуссар, — сказал он.

Бейли бросил взгляд на Р. Дэниела. Робот кивнул.

— О'кей, — сказал Бейли. — Где мы сможем поговорить?

— Место-то найдется, — медленно ответил Клусарр, — да вот только смена у меня кончается. Может быть, завтра?

— От сегодня до завтра пройдет слишком много времени. Давайте-ка лучше сейчас, — возразил Бейли и протянул ему свое удостоверение.

Руки Клусарра не дрогнули, он продолжал вытирать палец за пальцем.

— Не знаю, как у вас в полиции, — холодно сказал он, — но здесь нам дают на еду три четверти часа, и ни минутой больше. С 17.00 до 17.45. Не хочешь, не ешь совсем.

— Не беспокойтесь, — настаивал Бейли. — Я попрошу, чтобы вам принесли сюда.

— Так, так, — невесело сказал Клусарр. — Прямо как аристократу или полицейскому чину. А что еще? Может, отдельную ванну примем?

— Отвечайте на вопросы, Клусарр, — сухо ответил Бейли, — а шуточки приберегите для своей подружки. Так куда мы пойдем?

— Если хотите, пойдем в весовую. Вас это устраивает? Только мне не о чем с вами говорить.

Весовая представляла собой квадратную снежно-белую комнату, с лучшей, чем в соседнем зале,

вентиляцией. Вдоль стен, под стеклянными колпаками стояли ряды тонких электронных весов с электронными манипуляторами. В колледже Бейли пользовался более простыми моделями. На одной из них, которую Бейли узнал, можно взвесить даже миллиард атомов.

— Мне кажется, здесь нам не помешают, — заметил Клусарр, когда они вошли в комнату.

Бейли что-то буркнул в ответ и повернулся к Р. Дэниелу.

— Пожалуйста, пойдите и распорядитесь насчет обеда. И подождите снаружи, пока его не принесут.

Когда Р. Дэниел вышел, он обратился к Клусарру:

— Вы химик по профессии?

— С вашего позволения, я зимолог.

— Разве это не одно и то же?

Клусарр высокомерно взглянул на него.

— Химики только и возятся со своими вонючими реактивами, а от нас, зимологов, зависит жизнь нескольких миллиардов людей. — Я — специалист по дрожжевым культурам.

— Ну, ладно, ладно, — согласился Бейли.

Но Клусарра нельзя было остановить:

— Эта лаборатория обслуживает всю компанию

«Нью-Йорк Йист». Каждый час, каждый день мы, как проклятые, выращиваем для нее сотни дрожжевых штаммов. Мы исследуем и изменяем их питательные свойства. Мы следим за их ростом. Мы меняем их генетику, создаем новые штаммы, размножаем их, выделяем нужные нам свойства, а потом снова скрещиваем их.

Когда несколько лет назад в Нью-Йорке начала появляться масса клубники, это была, не клубника, парень. То была особая сахаристая дрожжевая культура естественного клубничного цвета с ничтожной добавкой ароматических веществ. И мы создали ее здесь, в этой комнате.

Двадцать лет назад он был всего лишь бесполезным штаммом с мерзким привкусом сала. Он до сих пор отдает салом, но содержание в нем жира увеличено с 15 до 87 процентов. Если сегодня вы пользовались экспрессом, то знайте, что вся его смазка — это S. O. Benedictae, штамм АГ-7. Создан здесь, в этой комнате… Так что я не химик, а зимолог.

Бейли невольно отступил перед бурным натиском собеседника.

— Где вы были вчера вечером между шестью и восемью? — резко спросил он.

Клусарр пожал плечами.

— Прогуливался. Я люблю погулять немного после обеда.

— Вы были в гостях или ходили в субэтерикс?

— Нет. Просто гулял.

Бейли поджал губы. Посещение субэтерикса можно было бы проверить по отметке в абонементе Клусарра, встреча же с друзьями повлекла бы за собой очную ставку.

— Значит, вас никто не видел?

— Может быть, кто-нибудь и видел, не знаю. Во всяком случае, знакомые мне не попадались.

— А чем вы занимались накануне вечером?

— Тем же самым.

— Значит, вы не можете представить алиби?

— Соверши я преступление, инспектор, я бы позаботился об этом. Для чего мне алиби?

Бейли промолчал. Он заглянул в свою записную книжку.

— Вы уже однажды привлекались к суду. За подстрекательство к бунту.

— Ну и что? Меня толкнул какой-то робот, а я сделал ему подножку. Это, по-вашему, подстрекательство?

— Суд пришел именно к такому выводу. Вас признали виновным и оштрафовали.

— Ну и дело с концом. Или вы хотите оштрафо-

вать меня снова?

— Два дня назад у обувного магазина в Бронксе чуть было не вспыхнул бунт. Бас там видели.

— Кто?

Бейли оставил этот вопрос без ответа.

— В то время у вас был перерыв на ужин. Вы ужинали позавчера вечером?

Клусарр замялся, затем покачал головой.

— Расстройство желудка. Бывает иногда из-за дрожжей. Даже если давно имеешь с ними дело.

— Вчера вечером начались беспорядки в Уильямсбурге, и вас там видели тоже.

— Кто?

— Вы отрицаете, что были в обоих местах?

— Мне просто нечего отрицать. Скажите мне, где точно все это происходило и кто говорит, что видел меня?

Бейли не сводил глаз с зимолога.

— Не прикидывайтесь, вы знаете, о чем речь. Мне думается, вы один из руководителей тайной медиевистской организации.

— Я не могу запретить вам думать, инспектор. Но это не может служить доказательством, что вам, вероятно, тоже известно, — сказал Клусарр насмешливо.

— Вероятно, — ответил Бейли с каменным вы-

ражением лица. — Но я заставлю вас признаться. И сделаю это сию же минуту.

Бейли подошел к двери и выглянул наружу. Неподалеку неподвижно стоял Р. Дэниел.

— Принесли ужин Клусарра?

— Еще нет.

— Внесите его, хорошо, Дэниел?

Спустя несколько минут в комнате показался Р. Дэниел с металлическим, разделенным на секции подносом в руках.

— Поставьте его перед мистером Клусарром, Дэниел, — приказал Бейли.

Он сел на табурет у стены, закинул ногу на ногу и слегка покачивал носком ботинка. Он заметил, как Клусарр резко отстранился от робота, когда тот наклонился, чтобы поставить поднос возле зимолога.

— Мистер Клусарр, — сказал Бейли, — познакомьтесь с моим помощником, Дэниелом Оливо.

Р. Дэниел протянул руку со словами:

— Здравствуйте, Фрэнсис.

Клусарр не сказал ни слова. Он и не пытался пожать протянутую ему руку. Р. Дэниел же не опускал ее, и лицо Клусарра стало краснеть.

— Вы невежливы, мистер Клусарр, — мягко заметил Бейли. — Или вы считаете зазорным

пожать руку полицейскому?

Клусарр пробормотал:

— Простите, но я голоден.

Он вынул складную вилку и сел, не сводя глаз с подноса.

— Дэниел, мне кажется, наш друг обижен на ваше холодное обращение, — продолжал Бейли. — Вы ведь на него не сердитесь, не так ли?

— Конечно, нет, Илайдж, — сказал Р. Дэниел.

— Тогда докажите это на деле. Обнимите его за плечи.

— С удовольствием, — сказал Р. Дэниел и сделал шаг вперед.

Клусарр положил вилку.

— В чем дело? Что здесь происходит?

Нисколько не обескураженный этим, Р. Дэниел попытался дотронуться до его плеча.

Клусарр отшатнулся от него, отбросив в сторону руку Р. Дэниела.

— Какого черта, не прикасайся ко мне!

Он вскочил на ноги, задел при этом табурет, и поднос с едой с грохотом повалился на пол.

Бейли коротко кивнул Р. Дэниелу, и тот снова попытался приблизиться к отступавшему от него зимологу. Бейли встал перед дверью.

— Уберите от меня эту гадость! — завопил

Клусарр.

— Ну как вам не совестно! — невозмутимо сказал Бейли. — Ведь этот человек мой напарник.

— Какой он человек! Это проклятый робот! — закричал пронзительно Клусарр.

— Отойдите от него, Дэниел, — тотчас же приказал Бейли.

Р. Дэниел молча стал у двери позади Бейли, напротив которого, сжав кулаки, стоял возбужденный Клусарр.

— Отлично, умник, — сказал Бейли. — Почему вы решили, что Дэниел робот?

— Каждому видно!

— Предоставим это решать судье. Тем временем мы отправим вас в полицию. Нам нужно выяснить, как вы узнали, что он робот. И многое другое, мистер, многое другое. Дэниел, пойдите свяжитесь с комиссаром. Он должен быть дома. Попросите его сейчас же прибыть в управление. Скажите, что мы задержали одного парня, которого надо немедленно допросить.

— Что вами движет, Клусарр? — спросил Бейли, когда Р. Дэниел вышел из комнаты.

— Я требую адвоката.

— Вы его получите. А пока расскажите, к чему вы, медиевисты, стремитесь.

Клусарр отвернулся, храня решительное молчание.

— Да, нам известно все и о вас, и о вашей организации. Я не беру вас на пушку. Мне просто самому хочется услышать, что же вам, медиевистам, нужно?

— Назад, к Земле, — сдавленным голосом сказал Клусарр. — Просто, не так ли?

— Просто на словах, — возразил Бейли. — Труднее на деле. Сумеет ли Земля прокормить восемь миллиардов ртов?

— Разве я сказал, что это произойдет в один день? Или за год? Или же за сотню лет? Шаг за шагом, мистер полисмен. Неважно, сколько времени это займет, пусть только нас выпустят из пещер, в которых мы живем. Пусть нам дадут выйти на свежий воздух…

— А вам самому доводилось побывать там хоть раз?

Клусарр съежился.

— Ладно, меня уже не переделаешь. Но дети-то еще не испорчены. Каждый день новые рождаются. Выпустите их наружу, черт возьми! Пусть у них будет простор, и воздух, и солнце. А если нужно, мы готовы постепенно сократить население.

— Другими словами, назад, в невозможное

прошлое, да? — Бейли сам не понимал, почему спорит, и лишь ощущал какое-то лихорадочное возбуждение. — Разве нет пути вперед? Зачем сокращать население? Ведь его можно вывезти на другие планеты. «Назад к природе»! Хорошо. Но к природе других планет! Осваивайте их!

Клусарр хрипло рассмеялся:

— Для чего? Чтобы появились новые Внешние Миры? Чтобы стало больше космонитов?

— Ничего подобного. Внешние Миры основаны людьми, не знавшими стальных городов, землянами, которые были индивидуалистами и материалистами. Этими качествами они обладали в избытке. Мы же довели до абсурда нашу независимость друг от друга, нашу модернизацию. Соединение того и другого на новой основе может привести к появлению совершенно необычайной цивилизации, не похожей ни на древнюю Землю, ни на Внешние Миры. Что-то новое и хорошее.

Бейли сознавал, что, как попугай, повторяет доводы доктора Фастольфа, однако слова лились у него сами собой, будто он давным-давно обдумал все это.

— Глупости! — воскликнул Клусарр. — Какой дурак согласится оставить обжитое место ради

пустых миров?

— Согласятся многие. И они вовсе не будут дураками. Им помогут роботы.

— Никогда! — снова вспыхнул Клусарр. — Роботы — ни за что на свете!

— Почему, ради всего святого? Я тоже их не люблю, но жизнь мне дороже всяких предрассудков, — убеждал Бейли. — Почему мы боимся роботов? Все дело, скажу я вам, в нашем комплексе неполноценности. Мы все чувствуем себя ниже космонитов и ненавидим это чувство. А нам нужно хоть в чем-то кого-то превосходить, и нас бесит, что мы не можем позволить себе это даже в отношении роботов. Нам кажется, что они лучше нас, только это неверно. Вот в чем ирония, черт возьми!

Бейли испытывал необычайное возбуждение.

— Возьмите этого Дэниела, — продолжал он. — Он — выше меня ростом, сильнее и интереснее меня. В общем, похож на космонита. У него память лучше, и знает он больше моего. Ему не нужно ни спать, ни есть. Его не тревожат ни болезни, ни любовь, ни чувство вины.

Но все-таки он — машина. Я могу сделать с ним все, что захочу. Как с этими микровесами. Вот я ударил по ним, и они не могут дать мне сдачи.

Не сделает этого и Дэниел. Я могу заставить его прикончить себя бластером, и он подчинится.

Нельзя построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в том, что нам дороже всего. Мы не можем наделить робота чувством прекрасного, сознанием эстетических и религиозных ценностей. Его позитронный мозг не в силах ни на йоту оторваться от совершенного практицизма.

Мы не можем сделать такого робота, черт его побери, не можем! И не сможем до тех пор, пока сами до конца не разберемся, отчего тикает наш собственный мозг. Пока существуют непонятные для науки явления. Что такое красота, любовь, доброта, искусство, наконец? Мы вечно топчемся на грани неизведанного и пытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно это и делает нас людьми!

Мозг же робота мыслит законченными категориями. Он рассчитывается до последнего десятичного знака и имеет конец. Создать иной мозг пока невозможно. Так чего же вы боитесь, черт побери! Робот может принять обличье человека, быть красивым, как бог, но он не больше человек, чем кусок дерева. Неужто вы не понимаете этого?

Клусарр пытался несколько раз прервать поток красноречия детектива, но безуспешно. А теперь, когда Бейли замолчал, он тихо сказал:

— Полицейский превратился в философа. Ну и дела…

В комнату вошел Р. Дэниел.

Бейли хмуро взглянул на него, отчасти потому, что еще не совсем остыл, отчасти из-за новой волны раздражения.

— Почему вы задержались? — спросил он.

— Я разыскивал комиссара Эндерби, Илайдж. Оказалось, что он до сих пор находится в Управлении у себя в кабинете.

Бейли взглянул на часы.

— Как так? Почему?

— Там произошли неприятности. В Полицейском управлении обнаружен труп.

— Не может быть! Ради бога, чей?

— Рассыльного Р. Сэмми.

Бейли помолчал, а потом со злостью заметил:

— Вы, кажется, сказали «труп»?

— Извините, обнаружен робот с полностью деактивированным мозгом, — поправился Р. Дэниел.

Клусарр неожиданно разразился смехом. Бейли повернулся к нему и мрачно предупредил:

— Держите язык за зубами. Слышите?

Он подчеркнутым движением отстегнул ремешок бластера. Клусарр хранил полное молчание.

— Ну и что такого? — обернулся Бейли к роботу. — Р. Сэмми отдал концы. Велика важность.

— Комиссар Эндерби не сказал этого прямо, Илайдж, но у меня создалось впечатление, что комиссар считает, что кто-то умышленно деактивировал мозг Р. Сэмми.

И так как Бейли не отозвался на это сообщение, Р. Дэниел добавил серьезно:

— Или, если хотите, убил его.

Глава XVI
Мотивы преступления

Бейли застегнул ремешок бластера, но не отнимал руки от приклада.

— Идите к выходу «Б» семнадцатой улицы, — приказал он Клусарру.

— Я так и не поел, — пожаловался Клусарр.

— Не надо было швырять еду на пол, — нетерпеливо отозвался Бейли.

— Но мне положен обед.

— В тюрьме вас накормят. А если разок и не поедите, то с голоду не помрете. Ну, пошли!

Все трое стали молча пробираться по запутанным коридорам здания «Нью-Йорк Йист». Клусарр вышагивал впереди, за ним следовал Бейли; замыкал шествие Р. Дэниел.

После того как Бейли и Р. Дэниел подождали в приемной, а Клусарр оформил увольнительную и попросил прибрать весовую, они вышли наружу к машине Бейли. И тут Клусарр неожиданно остановился, шагнул к Р. Дэниелу и, развернувшись, едва не влепил роботу сильнейшую пощечину.

— Какого черта! — Бейли рванулся к Клусарру и крепко обхватил его.

Клусарр не оказывал никакого сопротивления.

— Все в порядке. Я не убегу. Просто хотел проверить ваши слова. — Он насмешливо улыбался.

Р. Дэниел увернулся от удара, и, хотя рука Клусарра все же задела его по щеке, следов пощечины на ней не было видно. Он спокойно посмотрел Клусарру прямо в глаза.

— Вы поступили опрометчиво, Фрэнсис, — заметил он. — Если бы я не отклонился, вы могли бы повредить себе руку. Во всяком случае, я сожалею, что причинил вам боль.

Клусарр рассмеялся.

— Садитесь в машину, Клусарр. И вы тоже, Дэниел. Сядьте рядом с ним на заднее сиденье, да

смотрите, чтобы он не шелохнулся. Даже если это будет стоить ему сломанной руки. Это — приказ.

— А как же Первый Закон? — издевался Клусарр.

— У Дэниела хватит сил и сноровки вовремя остановить вас, не причинив вам вреда. Впрочем, если бы при этом он покалечил вас немного, это пошло бы вам на пользу.

Бейли сел за руль, и машина начала набирать скорость Упругий ветер растрепал волосы Бейли и Клусарра; гладкая же прическа Р. Дэниела не пострадала.

— Мистер Клусарр, почему вы боитесь роботов? Из опасения потерять работу? — негромким голосом спросил Р. Дэниел.

Бейли не мог обернуться, чтобы увидеть выражение лица Клусарра, но был уверен, что на нем должно быть написано крайнее отвращение и что Клусарр сидит в напряженной позе, отодвинувшись как можно дальше от Р. Дэниела.

— Боюсь не только за себя, а за своих детей. За судьбу своих детей, — послышался голос Клусарра.

— Можно принять надлежащие меры, — сказал робот. — Если бы вы согласились, например, готовить детей к эмиграции…

— Так вот оно что? — прервал его Клусарр. — То-то полицейский толкует об эмиграции. Оказывается, его натаскали роботы. А может, он и сам робот?

— Эй ты, не увлекайся! — крикнул на него Бейли.

Р. Дэниел сказал ровным голосом:

— Школа подготовки для эмиграции гарантировала бы вам безопасность, определенный класс и карьеру. Если вы заботитесь о своих детях, вам следует обдумать эту возможность.

— Не нужны мне никакие подачки ни от роботов, ни от космонитов, ни от дрессированных гиен из правительства.

Все трое снова погрузились в тишину автотуннеля, нарушаемую лишь ровным урчанием мотора да шелестом шин по мостовой.

В Полицейском управлении Бейли выписал ордер на арест и оставил Клусарра на попечение соответствующих лиц. Затем он вместе с Р. Дэниелом поднялся по мотоспирали на верхние этажи управления.

Р. Дэниел нисколько не удивился тому, что они не воспользовались лифтами, впрочем, Бейли и не ожидал увидеть на его лице признаки удивления. Он уже начал привыкать как к

поразительным способностям робота, так и к его смирению, и потому перестал принимать в расчет его чувства. Конечно, логичнее было бы на скоростном лифте покрыть расстояние, отделяющее сектор предварительного заключения от штаба управления. Тем более, что эскалатором, носившим название мотоспирали, обычно пользуются, чтобы подняться на два, самое большее на три этажа. Чиновники самых различных рангов то и дело входили и сходили с эскалатора, оставаясь на нем около минуты. Только Бейли и Р. Дэниел продолжали медленно и упорно подниматься вверх.

Бейли нужно было какое-то время, чтобы привести в порядок свои мысли. Даже эти несколько минут будут для него желанной передышкой перед тем, как в штабе он снова погрузится в сложные перипетии необычного дела.

Как медленно ни двигалась лента мотоспирали, ее скорость казалась ему слишком высокой.

— Следовательно, выходит, что мы не будем пока допрашивать Клусарра, — сказал Р. Дэниел.

— Он подождет. Надо сначала узнать, что стряслось с этим Р. Сэмми, — раздраженно ответил Бейли. И добавил вполголоса, больше самому себе, чем Р. Дэниелу: — Не думаю, что это случайное

совпадение, здесь должна быть какая-то связь…

— Жаль, — заметил Р. Дэниел. — Мозговые характеристики Клусарра…

— А что с ними такое?

— Они изменились странным образом. Могли бы вы рассказать, что произошло между вами в мое отсутствие?

— Ничего особенного. Я прочитал ему проповедь. Втолковывал евангелие от Святого Фастольфа, — ответил Бейли рассеянно.

— Я не понимаю вас, Илайдж.

Бейли вздохнул:

— О господи. Ну пытался объяснить ему, что нам следует использовать роботов и перебросить излишек населения на другие планеты. Хотел выбить у него из головы всю эту медиевистскую чушь. Бог знает зачем. Никогда не думал, что превращусь в миссионера. Во всяком случае, так оно выглядело.

— Понятно. Кое-что мне становится ясным. Вы говорили ему что-нибудь о роботах, Илайдж?

— Вас это в самом деле интересует? Я сказал, что роботы — это просто машины. В данном случае я читал евангелие от Святого Джерригела. Между прочим, евангелий, кажется, может быть сколько угодно.

— Вы случайно не говорили ему, что робота можно ударить без опасения получить ответный удар, как любой механический предмет?

— Кроме боксерской груши, пожалуй… Да, говорил. Но как вы догадались? — Бейли с удивлением посмотрел на робота.

— По обнаруженным у него церебральным изменениям, — ответил Р. Дэниел. — Становится понятной и его попытка ударить меня по лицу. Он, вероятно, думал над тем, что вы ему сказали, и решил сразу проверить на практике ваше утверждение. Тем самым он дал выход своей агрессивности и удовлетворил свое желание унизить меня. Эти мотивы, а также дельтаколебания…

Он помолчал, а потом сказал:

— Да, весьма интересно. Теперь, кажется, я смогу сложить все эти данные в единое целое.

Они приближались к цели своей поездки, и Бейли спросил у Р. Дэниела, который час.

Он раздраженно подумал, что гораздо быстрее мог сам узнать это по своим часам. Тем не менее он сознавал, почему обратился к роботу. Причины были почти те же, что и у Клусарра, когда тот дал Р. Дэниелу пощечину. Задавая ему этот несложный вопрос, на который тот должен

ответить, он как бы подчеркивал, что Р. Дэниел всего-навсего робот и, наоборот, что Бейли — живой человек.

«Все мы одним миром мазаны», — подумал Бейли.

— Двадцать десять, — сказал Р. Дэниел.

Они сошли с мотоспирали, и несколько секунд Бейли владело то странное ощущение, которое возникает, когда организм перестраивается от состояния длительного и равномерного движения к покою.

— А ведь я так и не поел, — вспомнил вдруг Бейли. — Проклятая работа…

Бейли увидел и слышал комиссара Эндерби через открытую дверь его кабинета. В общей комнате не было ни души, и голос Эндерби прозвучал в ней с неожиданным резонансом. Его лицо казалось беззащитным и голым без очков, которые он держал в одной руке; другой рукой он прикладывал тонкую бумажную салфетку к своему гладкому лбу.

— Наконец-то! Где это вас носит, Бейли? — почти прокричал он.

Бейли пропустил вопрос мимо ушей и в свою очередь спросил:

— Что здесь происходит? Куда девалась вечер-

няя смена? — И тут он заметил, что, кроме них, в кабинете находится еще один человек.

— Доктор Джерригел! — не удержался от восклицания Бейли.

Седовласый роботехник коротко ответил на это приветствие.

— Рад снова встретиться с вами, мистер Бейли.

Комиссар надел очки и пристально посмотрел на Бейли.

— Все сотрудники внизу на допросе. Подписывают свои показания. Я чуть с ума не сошел, пытаясь разыскать вас. Ваше отсутствие могло показаться странным.

— Мое отсутствие!.. — возмутился Бейли.

— Отсутствие любого. Не знаю, кого подозревать, но всем нам это чертовски дорого обойдется! Боже, какая неприятность! Какая дьявольская неприятность!

Он поднял руки, словно взывая к небесам, и при этом его взгляд упал на Р. Дэниела.

«Впервые ты смотришь ему прямо в лицо. Присмотрись к нему хорошенько, Джулиус», — подумал язвительно Бейли.

— Ему тоже придется дать показания, — вполголоса сказал Эндерби. — Я и то был вынужден сделать это. Я!

— Послушайте, комиссар, — сказал Бейли, — отчего бы не предположить, что мозг Р. Сэмми вышел из строя сам по себе? Почему вы решили, что его кто-то прикончил?

Комиссар тяжело опустился на стул.

— Спросите у него, — кивнул он на доктора Джерригела.

Доктор Джерригел откашлялся.

— Право, не знаю, с чего начать, мистер Бейли, — сказал он. — Мне показалось, что вас удивило мое присутствие здесь.

— Более или менее, — неопределенно ответил Бейли.

— Дело в том, что я не торопился возвращаться в Вашингтон, так как мне редко выпадает возможность бывать в вашем городе. Кроме того, — и это самое главное — я счел бы за преступление покинуть Нью-Йорк, не попытавшись еще раз повидать вашего чудесного робота, которого я с таким удовольствием хотел бы изучить поближе. Тем более что вы привели его с собой…

— Это совершенно исключено, — прервал его Бейли.

— Не сейчас, конечно. Может быть, позже? — огорченно спросил роботехник.

Длинное лицо Бейли было непроницаемым.

— Я звонил вам, но вас не оказалось на месте, и никто не знал, где вы… — продолжал доктор Джерригел. — Тогда я поговорил с комиссаром, и он предложил прийти сюда и подождать вас здесь..

— Я подумал, что он может понадобиться, — вмешался комиссар Эндерби. — Вы ведь хотели его видеть.

— Спасибо, — кивнул Бейли.

— К сожалению, то ли поводок был неисправен, то ли в своем возбуждении я им неправильно пользовался. Так или иначе я по ошибке попал в какую-то комнату..

— На склад фотоматериалов, Лайдж, — снова вступил комиссар.

— Да, да, — закивал Джерригел. — И там на полу во весь рост лежал робот. После беглого осмотра у меня не осталось никаких сомнений, что он полностью деактивирован. По-вашему — мертв. Так же легко было установить причину деактивации.

— Какая она? — спросил Бейли.

— В правой руке робота был зажат небольшой продолговатый предмет длиной около двух дюймов со слюдяным окошком на конце, — объяснял доктор Джерригел. — Этим предметом, который

оказался альфа-излучателем, он касался своего виска. Вы, видимо, знаете, что такое альфа-излучатель?

Бейли кивнул. Для этого ему не нужно было лазить в словарь или справочник. Еще на лабораторных занятиях по физике ему не раз приходилось иметь дело с этим нехитрым устройством; оно состояло из овального корпуса свинцового сплава с узким каналом посередине, в конце которого помещалось небольшое количество соли плутония. С одного конца канал прикрывался слоем слюды, пропускающей альфа-частицы. Именно сквозь нее наружу вырывался поток жесткого излучения.

Альфа-излучатель предназначался для самых различных целей, но отнюдь не для уничтожения роботов.

— Он, конечно, направил альфа-излучатель на себя? — полувопросительно сказал Бейли.

— Разумеется, — ответил доктор Джерригел, — и все позитронные мозговые связи были немедленно расстроены. Мгновенная смерть, так сказать.

Бейли повернулся к бледному комиссару:

— Ошибки не произошло? Это действительно был альфа-излучатель?

Комиссар кивнул, выпятив свои пухлые губы.

— Несомненно. Счетчики среагировали на него с десяти футов. Фотопленка оказалась засвеченной. Так что тут все ясно.

Он задумался над чем-то, а затем резко сказал, обращаясь к роботехнику:

— Доктор Джерригел, боюсь, что вам придется задержаться в городе на день-два, пока мы не запишем ваши показания на ниточную пленку. Я прикажу проводить вас в отдельную комнату. Надеюсь, вы не будете возражать против охраны?

— А вы считаете, что это необходимо? — спросил, нервничая, доктор Джерригел.

— Так будет вернее.

Окончательно растерявшись, доктор Джерригел пожал всем руки, в том числе и Р. Дэниелу, и вышел.

Комиссар тяжело вздохнул.

— Это сделал кто-то из наших, Лайдж. Вот что меня беспокоит. Посторонний не стал бы заходить в управление, чтобы только прикончить робота. Их сколько угодно снаружи, да там и безопаснее. К тому же не каждый может достать альфа-излучатель.

В разговор вступил Р. Дэниел. Его холодный, ровный голос звучал резким контрастом по срав-

нению с взволнованными словами комиссара.

— Но каков мотив данного убийства? — спросил он.

Комиссар с явным неодобрением взглянул на Р. Дэниела и отвернулся.

— Мы тоже люди. Почему полицейский должен лучше других относиться к роботам? Этого уничтожили, и, возможно, кому-то на душе полегчало. Кстати, Лайдж, помните, как он раздражал вас?

— Едва ли это может послужить поводом для убийства, — возразил Р. Дэниел.

— Конечно, нет, — решительно поддержал его Бейли.

— Да это и не убийство, — заметил комиссар. — На юридическом языке это квалифицируется лишь как порча имущества. Но произошло это в управлении. Если бы не в управлении, все бы обошлось. А теперь это раздуют в первоклассный скандал. Итак, Лайдж?

— Да?

— Когда вы в последний раз видели Р. Сэмми?

— Р. Дэниел разговаривал с ним после обеда, — ответил Бейли. — Что-то около тринадцати тридцати. Он договорился, что мы займем ваш кабинет, комиссар.

— Мой кабинет? Зачем?

— Мне нужно было поговорить с Р. Дэниелом наедине. Вас не было, а ваш кабинет самое удобное для этого место.

— Ясно, — многозначительно произнес комиссар. — Значит, вы сами не видели его?

— Нет, но часом позже слышал его голос.

— Вы уверены, что это был он?

— Абсолютно.

— Это было около четырнадцати тридцати?

— Возможно, немного раньше.

Комиссар задумчиво закусил нижнюю губу.

— Ну что ж, одно мне стало ясно.

— Вот как?

— Да. Сегодня здесь был этот парень — Винсент Бэррет. Вы об этом знали?

— Знал. Но, комиссар, он не способен на это.

Комиссар поднял глаза на Бейли.

— Почему? Р. Сэмми отнял у него работу. Я его понимаю. Он должен чувствовать себя несправедливо обиженным. Ему хотелось как-то отомстить. Как и всякому бы на его месте. Дело, однако, в том, что он вышел из здания в четырнадцать ноль ноль, а вы говорите, что слышали Р. Сэмми в четырнадцать тридцать Правда, он мог передать роботу альфа-излучатель раньше с приказом

применить его через час. Но где он достал его? Непостижимо! Вернемся к Р. Сэмми. Так что вам сказал Р. Сэмми в четырнадцать тридцать?

Бейли какое-то мгновение заколебался, а затем осторожно сказал:

— Не помню. Мы сразу ушли.

— Куда вы направлялись?

— В Йист-таун. Кстати, я хочу поговорить с вами об этом.

— Потом, потом... — Комиссар потер подбородок. — Сюда, оказывается, приходила Джесси. Видите ли, мы проверяли списки всех посетителей, и я натолкнулся на ее имя.

— Да, приходила, — холодно сказал Бейли.

— С какой целью?

— По личным делам.

— Ее придется тоже допросить. Не волнуйтесь, это простая формальность.

— Я знаком с порядками, комиссар. Между прочим, как насчет альфа-излучателя? Удалось установить откуда он?

— О да! С одной из энергостанций!

— Как они объясняют потерю излучателя?

— Никак. Понятия не имеют. Послушайте, Лайдж, вас лично все это не касается. Кроме того, что вы дадите лишь формальные показания. За-

нимайтесь своим делом. Вот и все… Занимайтесь своим расследованием.

— Разрешите дать показания несколько позднее, комиссар, — возразил Бейли. — Дело в том, что я с утра ничего не ел.

Комиссар Эндерби направил на Бейли свои очки.

— Конечно, конечно, Лайдж… Только не выходите из управления, ладно? Кстати, ваш напарник прав (казалось, он не хотел обращаться непосредственно к Р. Дэниелу или называть его по имени): нам действительно нужно найти мотив преступления. Мотив…

Бейли внезапно почувствовал, как похолодело у него внутри.

Вроде бы сами по себе, как бы помимо его воли, события сегодняшнего дня, и вчерашнего, и дня накануне стали вдруг мелькать перед ним, подгоняясь одно к другому. И снова перед ним начала возникать картина.

— Какой энергостанции принадлежал альфа-излучатель, комиссар? — спросил он.

— Уильямсбургской. А что?

— Так, ничего.

Когда Бейли и шедший за ним по пятам Р. Дэниел выходили из кабинета, до них донесся голос

комиссара Эндерби, который бормотал про себя:

— Да, мотив, мотив..

Бейли сидел в небольшом неуютном кафе управления за своим скромным ужином. Он поглощал фаршированные томаты с салатом, не замечая, что ест, и даже когда на картонной тарелке не осталось ни крошки съестного, он несколько раз бесцельно ковырял ее вилкой в поисках того, чего там уже не было.

Наконец он опомнился и, вполголоса чертыхнувшись, положил вилку на стол.

— Дэниел, — позвал он робота.

Р. Дэниел сидел за соседним столиком, словно не хотел мешать размышлениям Бейли или же искал уединения сам. Впрочем, это меньше всего интересовало Бейли.

Р. Дэниел поднялся со своего места и сел рядом с детективом.

— Да, партнер Илайдж?

Бейли не повернул головы.

— Дэниел, мне нужна ваша помощь.

— Чем я могу вам помочь?

— Меня и Джесси подвергнут допросу. Это не вызывает сомнения. Я буду отвечать, как сочту нужным. Вы меня поняли?

— Конечно, я понял то, что вы сказали. Однако

если мне зададут прямой вопрос, я смогу ответить только то, что есть на самом деле.

— Если вам зададут такой вопрос — тогда другое дело. Я прошу только самому не вмешиваться в разговор. Вы ведь можете это сделать?

— По-видимому, Илайдж, если не окажется, что мое молчание может причинить вред человеку.

Бейли сказал мрачно:

— Если заговорите, вы причините вред мне. Уж можете поверить.

— Но я не совсем понимаю вашу точку зрения, Илайдж. Дело Р. Сэмми вовсе не должно вас беспокоить.

— Вы так думаете? Все сводится к мотиву преступления, не так ли? Зачем кому-то понадобилось уничтожить Р. Сэмми? Вы не можете ответить на этот вопрос. Мы с комиссаром тоже не знаем ответа. Учтите, дело не в том, что кто-то решился на уничтожение робота вообще. Фактически любой житель Земли мог пойти на это. Вопрос в том, почему выбрали именно Р. Сэмми. Это мог сделать Винсент Бэррет, но комиссар утверждает, что он не сумел бы достать альфа-излучатель, и он прав. Надо искать в другом месте, и надо сказать, что у одного человека такой мотив есть. Он очевиден. Он просто кричит о себе.

— Кто этот человек, Илайдж?

И Бейли сказал тихим голосом:

— Это я, Дэниел.

Даже после такого заявления лицо Р. Дэниела осталось бесстрастным. Он лишь покачал головой.

— Вы не согласны, — продолжал Бейли. — Сегодня сюда приходила моя жена. Им уже это известно. Комиссара заинтересовал этот факт. Не будь у нас с ним приятельских отношений, он бы не прекратил допрос так быстро. Но они узнают, зачем она приходила. Это точно. Она оказалась замешанной в заговоре, каким бы глупым и безобидным он ни был. Ничто не может больше скомпрометировать полицейского, чем это. Отсюда логический вывод: я должен был попытаться замять это дело. Дальше. Кто знал об этом? Мы с вами, Джесси и, конечно, Р. Сэмми. Он видел, в каком она была ужасном состоянии. И когда Р. Сэмми сказал ей, что мы велели никого к нам не пускать, вероятно, совсем потеряла контроль над собой. Вы помните, какая она была, когда вошла.

— Я не думаю, чтобы она сказала что-нибудь компрометирующее вас, — усомнился Р. Дэниел.

— Может быть, и нет. Но я восстанавливаю

события так, как это делают они. Вот вам и мотив. Я убил Р. Сэмми, чтобы заставить его замолчать.

— Они этого не подумают.

— Именно это и придет им в голову! Убийство подстроено таким образом, чтобы подозрение пало на меня. Возьмите хотя бы орудие преступления. Его трудно заполучить, но зато легко обнаружить.

Поэтому истинный преступник и избрал альфа-излучатель, а чтобы не оставалось никаких сомнений, приказал роботу идти на фотосклад и там прикончить себя. Даже если бы они каким-то чудом проглядели излучатель, засвеченная пленка тотчас же навела бы их на правильную мысль.

— Но какое это имеет отношение к вам, Илайдж?

Бейли слегка усмехнулся, но было видно, что ему совсем не до смеха.

— Самая прямая Альфа-излучатель похищен с Уильямсбургской станции. Вчера мы с вами были на этой станции. Нас там видели, и это несомненно выплывет наружу. Вот вам и то, как я достал оружие, вот и мотив преступления. Может получиться и так, что мы с вами были последними, кто видел Р. Сэмми в живых… за исключением

настоящего убийцы, разумеется.

— Я был с вами на энергостанции и могу засвидетельствовать, что у вас не было возможности похитить альфа-излучатель.

— Спасибо, — печально отозвался Бейли, — но вы, — робот, и ваши показания не имеют силы.

— Комиссар ваш друг. Он меня выслушает.

— Комиссар держится за свое место, а я и так доставил ему много хлопот. Есть только один путь к спасению.

— Да?

— Я задаю себе вопрос: почему меня впутывают в эту историю? Очевидно, чтобы отделаться от меня. Но зачем? Видимо, я представляю для кого-нибудь опасность. Я стараюсь быть предельно опасным для убийц доктора Сартона. Поэтому, может быть, и для медиевистов или, по крайней мере, для их верхушки. Именно они могли проследить нас до энергостанции, хотя нам показалось, что мы ускользаем.

Вполне возможно, что если я найду убийцу доктора Сартона, то обнаружу того или тех, кто старается убрать меня с пути. Если я как следует все обдумаю, если я докопаюсь до сути, если только я раскушу этот орешек, я — спасен. И Джесси тоже. Я не могу допустить, чтобы она… — Он

замолчал. Его кулаки судорожно сжимались и разжимались. — У меня мало времени. У меня очень мало времени.

С внезапной надеждой Бейли посмотрел на чеканное лицо Р. Дэниела. Что бы о нем ни говорили, это было сильное, преданное и лишенное всякого эгоизма существо. Чего еще можно требовать от друга? Бейли нужен был друг, и у него не хватало ни времени, ни желания придираться к тому, что вместо сердца у Р. Дэниела какой-то механизм. Но Р. Дэниел с сомнением покачивал головой.

— Мне очень жаль, Илайдж, — сказал робот без тени сожаления на лице, что было вполне естественно, — но я не предвидел всего этого. Возможно, мой поступок причинит вам вред. Я сожалею, но этого требует общее благо.

— Какое еще общее благо? — едва слышно проговорил Бейли.

— Я связался с доктором Фастольфом.

— Боже мой! Когда?

— В то время, как вы ужинали.

Бейли стиснул зубы.

— Ну? — процедил он. — Что еще случилось?

— Вам придется доказывать свою невиновность в убийстве Р. Сэмми, не используя для этого

расследование обстоятельств убийства моего конструктора, доктора Сартона. Жители Космотауна на основании представленных мною данных решили сегодня прекратить расследование и начать подготовку к эвакуации Космотауна с Земли.

Глава XVII
Конец проекта

Бейли с отрешенным видом посмотрел на свои часы. Они показывали 21.45. Через два с четвертью часа наступит полночь. Сегодня он встал около шести и вот уже два с половиной дня находится в постоянном нервном напряжении. У него было смутное ощущение нереальности всего происходящего.

Он вынул свою трубку и стал шарить по дну кисета в поисках драгоценных остатков табака.

— Так в чем все-таки дело, Дэниел? — с трудом спросил он ровным голосом.

— Вы не поняли? Разве это не ясно?

— Я не понял. Мне не ясно, — терпеливо повторил Бейли.

— Мы находимся здесь, — сказал Р. Дэниел (я подразумеваю жителей Космотауна), — чтобы

разбить оболочку, окружающую Землю, и вынудить ее жителей отправиться на новые планеты.

— Я это знаю. Можете не развивать свою теорию.

— Но это очень важно, и поэтому я должен. Если мы и хотели добиться наказания лица, виновного в убийстве доктора Сартона, то, как вы понимаете, вовсе не потому, что надеялись вернуть доктора Сартона к жизни: наша неудача могла бы только укрепить позиции противников Космотауна на Внешних Мирах.

— А сейчас, — внезапно вспыхнул Бейли, — вы вдруг решили по собственной воле отправиться восвояси. Почему? Разгадка дела Сартона близка. Очень близка, иначе они бы не старались изо всех сил покончить со мной… У меня такое ощущение, что мы располагаем всеми необходимыми фактами. Ответ сидит где-то здесь. — Он постукал себя по лбу костяшками пальцев. — Не хватает одной фразы. Может быть, одного слова!

Он отчаянно зажмурил глаза, словно надеялся, что дрожащая, полупрозрачная пелена, в течение нескольких дней висевшая у него перед глазами, наконец спадет, и все прояснится. Но этого не произошло. Этого не произошло.

Бейли шумно вздохнул. Он досадовал на самого

себя. Распустил нюни перед этой холодной, бесчувственной машиной, способной лишь молча глядеть на тебя.

— Ну ладно. Забудем об этом, — сказал он хриплым голосом. — Почему космониты все-таки решили сорваться с места?

— Наш проект завершен, — пояснил робот. — Мы удовлетворены тем, что жители Земли способны на колонизацию.

— Откуда вдруг такой оптимизм? — Бейли сделал глубокую затяжку и почувствовал, что начинает понемногу овладевать собой.

— Уже в течение длительного времени мы, жители Космотауна, пытаемся изменить Землю, меняя ее экономику. Мы пытались внедрить на Земле цивилизацию C/Fe. Правительство вашей планеты, а также правительства некоторых городов сотрудничали с нами, поскольку это было необходимо. И все же за двадцать пять лет мы не добились ничего. Чем большие усилия мы прилагали, тем сильнее становилось движение медиевистов.

— Все это мне известно, — сказал Бейли, а про себя подумал: «Бесполезно просить. Он не замолчит, пока не выложит все. Чертова машина!»

А Р. Дэниел тем временем продолжал:

— Доктор Сартон первым выдвинул идею коренного изменения тактики. Согласно его теории, нам надо было найти среди землян тех, чьи желания совпадают с нашими желаниями, или тех, кто поддается убеждению. Мы передали бы этим людям инициативу, чтобы новое движение разрасталось внутри, а не насаждалось извне. Труднее всего было найти таких людей. Вы сами, Илайдж, стали объектом интересного эксперимента.

— Я? Я? Да вы что? — удивился Бейли.

— Мы были рады, что комиссар рекомендовал вас. Мы решили, что по типу нервной деятельности вы подходящий экземпляр. А цереброанализ, которому я вас подверг при первой нашей встрече, подтвердил наше суждение. Вы человек практического склада ума, Илайдж. Несмотря на ваш здоровый интерес к прошлому Земли, вы не вздыхаете по нему с сожалением. Но и современная городская культура тоже не кажется вам идеальной. Мы полагаем, что люди, подобные вам, снова могут повести землян к звездам. Это одна из причин, по которой доктор Фастольф так хотел встретиться с вами вчера утром.

Надо сказать, ваша практичность имеет слишком ярко выраженный характер. Вы отказыва-

етесь понимать, что фанатическое служение идеалу, даже ошибочному идеалу, может толкнуть человека на немыслимые в обычных условиях поступки. Например, пересечь ночью открытое пространство, чтобы уничтожить того, кого он считает злейшим врагом своего дела. Поэтому мы не были слишком удивлены тем, что у вас хватило дерзости и упрямства стараться доказать фальсификацию убийства. В каком-то смысле это подтвердило вашу пригодность для эксперимента.

— Какого эксперимента, черт возьми? — Бейли стукнул кулаком по столу.

— Эксперимент заключается в том, чтобы убедить вас, что колонизация является решением проблемы Земли.

— Что же, вам это удалось. Не стану отрицать.

— Да, однако не без помощи соответствующего лекарства.

Бейли разжал зубы, стискивающие чубук трубки. Она вывалилась у него изо рта, но он успел подхватить трубку на лету. Он снова увидел себя в куполообразном жилище космонита. Вот он медленно приходит в себя от потрясения, которое получил, узнав, что Р. Дэниел все-таки робот; пальцы Р. Дэниела оттягивают кожу на его руке;

а под кожей, вначале отчетливо видимое, медленно рассасывается темное пятно инъекции.

— Что вы мне впрыснули? — спросил он прерывающимся голосом.

— Не волнуйтесь, Илайдж. Всего лишь слабое лекарство, от которого ваш ум должен был стать более восприимчивым.

— Поэтому я и поверил вашим словам. Так, что ли?

— Не совсем. Вы отказывались верить тому, что было чуждо вашему образу мышления. Фактически результаты эксперимента несколько разочаровали нас. Доктор Фальстоф надеялся, что вы станете фанатичным сторонником новой теории. Вместо этого вы всего лишь одобрили ее, не больше. Мешал ваш практический ум. Это привело нас к выводу, что единственная наша надежда — романтически настроенные люди, но они, к сожалению, либо участвуют в движении медиевистов, либо сочувствуют ему.

Бейли невольно возгордился: ему стало приятно от мысли, что он устоял перед ними и разочаровал их. Пусть экспериментируют над кем-нибудь другим.

Он злорадно усмехнулся:

— И вы сдались и решили отправиться восво-

яси?

— Нет, это не так. Я только что сказал, что мы удовлетворены, поскольку Земля пойдет на освоение новых миров. Вы сами подсказали нам ответ.

— Я? Каким образом?

— Вы говорили с Фрэнсисом Клусарром о преимуществах колонизации. Вы, видимо, говорили с увлечением. Эксперимент над вами помог добиться хотя бы этого. И в психоизлучении Клусарра произошли изменения. Незначительные, разумеется, но все же изменения.

— По-вашему, мне удалось убедить его? Не верю.

— Нет, убеждение не приходит так скоро. Однако изменение данных его цереброанализа убедительно показало, что ум медиевиста готов для такого убеждения. Я сам провел небольшой эксперимент. Покидая Йист-таун и догадываясь, что могло произойти между вами в мое отсутствие, я спросил Клусарра, не согласился бы он послать своих детей в школу для эмигрантов. Он отверг эту идею, но и на этот раз его психоизлучение изменилось. Для меня очевидно, что подобный метод воздействия самый правильный.

Р. Дэниел умолк, а затем заговорил снова:

— То движение, которое вы называете медиевистским, есть не что иное, как стремление к новому. Правда, оно обращено к Земле, которая близко и имеет великое прошлое, но восприимчивая романтическая натура легко увлечется видением новых миров. Примером может служить Клусарр. Ведь вы только раз поговорили с ним. Как видите, Космотаун уже добился успеха, сам того не ведая. Скорее всего, мы сами, а не наши идеи действуют на вас раздражающе. Из-за нас ваши романтики стали медиевистами и объединились в организацию. В конце концов, именно они хотят порвать с установившимися традициями, а не правительство, заинтересованное в сохранении статуса-кво. Нам надо покинуть Землю, оставив здесь несколько подобных мне роботов, которые при содействии таких землян, как вы, откроют школы для будущих завоевателей новых миров, и медиевист постепенно отвернется от Земли. Ему понадобятся роботы, и он либо получит их от нас, либо построит их сам. Он создаст культуру C/Fe по собственному вкусу.

Для Р. Дэниела это была длинная речь. Он, видимо, понял это, так как после короткой паузы сказал:

— Я говорю вам все это для того, чтобы объяснить, почему необходимо сделать то, что может причинить вред вам лично.

Бейли с горечью подумал, что робот не может причинить вред человеку, если только каким-либо образом не сумеет доказать, что это делается для его же блага.

— Постойте, — сказал Бейли. — Одно практическое соображение. Вот вы отправитесь на свои миры и заявите, что житель Земли убил космонита и не получил наказания. Внешние Миры потребуют с нас контрибуцию. Хочу вас предупредить: Земля не потерпит подобного обращения. И тогда беды не миновать.

— Убежден, что этого не произойдет, Илайдж. Те у нас, кто может потребовать контрибуцию, будут очень рады положить конец Космотауну. И мы это сделаем, если они откажутся от своих требований. Во всяком случае, мы на это рассчитываем. Мы будем жить с Землей в мире.

— Но что будет со мной? — воскликнул Бейли хриплым голосом. — Комиссар сразу прекратит расследование убийства Сартона, если этого захочет Космотаун. Но остается дело Р. Сэмми, так как речь идет о престиже управления. У него масса улик против меня. Он их предъявит. Я знаю. Это

все подстроено. Меня деклассируют, Дэниел. А что станет с Джесси? Ее заклеймят как преступницу. А Бентли…

— Не думайте, Илайдж, что я не понимаю, в каком положении вы оказались. Тот, кто печется о благе человечества, должен быть готов к лишениям. У доктора Сартона остались жена, двое детей, родители, сестра и много друзей. Все скорбят о его смерти и будут сожалеть, что не наказан его убийца.

— Тогда почему же не найти и не наказать его?

— В этом больше нет необходимости.

— Почему было не сказать сразу, что расследование вам понадобилось, чтобы изучить нас в особых условиях? — с досадой сказал Бейли. — Вам фактически наплевать, кто убил доктора Сартона.

— Мы бы хотели это узнать, — возразил Р. Дэниел холодно, — но для нас интересы общества всегда важнее интересов индивидуума. Дальнейшее расследование могло бы повредить положению, которое мы признаем удовлетворительным. Мы не можем предугадать, насколько велик был бы этот вред.

— То есть вы хотите сказать, что убийцей может оказаться важная персона из медиевистов,

а в данный момент космониты не хотят портить отношений со своими новоиспеченными друзьями?

— Я бы так не сказал, но в ваших словах есть доля правды.

— Где же ваш контур справедливости, Дэниел? Какая же это справедливость?

— Имеются разные степени справедливости, Илайдж. Меньшая должна уступать большей, если она с ней несовместима.

Казалось, будто ум Бейли описывал кольца вокруг непроницаемой логики позитронного мозга Р. Дэниела и старался найти в нем лазейку, какое-нибудь слабое место.

— И вам самому не интересно, Дэниел? — продолжал допытываться Бейли. — Вы назвали себя детективом. Знаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, что расследование — это не просто работа? Это — вызов. Столкновение двух умов: детектива и преступника. Можете ли вы покинуть поле битвы, признать себя побежденным?

— Могу, если цель достойна продолжения.

— И вам не будет жалко? Вы не испытаете чувства досады и разочарования? Неудовлетворенного любопытства?

Вообще не возлагавший больших надежд на

свое красноречие, Бейли почти сник под конец. А то, что он пытался взывать к «любопытству» робота, лишь напоминало ему его собственные аргументы, которые он приводил Клусарру четыре часа назад. Тогда-то он отчетливо представлял, какие особенности отличают человека от машины. Любопытство должно быть одной из них. Полуторамесячный котенок может быть любопытным, но может ли обладать любопытством машина, пусть самая человекоподобная?

Р. Дэниел словно повторил эти мысли, сказав:

— Что вы имеете в виду под любопытством?

Бейли постарался придать этому слову побольше веса:

— Под любопытством мы подразумеваем желание расширить свои знания.

— Во мне существует такое желание, когда расширение знаний необходимо для выполнения поставленной задачи.

— Правильно, — язвительно сказал Бейли, — когда, например, вы интересуетесь контактными линзами Бентли, чтобы разузнать побольше о странных повадках землян.

— Совершенно верно, — ответил Р. Дэниел без намека на то, что он почувствовал сарказм собеседника. — Однако бесцельное расширение

знаний, что, видимо, и означает термин «любопытство», ведет к снижению эффективности. Мне положено избегать этого.

В этот самый момент с Бейли произошло то, чего он ждал с таким отчаянием: пелена, застилавшая его мысленный взор, начала постепенно оседать, уступая место четкому изображению.

Он как открыл рот, так и сидел, пока говорил Р. Дэниел.

Он раньше не мог вообразить себе картину убийства во всей ее полноте. Так в жизни не бывает. Почти не сознавая этого сам, он составлял ее, составлял тщательно и кропотливо, но под конец натолкнулся на одно-единственное противоречие. Одно противоречие, которое не обойдешь и от которого не отмахнешься. Покуда оно существовало, его сознание не могло добраться до разгадки, чтобы подвергнуть ее анализу.

И вот теперь его осенило; противоречие исчезло — последняя деталь стала на свое место.

Наступившее просветление придало Бейли новые силы. К тому же он совершенно неожиданно сообразил, в чем слабость Р. Дэниела, слабость любой думающей машины. В голове промелькнула обнадеживающая мысль: эта штуковина должна понимать все дословно.

— Верно ли, — лихорадочно заговорил он, — что проект «Космотаун» завершается сегодня, а вместе с ним прекращается расследование дела Сартона?

— Таково решение жителей Космотауна, — спокойно согласился Р. Дэниел.

— Но сегодняшний день еще не кончился. — Бейли взглянул на часы. — Сейчас двадцать два тридцать. В нашем распоряжении есть еще полтора часа.

Р. Дэниел не отвечал. Казалось, он размышлял над чем-то.

Бейли не давал ему передышки:

— Значит, проект существует до полуночи. Вы — мой партнер, и расследование продолжается. — В спешке он говорил почти телеграфным текстом. — Будем работать как прежде. Попытаемся еще раз. Вашим это не повредит. Наоборот, только поможет. Даю слово. Если, по-вашему, я буду делать что-то не так — остановите меня Я прошу дать мне всего полтора часа.

— Все, что вы сказали, правильно, — ответил наконец робот. — День еще не кончился. Я об этом не подумал, партнер Илайдж.

«Ага, партнер опять», — пронеслось у Бейли. Он улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, доктор Фальстоф упоминал о фильме, сделанном на месте преступления?

— Да, упоминал.

— Могу я получить экземпляр?

— Да, партнер Илайдж.

— Сейчас! Немедленно!

— Через десять минут, если можно воспользоваться передатчиком управления, — ответил Р. Дэниел.

На это ушло еще меньше времени. Бейли не сводил глаз с небольшого алюминиевого ящичка, который он держал в дрожащих руках. Слабые сигналы, поступавшие из Космотауна, образовали в нем определенную атомную схему.

В этот момент в дверях показался комиссар Джулиус Эндерби.

Он увидел Бейли, и его круглое лицо, до этого встревоженное, стало приобретать грозный вид.

— Слушайте, Лайдж, вы чертовски долго ужинаете.

— Я ужасно устал, комиссар. Извините, если задержал вас.

— Мне-то что, но… Пойдемте-ка лучше в мой кабинет.

Бейли бросил быстрый взгляд на Р. Дэниела, но не встретил в его глазах сочувствия. Все трое

вышли из кафетерия.

Джулиус Эндерби беспокойно шагал взад и вперед по кабинету. Бейли, сам едва справлявшийся со своими нервами, наблюдал за ним, время от времени украдкой поглядывая на часы.

22.45.

Комиссар сдвинул очки на лоб и энергично, до красноты потер глаза. Потом он снова опустил очки на переносицу и моргая уставился на Бейли.

— Лайдж, — спросил он, — когда вы в последний раз были на Уильямсбургской станции?

— Вчера, после того как ушел из управления. Наверное, около шести вечера, — ответил Бейли.

Комиссар покачал головой.

— Почему вы сразу об этом не сказали?

— Я собирался включить это в свои показания.

— Как вы туда попали?

— По пути на временную квартиру.

Комиссар резко остановился перед Бейли.

— Эта версия не подойдет, Лайдж. Кому придет в голову ехать домой через энергостанцию?

Бейли пожал плечами. Нет смысла объяснять, что их преследовали медиевисты и как они отделались от них. Во всяком случае, не сейчас. Поэтому он сказал:

— Если вы намекаете, что я имел возможность

достать там альфа-излучатель, которым прикончили Р. Сэмми, то учтите, что со мной был Р. Дэниел. Он подтвердит, что я ни на минуту там не останавливался и вышел оттуда без альфа-излучателя.

Комиссар медленно опустился на стул. Он не смотрел в сторону Р. Дэниела и, видимо, не намеревался с ним говорить. Он положил перед собой на стол свои белые пухлые руки и стал рассматривать их с выражением крайнего страдания на лице.

— Лайдж, — проговорил наконец он, — я просто не знаю, что и подумать. Вы ведь понимаете, что ваш ваш партнер не может обеспечить вам алиби. Его показания не имеют силы.

— И все же я отрицаю, что брал альфа-излучатель.

Пальцы комиссара судорожно переплетались между собой и снова расходились.

— Лайдж, зачем приходила сюда Джесси?

— Вы уже это спрашивали, комиссар. Ответ будет тот же: по нашим частным делам.

— У меня есть показания Фрэнсиса Клусарра, Лайдж.

— Какие?

— Он утверждает, что Джезебел Бейли является

членом медиевистского общества, ставящего своей целью свержение нынешнего правительства.

— Вы уверены, что это она? В городе много женщин, по фамилии Бейли.

— Но не Джезебел Бейли.

— Он назвал ее этим именем?

— Да, он сказал Джезебел. Я слышал это собственными ушами.

— Что с того, что Джесси вступила в это безобидное общество тихопомешанных? Она только посещала собрания, в чем ужасно раскаивается.

— Едва ли это прозвучит убедительно для проверочной комиссии, Лайдж.

— Вы хотите сказать, что меня арестуют по подозрению в порче государственной собственности в виде Р. Сэмми?

— Надеюсь, что нет, Лайдж, но дела ваши плохи. Всем известно, что вы недолюбливали Р. Сэмми. Сегодня с ним разговаривала ваша жена. Она была в слезах, и нам удалось узнать кое-что из того, что она говорила. Сами по себе ее слова звучали безобидно, но ведь очень нетрудно смекнуть, что к чему, Лайдж. У вас могло появиться желание заставить его замолчать. К тому же именно вы могли завладеть орудием преступления…

Бейли не дал ему договорить:

— Пожелай я уничтожить все улики против Джесси, стал бы я приводить сюда Фрэнсиса Клусарра? По-видимому, он знает о ней гораздо больше, чем было известно Р. Сэмми. Кроме того, я оказался на энергостанции за восемнадцать часов до того, как Джесси встретилась с Р. Сэмми. Я ведь не ясновидец, чтобы заранее знать, что мне нужно будет уничтожить робота и сделать это именно альфа-излучателем.

— Неплохие аргументы, Лайдж, — заметил комиссар. — Я сделаю все, что смогу. Мне очень жаль, Лайдж.

— Да? А вы сами верите в мою невиновность, комиссар?

— Говоря откровенно, Лайдж, — медленно сказал Эндерби, — я и сам не знаю, что думать.

— Тогда послушайте, что я думаю. Все это тщательно подстроенная провокация против меня.

Комиссар настороженно выпрямился.

— Погодите, Лайдж. Не бейте вслепую. Защищаясь таким образом, вы ничего хорошего не добьетесь. Не один отпетый преступник пользовался этим приемом.

— А я ничего и не добиваюсь. Я просто говорю правду. Меня хотят убрать с дороги и не дать раскрыть убийство Сартона. К сожалению, мои

друзья-провокаторы немного опоздали.

— То есть как это?

Бейли взглянул на часы. Они показывали 23.00.

— Я знаю, кому невтерпеж засадить меня за решетку, — сказал он. — Я знаю, кто убил доктора Сартона и как это сделали. У меня всего час, чтобы рассказать вам об этом, схватить виновного и закрыть расследование.

Глава XVIII
Конец расследования

Глаза комиссара Эндерби сощурились в недобром взгляде.

— Что вам нужно? Вчера утром у Фастольфа вы уже устроили один спектакль. С нас хватит.

— Я знаю, — кивнул Бейли. — В тот раз я ошибся.

«Потом ошибся еще раз, — с яростью произнес он про себя, — но не теперь, тут уж я не ошибусь…»

— Посудите сами, комиссар, — продолжал он. — Допустите, что улики против меня подтасованы, и тогда посмотрим, куда это нас приведет. Задайте себе вопрос: кто мог это сделать? Видимо, тот, кто

знал, что вчера вечером я был в Уильямсбурге.

— Ну, ладно. Кто же этот человек?

— Уже в столовой меня начали преследовать несколько медиевистов. Я был уверен, что избавился от них, но, видимо, один из них заметил, что я проходил через станцию. Сделал я это, как вы понимаете, чтобы окончательно замести следы.

Комиссар задумался:

— Клусарр? Он был среди них?

Бейли кивнул.

— Хорошо, мы его допросим. Мы вытянем из него все, что ему известно. Чем еще я могу быть вам полезен, Лайдж?

— Подождите. Я хочу убедиться, что вы меня поняли.

— Давайте попробуем разобраться. — Комиссар снова сжал руки. — Клусарр сам или через члена их группы узнал, что вы вошли в Уильямсбургскую станцию. Он решил использовать этот факт против вас и отстранить вас от расследования. Вы это имели в виду?

— Приблизительно.

— Отлично, — оживился комиссар. — Он, естественно, знал, что ваша жена входит в его организацию, а потому рассчитывал, что вы по-

боитесь предать это гласности. Он думал, что вы предпочтете подать в отставку, чем опровергать косвенные улики против себя… Кстати, Лайдж, как насчет отставки? Я хочу сказать, если дело действительно примет плохой оборот, мы сумеем замять все это…

— Ни за что на свете, комиссар.

Эндерби пожал плечами.

— Да, так о чем это я говорил? Ага, вспомнил. Так вот, по-видимому, через сообщника он достал альфа-излучатель и поручил кому-нибудь уничтожить Р. Сэмми. — Его пальцы слегка постукивали по столу. — Не годится, Лайдж.

— Почему же?

— Слишком притянуто. Слишком уж много сообщников. И, между прочим, проверка показала, что у него есть железное алиби на ночь и утро убийства в Космотауне.

— Но ведь я не говорил, что убийца — Клусарр. Это предположили вы, комиссар, — заметил Бейли. — Им может быть любой медиевист. Клусарр лишь один из тех, кого узнал Р. Дэниел. Больше того, я не думаю, что он играет сколько-нибудь важную роль в медиевистской организации. Однако кое-что в нем кажется мне занятным.

— Что именно? — насторожился Эндерби.

— Он заявил, что знает Джесси. Неужели он помнит всех членов организации?

— Трудно сказать. Во всяком случае, Джесси он знает. Может быть, потому, что она жена полицейского или по другой причине.

— И он сразу сознался и сказал, что Джезебел Бейли — член их организации? Именно так и сказал: «Джезебел Бейли»?

Эндерби кивнул:

— Повторяю вам, я слышал это собственными ушами.

— Странная вещь, комиссар. Вам хорошо известно, что Джесси невзлюбила свое полное имя и давно отказалась от него. Это совершенно точно. К медиевистам же она примкнула много позже этого. И никогда не пользовалась полным именем. Как же мог Клусарр назвать ее «Джезебел»?

Комиссар покраснел и поспешно ответил:

— О, простите, если так, то он, возможно, назвал ее «Джесси». А я механически занес ее в протокол полным именем. В самом деле, так оно и было. Он сказал «Джесси».

— До сих пор вы утверждали, что он сказал «Джезебел». Я несколько раз переспрашивал.

Комиссар повысил голос:

— Уж не хотите ли вы сказать, что я лгу?

— Я подумал, что, быть может, Клусарр вообще ничего не говорил. Я подумал, не сочинили ли вы это сами. Вы знакомы с Джесси лет двадцать и уж конечно знаете ее полное имя.

— Да вы спятили, Лайдж!

— Неужто? А где вы были сегодня после обеда? Вас не было здесь около двух часов?

— Как вы смеете допрашивать меня?

— И посмею ответить за вас, сэр. Вы были на Уильямсбургской энергостанции.

Комиссар вскочил на ноги. Его лоб заблестел от пота.

— Что за чушь вы несете?

— Значит, я не прав?

— Бейли, вы отстранены. Прошу ваше удостоверение.

— Как бы не так. Сначала выслушайте меня.

— И не подумаю. Вы виновны. Вы виновны, черт вас возьми! И еще имеете наглость сваливать все на меня, будто я замышляю что-то против вас! — прокричал комиссар срывающимся голосом и добавил, едва владея собой: — Бейли, вы арестованы.

— Не торопитесь, комиссар, — процедил угрожающе Бейли. — Мой бластер на взводе, и я не промахнусь. Сейчас я за себя не ручаюсь. Я ска-

жу все, что знаю, а потом делайте со мной, что хотите.

Широко раскрытыми глазами Джулиус Эндерби уставился на ствол направленного на него бластера.

— Двадцать лет, Бейли, — пробормотал он, — двадцать лет в самой глубокой тюрьме города..

К Бейли неслышно подошел Р. Дэниел и решительно отвел в сторону его руку с бластером.

— Я не могу допустить этого, партнер Илайдж, — спокойно сказал он. — Вы не должны причинить вред комиссару.

Впервые с тех пор, как Р. Дэниел появился в городе, комиссар обратился прямо к нему:

— Держи его. Первый Закон!

— Я не хочу причинять ему вред, — торопливо заговорил Бейли. — Только не дайте ему арестовать меня, Дэниел. Вы сказали, что поможете мне до конца. У меня есть еще сорок пять минут.

Не отпуская руки Бейли, Р. Дэниел сказал:

— Комиссар, я полагаю, Илайджу следует позволить говорить. В данный момент я поддерживаю связь с доктором Фастольфом.

— Не может быть! Каким образом? — воскликнул комиссар.

— В меня встроен портативный субэтеральный

аппарат, — сказал Р. Дэниел.

Комиссар молча уставился на него.

— Я поддерживаю связь с доктором Фастольфом, — продолжал робот, — и если вы откажетесь выслушать Илайджа, комиссар, это произведет плохое впечатление. Могут быть сделаны неблагоприятные для вас выводы.

Комиссар безмолвно опустился на стул.

— Я утверждаю, — начал Бейли, — что сегодня вы побывали на Уильямсбургской энергостанции, достали там альфа-излучатель и передали его Р. Сэмми. Вы умышленно остановились на Уильямсбурге, чтобы приписать потом это мне. Вы даже воспользовались появлением доктора Джерригела и дали ему неправильно настроенный поводок, который привел его на фотосклад, где он обнаружил останки Р. Сэмми. Вы рассчитали, что он установит правильный диагноз гибели Р. Сэмми… — Бейли убрал бластер в кобуру. — Можете теперь арестовывать меня, но едва ли Космотаун расценит это как ответ на мое обвинение.

— Мотив… — едва слышно прошептал Эндерби. Его очки запотели, и он снял их и снова выглядел неуверенным и беспомощным. — Какой мотив? Для чего мне это могло понадобиться?

— Чтобы навлечь на меня неприятности. Чтобы помешать расследованию дела об убийстве Сартона.

А кроме всего прочего, потому что Р. Сэмми слишком много знал.

— О чем, ради бога?

— О том, как пять с половиной дней тому назад было совершено убийство космонита. И убийцей доктора Сартона из Космотауна является не кто иной, как вы, комиссар.

На это отозвался Р. Дэниел. Потому что Эндерби лишь запустил руки в волосы и молча качал головой.

— Партнер Илайдж, — сказал робот, — боюсь, что ваша версия совершенно неприемлема. Как вам известно, комиссар Эндерби не способен убить доктора Сартона.

— Тогда послушайте. Выслушайте меня. Эндерби упрашивал заняться расследованием именно меня, а не моих старших по чину коллег. И вот почему. Он рассчитывал на нашу старую дружбу и был уверен, что мне никогда не придет в голову заподозрить в преступлении своего приятеля и уважаемого начальника. Он полагался на мою преданность, видите ли. Кроме того, он знал, что Джесси является членом подпольной органи-

зации, и мог в крайнем случае шантажировать меня, если бы я стал докапываться до правды. Да это его не очень-то и тревожило. С самого начала он делал все, чтобы пробудить во мне недоверие к вам, Дэниел, чтобы мы с вами действовали наперекор друг другу. Он знал, что мой отец был деклассирован. Поэтому мою реакцию было нетрудно предугадать. Как видите, если убийца сам руководит расследованием, это дает ему больше преимущества.

Комиссар вновь обрел дар речи.

— Откуда я мог знать о Джесси? — сказал он слабым голосом и, повернувшись к роботу, добавил: — Если вы ведете передачу в Космотаун, скажите им, что все это ложь! Ложь от начала до конца!

Бейли заговорил вначале громко и возбужденно, а потом перешел на неестественно спокойный тон:

— Конечно, вы знали насчет Джесси. Вы сами медиевист и входите в ту же организацию. Ваши старомодные очки! Эти окна! Да и характер у вас подходящий. Но у меня есть более веские доказательства.

Как Джесси узнала, что Дэниел робот? Этот вопрос не давал мне покоя. Теперь ясно, что через свою организацию. Но откуда об этом стало из-

вестно медиевистам? Вы, комиссар, выдвинули версию, что в нем, мол, признали робота во время неурядицы у обувного прилавка. Я усомнился в этом. Ведь принял же я его за человека в самом начале, а глаза у меня в полном порядке.

Вчера я пригласил сюда доктора Джерригела. Сначала он был мне нужен чтобы убедиться, узнает ли он происхождение Дэниела без моей помощи, но потом появились и другие причины.

Он не узнал, комиссар! Я представил ему Дэниела, они обменялись рукопожатием, завязалась общая беседа, но его осенило только тогда, когда речь зашла о человекоподобных роботах. Так это же был доктор Джерригел, крупнейший на Земле специалист по роботам! И вы станете утверждать, что какие-то медиевисты смекнули это быстрее, чем ой, да еще в такой напряженной обстановке, причем были настолько уверены в этом, что пустили в ход свою организацию? Ведь они могли лишь догадываться, что Дэниел — робот.

Я теперь убежден, что медиевисты с самого начала точно знали, кто такой Дэниел. Столкновение в магазине было рассчитано на то, чтобы показать Дэниелу, а следовательно и Космотауну, до чего в городе не любят роботов. Цель инцидента — запутать все дело, отвести подозрение

с отдельных лиц и направить его на все население… Итак, кто же мог раскрыть им правду о Р. Дэниеле? Не я. Я было заподозрил самого Р. Дэниела, но и это отпало. Из всех землян об этом знали еще вы, комиссар.

— К нам в управление могли проникнуть шпионы! — с неожиданным пылом воскликнул Эндерби. — Медиевисты могли подослать их сколько угодно. Вашу жену, например. А раз уж вы сочли возможным заподозрить меня, то что же говорить о других, менее надежных сотрудниках?

Бейли недобро усмехнулся:

— Давайте пока не будем толковать о мифических шпионах, а посмотрим, куда приведет нас прямое решение. Я утверждаю, что вы не только вероятный, но и фактический предатель.

Вспомните, комиссар, как менялось ваше настроение в зависимости от того, близко я находился от разгадки или далеко от нее. А как вы нервничали… Вчера утром, когда я хотел поехать в Космотаун и отказался сказать вам зачем, вы чуть в обморок не упали. Вы думали, я застукал вас, комиссар? Что я хотел заманить вас в ловушку?

Вы сказали, что ненавидите их. Вы едва не

разрыдались. Я было решил, что вы вспомнили о том унижении, которое испытали в Космотауне, когда вас держали под подозрением. Но потом Дэниел сказал мне, что они пощадили вашу чувствительность. Вы и не знали, что находитесь под их подозрением. Причиной вашей паники был страх, а не унижение.

А когда с таким треском провалилась моя первая версия, когда вы увидели, как далек я от правды, вы снова обрели уверенность. Вы даже спорили со мной, защищали космонитов. После этого вы некоторое время владели собой, были вполне уверены. Тогда я удивился, что вы так легко простили мои ложные обвинения против космонитов, хотя до этого сами пугали меня их щепетильностью.

Затем я заказал разговор с доктором Джерригелом; вы хотели знать зачем; я вам не сказал. Это снова повергло вас в панику, потому что вы боялись…

— Партнер Илайдж! — неожиданно поднял руку Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на часы: 23.42.

— В чем дело?

— Возможно, его тревожила мысль о том, что откроются его связи с медиевистами, если мы

установим их. Однако это не следует связывать с убийством. Он не мог иметь с ним ничего общего.

— Вы глубоко ошибаетесь, Дэниел, — возразил Бейли. — Он не знал, для чего мне нужен Джерригел, но мог легко предположить, что для получения сведений о роботах. Это и перепугало комиссара, так как именно робот имеет самое непосредственное отношение к его более тяжкому преступлению. Я прав, не так ли комиссар?

Эндерби покачал головой.

— Когда это кончится? — с ненавистью прохрипел он, но замолк, не в силах продолжать.

— Как же было совершено убийство? — Бейли едва сдерживал охватившую его ярость. — С помощью C/Fe, черт бы его побрал! C/Fe! Я пользуюсь вашим термином, Дэниел. Вы готовы лопнуть от гордости за свою цивилизацию C/Fe, а вот догадаться, что житель Земли воспользовался именно ею, хоть и временно, оказалось вам не под силу. Вот как все происходило.

Нет ничего удивительного в том, что за пределы города выходит робот. Даже ночью. Даже в одиночку. Комиссар вручил Р. Сэмми бластер и сказал ему, когда и куда идти. Сам он оказался на территории Космотауна законным путем и,

конечно, сдал при входе свое оружие.

Взяв у Р. Сэмми бластер, он убил доктора Сартона и вернул оружие роботу, который благополучно доставил его в Нью-Йорк. Сегодня он уничтожил Р. Сэмми, так как тот знал слишком много.

Все становится понятным. И присутствие комиссара, и пропажа орудия убийства. Отпадает и невероятная версия, по которой житель Нью-Йорка должен был целую милю пробираться в Космотаун под открытым ночным небом.

Р. Дэниел терпеливо дождался конца этого монолога и невозмутимо сказал:

— Я вам сочувствую, партнер Илайдж, но я рад и за комиссара Эндерби, потому что ваш рассказ вовсе не убедителен. Я уже вам говорил, что цереброаналитические свойства комиссара таковы, что он не может совершить умышленное убийство. Я не знаю, каким словом можно описать этот психологический факт: трусостью, совестливостью или жалостью. Я знаком со словарным толкованием этих слов, но мне трудно судить самому. Во всяком случае, комиссар Эндерби убийства не совершал.

— Спасибо, — произнес Эндерби более уверенным голосом. — Не знаю, каковы ваши побуж-

дения, Бейли, и с какой целью вы стараетесь уничтожить меня, но я доберусь до них..

— Постойте, — прервал его Бейли. — Я еще не кончил, у меня есть вот это.

Он швырнул на стол алюминиевый кубик. Он не чувствовал в себе той уверенности, какую, ему казалось, излучал на других. Вот уже в течение получаса он скрывал от себя одну небольшую истину: он не знал, что покажет этот оригинальный проектор. Он вел рискованную игру, но ему больше ничего не оставалось делать.

Эндерби отпрянул от блестящего предмета.

— Что это?

— Не бойтесь, не бомба, — усмехнулся Бейли. — Всего лишь обычный микропроектор.

— Что вы собираетесь доказать?

— Сейчас увидите.

Бейли прикоснулся к одной из прорезей сбоку проектора; угол кабинета Эндерби тотчас же осветился, и в нем возникло объемное изображение какой-то странной сцены. Она захватила все пространство от пола до потолка и уходила за стены кабинета. Ее окутывал сероватый свет незнакомого для жителей Нью-Йорка происхождения.

«Должно быть, они называют это рассветом», — подумал Бейли со смешанным чувством

отвращения и любопытства.

Сцена изображала комнату куполообразного дома Сартона. В центре был виден изуродованный труп космонита.

Глаза Эндерби готовы были выскочить из орбит.

— Я знаю, что комиссар по натуре не убийца, — заговорил Бейли. — Мне и без вас это ясно, Дэниел. Но если бы я не упустил из виду одну деталь, то уже давно закончил бы расследование. Меня осенило час назад, когда я напомнил вам о контактных линзах моего сына. — Он повернулся к Эндерби. — Да, комиссар, именно в этом все дело. Лишь тогда я сообразил, что ваша близорукость и ваши очки — ключ к разгадке. Жители Внешних Миров понятия не имеют о том, что такое близорукость, иначе бы они без труда установили, кто убил Сартона. Комиссар, когда вы разбили очки?

— Какое это имеет отношение к делу? — возмутился Эндерби.

— В самом начале расследования вы сказали, что разбили очки в Космотауне. Я решил, что вы уронили их от волнения, когда узнали об убийстве. Но вы сами ничего такого мне не говорили, значит, мое решение было безосновательным.

На самом же деле, если вы шли в Космотаун, замышляя преступление, то были уже достаточно возбуждены и могли уронить и разбить свои очки до, а не после убийства. Так оно в действительности и произошло, комиссар.

— Я не вижу, к чему вы клоните, партнер Илайдж.

«Мне остается быть десять минут партнером. Быстрее! Говорить быстрее! И думать быстрее!» — пронеслось у Бейли.

Продолжая говорить, он манипулировал объемным изображением жилища Сартона. Охваченный волнением, он непослушными пальцами двигал рычажки, увеличивая его. Медленно, рывками к ним приближался труп, вырастая на глазах, и занимая собой все пространство в углу комнаты. Бейли казалось, что он чувствует запах обгоревшей плоти.

Бейли искоса взглянул на комиссара. Эндерби сидел с закрытыми глазами. По-видимому, ему было плохо. Бейли тоже тошнило, но он должен был смотреть. Сейчас невидимый луч передатчика обшаривал квадрат за квадратом пространство вокруг трупа. Палец Бейли, соскочил с рычажка, и изображение покачнулось и расплылось в неразличимую картину, выйдя за пределы разре-

шающей способности передатчика. Он уменьшил изображение, и труп отплыл в сторону.

Бейли все еще продолжал говорить. Другого выхода не было, он не мог остановиться, пока не найдет то, что ищет. И если ему это не удастся, никто не поверит ни одному его слову. Хуже, чем не поверит. Его сердце работало толчками, в висках стучала кровь. Он говорил:

— Комиссар не способен на умышленное убийство. Согласен! На умышленное. Но это могло произойти нечаянно. Комиссар шел в Космотаун не для того, чтобы убить доктора Сартона. Он задумал уничтожить вас, Дэниел, вас! Есть ли в его цереброанализе какое-нибудь указание, что он не способен разрушить машину? Это ведь не убийство, а просто диверсия.

Он убежденный медиевист. Он сотрудничал с доктором Сартоном и знал, для чего предназначается Дэниел. Он опасался, что космонитам удастся их план и что землян постепенно отлучат от Земли. Поэтому он решил уничтожить вас, Дэниел. Такого робота, как вы, больше нет, вот он и подумал, что сумеет остановить космонитов, показав им размах и решимость медиевистского движения. Он знал, что общественное мнение Внешних Миров против существования Космо-

тауна. Доктор Сартон, должно быть, поделился с ним этим. И он решил, что убийство будет последней каплей, которая переполнит чашу.

Не думаю, чтобы мысль об убийстве, пусть даже робота, была ему по душе. Он охотно передоверил бы это Р. Сэмми. Но вы так похожи на человека, что такой примитивный робот, как Сэмми, не увидел и никогда не понял бы, в чем разница. Первый Закон не дал бы ему убить вас.

С другой стороны, из всех землян лишь один комиссар имел свободный доступ в Космотаун. Иначе бы он наверняка заставил кого-нибудь другого совершить это черное дело.

Мне кажется, план комиссара заключался в следующем. Признаюсь, пока это только предположение, но, по-моему, предположение верное. Он договорился о встрече с доктором Сартоном, но умышленно пришел задолго до назначенного времени. Точнее — на рассвете, полагая, что Сартон будет еще спать, а вы, Дэниел, будете бодрствовать. Кстати, я исходил из того, что вы постоянно находились в доме Сартона.

— Вы совершенно правы, партнер Илайдж, — кивнул робот.

— Тогда я продолжу. Комиссар рассчитывал, что у двери встретите его вы, Дэниел, и тогда

он всадит в вас полный заряд бластера. С вами покончено. Комиссар тут же отправляется к тому месту, где его должен ждать Р. Сэмми, отдает ему бластер и, не торопясь, возвращается к дому Сартона. В случае нужды ему не составит никакого труда оправдать свое раннее появление в Космотауне тем, что пришел предупредить доктора Сартона о якобы готовящемся на них нападении. Мертвый робот лишь придаст вес его словам. Что касается Р. Сэмми, то едва ли кто обратит на него внимание, приняв его за одного из роботов, используемых на фермах. Ну так как, комиссар, близок я к истине?

Эндерби всего передернуло:

— Я не убивал…

— Р. Дэниела? — подхватил Бейли. — Конечно, нет. Вот он, перед вами. Не потому ли за все время, что он в городе, вы ни разу не назвали его по имени и не обратились к нему непосредственно. Посмотрите на него хорошенько, комиссар!

Комиссар не мог этого сделать. Он закрыл лицо трясущимися руками.

Проектор едва не вывалился из дрожащих рук Бейли. Он нашел то, что искал.

Перед ним крупным планом стояло изображение входа в дом доктора Сартона. Дверь была

открыта; она была задвинута в сторону, в стену, отчего стали ясно видны металлические желобки, по которым она скользила. В них что-то поблескивало. Ошибиться было невозможно!

— Так вот как это было, — торопился Бейли. — Вы подошли к дому Сартона. Вы нервничали и, как всегда, когда вы волнуетесь, сняли очки и стали их протирать. Вот тут-то вы их и уронили; быть может, и наступили на них. Во всяком случае, очки разбились, и в этот момент дверь отодвинулась, и в ней показалась похожая на Дэниела фигура.

Вы разрядили в него бластер, подхватили остатки очков и скрылись. Труп обнаружили они, а не вы, а когда они увидели вас, оказалось, что вы убили доктора Сартона, а не Дэниела. Беда в том, что доктор Сартон придал роботу свой облик, а вы без очков не заметили разницы. Если вам нужны вещественные доказательства, то они здесь!

С этими словами Бейли осторожно положил на стол микропроектор и бережно накрыл его рукой.

Лицо комиссара Эндерби исказилось от ужаса, лицо Бейли — от напряжения. Р. Дэниел оставался бесстрастным.

Бейли протянул руку Р. Дэниелу.

— Что, по-вашему, блестело в желобках двери, Дэниел?

— Два небольших осколка стекла, — холодно ответил робот. — Нам это ни о чем не говорит.

— Сейчас вам станет понятно. Это часть вогнутых линз. Измерьте их оптические свойства и сравните со стеклами, которые носит сейчас Эндерби. Не сметь, комиссар!

Он бросился к комиссару и выхватил очки у него из рук, прежде чем тот швырнул их на пол. Тяжело дыша, он протянул их Р. Дэниелу.

— По-моему, этого вполне достаточно, чтобы доказать, что он был у дома доктора Сартона раньше, чем предполагалось.

— Я полностью убежден, — сказал Р. Дэниел. — Теперь я вижу, что был совершенно сбит с толку цереброанализом комиссара. Поздравляю вас, партнер Илайдж.

На часах у Бейли было 24.00. Наступал новый день.

Комиссар медленно опустил голову на руки и невнятно проговорил:

— Это была ошибка. Ошибка… Я не хотел его убивать.

Он неожиданно соскользнул со стула и свалился на пол.

Р. Дэниел бросился к нему со словами:

— Вы причинили ему вред, Илайдж. Это очень плохо.

— Но он жив, не так ли?

— Да. Потерял сознание.

— Ничего, очнется. Нервы подкачали, наверное. У меня не было другого выхода, Дэниел. Для судебного преследования моих выводов было бы недостаточно, я должен был вынудить его сознаться, пусть даже такой ценой. Вы ведь слышали его признание, Дэниел?

— Да, слышал.

— Если вы помните, я обещал, что это будет на пользу планам Космотауна… Погодите, он приходит в себя.

Комиссар застонал. Он медленно открыл глаза и молча посмотрел на склонившиеся над ним фигуры.

— Комиссар, вы меня слышите? — спросил Бейли.

Эндерби безразлично кивнул.

— Тогда слушайте внимательно. Космонитам сейчас не до вас. У них есть более серьезные дела, и если вы согласитесь сотрудничать…

— Что, что? — В глазах комиссара появилась надежда.

— Вы, должно быть, важная персона в медиевистском движении Нью-Йорка, а то и всей планеты.

Убедите своих единомышленников согласиться на освоение космоса. Вы ведь знаете, какую надо проводить линию? Мы сможем вернуться назад к природе… но на других планетах.

— Не понимаю, — пробормотал комиссар.

— Космониты добиваются именно этого. И, черт побери, теперь я полностью разделяю их точку зрения. Ради этого они каждый день рискуют своей жизнью, оставаясь на Земле, и если вы сумеете воспользоваться смертью доктора Сартона, чтобы убедить медиевистов возобновить освоение Галактики, космониты, возможно, сочтут эту жертву оправданной. Вы меня поняли?

— Илайдж совершенно прав, — вступил в разговор Р. Дэниел. — Помогите нам, комиссар, и мы забудем прошлое. Я говорю от имени доктора Фастольфа и других. Однако если, согласившись сейчас, вы потом предадите нас, мы будем вынуждены предъявить вам обвинение в убийстве. Надеюсь, вы отдаете себе в этом отчет? Мне больно напоминать вам об этом.

— И я не подвергнусь судебному преследованию? — недоверчиво спросил комиссар.

— Нет, если поможете нам.

Слезы появились у него на глазах.

— Конечно, конечно. Произошел несчастный случай. Объясните им. Потом, мне казалось, что я поступаю правильно.

— Вы поступите правильно, если поможете нам, — убеждал его Бейли. — Спасение Земли — в освоении космоса. Отбросьте свои предрассудки, и тогда вы поймете это. А то поговорите с доктором Фастольфом. А пока вы можете помочь тем, что замнете дело Р. Сэмми. Объясните его гибель несчастьем или как вам угодно. — Бейли встал на ноги. — И учтите, Космотаун в курсе всех событий, так что не советую вам замышлять что-нибудь против меня. Надеюсь, это вам понятно, комиссар Эндерби.

— Можете быть спокойны, Илайдж, — сказал Р. Дэниел. — Он искренне соглашается сотрудничать с нами. Это явствует из его цереброанализа!

— Хорошо. Тогда мне пора домой. Как-никак у меня есть жена и сын, и я чертовски хочу спать. — Бейли пытливо посмотрел на Р. Дэниела. — Дэниел, вы останетесь на Земле после отъезда космонитов?

— У меня еще нет никаких инструкций на этот счет. А почему вы спрашиваете?

Бейли прикусил губу и нерешительно сказал:

— Не думал, что когда-нибудь придется делать такое признание такому, как вы, Дэниел, но я доверяю вам. Даже больше — я восхищен вами. Я слишком стар, чтобы самому отправиться на новые планеты, но если в конце концов будут открыты школы для эмигрантов, я отдам туда Бентли. Кто знает, может, когда-нибудь вы с Бентли вместе..

— Кто знает… — Лицо Р. Дэниела не выражало никаких эмоций.

…Джулиус Эндерби смотрел на них обоих с выражением удивления на лице, которое только сейчас стало обретать свой естественный цвет.

— Друг Джулиус, — сказал робот, — я пытался понять кое-какие рассуждения Илайджа. Возможно, я начинаю понимать его мысль, ибо сейчас мне уже кажется, что уничтожение того, чего не должно быть, то есть уничтожение того, что вы, люди, называете злом, не столь оправдано и желательно, как обращение этого зла в то, что вы зовете добром.

Затем нерешительно, словно бы удивляясь собственным словам, он произнес:

— Иди и впредь не греши.

Лайдж Бейли неожиданно улыбнулся, взял

Р. Дэниела за локоть, и оба рука об руку вышли из комнаты.

Зеркальное отражение
(Пер. с англ. И. Гуровой)

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает Человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Лайдж Бейли только-только решил снова раскурить трубку, как дверь его кабинета внезапно распахнулась, причем в нее даже не постучали. Бейли раздраженно оглянулся — и уронил трубку. Он так и оставил ее валяться на полу, что ясно показывает, как он был удивлен.

— Р. Дэниел Оливо! — воскликнул он в неописуемом волнении. — Черт побери, это же вы?!

— Вы совершенно правы, — ответил вошедший. Его загорелое лицо с удивительно правильными чертами оставалось невозмутимым. — Я очень

сожалею, что потревожил вас, войдя без предупреждения, но ситуация весьма щекотливая, и чем меньше о ней будут знать другие люди и роботы, даже из числа ваших сослуживцев, тем лучше. Сам же я очень рад вновь увидеться с вами, друг Илайдж.

И робот протянул правую руку жестом, таким же человеческим, как и его внешний вид. Однако Бейли настолько растерялся, что несколько секунд недоуменно смотрел на протянутую руку, прежде чем схватил ее и горячо потряс.

— Но все-таки, Дэниел, почему вы тут? Конечно, я всегда рад вас видеть, но… Что это за щекотливая ситуация? Опять какие-нибудь всепланетные неприятности?

— Нет, друг Илайдж! Ситуация, которую я назвал щекотливой, на первый взгляд может показаться пустяком. Всего лишь спор между двумя математиками. Но поскольку мы совершенно случайно оказались на расстоянии одного броска до Земли…

— Значит, этот спор произошел на межзвездном лайнере?

— Вот именно. Пустячный спор, но для людей, в нем замешанных, это совсем не пустяк.

Бейли не сдержал улыбки.

— Я не удивляюсь, что поступки людей вам кажутся неожиданными. Они ведь не подчиняются трем законам, как вы, роботы.

— Об этом можно только пожалеть, — с полной серьезностью заявил Р. Дэниел. — И кажется, сами люди неспособны понимать друг друга. Но возможно, вы понимаете их лучше, чем люди, обитающие на других планетах, так как Земля населена гораздо гуще. Потому-то, мне кажется, вы и можете нам помочь.

Р. Дэниел на мгновение смолк, а затем добавил, пожалуй, с излишней торопливостью:

— Однако некоторые правила человеческого поведения я усвоил хорошо и теперь замечаю, что нарушил требования элементарной вежливости, не спросив, как поживают ваша жена и ваш сын.

— Прекрасно. Парень учится в колледже, а Джесси занялась политикой. Ну, а теперь все-таки скажите мне, каким образом вы здесь очутились?

— Я уже упомянул, что мы находились на расстоянии короткого броска до Земли, — сказал **Р.** Дэниел. — И я рекомендовал капитану обратиться за советом к вам.

— И капитан согласился? — спросил Бейли, которому как-то не верилось, что капитан

межзвездного лайнера решил сделать непредвиденную посадку из-за какой-то чепухи.

— Видите ли, — объяснил Р. Дэниел, — он оказался в таком положении, что согласился бы на что угодно. К тому же я всячески вас расхваливал, хотя, разумеется, говорил только правду, нисколько не преувеличивая. И наконец, я взялся вести все переговоры так, чтобы ни пассажирам, ни команде не пришлось покинуть корабля, нарушив тем самым карантин.

— И что все-таки произошло? — нетерпеливо спросил Бейли.

— В числе пассажиров космолета «Эта Карины» находятся два математика, направляющиеся на Аврору, чтобы принять участие в межзвездной конференции по нейробиофизике. И недоразумения возникли именно между этими математиками — Альфредом Борром Гумбольдтом и Дженнаном Себбетом. Может быть, вы, друг Илайдж, слышали о них?

— Нет, — решительно объявил Бейли. — Я в математике ничего не понимаю. Послушайте, Дэниел, — вдруг спохватился он, — вы, надеюсь, не говорили капитану, что я знаток математики или…

— Конечно, нет, друг Илайдж. Мне это известно.

Но это не имеет значения, так как математика совершенно не связана с сутью спора.

— Ну ладно, валяйте дальше.

— Раз вы ничего о них не знаете, друг Илайдж, я хотел бы сообщить вам, что доктор Гумбольдт — один из трех крупнейших математиков Галактики с давно установившейся репутацией. Ведь ему идет двадцать седьмой десяток. Доктор Себбет, с другой стороны, очень молод, и ему нет еще и пятидесяти, но он уже заслужил репутацию выдающегося таланта, занимаясь наиболее сложными проблемами современной математики.

— Следовательно, оба — великие люди, — заметил Бейли. Тут он вспомнил про свою трубку и поднял ее, но решил пока не закуривать. — Что же произошло? Убийство? Один из них втихомолку прикончил другого?

— Один из этих людей, имеющих самую высокую репутацию, пытается уничтожить репутацию другого. Если не ошибаюсь, по человеческим нормам это считается чуть ли не хуже физического убийства.

— В некоторых ситуациях, пожалуй. Ну так кто же из них покушается на репутацию другого?

— В этом-то, друг Илайдж, и заключается суть проблемы. Кто из них?

— Да говорите же!

— Доктор Гумбольдт излагает случившееся совершенно четко. Вскоре после того, как космолет стартовал, он внезапно сформулировал принцип, который позволяет создать метод анализа нейронных связей по изменениям карты поглощения микроволн в отдельных участках коры головного мозга. Принцип этот опирается на математические тонкости, которых я не понимаю и, стало быть, не могу вам изложить. Впрочем, к делу это не относится. Чем больше доктор Гумбольдт размышлял над своим открытием, тем больше он убеждался, что нашел нечто, революционизирующее всю его науку, перед чем бледнеют все его прежние достижения. И тут он узнал, что на борту космолета находится доктор Себбет.

— Ага! И он обсудил свое открытие с юным Себбетом?

— Вот именно. Они уже встречались на конференциях и заочно были хорошо знакомы друг с другом. Гумбольдт подробно изложил Себбету свои заключения. Тот полностью их подтвердил и не скупился на похвалы важности открытия и таланту того, кто это открытие сделал. После этого Гумбольдт, окончательно убедившись, что он стоит на верном пути, подготовил доклад с крат-

ким описанием своего открытия и через два дня собрался переслать его комитету конференции на Авроре, чтобы официально закрепить за собой приоритет, а кроме того, и выступить с подобным сообщением на самой конференции. К своему удивлению, он обнаружил, что и Себбет подготовил доклад примерно такого же содержания и тоже намеревается отправить его на Аврору.

— Гумбольдт, наверное, разъярился?

— Еще бы!

— А Себбет? Что говорит он?

То же самое, что и Гумбольдт, слово в слово.

— Ну так в чем же здесь трудность?

— В зеркальной перестановке имен. Себбет утверждает, что открытие сделал он и что это он обратился за подтверждением к Гумбольдту, и что все было наоборот — это Гумбольдт согласился с его выводами и всячески их расхваливал.

— То есть каждый утверждает, что идея принадлежит ему, а другой ее украл? Я все-таки не вижу, в чем тут трудность. Когда речь идет о научных открытиях, достаточно просто представить подписанные и датированные протоколы исследований, после чего легко устанавливается приоритет. И даже если одни протоколы подделаны, это не трудно обнаружить благодаря

внутренним несоответствиям.

— При обычных обстоятельствах, друг Илайдж, вы были бы совершенно правы, но ведь тут речь идет о математике, а не об экспериментальных науках. Доктор Гумбольдт утверждает, что держал все необходимые данные в голове и ничего не записывал, пока не начал составлять вышеуказанный доклад. Доктор Себбет, разумеется, утверждает то же самое.

— Ну в таком случае следует принять решительные меры, чтобы разом с этим покончить. Прозондируйте их психику и установите, кто из них лжет.

Р. Дэниел покачал головой.

— Друг Илайдж, вы, по-видимому, не поняли, о ком идет речь. Оба они — члены Межгалактической академии, а потому все вопросы, касающиеся их профессионального поведения, правомочна решать только одна комиссия Академии. Если, конечно, они сами не согласятся добровольно подвергнуться проверке.

— Ну так предложите им подвергнуться проверке. Виновный откажется, зная, чем грозит ему психологическое зондирование. Невиновный, несомненно, согласится, и вам даже не придется прибегать к зондированию.

— Вы неправы, друг Илайдж. Для таких людей дать согласие на подобную проверку — значит поступиться своим престижем. Несомненно, они оба откажутся только из гордости. И все прочее отступит на второе место.

— Ну так ничего пока не делайте. Отложите решение вопроса до прибытия на Аврору. На этой нейробиофизической конференции, конечно, будет присутствовать такое число академиков, что избрать комиссию…

— Но это нанесет серьезный удар престижу самой науки, друг Илайдж. И если скандал разразится, пострадают оба. Тень падет даже на невиновного, потому что он позволил впутать себя в столь неблаговидную историю. Все будут считать, что ему следовало бы покончить с ней тихо, не доводя дело до суда.

— Ну ладно. Я не академик, но постараюсь представить себе, что подобная точка зрения имеет под собой почву. А что говорят сами эти математики?

— Гумбольдт решительно не хочет скандала. Он говорит, что если Себбет признается в присвоении этой идеи и не воспрепятствует Гумбольдту передать тезисы или хотя бы сделать доклад на конференции, он не станет выдвигать никаких

официальных обвинений. Неэтичный поступок Себбета останется тайной, известной только им троим, включая капитана, так как, разумеется, никто из людей больше в эту историю не посвящен.

— А юный Себбет не соглашается?

— Наоборот, он во всем согласен с доктором Гумбольдтом — но с перестановкой имен, разумеется. Все то же зеркальное отражение.

— И значит, оба они, так сказать, в пату?

— Мне кажется, друг Илайдж, что каждый ждет, чтобы другой не выдержал и признал свою вину.

— Ну так пусть себе ждут.

— Капитан считает, что это невозможно. Видите ли, здесь есть два варианта. Либо оба будут упрямиться до посадки на Аврору, и тогда неминуемо разразится академический скандал. И капитан, отвечающий за поддержание закона и порядка на своем лайнере, получит выговор за то, что не сумел уладить все без шума. А он об этом и слышать не хочет.

— Ну а второй вариант?

— Либо тот, либо другой признается в плагиате. Но будет ли признавшийся действительно виновным? Или он пойдет на это из благородного желания предотвратить скандал? А разве

можно допустить, чтобы человек, готовый ради чести науки поступиться заслуженной славой, и в самом деле лишился этой славы? Или же в последний момент признается виновный, но так, чтобы создалось впечатление, будто он делает это исключительно из вышеупомянутых благородных побуждений, избежав таким образом позора и бросив тень на второго. Конечно, из людей знать об этом будет только капитан, но он не желает до конца своих дней мучиться мыслью, что невольно оказался пособником бессовестного плагиатора.

Бейли вздохнул.

— Ну так сказать, кто кого пересидит. Кто не выдержит первым по мере приближения к Авроре? Это все, Дэниел?

— Не совсем. Имеются свидетели.

— Черт побери! Почему же вы этого сразу не сказали? Какие свидетели?

— Камердинер доктора Гумбольдта.

— А, робот, наверное.

— Ну конечно. Его зовут Р. Престон. Этот камердинер, Р. Престон, присутствовал при первом разговоре, и он подтверждает рассказ доктора Гумбольдта во всех частностях.

— То есть он говорит, что идея принадлежа-

ла доктору Гумбольдту, что доктор Гумбольдт изложил ее доктору Себбету, что доктор Себбет пришел от нее в восторг и так далее?

— Вот именно.

— Ага. Но это решает вопрос? Или нет? По-видимому, нет.

— Вы совершенно правы. Вопроса это не решает, потому что имеется второй свидетель. У доктора Себбета также есть камердинер, Р. Айд, также робот и той же модели, что и Р. Престон, изготовленный в том же году, на том же заводе. Оба прослужили у своих хозяев одинаковый срок.

— Странное совпадение… Очень странное.

— И тем не менее это факт, который, боюсь, затрудняет возможность сделать какие-либо выводы из различий между камердинерами.

— Следовательно, Р. Айд показывает то же самое, что Р. Престон?

— Абсолютно то же самое, за исключением зеркальной перестановки имен.

— Другими словами, Р. Айд утверждает, что юный Себбет, тот, которому еще не исполнилось пятидесяти, сам наткнулся на эту идею, что он изложил ее доктору Гумбольдту, который не скупился на похвалы, и так далее?

— Совершенно верно, друг Илайдж.

— Из чего следует, что один из роботов лжет.

— По-видимому, да.

— Ну, мне кажется, будет нетрудно решить, кто из них лжет. Вероятно, если опытный робопсихолог сделает даже поверхностное обследование..

— К сожалению, друг Илайдж, на борту лайнера нет робопсихолога, достаточно квалифицированного, чтобы вынести суждение по столь деликатному вопросу. Подобные исследования можно будет произвести, только когда мы достигнем Авроры, так как ни доктор Гумбольдт, ни доктор Себбет не согласятся остаться без камердинеров на срок, который потребуется для обследования роботов земными специалистами.

— Но в таком случае, Дэниел, я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.

— Я глубоко убежден, — невозмутимо сказал Р. Дэниел, — что вы уже наметили какой-то план действий.

— Ах так? Ну по-моему, в первую очередь следует поговорить с этими математиками, один из которых — плагиатор.

— Боюсь, друг Илайдж, что это невозможно. Они не могут покинуть лайнер из-за карантина. И по той же причине к ним не можете явиться вы.

— Да, конечно, Дэниел, но я имел в виду беседу

по видеофону.

— К сожалению, они вряд ли согласятся, чтобы их допрашивал простой полицейский следователь. Опять-таки вопрос престижа.

— Ну а с роботами-то я могу поговорить по видеофону?

— Это, я полагаю, можно будет устроить.

— Попробуем обойтись и этим. Значит, мне придется взять на себя функции робопсихолога-любителя.

— Но вы же сыщик, друг Илайдж, а не робопсихолог.

— Ну неважно. Только прежде, чем я увижусь с ними, давайте поразмыслим. Скажите, а не может ли быть так, что оба робота говорят правду? Например, разговор между математиками велся полунамеками. И тогда каждый робот искренне верит, что идея принадлежала его хозяину. Или оба слышали лишь часть разговора, причем не одну и ту же, и пришли к одному и тому же выводу.

— Абсолютно невозможно, друг Илайдж. Оба робота повторяют разговор совершенно одинаково, если не считать главного противоречия.

— Таким образом, несомненно, что один из роботов лжет?

— Да.

— Можно мне будет получить копию показаний, дававшихся в присутствии капитана?

— Я предвидел, что копия может вам понадобиться, и захватил ее с собой.

— Вот и чудесно. А роботам была устроена очная ставка? И это отражено в протоколе?

— Роботы просто рассказали то, что им было известно. Устраивать очную ставку правомочен только робопсихолог.

— Или я?

— Вы — сыщик, друг Илайдж, а не..

— Ну ладно, ладно, Дэниел. Подумаем-ка еще. При обычных обстоятельствах робот лгать не станет. Однако он солжет, чтобы не нарушить какой-нибудь из трех законов. Он может солгать, чтобы сохранить собственное существование в соответствии с Третьим законом. Еще легче он солжет, чтобы выполнить распоряжение, полученное от человека, поскольку это соответствует Второму закону. И он скорее всего солжет, если это понадобится для спасения человеческой жизни или если он таким способом воспрепятствует тому, чтобы человеку был причинен вред, согласно Первому закону.

— Совершенно верно.

— В данном случае каждый из этих роботов предположительно защищает профессиональную репутацию своего хозяина и ради этого в случае необходимости, несомненно, будет лгать. Ведь профессиональная репутация тут почти эквивалентна жизни, и Первый закон вынудит его ко лжи.

— Однако такой ложью каждый камердинер будет вредить профессиональной репутации другого математика, друг Илайдж.

— Да, пожалуй. Но ведь репутация хозяина может представляться ему более значимой и важной, чем репутация любого другого человека. И в этом случае, с его точки зрения, ложь принесет намного меньше вреда, нежели правда.

Сказав это, Лайдж Бейли умолк и задумался. Затем он продолжал:

— Ну хорошо. Так вы мне дадите возможность побеседовать с роботами? Я думаю, лучше будет начать с Р. Айда.

— Робота доктора Себбета?

— Да.

— Ну так подождите минутку, — сказал Р. Дэниел. — Я захватил с собой микроприемник, соединенный с проектором. Мне потребуется только белая стена. Вот эта вполне подойдет, если вы

разрешите мне отодвинуть ящики с картотекой.

— Валяйте. Мне что, нужно будет говорить в микрофон?

— Нет. Вы сможете говорить так, словно ваш собеседник находится перед вами. Но, извините, друг Илайдж, мне придется еще немножко вас задержать. Я должен сперва связаться с космолетом и вызвать Р. Айда к передатчику.

— Ну в таком случае, Дэниел, может, вы мне пока дадите копии протоколов?

Пока Р. Дэниел налаживал оборудование, Лайдж Бейли, закурив трубку, принялся перелистывать протоколы, которые передал ему робот.

Через несколько минут Р. Дэниел сказал:

— Р. Айд вас ждет, друг Илайдж. Но может быть, вы хотели бы еще несколько минут посвятить протоколам?

— Нет, — вздохнул Бейли. — Ничего нового я в них не нахожу. Включайте передатчик и последите, чтобы наш разговор записывался.

На стене появилось двумерное изображение Р. Айда. В отличие от Р. Дэниела он вовсе не походил на человека и был сделан из металла. Он был высок, но состоял из нескольких блоков и мало чем отличался от обыкновенных роботов. Бейли заметил только несколько мелких отклонений

от привычного стандарта.

— Добрый день, Р. Айд, — сказал Бейли.

— Добрый день, сэр, — ответил Р. Айд негромким и совсем человеческим голосом.

— Ты камердинер Дженнана Себбета, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Айд сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли помолчал, собираясь с мыслями. Этот робот рассуждал много тоньше и логичнее, чем те, с которыми ему приходилось иметь дело до сих пор. И он вовсе не был уверен, что сумеет

расставить ему ловушку. Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Альфреда Гумбольдта, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию твоего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Гумбольдтом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты бы отрицал это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае, — сказал Бейли, — рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Дженнан Себбет, имеет репутацию замечательного математика, но он еще очень молод. Если доктор Гумбольдт сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Но у него впереди вся жизнь, и он сумеет искупить свой проступок. Его ждет еще много блестящих открытий, и со временем все забудут про эту попытку плагиата, объяснив ее опрометчивостью, свойственной молодым людям. То есть для него все еще поправимо. Если же, с другой стороны, искушению

поддался доктор Гумбольдт, то положение создается гораздо более серьезное. Он уже стар, и главные его свершения относятся к прошлому. До сих пор его репутация оставалась незапятнанной. И этот единственный проступок на склоне лет зачеркнет все его славное прошлое, а у него уже не будет времени поправить дело. За остающиеся ему годы он вряд ли сумеет сделать что-либо значительное. По сравнению с твоим хозяином доктор Гумбольдт теряет гораздо больше, а возможностей поправить случившееся у него гораздо меньше. Таким образом, ты видишь, что положение Гумбольдта намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Айд сказал ровным голосом:

— Мои показания были ложью. Работа принадлежит доктору Гумбольдту, а мой хозяин попытался присвоить ее, не имея на то права.

— Прекрасно, — сказал Бейли. — По распоряжению капитана корабля ты не должен никому ничего говорить о нашей беседе, пока тебе не будет дано на это разрешение. Можешь быть свободен.

Экран померк, и Бейли, затянувшись, выпустил

клуб дыма.

— Капитан все слышал, Дэниел?

— Разумеется. Он — единственный свидетель, не считая нас.

— Очень хорошо. А теперь давай второго робота.

— Но зачем, друг Илайдж? Ведь Р. Айд во всем признался?

— Нет, это необходимо. Признание Р. Айда ничего не стоит.

— Ничего?

— Абсолютно ничего. Я объяснил ему, что доктор Гумбольдт находится в худшем положении, чем его хозяин. Естественно, если он лгал, защищая Себбета, то тут он сказал бы правду, как он и утверждает. Но если он говорил правду раньше, то теперь он солгал бы, чтобы защитить Гумбольдта. Это по-прежнему зеркальное изображение, и мы ничего не добились.

— Но в таком случае чего мы добьемся, допросив Р. Престона?

— Если бы зеркальное изображение было абсолютно точным, мы бы ничего не добились. Но одно различие существует. Ведь кто-то из роботов начал с того, что сказал правду, а кто-то солгал. И вот тут симметрия нарушена. Давай-ка мне

Р. Престона, а если запись допроса Р. Айда готова, я хотел бы ее посмотреть.

На стене вновь появилось изображение. Р. Престон ничем не отличался от Р. Айда, если не считать узора на грудной пластине.

— Добрый день, Р. Престон, — сказал Бейли, держа перед собой запись допроса Р. Айда.

— Добрый день, сэр, — сказал Р. Престон. Голос его ничем не отличался от голоса Р. Айда.

— Ты камердинер Альфреда Гумбольдта, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Престон сказал;

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от

конкретных обстоятельств.

Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Дженнана Себбета, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию твоего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Себбетом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты бы отрицал это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае, — сказал Бейли, — рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Альфред Гумбольдт, имеет репутацию замечательного математика, но он старик. Если доктор Себбет сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Однако его почтенный возраст и замечательные открытия, которые он делал на протяжении столетий, перевесят этот единственный неверный шаг и заставят забыть о нем. Эта попытка плагиата будет объяснена утратой чувства реальности, свойственной старикам.

Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Себбет, то положение создается гораздо более серьезное. Он молод, и репутация его не столь прочна. При обычных обстоятельствах его ждали бы столетия, чтобы он мог совершенствовать свои знания и делать великие открытия. Теперь же он будет всего этого лишен — из-за единственной ошибки молодости. Будущее, которое он теряет, несравненно больше, чем то, которое еще остается твоему хозяину. Таким образом, ты видишь, что положение Себбета намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не такали?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Престон сказал ровным голосом:

— Мои показания были ло…

Внезапно он умолк и больше не издал ни звука.

— Так что же ты хотел сказать, Р. Престон? — спросил Бейли.

Робот молчал.

— Боюсь, друг Илайдж, — вмешался Р. Дэниел, — что Р. Престон находится в состоянии полного отключения. Он вышел из строя.

— Наконец-то мы добились асимметричности, — сказал Бейли. — Теперь мы можем

установить, кто виновен.

— Каким же образом, друг Илайдж?

— А вот подумай. Предположим, ты — человек, который не совершил преступления, что известно твоему личному роботу. Тебе не нужно предпринимать никаких действий. Твой робот скажет правду и подтвердит твои слова. С другой стороны, если ты — человек, который совершил преступление, тебе будет нужно, чтобы твой робот солгал. А это сопряжено с определенным риском: хотя робот в случае необходимости солжет, стремление сказать правду останется достаточно сильным. Другими словами, правда оказывается намного надежнее лжи. Чтобы обезопасить себя, человек, совершивший преступление, скорее всего прямо прикажет роботу солгать. В результате Первый Закон будет подкреплен Вторым Законом, и, возможно, в значительной степени.

— Это выглядит логичным, — заметил Р. Дэниел.

— Предположим, мы имеем по одному роботу каждого типа. Один из них переключится с ничем не подкрепленной правды на ложь. И проделает это после некоторых колебаний без каких-либо неприятных последствий. Второй робот переклю-

чится от сильно подкрепленной *лжи* на правду, но при этом он рискует сжечь позитронные связи своего мозга и впасть в состояние полного отключения.

— А поскольку Р. Престон впал в состояние полного отключения..

— Значит, хозяин Р. Престона, доктор Гумбольдт, виновен в плагиате. Если вы передадите это капитану и рекомендуете ему немедленно переговорить с доктором Гумбольдтом, тот, возможно, во всем сознается.

В таком случае, я надеюсь, вы мне немедленно об этом сообщите.

— Непременно. Вы меня извините, друг Илайдж? Я должен поговорить с капитаном без свидетелей.

— Ну конечно. Пройдите в зал заседаний, он полностью экранирован.

Р. Дэниел вернулся через полчаса, и эти полчаса, пожалуй, были самыми длинными в жизни Бейли.

Разумеется, по невозмутимому лицу робота, несмотря на все его сходство с человеком, нельзя было ни о чем догадаться, и Бейли также постарался сохранить полную невозмутимость, когда спросил:

— Ну так что же, Дэниел?

— Все произошло, как вы сказали, друг Илайдж. Доктор Гумбольдт признался. По его словам, он рассчитывал, что доктор Себбет отступит и позволит ему насладиться этим последним триумфом. Теперь дело улажено, и капитан просил передать вам, что он в восторге. И думаю, мне тоже зачтется, что я рекомендовал вас.

— Вот и хорошо, — сказал Бейли, который теперь, когда все окончилось благополучно, вдруг почувствовал, что еле держится на ногах. — Но, черт побери, Дэниел, не впутывайте меня больше в такие истории, ладно?

— Постараюсь, друг Илайдж Но, разумеется, дальнейшее будет зависеть от того, насколько важной окажется проблема, от вашего местонахождения в тот момент и от некоторых других факторов. Однако мне хотелось бы задать вам один вопрос…

— Валяйте.

— Разве нельзя было предположить, что переход от лжи к правде должен быть легким, а переход от правды ко лжи — трудным? Это означало бы, что робот, полностью отключившийся, собирался вместо правды сказать ложь, а так как полностью отключился Р. Престон, то это означа-

ло бы, что виновен не доктор Гумбольдт, а доктор Себбет, не так ли?

— Совершенно верно, Дэниел. Можно было бы рассуждать и таким образом, но правильным оказалось обратное предположение. Ведь Гумбольдт-то признался. Разве нет?

— Да, конечно. Но раз оба эти построения были равно возможны, каким образом вы, друг Илайдж, так быстро сделали свой выбор?

Губы Бейли задергались. Он не выдержал и улыбнулся.

— Дело в том, Дэниел, что я исходил из психологии людей, а не роботов. В людях я разбираюсь лучше, чем в роботах. Другими словами, еще до того, как стал допрашивать роботов, я довольно точно представлял себе, кто из математиков виновен. Когда же мне удалось добиться асимметричной реакции роботов, я истолковал ее как доказательство вины того, в чьей виновности я уже не сомневался. Реакция робота была настолько эффективной, что виновный человек не выдержал и сознался. А одним только анализом человеческого поведения я вряд ли сумел бы этого добиться.

— Мне хотелось бы узнать, что именно вам дал анализ человеческого поведения.

— Черт побери, Дэниел, подумайте немножко, и вам незачем будет спрашивать. В этой истории с зеркальными отражениями была еще одна асимметричность, помимо момента правды и лжи. А именно возраст двух математиков, один из которых — глубокий старик, а другой еще очень молод.

— Да, конечно, но что из этого следовало?

— А вот что. Я могу представить себе, что молодой человек, ошеломленный открытием совершенно нового принципа, поторопится поделиться им с маститым ученым, которого он еще на студенческой семье привык почитать как великое светило. Но я не могу себе представить, чтобы маститый ученый, всемирно прославленный, поторопился бы поделиться им с человеком, который моложе его на двести лет и которого он, несомненно, считает желторотым юнцом. Далее. Если бы молодому человеку и представился случай украсть идею у прославленного светила, мог бы он это сделать? Ни в коем случае. С другой стороны, старик, сознающий, что способности его угасают, мог бы многим рискнуть ради последнего триумфа, искренне считая, что у него нет никаких этических обязательств по отношению к тому, в ком он видел молокососа

и выскочку. Короче говоря, было бы невероятно, чтобы Гумбольдт представил свое открытие на суд Себбета или чтобы Себбет украл идею Гумбольдта. Виновным в любом случае оказывался доктор Гумбольдт.

Р. Дэниел довольно долго раздумывал над услышанным. Потом он протянул Илайджу Бейли руку.

— Мне пора, друг Илайдж. Было очень приятно повидать вас. И надеюсь, до скорой встречи.

Бейли сердечно потряс протянутую руку.

— Если можно, Дэниел, — не до очень скорой.

Обнаженное солнце
(Пер. с англ. Т. Левич)
Илайдж Бейли получает задание

Илайдж Бейли упорно боролся со страхом. Сам по себе срочный вызов к государственному секретарю был достаточно неприятен. Срочность означала, что придется воспользоваться самолетом. Это отнюдь не радовало Илайджа Бейли. Но в конце концов, путешествие самолетом, хотя, конечно, и не удовольствие, но оно вовсе не означает прыжок в неизвестность.

На самолете, как Бейли знал, нет окон. Будет хороший искусственный свет, приличная еда и прочие удобства.

— Мне это совсем не нравится, Илайдж. Зачем тебе самолет? Почему не поехать на подземном поезде? — настойчиво твердила Джесси.

— Потому что я полицейский, — отвечал Бейли, — и обязан безоговорочно выполнять приказания начальства. Во всяком случае, — он усмехнулся, — если я хочу по-прежнему получать содержание по классу С-7..

Джесси вздохнула. С этим трудно было спо-

рить.

В самолете Илайдж Бейли неотрывно смотрел на киноэкран, чтобы отвлечься от мыслей об окружающей самолет атмосфере.

Он твердил: «Я полностью защищен, самолет подобен небольшому городу». Но он знал, что это не так. Всего лишь несколько дюймов защищали его от… пустоты… Да, да, пустоты, ибо воздух — это пустота.

Наверное, сейчас он пролетал над дорогими его сердцу погребенными глубоко под землей городами. Он представлял бесконечно длинные улицы подземных городов, заполненные торопящимися людьми — фабрики, дома, столовые, поезда — всюду привычное тепло и всюду люди, люди… бесконечное множество их. А он один в открытом, холодном, равнодушном пространстве, едва отделенный от него тонкими стенками самолета, он мчится в пустоте…

Он пытался сосредоточиться на экране. Там предлагали рассказ об экспедиции в Галактику. Герой-исследователь был жителем Земли. Эти детски-наивные попытки показать, что земляне тоже могут исследовать Галактику, вызывали у Бейли раздражение. На самом деле Галактика была закрыта для них. Галактику освоили жители

других миров — спейсеры. Правда, их отдаленные предки жили на Земле, но это было много веков назад. Теперь обитатели Внешних Миров полностью преградили туда путь своим родственникам с Земли. Из страха перед могучими боевыми ракетами Внешних земная цивилизация погребла себя глубоко в недра Земли.

«О дьявол! — думал с горечью Бейли. — Нужно что-то предпринимать, а не тешиться дурацкими сказками».

Самолет приземлился. Бейли и его попутчики вышли из самолета и разошлись в разные стороны, так и не взглянув друг на друга.

У Бейли еще оставалось время, чтобы закусить перед тем, как поехать в Департамент юстиции. Кругом царила привычная его сердцу атмосфера. От аэропорта тянулись во всех направлениях бесконечные коридоры, наполненные гулом и шумом людских голосов. Он чувствовал себя в полной безопасности в чреве Земли. Страх прошел, и ему лишь хотелось принять душ, чтобы почувствовать обычную бодрость и уверенность.

Для получения направления в душ Бейли следовало предъявить свое удостоверение, а также официальный вызов в Департамент юстиции. После проверки предписания с нужными под-

писями и печатями ему выдали направление согласно его индексу жизни (С-7). Получив в душевой причитающееся ему количество воды, Бейли почувствовал себя освеженным и готовым к визиту в Департамент юстиции. Странно, но теперь он не чувствовал никакого беспокойства.

Государственный секретарь Альберт Минним, крепко скроенный небольшого роста человек с седеющими висками, оставлял ощущение благополучия, щеголеватой опрятности и легкий запах одеколона. Все это говорило о том, что индекс жизни чиновников в Департаменте юстиции был достаточно высок. Бейли почувствовал себя неуклюжим, громоздким и отнюдь не щеголеватым.

— Я рад видеть вас, инспектор, — ласково произнес Альберт Минним и протянул ему ящик с сигарами.

— Только трубку, сэр, — ответил Бейли, вытаскивая ее из кармана. В ту же секунду он пожалел о сказанных словах. Сигара помогла бы сэкономить табак, которого ему не хватало, несмотря на недавно полученный индекс жизни С-7 вместо прежнего С-6.

— Пожалуйста, я подожду, — снисходительно заметил Минним, глядя, как Бейли набивает трубку тщательно отмеренной порцией табака.

— Мне не сообщили причину моего вызова, сэр, — сказал Бейли, заканчивая свою процедуру.

— Я знаю. Причина простая, — улыбнулся Минним. — Вы должны выехать для выполнения ответственного задания, вот и все.

— А куда поехать, далеко?

— О да, весьма далеко.

Бейли задумчиво посмотрел на своего собеседника. Все преимущества, а также дефекты нового назначения были ему ясны. Разумеется, его индекс жизни не будет снижен. Бейли, примерного семьянина и домоседа, отнюдь не привлекала разлука с женой Джесси и сыном Бентли. И кроме того, всякая новая работа требовала большого напряжения и ответственности по сравнению с его обычными профессиональными обязанностями. Не так давно Бейли расследовал убийство одного спейсера — обитателя Внешних Миров, прибывшего на Землю. Он успешно выполнил задание, но перспектива вновь браться за столь же ответственное дело не радовала его.

— Не будете ли вы любезны сообщить мне, сэр, как далеко вы отправляете меня и чем я должен буду заниматься? — спокойно спросил Бейли.

Прежде чем ответить, Минним вынул сигару из ящичка, долго, тщательно зажигал ее, глубоко

затянулся и, глядя на медленно тающий в воздухе дымок, раздельно произнес:

— Департамент юстиции посылает вас на планету Солярия.

Бейли поднялся со стула и внезапно охрипшим голосом спросил:

— Вы имеете в виду один из Внешних Миров?

— Да, именно так. — Минним избегал его взгляда.

— Но это невозможно! — воскликнул Бейли. — Ведь они не пускают к себе жителей Земли.

— Обстоятельства иногда меняются, инспектор. Дело в том, что на Солярии произошло убийство.

Губы Бейли тронуло слабое подобие улыбки.

— Вряд ли это входит в нашу компетенцию, не так ли, сэр?

— Возможно, но они попросили помощи.

— Попросили помощи? У Земли? — переспросил Бейли.

Спейсеры, обитатели других миров, в лучшем случае относились к жителям планеты-прародительницы снисходительно-безразлично, а в худшем — с нескрываемым презрением.

— Да, это необычно, — согласился Минним, — но факт. Они просят прислать им квалифицированного детектива. Это решение принято в

результате дипломатических переговоров на высочайшем уровне.

Бейли снова сел.

— Но почему именно меня? — тихо спросил он. — Я уже не так молод, мне сорок три. У меня семья. Мне трудно покинуть Землю.

— Инспектор Бейли! Мы ничем не можем помочь вам, — сухо ответил Минним. — Если хотите знать, вас выбрали не мы, а они. Они просили прислать полицейского инспектора Илайджа Бейли, индекс жизни С-7. Как видите, ошибки быть не может.

— Но я недостаточно опытен для такого сложного дела, — упрямо продолжал Бейли.

— Очевидно, им понравилось, как вы расследовали убийство спейсера, имевшее место у нас, на Земле… Во всяком случае, мы ответили согласием. Вам придется ехать, Бейли. О семье не беспокойтесь. Во время вашего отсутствия о ней позаботятся и, кстати, по более высокому индексу жизни, нем ваш нынешний. — Минним помолчал, затем медленно добавил: — Имейте в виду, Бейли, в случае успешного выполнения задания на Солярии ваш индекс жизни будет не менее, чем С-8., а возможно, и… — тут государственный секретарь многозначительно остановился.

Бейли чувствовал себя оглушенным. Он, Илайдж Бейли, скромный детектив, будет жить по индексу С-8, а может быть, и… Он будет курить сигары и получать душ каждый день. Да, но для этого он должен отправиться на неведомую Солярию. Покинуть Землю, семью…

Ровным, неестественно звучащим голосом он спросил:

— Что за убийство, сэр? Каковы факты?

Холеными пальцами Минним повертел сигару.

— Я не знаю деталей дела, Бейли, — наконец ответил он.

— Но кто же информирует меня, сэр? Не могу же я отправиться на чужую планету, не зная ничего об обстоятельствах, связанных с убийством?

— Здесь, на Земле, никто ничего не знает. Соляриане не дали нам никакой информации. Вы должны будете узнать все на месте.

Отчаянная мысль промелькнула в мозгу Бейли: «А что, если я откажусь?» Увы, он точно знал, что за отказом последует полная дисквалификация…

Минним мягко, но настойчиво повторил:

— Вы не можете отказаться, инспектор. Вы должны выполнять свои обязанности.

— Какие у меня обязанности по отношению к

Солярии! — воскликнул Бейли. — Пусть они идут ко всем чертям!

— Я имею в виду обязанности по отношению к нам, Бейли, только к нам. Вы ведь знаете, каковы взаимоотношения между Землей и Внешними Мирами, не так ли?

Бейли, так же как любой другой обитатель Земли, знал ситуацию достаточно хорошо. Пятьдесят Внешних Миров, с общим населением значительно меньшим, чем население Земли-. Но в военно-техническом отношении каждый из этих миров в отдельности был неизмеримо мощнее Земли. Экономика Внешних Миров держалась на высочайшей технике с широким использованием роботов.

— Главное, что закрепляет наше неравенство во взаимоотношениях с ними, — продолжал государственный секретарь, — это наша полная неосведомленность о них. Они знают о нас решительно все. Их посланцы часто прибывают к нам и требуют полной информации. А мы? Как вы знаете, многие годы жители Земли не допускаются во Внешние Миры. У вас появился редчайший шанс побывать на одной из этих привилегированных планет. Всякая ваша информация о Солярии будет чрезвычайно полезной для нас.

— Вы хотите, чтобы я занимался шпионажем? — мрачно пробормотал Бейли.

— Нисколько! — поспешно воскликнул Минним. — Единственное, что от вас требуется, — это пошире раскрыть глаза и уши. Смотреть, слушать, запоминать, вот ваша обязанность. Вся полученная от вас информация будет подвергнута тщательному анализу и изучению.

— Все это так, — задумчиво протянул Бейли, — но., посылать землянина во Внешние Миры довольно рискованно. Как вы знаете, спейсеры нас терпеть не могут. Несмотря на самые благие намерения, мое пребывание на Солярии может вызвать весьма серьезные осложнения в космическом масштабе. Правительство Земли могло бы найти повод, чтобы не посылать меня. Например, сообщить, что я чем-то болен. Обитатели Внешних Миров панически боятся инфекции.

Бейли ожидал взрыва негодования со стороны своего шефа, но, к его удивлению, государственный секретарь наклонился к нему и заговорил доверительно:

— Я вам сообщу нечто весьма секретное, Бейли. Наши социологи, изучая современное состояние Галактики, пришли к некоторым тревожным выводам. Имеется пятьдесят Внешних Миров,

мощных, богатых, широко использующих труд роботов. Во Внешних Мирах живет небольшое количество людей, здоровых и могучих… А мы — перенаселенная, бедная, технически отсталая планета, переполненная людьми физически слабыми. Наша короткая жизнь не идет ни в какие сравнения с долголетием обитателей других миров. Плохи наши дела, Бейли.

— Ну пока еще рано опасаться чего-либо, — возразил детектив.

— Ошибаетесь, Бейли, совсем не рано. Возможно, наше поколение еще не столкнется с реальной опасностью. Но у нас есть дети… Перенаселение Земли все больше прогрессирует. Уже сейчас на Земле около восьми миллиардов. Социологи опасаются дурного поворота событий. Жителей Внешних Миров пугает все возрастающее население Земли. Возможно, в какой-то момент они решат, что с нашей планетой следует покончить… Таков плачевный прогноз.

Бейли растерянно взглянул на своего собеседника.

— Что же вы от меня хотите? — неуверенно спросил он.

— Вы должны получить там необходимую информацию. Мы знаем о них только то, что

немногие посещающие нашу планету спейсеры благоволят сообщить нам, и больше ничего. У них есть сила. Но, черт побери, ведь есть же у них и слабости, не так ли? А вот о них-то мы не имеем не малейшего представления. Только зная их уязвимые места, мы получим шанс спасти себя и своих потомков от гибели.

— В таком случае, следовало бы послать туда кого-либо из социологов, не так ли, сэр?

Минним покачал головой.

— Мы не можем посылать к ним того, кого хотим. Они просят детектива. Очень хорошо. В конце концов, детектив тот же социолог, но социолог в действии, не так ли? Мы знаем, что вы справитесь, Бейли.

— Благодарю вас, сэр, — машинально произнес Бейли. — Ну, а что, если я попаду в беду?

Государственный секретарь пожал плечами.

— В работе детектива всегда имеется некоторый риск, — небрежно сказал он. — Во всяком случае, уже поздно что-либо обсуждать. Все подготовлено. Время вашего отлета установлено.

Бейли напрягся.

— Когда же я должен улететь?

— Через два часа, — последовал быстрый ответ.

— Но я хотел бы съездить домой. Моя жена… — начал было Бейли.

— Мы позаботимся о вашей семье, — прервал его Минним. — Ваша жена не должна знать ничего о вашей поездке. Мы объясним ей, что вы некоторое время не сможете писать ей. Итак, решено. Дорогой Бейли, мы все должны выполнять свой долг. А теперь вам пора на ракетодром.

Бейли был единственным пассажиром огромного межзвездного корабля. Согласно стандартам гигиены Внешних Миров его долго и тщательно мыли и очищали от многочисленных микробов, по отношению к которым земляне имели иммунитет, но которых панически боялись обитатели Внешних Миров, живущие в стерилизованной атмосфере. После всех гигиенических процедур по каким-то переходам Бейли провели внутрь огромной ракеты. Здесь его ожидал робот.

— Вы полицейский инспектор Бейли? — глухо спросил робот. Его глаза тускло светились красноватым светом.

— Да, это я, — быстро ответил Бейли. Волосы на его голове зашевелились. Как и все жители Земли, он плохо переносил роботов. Правда, он знал одного удивительного робота… Дэниел Оливо было его имя. Дэниел был его партнером по

расследованию убийства спейсера на Земле. Он был… Ну, да что вспоминать о нем.

— Пожалуйста, следуйте за мной, господин, — промолвил робот и осветил трап. Двигаясь за своим проводником, Бейли поднялся по трапу и по новым длинным переходам проследовал в большой салон.

— Это — ваше помещение, господин, — сказал робот. — Просьба не покидать его в течение всего путешествия.

«Ну еще бы, — про себя усмехнулся Бейли, — здесь я безвреден. Никакой инфекции. Наверное даже коридоры, по которым я проходил, сейчас дезинфицируют, а робот пройдет специальную обработку».

— Здесь имеются все удобства, — продолжал робот, глядя на Бейли красными глазами, — я буду подавать вам еду и все, что вам потребуется, господин.

Если вы захотите полюбоваться видом окружающего пространства, можно открыть вот этот люк.

При слове «пространство» Бейли передернуло.

— Все в порядке, парень, — быстро сказал он, — пусть люк останется закрытым.

Бейли употребил выражение «парень», кото-

рым земляне обычно называли роботов.

Робот наклонил свое большое металлическое тело в почтительном поклоне и удалился.

Бейли остался один. Во всяком случае, помещение герметично закупорено, и он надежно огражден от внешнего пространства. Бейли с облегчением вздохнул.

Из микрофона послышался металлический голос. Робот инструктировал Бейли, как вести себя в условиях ускорения при подъеме корабля.

Бейли ощутил толчок, огромный корабль завибрировал, раздался грохот, сменившийся гулом и жужжанием реактивных двигателей. А вскоре наступила гнетущая тишина. Корабль двигался в космическом пространстве.

Бейли ничего не ощущал. Все вокруг казалось ему нереальным. Он повторял себе, что с каждым мгновением на многие тысячи миль отдалялся от дома, от погребенных под землей городов, от Джесси… Но и это почему-то не фиксировалось в его мозгу. Ощущение времени стерлось. Недели или месяцы — этого он не знал — тянулись однообразно, без всяких событий. Бейли знал одно — он отдалился от Земли на многие световые годы. Он не мог знать точно, на сколько. Никто на Земле не имел ни малейшего представления о

том, где находится Солярия: давно миновали дни, когда земляне покоряли космические просторы и основывали новые миры.

В салон вошел робот. Его мрачные, с красноватым отливом глаза взглянули на ремни, которыми Бейли был прикреплен к креслу. Робот ловко поправил застежку, внимательно оглядел все помещение и отчетливо произнес:

— Мы прибудем на Солярию через три часа, господин. Пожалуйста, не покидайте ваше кресло. За вами придет господин, который проводит вас в вашу резиденцию.

— Минуточку, — сказал Бейли. Пристегнутый к креслу ремнями, он чувствовал себя совершенно беспомощным. — Какое время суток это будет?

— Согласно среднему галактическому времени это будет…

— Да нет, о дьявол, по местному времени, парень, по местному, — почти закричал Бейли.

Но робот невозмутимо продолжал:

— Сутки в Солярии равняются двадцати восьми, запятая, тридцати пяти стандартным часам. Солярийный час состоит из десяти декад, каждая из которых в свою очередь состоит из ста декад. По расписанию мы прибываем на ракетодром в двадцатую сектаду.

Бейли остро возненавидел робота. За точность, за непонятливость и за то, что он, Бейли, проявлял перед роботом слабость.

— Это будет день или ночь? — спросил Бейли хрипло.

— День, господин, — спокойно ответил робот и вышел.

Бейли вздрогнул. О дьявол! Он должен будет ступить на поверхность незнакомой планеты днем, не защищенный ничем от солнечного света, от окружающего пространства… Не будет даже иллюзорных стен темноты…

Но он не смеет проявить слабость перед обитателями Солярии. Будь он проклят, если он это сделает. Сурово поджав губы, Бейли закрыл глаза и начал упорную борьбу с самим собой, со страхом перед открытым пространством.

Илайдж Бейли встречает старого знакомого

Напрасно он твердил себе: большинство людей живут в открытых пространствах. Обитатели всех миров, кроме Земли… Когда-то в прошлом и предки землян жили на открытой поверхности Земли. Отсутствие стен не приносит никакого

вреда. Это только неприятные ощущения без привычки.

Но все это мало помогало.

Нет, он не справится… Он живо представлял себе, как те, кто встретят его (в носу у них, разумеется, будет дезинфицирующий фильтр, а на руках перчатки), будут с презрением взирать на него, жалкого и трясущегося землянина. Даже не с презрением, а просто с отвращением…

Корабль остановился, привязанные ремни сами расстегнулись, а Бейли продолжал сидеть в кресле. Он чувствовал страх перед Солнцем, светом и пустотой.

Открылась дверь. Краем глаза Бейли увидел высокую фигуру человека с бронзовыми волосами. «Наверное, один из тех гордых самоуверенных потомков землян, которым сейчас принадлежит вселенная», — неприязненно подумал Бейли.

Спейсер заговорил:

— Коллега Илайдж?

Бейли порывисто вскочил с кресла. Некоторое время он стоял, уставившись на вошедшего. У него было прекрасное, идеальное правильное лицо, пропорциональное телосложение и безмятежно спокойные ярко-голубые глаза.

— Дэниел, о дьявол!.

— Мне приятно, что вы помните меня, коллега Илайдж, — послышался голос с приятными модуляциями.

Чувство огромного облегчения залило Бейли. Он почувствовал непреодолимое желание подскочить к Дэниелу, обнять, крепко встряхнуть его, смеясь, похлопать по спине, словом, проделать все те дурацкие штуки, которые обычно проделывают старинные друзья после долгой разлуки.

Но Бейли просто шагнул вперед, протянул руку и произнес:

— Вряд ли я смог бы забыть вас, Дэниел.

— Это весьма приятно, — повторил тот, с важностью покачивая головой. — Как вы знаете, я-то никак не могу забыть вас, до тех пор, пока я исправен.

С этими словами Дэниел взял руку Бейли в обе свои и крепко пожал ее. Но Бейли не почувствовал боли от этого крепкого пожатия, наоборот, скорее приятное ощущение. При этом в глубине души он надеялся, что бездонные глаза его собеседника не сумели проникнуть в его сознание и зафиксировать еще не вполне прошедший порыв, когда все его существо было переполнено горячим чувством дружбы. Ибо только проявле-

нием слабости могло быть это чувство, поскольку оно относилось к Дэниелу Оливо, шедевру робототехники планеты Аврора.

Стараясь сохранить невозмутимость, Бейли спросил:

— А вы тоже привлечены к делу об убийстве, Дэниел?

— А разве вам не сообщили об этом? Я думал, вы информированы. Сожалею, что сразу не сказал вам. — Разумеется, на идеально безмятежном лице робота не было заметно и тени сожаления… — Дело обстояло следующим образом, — продолжал он. — Доктор Ган Фастольф, которого мы с вами встретили на Земле, во время нашей прежней совместной работы, предложил правительству Солярии пригласить вас, коллега Илайдж, для расследования преступления. Доктор Фастольф поставил также условием мое участие в деле.

Бейли усмехнулся. Доктор Фастольф был спейсер и планеты Аврора, самой могущественной из Внешних Миров. Совершенно очевидно, что мнение аврорианца котировалось высоко повсюду в Галактике.

— Значит, решили запустить в работу проверенную упряжку, а? — шутливо заметил Бейли и вздохнул.

Радостное возбуждение, вызванное появлением Дэниела, постепенно улеглось.

— Я не могу знать целей доктора Фастольфа, коллега Илайдж. Я знаю, что меня направили сюда, поскольку у меня есть опыт совместной работы с жителями Земли и я знаком с их особенностями.

— Особенностями! — воскликнул Бейли и нахмурился. Ему не понравилось это слово в применении к нему самому.

— Таким образом, — невозмутимо продолжал робот, — я принял специальные меры, чтобы вы прямо с корабля попали в закрытое помещение. Я знаю, что вы не переносите открытого пространства, поскольку вы провели всю жизнь в подземных городах вашей планеты.

Бейли резко переменил тему.

— Здесь на корабле имеется робот (слово «робот» Бейли умышленно подчеркнул), который заботится обо мне. Он выглядит просто как робот, а не как человек. — В голосе Бейли снова послышались злорадные нотки. — Вы уже видели его?

— Да, я говорил с ним.

— Для чего он предназначен? И как я могу сообщаться с ним?

— Он значится под номером Х-9475. На Солярии

приняты серийные номера для роботов.

Бейли нажал кнопку. Менее чем через минуту появился вызванный робот, тот самый, который не походил на человека.

— Ты — номер Х-9475? — спросил Бейли.

— Да, господин.

— Ты мне раньше сказал, что за мной на корабль прибудет господин. Ты этого господина имел в виду? — Бэйли указал на Дэниела.

Глаза обоих роботов встретились. Номер Х-9475 произнес:

— Его бумаги удостоверяют, что именно он прибыл для встречи с вами, господин.

— Тебе что-нибудь говорили о нем раньше?

— Нет, господин.

— Ты знал, как он выглядит?

— Нет, господин. Мне просто сообщили его имя.

— Кто сообщил?

— Капитан корабля, господин.

— Он — солярианин?

— Да, господин.

Бейли облизнул губы и задал весьма важный вопрос:

— Какое имя тебе назвали?

— Дэниел Оливо, господин, — ответил номер

Х-9475.

— Молодец. Можешь идти.

Х-9475 отвесил «роботический» поклон и удалился.

Бейли повернулся к своему партнеру и задумчиво произнес:

— Вы не рассказали мне всей правды, Дэниел.

— Не понимаю, коллега Илайдж, — удивленно сказал Дэниел.

— Я вспомнил одну странную вещь. Х-9475 совершенно точно сказал мне, что за мной на корабль прибудет человек, понимаете, человек, господин, как он его называл.

Дэниел спокойно слушал и молчал.

— Я думал, — продолжал Бейли, — что робот ошибся. Я также подумал, что сначала предполагали послать человека, но потом заменили его вами, а Х-9475 не уведомили об этом. Вы слышали, я проверил. Робот знал, какие бумаги вы представите и как вас зовут. Но ваше имя было дано не полностью, не так ли, Дэниел?.

— Действительно, так, — согласился робот.

— Ваше имя вовсе не Дэниел Оливо, а Р. Дэниел Оливо, то есть робот Дэниел Оливо.

— Вы совершенно правы, коллега Илайдж, — снова подтвердил робот.

— Значит, Х-9475 понятия не имел о том, что вы робот. Он считает вас человеком. С вашей внешностью такой маскарад вполне возможен.

— Я согласен, коллега Илайдж.

— Продолжим.

Бейли чувствовал, как его заливает волна странного восторга — он напал на какой-то след. Он любил подобные ощущения и чувствовал себя в родной стихии.

— Вряд ли кто-нибудь заинтересован обманывать жалкого робота, — продолжал он с энтузиазмом. — Роботу совершенно все равно, имеет он дело с человеком или с механизмом. Он повинуется приказу. Значит, капитан солярианского корабля и сами солярианские власти не знали, что вы — робот. Это логично, не правда ли?

— Я полагаю, это вполне логично, — невозмутимо произнес Дэниел Оливо.

— Очень хорошо. Но тогда встает вопрос: для чего все это делается? Доктор Ган Фастольф, рекомендуя вас в качестве моего партнера, скрывает от солярианцев, что вы робот. Это логично, не правда ли?

— Я полагаю, это вполне логично, — невозмутимо произнес Дэниел Оливо.

— Очень хорошо. Но тогда встает вопрос: для

чего все это делается? Доктор Ган Фастольф, рекомендуя вас в качестве моего партнера, скрывает от солярианцев, что вы робот. Разве это не опасно?

— Конечно, опасно.

— Но, в таком случае, в чем причина такого странного поведения доктора Фастольфа?

— Мне это было объяснено следующим образом, коллега Илайдж, — спокойно ответил человекоподобный робот. — Ваше сотрудничество со спейсером поднимет ваш авторитет в глазах солярианцев. А контакт с роботом, наоборот, снизит его. Поскольку я уже однажды сотрудничал с вами, было решено, что я предстану перед солярианами в качестве человека, хотя никто в переговорах с ними не подчеркивал этого факта.

Бейли не поверил, конечно, этому объяснению. Казалось невероятным, чтобы чрезмерная деликатность по отношению к жителю Земли являлась единственной причиной того, что Дэниел Оливо был послан на Солярию в роли человека. Такое отношение к землянам не было характерным для обитателей Внешних Миров.

— А это правда, что Солярия славится производством роботов? — спросил Бейли.

— Я вижу, что вы информированы о Солярии, —

ответил Дэниел.

— Но я ничего, решительно ничего не знаю об этой планете, — возразил Бейли.

— В таком случае, я могу передать вам имеющуюся у меня информацию. Из всех пятидесяти Внешних Миров Солярия является первой планетой в вопросе роботехники, как с точки зрения количества, так и разнообразия выпускаемых моделей. Солярия экспортирует специализированные экземпляры роботов на все другие планеты.

Бэйли кивнул с мрачным удовлетворением. Поскольку Солярия является общепризнанным центром роботехники, доктор Фастольф, посылая своего призового робота, мог руководствоваться чисто человеческими соображениями, не имеющими ничего общего с поддержанием авторитета Бейли. «Не сомневаюсь, что даже солярианские эксперты в области роботехники будут введены в заблуждение Дэниелом Оливо, блистательным роботом с планеты Аврора, — подумал Бейли. — О дьявол, люди повсюду люди, и ничто человеческое им не чуждо. Даже на могущественных Внешних Мирах».

И мысль о том, что все человеческие существа имеют свои слабости, вселила некоторое успоко-

ение в его душу.

Вслух он небрежным тоном спросил:

— А сколько времени мы будем в пути?

— Около часу. Не беспокойтесь, самолет изолирован от внешней среды.

Бейли снова почувствовал недовольство. Его почему-то раздражали заботы о нем, словно он был беспомощным ребенком. Его также раздражали безупречные обороты речи Дэниэла. Бейли с любопытством взглянул на него. У Дэниела была чудесная кожа, с бронзовым отливом, покрытая золотистым пушком, выглядевшим особенно по-человечески. Поразительной была его мускулатура. Мускулы двигались под кожей столь реалистично, что казалось, это живой человек из плоти и крови, великолепное творение природы. Однако Бейли знал, что под этой превосходной кожей находятся не нервы и сухожилия, а металл и механизмы. Его грудь можно раскрыть и произвести необходимый ремонт аппаратуры. Он знал, что в черепе робота помещен позитронный мозг. Превосходный, но все же позитронный. Интересно, что в этом чуде техники могло бы выдать его происхождение? Скажем, для опытного глаза роботехника. Трудно сказать… Разве только чересчур правильная речь? Или поведение без

эмоций? Или, может быть, слишком высокая степень совершенства его человеческого облика? Бейли тряхнул головой — не стоит терять время на бесплодные размышления.

— Давайте поговорим о Солярии, Дэниел, — как велика эта планета? — обратился он к роботу, когда они заняли свои места в герметически закрытой кабине самолета.

— В диаметре — девять тысяч пятьсот миль, — немедленно последовал ответ. — Из трех ближних к Земле планет Солярия самая большая и единственная обитаемая. По климату и атмосфере очень сходна с Землей. Но количество плодородной земли значительно больше, чем на Земле. Зато по минеральным богатствам Солярия намного беднее Земли и ее ресурсы почти исчерпаны. Планета легко может прокормить свое население, а широкое использование труда роботов и их экспорт позволяют поддерживать весьма высокий стандарт жизни.

— А как велико население Солярии?

— Двадцать тысяч человек.

Бейли мягко переспросил:

— Вы хотите сказать, двадцать миллионов, Дэниел?

— Двадцать тысяч человек, коллега Илайдж, —

спокойно повторил робот.

— Разве Солярия заселена недавно?

— Планета заселена около трехсот лет назад, и более двух веков она независима. Что же касается населения, то оно умышленно поддерживается на уровне двадцати тысяч. Эту цифру солярианe считают оптимальной.

— Какую часть планеты занимают эти двадцать тысяч?

— Всю ее плодородную часть. На планете имеется также двадцать миллионов функционирующих роботов, коллега Илайдж.

— О дьявол! — воскликнул Бейли, не в силах подавить свое изумление. — Это значит, что на каждого жителя приходится тысяча роботов?

— Да, именно так. Это рекордное соотношение даже по сравнению с другими Внешними Мирами, коллега Илайдж. Следующей идет Аврора. Там соотношение пятьдесят к одному.

— Для чего солярианам столько роботов?

— Роботы используются на полях, в шахтах… заняты выработкой энергии и всех видов изделий.

Двадцать миллионов роботов!.. Голова Бейли слегка кружилась. Горсточка людей и миллионы человекоподобных машин… Он вспомнил разговор со своим шефом об опасности, угрожавшей

Земле. Этот разговор сейчас казался нереальным, но Бейли отлично помнил его.

Бейли всю свою жизнь был человеком долга. Его долг на планете Солярия состоял в том, чтобы слышать и видеть. Да, открытое пространство страшило его, но он должен работать в любых условиях и не посрамить родную планету. Бейли взглянул на закрытый иллюминатор.

— Эта штука открывается?

— Прошу прощения, коллега Илайдж, но я не вполне понял смысл ваших слов, — медленно ответил Дэниел.

— Я спрашиваю, можно ли открыть этот люк? — нетерпеливо повторил Бейли. — Можно ли увидеть… открытое небо…

— Да, безусловно.

— В таком случае, сделайте это, Дэниел.

— Я весьма сожалею, но я не могу допустить этого, коллега Илайдж.

Бейли изумленно взглянул на Дэниела.

— Послушайте-ка, робот Дэниел Оливо, — подчеркнуто медленно произнес он, — я приказываю вам немедленно открыть этот иллюминатор, слышите?

«Машина обязана повиноваться человеку, — подумал он, — как бы она ни походила на че-

ловека».

Но Дэниел не сдвинулся с места.

— Я должен объяснить вам следующее, коллега Илайдж, — сказал он. — В первую очередь, на мне лежит обязанность оберегать вас от всякого ущерба. Согласно инструкции, полученной от моих господ, а также согласно собственному опыту, я знаю, что вы не сможете перенести вид открытого пространства.

Бейли почувствовал, как кровь прилила к его лицу, но он хорошо понимал полную бесполезность своего негодования. Робот есть робот. А Первый Закон роботехники гласит: «Робот ни при каких обстоятельствах не смеет делать ничего, что может причинить вред человеческому существу, а также своей пассивностью допустить, чтобы человеческому существу был причинен какой-либо вред». Конечно, робот обязан повиноваться приказу, но подчиняться приказам было Вторым Законом роботехники, который гласил: «Робот обязан точно и быстро повиноваться приказам, полученным от человеческих существ, за исключением тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону».

Поэтому Бейли подавил гнев и постарался как мог спокойнее сказать:

— Мне кажется, Дэниел, что я смогу вынести вид открытого пространства в течение некоторого времени.

— Не сможете, коллега Илайдж, — возразил робот.

— Разрешите мне самому решать такие вопросы, Дэниел.

— Если это приказ, коллега Илайдж, то я не подчинюсь ему и помешаю вам открыть иллюминатор.

Бейли откинулся на мягкую спинку кресла и задумался. Физическая мощь Дэниела в сто раз превышает его силу. Правда, Бейли мог бы воспользоваться пистолетом. Но что это даст ему, кроме краткого, пусть приятного ощущения своей силы. Опасности уничтожения для робота не существовало. Самосохранение составило содержание Третьего Закона, который гласил: «Робот обязан защищать себя от любых повреждений, только если подобные действия не противоречат Первому и Второму Законам». А кроме того, Бейли не хотел уничтожать или повредить Дэниела, отнюдь не хотел.

— Спросите у пилота, скоро ли мы прибудем, — устало сказал Бейли.

— Сейчас я узнаю, коллега Илайдж. — С этими

словами робот наклонился вперед и нажал кнопку. Отворилось окошко кабины пилота.

В ту же секунду Бейли быстро наклонился вперед и закричал:

— Пилот, откройте иллюминатор пассажирской кабины!

Бейли быстро нажал кнопку, и окошко закрылось. Человеческая рука не отпускала кнопку. Слегка задыхаясь, Бейли глядел на Дэниела. Тот не двигался. Было такое впечатление, как будто нарушилось какое-то равновесие в извилинах его позитронного мозга. Но, видимо, мозг быстро приспособился к новой ситуации. Рука робота потянулась к кнопке.

— Вы не заставите меня убрать руку, не причинив мне боли. Вам придется для этого сломать мне палец, слышите! — воскликнул Бейли.

Рука Дэниела приостановила свое движение. «Вред против вреда». Позитронный мозг должен был взвесить все возможности и выбрать из них какую-то одну. Робот явно колебался.

— Уже поздно, — торжествующе продолжал Бейли. Иллюминатор медленно открывался, и внутрь машины ворвались яркие слепящие лучи солярианского солнца. Бейли в ужасе подскочил. Ему захотелось закрыть глаза, но он поборол

свое желание. Перед его взором мелькало что-то синее, зеленое, огромное, непонятное.

И над всем этим самым пугающим было ослепительно-белое сияние, исходившее из грозного шара там, высоко в небе. На одно мгновение Бейли заставил себя поднять голову и прямо взглянуть на солярианское солнце. Он смотрел на солнце, решительно ничем не защищенный от его грозного сверкания, он смотрел на обнаженное солнце. Но в тот же миг он почувствовал на своих плечах руки Дэниела, пытавшегося заставить его сесть, и… потерял сознание.

Илайдж Бейли беседует со знатным солярианином

К Бейли медленно возвращалось сознание. Бесстрастное лицо Дэниела склонилось над ним.

— Что произошло? — хрипло прошептал Бейли.

— Сожалею, коллега Илайдж, что вам был причинен вред, несмотря на мое присутствие, — промолвил Дэниел. — Прямые лучи солнца опасны для вас. В целях вашей же безопасности я вынужден был заставить вас опуститься на место. При этом вы потеряли сознание.

Бейли поморщился. Вопрос о том, что он потерял сознание от нервного перенапряжения (или, возможно, страха), или Дэниелу пришлось употребить силу, остался невыясненным. Он пощупал свою голову, челюсти, руки, ноги — все было в полном порядке. Задавать Дэниелу прямой вопрос ему не хотелось.

— Ну, что ж, все это не так уж плохо, — сказал он.

— Судя по вашей реакции, коллега Илайдж, я бы этого не сказал, — возразил Дэниел.

— Ничего подобного, — упрямо повторил Бейли.

Красные и черные полосы, мелькавшие перед его глазами, постепенно тускнели. — Жаль только, что я мало увидел. Мы слишком быстро двигались.

Интересно, не сердится ли на него Дэниел? Бейли хотелось увидеть на этом совершенном лице следы хоть каких-то эмоций. Конечно, если прямо спросить, то Дэниел ответит отрицательно, и при этом лицо его будет столь же невозмутимо и непроницаемо.

— Но вы же сами понимаете, Дэниел, — спокойно сказал Бейли, — мне все равно придется привыкать к этому.

Робот посмотрел на своего собеседника.

— О чем вы говорите, коллега Илайдж?

— Я говорю о том, что мне придется бывать., на открытом воздухе. На этой планете нельзя иначе, не так ли?

— Для вас, коллега Илайдж, в этом не будет необходимости, — возразил Дэниел и добавил: — Мы замедляем ход, коллега Илайдж. Полагаю, мы прибываем.

Бейли хотел только одного — внутренней уверенности в том, что он сам сумеет позаботиться о себе и выполнить свое задание. Конечно, ощущение открытого пространства крайне тяжело пережить. Но он обязан заставить себя. Это вопрос самоуважения, личного достоинства, и, что еще важнее, — вопрос безопасности его родной планеты. Лицо землянина стало суровым, глаза потемнели. Во что бы то ни стало он заставит себя переносить воздух, солнце, открытое пространство!

Когда Бейли, следуя за Дэниелом и встретившим их роботом, по темному переходу прошел из самолета в предназначенный ему дом (дворец, как сказал робот), он почувствовал себя провинциалом, приехавшим в столицу. Комнаты невозможно было сосчитать. Яркий искусствен-

ный свет зажигался, как только он входил в какое-либо помещение, и гас, как только он выходил из него. Окон не было.

— Не понимаю, к чему столько комнат. Этот дом напоминает целый город, не так ли, Дэниел?

— С точки зрения земных масштабов вы правы, коллега Илайдж, — невозмутимо отвечал Дэниел.

— По-видимому, вместе со мной будет проживать половина обитателей Солярии? — недоумевал Бейли.

— Никого, кроме вас. Не считая, разумеется, меня, а также необходимого числа роботов, — ответил Дэниел.

Бейли отметил, что Дэниел отделил себя от остальных роботов.

— Я спрашиваю про людей, слышите? Про людей!

— Кроме вас, никого, коллега Илайдж.

— Значит, выгнали всех жителей дома, чтобы я мог часами бродить из одной комнаты в другую, так, что ли? — раздраженно воскликнул Бейли.

— Повторяю, все помещения предназначены только для вас, коллега Илайдж. Каждый знатный солярианин владеет подобным домом.

— А для чего, как вы думаете, Дэниел, одному

человеку столько комнат?

— На Солярии считается, что для каждой цели должно быть предназначено отдельное помещение. Вот мы сейчас находимся в библиотеке, — Дэниел указал на стены, заставленные стеллажами с книгами. — Далее идет музыкальная комната, затем спортивные залы, различные мастерские, затем комнаты по контролю и управлению роботами, кухни, кладовые, пекарня, спальни.

— О дьявол! А кто все это убирает?

— Домашние роботы. Их достаточное количество, не беспокойтесь. Они будут следить за тем, чтобы вам было абсолютно удобно.

— Но мне не нужно всего этого! — воскликнул Бейли. У него пропало всякое желание продолжать обход комнат.

— Вы можете находиться в том помещении, которое вы выберете, коллега Илайдж, но так как обычаи Солярии требуют большого дома, решено было его построить.

Бейли с изумлением воззрился на своего собеседника.

— Вы хотите сказать, что эта огромная штука была выстроена специально для меня?

— Вы забываете, коллега Илайдж, что вся эко-

номика планеты Солярия построена на труде роботов и таким образом…

— Я понимаю… — прервал робота Бейли. — Ну, а что они сделают с домом после моего отъезда?

— Я полагаю, они уничтожат его.

Бейли поджал губы. «Ну, конечно, как это я не догадался, — подумал он. — Сначала выстроили огромное здание для одного-единственного человека с Земли, а затем поспешно снесут его. И даже, наверное, простерилизуют почву, на которой он стоял. Все дезинфицировать, даже воздух, которым дышал человек с Земли. Жители Внешних Миров, возможно, сильны и могущественны, но все же и они подвластны глупым страхам».

Дэниел как будто прочел мысли Бейли.

— Дело не только в страхе перед инфекцией. Просто солярианам ничего не стоит — как соорудить любое гигантское здание, так и разрушить его. Этот дом по закону подлежит сносу. После того, как мы выполним свою миссию. Он расположен в поместье правителя Груэра. А в каждом поместье может быть только один дом, это закон. На строительство данного здания было получено особое разрешение.

— А кто такой правитель Груэр? — спросил Бейли.

— Глава Департамента Безопасности Солярии. Мы вскоре познакомимся с ним.

— Вы думаете? — вздохнул Бейли. — Когда я только начну разбираться в чем-нибудь? Пока я двигаюсь в пустоте и мне не очень-то по душе такое состояние, Дэниел.

Дэниел, как всегда бесстрастно и как всегда кстати, ответил:

— Я сожалею, что вы раздражены, коллега Илайдж. Конечно, запас моей информации значительно превышает ваш. Но в вопросе убийства, имевшем здесь место, мои знания столь же малы, как и ваши. Я полагаю, правитель Груэр сообщит нам все, что нужно. Так распорядилось правительство Солярии.

— В таком случае, поехали к этому Груэру! — воскликнул Бейли. — Как далеко придется ехать? — Сердце его екнуло при мысли о том, что придется выйти из закрытого помещения, и знакомое стеснение в груди охватило его.

— Нам никуда не надо ехать, коллега Илайдж.

Правитель Груэр будет ожидать нас в специальном помещении для бесед.

— Специальное помещение для бесед? — пробормотал Бейли и добавил громче: — Он сейчас ожидает нас?

— Полагаю, да.

— В таком случае, поспешим.

Ханнис Груэр был тщедушным человеком средних лет с совершенно лысым черепом.

Бейли всячески старался из деликатности отвести взгляд от лысины Груэра, но она почему-то притягивала его. По мнению землян, спейсеры всегда были высокими, стройными красавцами, с бронзовой кожей и вьющимися волосами, с надменно-аристократическими манерами, настоящими повелителями Вселенной. Словом, они выглядели так, как выглядел робот Дэниел Оливо. Те обитатели Внешних Миров, которые посещали Землю, всегда отвечали этим описаниям. Но вот Бэйли увидел не простого спейсера, а одного из правителей Внешних Миров. И что же… он оказался обыкновенным маленьким лысым человечком.

— Добрый день, сэр. Сожалею, что заставил вас ждать.

С такими словами Бейли чуть было не направился к сидевшему в противоположном углу чудовищно огромной комнаты человеку, чтобы протянуть ему руку, но он вовремя подавил свой порыв. Вряд ли это вызвало бы благополучную ответную реакцию. Пожать руку землянина с

опасными микробами..

Груэр сидел, величавый и важный, в одеянии с длинными рукавами, которые целиком закрывали его руки. Вероятно, в ноздрях у него были фильтры, хотя незаметные. Бейли почудилось, что Груэр неодобрительно взглянул на Дэниела, как бы удивляясь его тесному контакту с землянином. Значит, Груэр не знал, кто такой Дэниел Оливо. И тут Бейли заметил, что его коллега находится на некотором расстоянии от него, не так, как обычно. Понятно, робот играл роль человека по всем правилам.

Груэр заговорил. Его голос звучал дружески, но глаза то устремлялись на Дэниела, то смотрели в сторону, но так или иначе избегали встречаться взглядом с Бейли.

— Добро пожаловать на Солярию, господа. Удобно ли вас устроили?

— О да, сэр, вполне, — ответил Бейли. Возможно, этикет Галактик требует, чтобы Дэниел в качестве спейсера вел разговор за двоих, но… Но в конце концов, именно его, инспектора Бейли, призвали расследовать преступление. И вообще он никому ни в чем не собирался уступать, даже истинным спейсерам, а тем более роботу, хотя и столь совершенному, как Р. Дэниел Оливо.

Но Дэниел и не пытался завладеть инициативой разговора. Да и Груэру ответ Бейли не показался странным. Наоборот, теперь он все свое внимание обратил на Бейли.

— Вам, очевидно, известно, для какой цели вы приглашены на Солярию, — продолжал Груэр.

Взмахнув широкими рукавами, он сложил руки на коленях. При этом Бейли с удивлением обнаружил что на руках у Груэра не было перчаток.

— Мы специально не сообщили вам никаких деталей, инспектор, — продолжал маленький лысый спейсер. — Мы хотели, чтобы ваша точка зрения формировалась бы здесь, на месте, и у вас не было никакой предвзятой идеи. Вскоре вы получите полный отчет о случившемся, а также результаты расследования, которое мы сумели провести. Боюсь только, инспектор Бейли, что вы найдете наши методы расследования весьма несовершенными с вашей профессиональной точки зрения. Ведь у нас на Солярии вообще нет полиции.

— Как, совсем нет? — спросил Бейли.

Груэр улыбнулся и пожал плечами.

— У нас не бывает преступлений. Население планеты очень невелико и разбросано по всей ее территории. Нет ни причин, ни оснований для

преступлений. Поэтому нет нужды в постоянной полиции.

— Но все же, насколько я понимаю, преступление имело место?

— Да, увы. И особенно жаль, что убитый был человеком, потеря которого для нас очень тяжела. Да и обстоятельства убийства бесчеловечны.

— Вероятно, у вас нет никаких конкретных подозрений о личности убийцы?

Груэр как-то странно поглядел на Дэниела, который молча восседал в своем кресле. Возможно, Бейли почудилось, но что-то боязливое было в этом взгляде.

— Нет, я не могу сказать, что у нас нет никаких подозрений. Фактически только один человек мог сделать это.

— Не хотите ли вы сказать, что только один человек мог совершить преступление?

Бейли не любил ясности в самом начале расследования. Одно дело — подозрения, совсем другое — веские доказательства.

Груэр покачал головой.

— Именно так. Только один человек мог совершить убийство. Всякий иной полностью исключается.

— Даже полностью?

— Именно так, уверяю вас.

— В таком случае, перед нами нет никаких проблем.

— Наоборот. Перед нами очень серьезная проблема. Дело заключается в том, что по некоторым данным и этот единственный подозреваемый никак не мог быть убийцей.

— Может быть, убийства вообще не было? — спокойно спросил Бейли.

— Нет, к сожалению, было. Правитель Рикэн Дельмар мертв — это факт.

«Хоть что-то определенное стало мне известно… имя жертвы», — подумал Бейли. Он вытащил записную книжку и сделал первую запись.

— Доктор Дельмар был фетологом, — продолжал Груэр.

Бейли записал незнакомое слово, но воздержался от вопросов.

— Ну а теперь, — сказал он с профессиональной деловитостью, — я хотел бы выслушать все обстоятельства дела. Я бы хотел также побеседовать с людьми, наиболее близкими к убитому.

— Очевидно, вам придется поговорить с его женой, — мрачно сказал Груэр. — Ее зовут Гладия.

— Есть ли у них дети? — спросил Бейли, не поднимая глаз от записной книжки. Не получив

ответа, он поднял голову и повторил вопрос.

У Груэра на лице появилось выражение отвращения, как будто он выпил стакан уксуса. Он пробормотал:

— Во всяком случае, я не мог получить информацию по этому вопросу. Но, прежде всего, — поспешно добавил Груэр, — вам следует хорошенько отдохнуть, мистер Бейли. Вы, наверное, устали и проголодались.

Бейли вдруг почувствовал, что слово «еда» в данный момент таит для него необычное очарование.

— Может быть, правитель Груэр, вы составите компанию моему коллеге и мне? — вежливо обратился Бейли к своему собеседнику. Конечно, он понимал, что эта идея абсурдна, но все же… ведь старик назвал его не «инспектор Бейли», а «мистер Бейли». Это уже было кое-что…

Груэр ответил, что он, к сожалению, не может принять участия в трапезе, так как его ждут неотложные дела.

Бейли встал. Вежливость требовала, чтобы он проводил Груэра до двери. Но во-первых, он не очень-то стремился подходить к двери, возможно, ведущей в открытое пространство, а во-вторых, он точно не знал, где она расположена. Пока он

стоял в нерешительности, Груэр с улыбкой кивнул ему и сказал:

— Мы еще увидимся. Ваши роботы знают, как устроить встречу, если вы захотите поговорить со мной.

С этими словами Груэр исчез вместе со своим стулом. Именно исчез, провалился как сквозь землю. В одно мгновение стены, пол и обстановка комнаты изменились до неузнаваемости.

Бейли издал громкий возглас изумления.

— Дело в том, коллега Илайдж, что правитель Груэр не находился здесь с нами лично, — бесстрастно промолвил Дэниел. — Это было его объемное изображение. Я думал, что вы знакомы с этим. У вас на Земле тоже существует передача изображений.

— Ну, не совсем так, — пробормотал Бейли. — На Земле изображение никак не примешь за реальность.

Так вот почему на руках у Груэра не было перчаток, а в носу фильтра. Эти предосторожности были ему не нужны.

После небольшой паузы Дэниел заметил:

— Может быть, мы сейчас пойдем в обеденный зал, коллега Илайдж?

Вереница роботов внесла незнакомые Бейли

яства и напитки и расставила их на столе необъятных размеров.

— Сколько их всего в доме, Дэниел? — спросил Бейли.

— Около сотни, коллега Илайдж.

— И они будут присутствовать во время еды? — поморщился он. Один из роботов стоял в углу комнаты, обратив свое блестящее лицо со светящимися красными глазами в сторону Бейли.

— Обычно один из них всегда находится под рукой на случай надобности, — ответил Дэниел. — Но если вам это не нравится, прикажите, и он немедленно удалится.

Бейли пожал плечами — пусть остается.

В нормальных условиях еда, поданная Бейли, показалась бы ему отменной. Но сейчас он ел механически. Он рассеянно отметил, что Дэниел тоже поглощал пищу бесстрастно, но достаточно активно. Конечно, позднее он освободит от съеденной пищи специальную камеру, куда попадала пища. Но пока что маскарад продолжался.

После трапезы Бейли, следуя за Дэниелом, перешел в огромный зал, который оказался спальней.

— Разве сейчас уже ночь? — спросил он.

— Да, — ответил робот.

Бейли мрачно взглянул на огромную кровать.

— Каким образом тушится свет? — отрывисто спросил он. Изголовье постели освещено было мягким светом. Это было удобно для чтения, но Бейли не собирался читать перед сном.

— Как только вы захотите уснуть, об этом позаботятся роботы.

— Значит, роботы будут следить за мной?

— Это их обязанность.

— О дьявол! Опять роботы! А что же соляриане делают сами? — пробурчал Бейли. — Удивляюсь, как это роботы позволили мне самому мыться в душе.

— Если бы вы приказали, они бы все сделали за вас, — без тени юмора ответил Дэниел. — Роботы никогда не противоречат желаниям человека, за исключением тех случаев, когда они вынуждены позаботиться о его собственном благополучии.

— Ну ладно, спокойной ночи, Дэниел.

— Я буду в соседней спальне, коллега Илайдж. Если ночью вам понадобится что-либо..

— Я знаю, знаю. Тут же появятся роботы.

— Кнопка вызова находится на столике. Я появлюсь в сию же минуту.

Сон бежал от Бейли. Он снова и снова размышлял над всем, что с ним произошло. Этот

огромный странный дом, за пределами которого притаилась гигантская пугающая пустота. Он вспомнил свое милое тесное жилище глубоко в недрах Земли. Конечно, оно располагалось не так глубоко, как жилища правителей Земли — людей, живших по классу А или Б. Но все же между ним и поверхностью Земли было множество других жилых уровней, на которых лепились жилища более бедных граждан. Существовали и первые уровни от поверхности. Правда, там жили совсем неимущие (класс Д-9 или Д-10). Арендная плата там была мизерной. Потом он подумал о Джесси, и сердце его сжалось. Кажется, он пешком бы пошагал на родную Землю. Ах, как хотелось ему домой, к ней, к сыну, в привычную обстановку, в безопасность… Безопасность!..

Глаза Бейли раскрылись, и руки впились в спинку кровати. Безопасность!. Этот человек, Ханнис Груэр, был главой солярианской безопасности. Что означало это слово? Если то же самое, что на Земле, то Груэр отвечал за оборону Солярии против вторжения извне и за подавление внутренних беспорядков. Почему раскрытие убийства было так важно для него? Только ли потому, что на Солярии не было полиции и Департамент Безопасности должен был

непосредственно заниматься раскрытием преступлений? Груэр держался непринужденно с Бейли. Но время от времени он бросал осторожные и, казалось, опасливые взгляды на Дэниела. Почему? Бейли получил инструкции держать глаза и уши открытыми. Очевидно, Дэниэл получил точно такие же инструкции. Груэр, видимо, не подозревал Дэниела в шпионаже. Конечно, он не опасался шпионажа со стороны Земли. Земля была слишком слабой и ничтожной планетой, чтобы всерьез принимать ее в расчет. Другое дело Аврора — самый могущественный из миров Галактики. Почему Дэниел играет роль спейсера? Его объяснения казались Бейли неубедительными. Должны были быть более серьезные причины для маскарада. Естественно, что робот, сколь бы человекоподобен он ни был, не мог рассчитывать на хороший прием на Солярии. Поэтому робот должен изображать человека. Но разве нельзя послать с той же миссией настоящего человека? Конечно нельзя, тут же ответил он сам себе. Ни один надменный спейсер никогда не согласился бы столь длительное время пребывать в тесном контакте с землянином. А если все это так, все же остается непонятным, почему Солярия придавала такое большое значение расследованию убий-

ства, столь большое, что для этого она попросила Землю прислать своего представителя. И почему могущественная Аврора также проявила к этому делу такой живой интерес? Это была загадка. Ко всем прежним чувствам его — боязни открытого пространства и солнечного света, гнетущему страху перед опасностями, угрожавшими его родной планете, ответственности за выполнение сложного задания в странной и непривычной обстановке, — ко всему этому прибавилось неясное ощущение, что он попал в самую гущу какого-то непонятного ему конфликта между могущественными Внешними Мирами.

Перед Илайджем Бейли появляется женщина

Наконец Бейли заснул. Он не помнил, когда именно произошел переход от бодрствования ко сну. В какой-то момент изголовье его постели осветилось. Он открыл глаза и взглянул на часы. В комнате был мягкий свет. Очевидно, на Солярии наступило утро, и роботы, управлявшие домом, решили, что Бейли достаточно отдохнул. «Интересно, проснулся ли уже Дэниел», — подумал Бейли и тут же усмехнулся нелепости вопроса.

Дэниел не мог спать. Правда, он мог подражать сну так же, как он подражал всем остальным человеческим поступкам. Может быть, он раздевался на ночь и надевал пижаму?

Как будто подслушав эти мысли, вошел Дэниел.

— Доброе утро, коллега Илайдж, — торжественно возвестил он.

Робот был безукоризненно одет, его лицо было по-прежнему идеально безмятежным.

— Хорошо ли вы спали? — продолжал он.

— Да, — сухо ответил Бейли, — а вы?

С этими словами он вскочил с постели и направился в ванную комнату для совершения утреннего ритуала.

— Если появятся роботы, чтобы побрить меня, отошлите их к дьяволу! — крикнул Бейли из ванной комнаты. — Они действуют мне на нервы, даже если я их не вижу.

Во время бритья он рассматривал свое лицо, то самое лицо, которое он видел по утрам на Земле. Хорошо бы, конечно, иметь возможность с кем-нибудь посоветоваться, рассказать о том немногом, что он успел заметить.

— Пока еще мало успел, — пробурчал он своему отображению.

Покончив с туалетом, Бейли обратился к Дэниелу;

— У меня есть несколько вопросов к вам, Дэниел.

— Я постараюсь наилучшим образом в меру своих знаний ответить на ваши вопросы, коллега Илайдж, — с важностью ответил робот.

«Или в меру данных тебе инструкций», — подумал про себя Бейли, но вслух сказал:

— Почему население Солярии столь малочисленно? Всего двадцать тысяч человек?

— Эта цифра была установлена в результате расчетов.

— Возможно, но вы не отвечаете по существу. На этой планете могут жить миллионы. Почему же всего двадцать тысяч? Вы сказали, что солярианне считают такое число оптимальным, но почему?

— Таков их образ жизни.

— Вы имеете в виду, что они практикуют контроль над рождаемостью?

— Да.

— И при этом оставляют планету пустой?

Бейли и сам не знал, почему его заинтересовал этот вопрос. Возможно потому, что численность населения Солярии была пока одним из немно-

гих известных ему фактов.

— Солярия вовсе не пустая, — ответил Дэниел. — Она разделена на участки, каждый из них управляется одним из соляриан. Размер поместья определяется решением Совета Правителей.

— И здесь совсем нет городов? — спросил Бейли, и при этом холодные мурашки забегали у него по спине.

— Нет, коллега Илайдж. Соляриане живут полностью изолированно и никогда не встречаются друг с другом. Исключение составляют супружеские пары, живущие в общем поместье.

— То есть как не встречаются?

— На Солярии личные встречи заменены телеконтактами, такими, как ваш вчерашний телеконтакт с правителем Груэром. Соляриане приняли только такой способ общения, и никакой другой.

Бейли недоуменно уставился на своего собеседника.

— Вы имеете в виду и нас? Мы тоже будем лишены возможности личных встреч?

— Таковы обычаи данной планеты, коллега Илайдж.

— Но как же я смогу расследовать преступление? Предположим, я захочу повидаться с

кем-нибудь...

— Находясь в этом доме, коллега Илайдж, вы можете получить объемное изображение любого жителя планеты. Это не составляет никакой проблемы и фактически совершенно избавит вас от неприятной необходимости покидать пределы дома. Вот почему я сказал, когда вы прибыли сюда, что вам вовсе не нужно будет привыкать к открытому пространству.

И это к лучшему. Иначе, выходя из дома, вы испытывали бы крайне неприятные ощущения.

— Мои ощущения касаются только меня, — раздраженно заметил Бейли и добавил: — Прежде всего, Дэниел, я хочу связаться с женщиной, Гладией, женой убитого. И если трехмерное изображение покажется мне неудовлетворительным, я пойду к ней и поговорю с ней лично. Такие вопросы буду решать только я, и никто более.

— Вы будете иметь возможность получить исполнение ваших желаний, коллега Илайдж, — бесстрастно ответил робот. — А пока я распоряжусь о завтраке. — И он направился к двери.

Бейли посмотрел на широкую спину робота и внутренне усмехнулся. Дэниел Оливо изображал из себя хозяина положения. Очевидно, ему были даны инструкции следить за тем, чтобы Бейли не

узнал слишком много. Как бы не так… На худой конец у Бейли имелся козырной туз. Дэниел Оливо был всего лишь Р. Дэниелом Оливо — роботом. Если сообщить об этом Груэру или любому другому солярианину…

С другой стороны, поразительное сходство Дэниела с человеком могло оказаться и полезным. Иногда лучше иметь козырь про запас, чем сразу же его выбросить.

«Поживем — увидим, — подумал Бейли, — а сейчас действительно неплохо было бы позавтракать». И он последовал за Дэниелом.

— Каким образом происходит установление объемного контакта? — спросил Бейли.

— Это делают роботы, коллега Илайдж, — ответил Дэниел и нажал кнопку вызова.

Сейчас же появился робот.

«Откуда они только выскакивают, — подумал Бейли. — Их никогда не видно. Но стоит только нажать на кнопку, и они появляются как будто из-под земли». Бейли внимательно посмотрел на пришедшего робота. Его лицо не было блестящим, оно скорее имело сероватый оттенок. На груди был рисунок из белых и желтых квадратов. В середине рисунка — контрольное табло с номером.

— Проводи нас в помещение для бесед, — приказал Дэниел.

Робот молча поклонился и двинулся к двери.

— Подожди, парень. Как твое имя? — спросил Бейли.

Робот взглянул на Бейли.

— У меня нет имени, господин, — произнес он отчетливо и без колебаний. — Мой серийный номер, — металлический палец поднялся и опустился на контрольном табло на его груди, — Х-2745.

Бейли и Дэниел проследовали в большой зал, туда, где вчера состоялся разговор с правителем Груэром. Вошедших почтительно встретил другой робот. Первый поклонился и удалился.

— Очевидно, для каждой операции существует отдельный робот, — заметил Бейли. — Один провожает нас сюда. Другой налаживает контакты и так далее.

— На Солярии разделение труда среди роботов достигло высокой степени совершенства, коллега Илайдж, — ответил Дэниел. — Это и неудивительно при таком количестве…

Бейли посмотрел на второго робота. За исключением табло на груди и, возможно, каких-то изменений в программе, он был точным дубли-

катом первого.

— А у тебя какой серийный номер, парень? — спросил Бейли.

— Х-1129, господин.

— Так вот, Х-1129, мне нужно поговорить с госпожой Гладией Дельмар, женой покойного правителя Рикэна Дельмара… Послушайте, Дэниел, что еще нужно сообщить ему, ее адрес или что-нибудь еще?

— Не думаю, что необходима какая-либо дополнительная информация, — спокойно ответил Дэниел. — Впрочем, я могу узнать у робота.

— Я сам сделаю это, — прервал его Бейли. — Слушай, парень, ты знаешь, как связаться с этой госпожой?

— Да, господин. Моя обязанность — установление контактов со всеми господами Солярии. — Это было произнесено без всякого оттенка гордости. Просто констатация факта, как если бы он сказал: «Я сделан из металла, господин».

— Ничего удивительного, коллега Илайдж, — вмешался Дэниел. — Существует всего около двадцати тысяч соединений. Это совсем немного.

Бейли кивнул.

— А если на Солярии имеется две Гладии Дель-

мар, что тогда? Ты не перепутаешь, парень?

Робот молчал.

— Полагаю, коллега Илайдж, — начал Дэниел, — что он не понял вопроса. Очевидно, на Солярии не встречается одинаковых имен. При рождении даются только те имена, которые в данный момент не заняты никем другим.

— С каждой минутой все больше странного узнаешь об этой планете, — пробормотал Бейли. — Теперь, парень, — обратился он к роботу, — покажи мне, что надо делать, чтобы установить контакт?

Последовала пауза, после чего робот ответил:

— Вы сами хотите установить контакт, господин?

— Вот именно.

Дэниел мягко коснулся руки Бейли.

— Минуточку, коллега Илайдж.

— Что такое?

— Я полагаю, что робот произведет все необходимые операции с большей ловкостью, чем вы.

— Я не сомневаюсь в этом, — мрачно ответил детектив. — Возможно, я и напутаю что-нибудь. Но, тем не менее, я предпочитаю сделать все сам. — Он взглянул на бесстрастное лицо Дэниела. — В конце концов ведь приказы отдаю я, не

так ли?

— Разумеется, коллега Илайдж, — не моргнув глазом, ответил робот. — И ваши приказания, если они не противоречат Первому Закону, будут неукоснительно выполняться. Но, с вашего разрешения, я хочу поделиться с вами той небольшой информацией о здешних роботах, которой я располагаю. Роботы Солярии специализированы более, чем на любом из Миров. Хотя конструктивно они могли бы выполнить множество работ, каждый из них запрограммирован на выполнение одной-единственной функции. Выполнение незапрограммированных функций может быть связано только с выполнением одного из Трех Основных Законов. Но, в свою очередь, невыполнение той единственной функции, для которой они предназначены, также связано с требованиями Трех Основных Законов. Если бы робот был человеком, то можно было бы сказать, что невозможность выполнения его обязанности неприятна для него. Обычно этого не случается, так как жители Солярии никогда не вмешиваются в операции, совершаемые роботами. Соляриане считают неприличным выполнять ту работу, которую должны делать роботы.

— Вы пытаетесь убедить меня, Дэниел, что

если я сделаю за робота его работу, это причинит ему боль?

— Как вы знаете, коллега Илайдж, слово «боль» в человеческом смысле неприменимо к реакциям робота.

Бейли пожал плечами.

— Тогда в чем же дело?

— Тем не менее, — методично продолжал Дэниел, — ощущение, которое испытывают роботы при этом, насколько я могу судить, столь же неприятно им, как ощущение боли человеческому существу.

— О дьявол! Но я же не солярианин! — сердито воскликнул Бейли. — Мне противно, когда роботы вертятся около меня и делают все то, что я и сам могу сделать.

— Учтите также, коллега Илайдж, — продолжал Дэниел, — что ваше нежелание разрешить роботам выполнять их обязанности может показаться нашим хозяевам актом невежливости, поскольку в солярианском обществе правила приличий в отношениях с роботами выполняются неукоснительно. Обидев знатных соляриан, мы вряд ли облегчим свою задачу, коллега Илайдж.

— Ладно, — со вздохом согласился детектив, — пусть будет по-вашему. Установи контакт,

парень.

Бейли откинулся в кресло, полузакрыв глаза, и стал наблюдать за действиями робота. Разговор с Дэниелом был для него предметным уроком. Он свидетельствовал о том, что «роботическое» общение также имело свои уязвимые места. Создав роботов и подчинив их своей воле, человек тем не менее не мог по своему усмотрению или внезапно возникшему желанию устранить их. Не мог даже временно избавиться от них. Пусть социологи на Земле приходят к тем или иным выводам, он, полицейский инспектор Бейли, начинал формировать свои собственные суждения.

Бейли многое отдал бы сейчас за милую его сердцу трубку. Но его еще на Земле предупредили, что курить на «некурящей планете» было бы предельным нарушением этикета. Иногда ему казалось, что одно только уютное и привычное ощущение трубки во рту и то было бы для него большой поддержкой на чужбине.

Робот двигался быстро, ловко и уверенно манипулируя различными ручками и кнопками.

— Прежде всего следует просигнализировать тому, с кем вы хотите вступить в контакт. Соответствующий робот получит сигнал, и, если его хозяин находится на месте и это не противоречит

его желаниям, контакт устанавливается, — пояснил Дэниел.

— А если вызываемый находится вне дома?

— Я не обладаю исчерпывающей информацией по данному вопросу, коллега Илайдж, — подумав, ответил Дэниел. — Но я знаю, что существуют возможности установить и мобильные контакты.

— Господа, — обратился к ним робот, — вызов сделан и принят. Как только вы будете готовы, я включу изображение.

— Мы готовы, — почти зарычал Бейли, и в ту же секунду часть зала озарилась ярким светом.

— Я не успел предупредить робота, чтобы в изображение не попало открытое пространство, — быстро вмешался Дэниел, — сейчас следует...

— Ничего не следует, — прервал его Бейли, — не мешайте.

Взору землянина предстала большая ванная комната. Вместо стен мерцала и переливалась специальная световая завеса. Никого не было видно. Бейли взглянул на пол. Интересно, где кончалась его комната и начиналась та, другая? Пожалуй, вот тут, за этой световой линией. Он шагнул по направлению к этой линии и после секундного колебания просунул руку за нее. Он

ничего не почувствовал, только пустоту, на его глазах часть руки исчезла, ее просто не было видно. А что, если он сам шагнет за эту линию?

Возможно, он и сам исчезнет? Очутиться в мире полной темноты… Мысль о таком надежном укрытии была почти приятна.

Его размышления были прерваны звуками человеческого голоса. Он вздрогнул и поспешно отступил назад. Верхняя часть мерцающей световой завесы около душа потускнела, и на ее фоне четко обрисовывалась женская головка. Гладия Дельмар улыбнулась Бейли и приветливо сказала:

— Здравствуйте… Извините, что заставила вас ждать. Сейчас я буду совсем готова.

У Гладии Дельмар было овальное лицо с несколько выступающими скулами (особенно, когда она улыбалась), с полным, изящно очерченным ртом и маленьким подбородком. Она была, видимо, небольшого роста. (Раньше Бейли думал, что все обитательницы Внешних Миров должны быть высокими и статными.) Волосы ее были тоже отнюдь не бронзового, а скорее золотисто-белокурого оттенка, умеренно длинные, как того требовала, очевидно, солярианская мода. В общем, Гладия Дельмар производила чрезвы-

чайно приятное впечатление.

— Если вы хотите, мы прервем контакт, пока вы не будете готовы… — смущенно начал Бейли.

— О, нет. Вы мне нисколько не мешаете. Я слышала о вас от Ханниса Груэра. Вы с Земли, кажется? — Ее взгляд был устремлен на Бейли, голос музыкален и мелодичен. Бейли кивнул и сел.

— Мой коллега с Авроры, — указал он на Дэниела.

Она улыбнулась, но по-прежнему не отрывала глаз от Бейли, как будто только он один представлял для нее интерес.

Она подняла руки и стала пропускать массу своих пышных волос сквозь пальцы как бы ускоряя процесс сушки. Руки были нежные и изящные…

«Очень привлекательная, — подумал Бейли. И тут жег у него мелькнула мысль: — Джесси это, наверное, не понравилось бы…»

— Нельзя ли было бы попросить вас, госпожа Дельмар, — послышался голос Дэниела, — задрапировать окно в вашей комнате. Мой коллега не выносит дневного света. На Земле, о чем, возможно, вы слышали…

Молодая женщина (Бейли считал, что ей не больше двадцати пяти, но при этом у него мелькнула смутная мысль, что внешность жителей

Внешних Миров может быть и обманчива) всплеснула руками и воскликнула:

— О да, конечно, я знаю это. Как глупо с моей стороны забыть. Я все сделаю. — С этими словами она вышла из душевой или, вернее, из сушилки, отгороженной от взоров посторонних лишь световыми бликами, и протянула руку к кнопке вызова, при этом продолжая беседу как ни в чем не бывало. — Я всегда считала, что в этой комнате не хватает кнопок вызова роботов. Никуда не годится дом, если вы с любого места, где находитесь, не можете протянуть руку и… что такое, что случилось?

Она с удивлением уставилась на Бейли, который, вскочив со стула и опрокинув его, красный до корней волос и растерянный, поспешно отвернулся к стене.

— Было бы лучше, госпожа Дельмар, — спокойно заметил Дэниел, — если бы вы возвратились в сушилку или, если вам это неудобно, попробовали бы накинуть на себя какую-нибудь одежду.

Гладия, с удивлением взглянув на свою обнаженную фигуру, пробормотала:

— О да, конечно, сейчас же.

Илайдж Бейли допрашивает солярианку

— Видите ли, это ведь просто изображение, — сокрушенно произнесла возвратившаяся Гладия На ней было широкое одеяние, вроде пеньюара, оставлявшее руки и плечи открытыми. Правда, одна нога была обнажена чуть ли не до бедра, но Бейли решил стоически не обращать внимания на такие мелочи. К этому времени он полностью оправился от смущения.

— Это было так неожиданно, госпожа Дельмар… — начал он осторожно.

— Пожалуйста, называйте меня Гладия, — перебила она, — если только… если это не противоречит вашим обычаям.

— Хорошо… все в порядке, Гладил. Не думайте, пожалуйста, что вы вызвали у меня какие-либо неприятные чувства, нисколько, уверяю вас, просто для меня это было неожиданностью.

«Достаточно с меня и того, что я свалял дурака, — подумал Бейли, — не хватает еще, чтобы бедная девочка решила, что вызвала во мне отвращение. Наоборот, по правде говоря, это было

вполне, вполне...» Он не сумел даже мысленно докончить фразу.

— Я понимаю, я оскорбила ваши чувства, — заговорила смущенно Гладия, — но я не хотела этого, уверяю вас. Я просто не думала. Конечно, на каждой планете свои обычаи. И надо считаться с ними. Но иногда обычаи бывают такими нелепыми, ну, по крайней мере, странными, — она поспешила изменить слово, — что их трудно предусмотреть. Ну вот, например, привычка к тому, чтобы окна были затемнены.

— Все в полном порядке, не беспокойтесь, — пробормотал Бейли.

К этому времени она уже находилась в другой комнате. Все окна были тщательно зашторены, и поэтому в комнате царил иной и более приятный его глазу полумрак.

— Что касается того, другого обычая, — горячо продолжала Гладия, — так ведь это просто зрительный контакт, не более. Ведь вы же спокойно разговаривали со мной, когда я находилась в сушилке и на мне тоже ничего не было?

— Видите ли, — сказал Бейли, от всей души желая, чтобы она не развивала далее этой темы, — видите ли, одно дело слышать вас, другое дело — видеть, не так ли?

— Конечно, но кто говорит, что вы видели меня? — молодая женщина слегка покраснела и взглянула на свои обнаженные ноги. — Неужели вы считаете, что я показалась бы вам в таком виде, если бы вы реально видели меня? Такой, какая я есть, из плоти и крови? Другое дело зрительное изображение.

— Разве это в сущности не одно и то же? — с интересом спросил Бейли.

— Ничего похожего, уверяю вас. Вот сейчас в данную минуту вы видите только мое изображение. Но вы не можете ни коснуться меня, ни ощупать, ни почувствовать мой запах. Ничего подобного. К тому же я нахожусь от вас на расстоянии, по крайней мере, двухсот миль. Как же можно говорить, что это то же самое?

— Но, послушайте, я ведь вижу вас сейчас собственными глазами! — воскликнул Бейли.

— Нет, вы видите не меня, а мое изображение. И уверяю вас, между этими двумя понятиями существует огромное различие.

— Понимаю, — задумчиво произнес Бейли. Полностью принять то, что говорила его собеседница, было нелегко, но элементы логики в ее рассуждениях он начинал видеть.

— Значит, вы считаете, что видите меня? —

шутливо спросила Гладия и слегка наклонила головку.

— Мне так кажется, — пробормотал Бейли.

— Значит, вы не будете возражать, если я сниму свой пеньюар? — Она рассмеялась.

«Эта женщина дразнит меня, не следует поддаваться ее несколько фривольному тону», — подумал Бейли, но вслух сказал:

— Пожалуй, не стоит. Мне нужно поговорить с вами по делу. А все эти вопросы мы сможем обсудить как-нибудь в другой раз. Ладно?

— Может быть, вы предпочитаете, чтобы на мне была более деловая одежда, чем эта?

— Нет, мне все равно.

— Можно ли мне называть вас по имени, а не по фамилии?

— Если вам так хочется.

— Как вас зовут?

— Илайдж.

— Ну хорошо. — Она грациозно опустилась в кресло.

— Итак, поговорил о деле, — медленно начал детектив.

— Поговорим о деле, — откликнулась молодая женщина.

Бейли чувствовал себя в затруднительном по-

ложении. С чего начать допрос жены убитого? У себя, на Земле, он отчетливо знал, как проводить подобное расследование. Оно обычно начиналось с самых рутинных вопросов, ответы на которые часто были ему уже заранее известны. Но эти вопросы были необходимы. Они незаметно подводили к следующей более серьезной стадии допроса и заодно давали ему время и возможность составить хоть какое-то представление о человеке, с которым он имеет дело. Но здесь? Даже такое тривиальное понятие, как «видеть», здесь, как оказалось, имеет совершенно иное значение, чем на Земле. То же самое может быть и с другими привычными ему понятиями. И тогда он сразу попадет в неловкое и невыгодное для себя положение.

— Сколько времени вы были замужем, Гладия? — наконец решился он.

— Десять лет, Илайдж, — ответила она.

— А сколько вам лет?

— Тридцать три.

Бейли почувствовал смутное удовлетворение. С тем же успехом он мог услышать в ответ, что ей сто тридцать три.

— Вы были счастливы в замужестве? — прозвучал следующий вопрос.

— Что вы имеете в виду? — неуверенно отозвалась Гладия.

— Ну как же. — Бейли остановился. А что он действительно имел в виду? И что вообще считалось счастливым браком по солярианским понятиям? — Ну, скажем, вы часто встречались с вашим мужем?

— К счастью, нет. Мы ведь не животные, не так ли?

Бейли поморщился.

— Да, но ведь вы жили в одном и том же доме, и я думал…

— Конечно, в одном и том же, — перебила она. — Но у каждого из нас была своя половина. У него была очень важная работа, которая отнимала все его время, а у меня были свои дела. Мы вступали в зрительный контакт в тех случаях, когда это было необходимо.

— Но все же он встречался с вами и реально?

— О таких вещах неприлично говорить, но… иногда он приходил на мою половину.

— У вас есть дети?

Гладия вскочила с видимым волнением.

— Ну это уж чересчур!

— Стойте, стойте!. — крикнул Бейли и стукнул кулаком по спинке кресла. — Вы мне мешаете

работать. Я расследую убийство, вы понимаете, убийство?!. Причем убили не кого-нибудь постороннего, а вашего собственного мужа!.. В конце концов, вы заинтересованы в том, чтобы убийца был найден и наказан, или нет? Отвечайте мне.

— В таком случае, задавайте вопросы относительно убийства, а не…

— Я должен задавать всевозможные вопросы. Прежде всего, я хочу выяснить, огорчены ли вы тем, что произошло. Кстати, вы не производите впечатления убитой горем жены, — прибавил Бейли с нарочитой жестокостью.

Гладия выпрямилась.

— Смерть молодого и полезного члена общества, а в особенности правителя, всегда огорчительна, — надменно процедила она.

— А тот факт, что убитый был вашим мужем, ничего не добавляет к вашим чувствам?

— Его назначили мне в мужья, и мы, ну… — она старалась подыскать слова… — Мы иногда по расписанию встречались друг с другом, и., если уж вы хотите знать, у нас не было детей, потому что мы не получили соответствующего предписания и… Но я не понимаю, какое все это имеет отношение к моим чувствам!.. — Она замолчала.

«Возможно, все это действительно разные ве-

щи», — подумал землянин. Многое зависит от порядков, существующих на Солярии, а вот как раз о них он, Бейли, знал очень мало.

Он решил переменить тему.

— Я слышал, что вы лучше других знаете все обстоятельства убийства?

Бейли почувствовал, как его собеседница внутренне напряглась.

— Я., я действительно обнаружила труп. Вы это хотели сказать?

— В таком случае, вы не присутствовали при самом акте убийства?

— О нет, — ответила она еле слышно.

— Расскажите мне своими словами, что произошло. Не торопитесь и рассказывайте обстоятельно.

— Рикэн пришел ко мне на мою половину, — начала Гладия Дельмар. — Это был согласно расписанию день нашей встречи. Я знала заранее, что он придет.

Ее голос прерывался, а глаза стали очень большими и грустными. Пожалуй, скорее они были серого, а не голубого цвета, отметил про себя Бейли.

— Он всегда приходил в назначенный день?

— О да. Он был очень добросовестным чело-

веком и хорошим солярианином. Он никогда не избегал назначенных дней и всегда являлся в одно и то же время. Ну, конечно, он оставался у меня не так уж долго. Ведь нам еще не было предписано заводить де… — Она не смогла заставить себя закончить фразу, но Бейли понимающе кивнул. — Ну, мы поговорили с ним несколько минут. Видеть друг друга во время реальной встречи обычно тяжелое испытание, понимаете? Но он был деликатным человеком, не выражал никаких чувств и всегда разговаривал со мной вполне спокойно. Потом он ушел, чтобы заняться своим важным делом, точно не знаю, каким. У него была специальная лаборатория на моей половине, куда он всегда мог удалиться в дни наших свиданий. Конечно, это не было таким огромным помещением, как лаборатория на его половине.

«Интересно, — подумал Бейли, — чем он занимался в этих лабораториях? Наверно, „фетологией“, что бы там ни скрывалось за этим непонятным термином».

— Он не показался вам, ну… не в своей тарелке, что ли? Не был ли он чем-либо обеспокоен?

— Нет, нет, что вы. Рикэн никогда не бывал ничем обеспокоен, он всегда в совершенстве владел собой, — продолжала Гладия, — вот точно так

же, как ваш друг, — ее маленькая ручка указала на неподвижно сидящего Дэниела, который при этом даже не пошевельнулся.

— Понятно. Продолжайте, прошу вас…

Но Гладия замолчала. После паузы она прошептала:

— Вы не будете возражать, если я выпью чего-нибудь?

— Пожалуйста.

Рука Гладии скользнула по спинке кресла. Появился молчаливый робот с бокалом, в котором был какой-то темный напиток. Гладия молча отпила из бокала, затем поставила его на столик.

— Теперь я лучше себя чувствую, — медленно сказала она, — а теперь я хочу задать вам вопрос личного характера.

— Вы можете задавать мне любые вопросы, — ответил Бейли.

— Видите ли, я много читала о Земле. Меня всегда она почему-то интересовала. Это такая странная планета… — Она запнулась и быстро добавила: — Не то, что странная, но все-таки необычная.

Бейли слегка поморщился. Всякий мир кажется странным тому, кто не живет в нем.

— Я хочу сказать, что ваш мир не такой, как

мой, не так ли? И мне хочется задать вам вопрос, возможно, невежливый. Впрочем, вам он может и не показаться невежливым. Но я бы ни за что на свете не спросила об этом солярианина. Ни за что на свете, уверяю вас.

— Не спросили бы о чем?

— О вас и вашем друге, кажется, мистере Оливо, не так ли?

— Что именно вы хотите спросить?

— Вы оба реально видите друг друга? Вы действительно находитесь вместе?

— Да, мы реально находимся вместе, — ответил Бейли.

— Вы можете дотронуться до него, если захотите?

— Да, конечно.

Она посмотрела сначала на одного, потом на другого и прошептала:

— О!

Это могло означать что угодно. Изумление… Отвращение…

Бейли подумал: «А что, если я сейчас подойду к Дэниелу и хлопну его по спине?.. Интересно, какова будет реакция этой солярианки?»

Но вместо этого он спокойно сказал:

— Вы остановились на событиях того дня, когда

ваш муж навестил вас.

Гладия снова взяла бокал с напитком.

— Мне особенно нечего рассказывать. Я знала, что Рикэн занят. Его, как всегда, переполняли идеи, и я решила снова заняться своей собственной работой. И вдруг, минут примерно, через пятнадцать, я услышала крик.

Наступило молчание. Затем Бейли спросил:

— Какого рода крик вы услышали?

— Это был голос Рикэна, голос моего мужа. Просто крик, никаких слов. Крик, в котором слышалось... ну не знаю. Ужас? Нет, пожалуй, не то., скорее, изумление, растерянность... я раньше не слышала, чтобы он вообще повышал голос.

Она подняла руки и заткнула уши, как бы пытаясь стереть следы того ужасного звука. При этом ее одеяние медленно соскользнуло, и она оказалась обнаженной до талии. Но она даже не заметила этого, а Бейли пришлось углубиться в изучение своей записной книжки.

— Что вы сделали после этого? — спросил он.

— О, я побежала, побежала, сама не зная куда...

— Мне показалось, вы сказали, что он отправился работать в лабораторию, расположенную на вашей половине, не правда ли?

— Да, конечно, Илайдж... Но я точно не зна-

ла, где находится эта лаборатория. Я никогда раньше там не бывала. У меня было некоторое представление о том, что она расположена где-то в западном крыле дома. Я так растерялась, что забыла вызвать робота. Он бы с легкостью указал мне дорогу. Но роботы, конечно, не являются без вызова. Все же каким-то образом я нашла эту комнату. Когда я прибежала туда-, он был мертв.

Она внезапно остановилась и, к смущению Бейли, горько заплакала. Она и не пыталась скрыть своих слез, которые ручьем катились по щекам. Ее плечи дрожали от всхлипываний. Затем она открыла глаза и, глядя на землянина сквозь пелену слез, прошептала:

— Я никогда раньше не видела мертвецов. Он был весь в крови… а его голова., вся разбита., вся… Я кое-как вызвала робота, он вызвал других, и, наверное, они позаботились обо мне и Рикэне. Я больше ничего не помню… я…

— Что значит, они позаботились о Рикэне? — прервал ее Бейли.

— Ну, убрали тело и отмыли все следы, — в ее голосе послышались негодующие нотки хозяйки дома, где должен сохраняться образцовый порядок. — Вы ведь себе представляете, что творилось в комнате.

— А что сделали с телом?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Наверное, сожгли, как всегда в таких случаях.

— И вы не вызвали полицию?

Она взглянула на него непонимающе, и он вспомнил: ведь на Солярии нет полиции.

— Но вы кому-то, очевидно, дали знать о случившемся? — спросил он.

— Роботы вызвали доктора, — ответила она. — А я сообщила в Совет Правителей.

Она снова всхлипнула, и в этот момент обнаружила, что ее пеньюар почти совсем с нее соскользнул.

— О, извините, извините, пожалуйста, — пробормотала она и поспешно закуталась в свое одеяние.

Бейли наблюдал за ней… Беззащитная дрожащая фигурка с искаженным от ужаса лицом. С глазами, полными пережитого страха… Он почувствовал себя неловко. Молодая женщина никогда раньше не видела мертвецов… Не видела разбитых черепов и луж крови. И хотя супружеские отношения на Солярии имели специфический характер, все же, очевидно, зрелище окровавленного трупа мужа все еще стояло перед

ее глазами.

Бейли решительно не знал, какие вопросы следует задавать дальше. У него возник внезапный импульс — попросить прощения у Гладии Дельмар за то, что он заставил ее пережить все снова, объяснить, что он — полицейский и должен выполнять свои обязанности. Увы, на этой планете не существовало полиции. Вряд ли она сумеет понять его побуждения.

Медленно и как только мог мягко он спросил:

— Скажите, Гладия, вы слышали еще что-нибудь? Какие-нибудь звуки, кроме крика вашего мужа?

Она взглянула на него. Ее глаза блестели от слез, а лицо, несмотря на горестное выражение, а возможно именно из-за него, было прекрасно.

— Нет, больше ничего, — коротко ответила она.

— Никаких шагов? Ничьих других голосов, вспомните, — настаивал Бейли.

Она покачала головой и повторила:

— Больше ничего, уверяю вас.

— Когда вы вошли в лабораторию, там больше никого не было? Только вы и он?

— Да. Только он и я.

— И никаких следов чьего-нибудь присутствия

ранее?

— Я не заметила ничего. Да и кто бы мог там быть?

— Почему вы так думаете?

Какое-то мгновение она казалась шокированной подобным вопросом. А потом сказала:

— Я все время забываю, что вы с Земли. Видите ли, никто не мог находиться вместе с Рикэном в его лаборатории. Мой муж с самого детства никогда и никого не видел, я имею в виду, в реальном смысле этого слова, никого, кроме меня. Он не принадлежал к тому сорту людей, которые могли бы вынести физическое присутствие другого человека. Нет, только не Рикэн. Он всегда строго придерживался всех обычаев и традиций нашей планеты, он был хороший солярианин.

— Ну, а если бы кто-то захотел нанести вашему мужу визит, не уведомив его об этом? Каким бы он ни был законопослушным гражданином, что бы он мог сделать в этом случае?

— Что он мог сделать? — переспросила она. — Он немедленно вызвал бы роботов, и они тут же убрали бы пришельца. Именно так бы он и поступил, уверяю вас. А предположить, что он кого-нибудь допустил к себе?.. Невозможно даже представить себе такое!

— Вашего мужа убили ударом по голове, не так ли? — мягко заметил Бейли.

— Да, наверное. Он был… он был весь… — начала Гладия.

— В настоящее время я не спрашиваю вас о деталях, — прервал свою собеседницу детектив. — Постарайтесь вспомнить, не заметили ли вы в лаборатории какого-нибудь механического устройства, при помощи которого кто-то, находившийся вдалеке, мог убить вашего мужа?

— Уверяю вас, я не заметила ничего похожего.

— Ага!.. Отсюда следует, что чья-то рука, и притом человеческая, обрушила на голову доктора Дельмара нечто тяжелое, раскроившее его череп. Следовательно, кто-то все-таки находился у него в лаборатории, не так ли?

— Нет, это невозможно, — сказала Гладия убежденно. — Ни один солярианин никогда не позволил бы себе прийти в наш дом.

— Но солярианин, который собрался совершить убийство, вряд ли остановится перед таким препятствием, как свидание с жертвой, — настаивал Бейли.

— Вы, наверное, плохо представляете себе, что значит личный контакт для солярианин. Ничего отвратительней этого не бывает. На Земле для вас

это, вероятно, пустяки. Поэтому вы не понимаете, как ужасно это для нас. Впрочем… — в ее голосе зазвучало личное любопытство, глаза сверкнули. — Ведь я права? Личные встречи — обычная вещь для вас, не так ли?

— Ну, конечно, — сдержанно ответил Бейли.

— И вас эти встречи ничуть не беспокоят?

— Ну, конечно, нет.

— Знаете, — в голосе Гладии послышалось колебание, — в фильмах о Земле об этом как-то мало говорится, но мне всегда хотелось знать., можно, я задам вам один вопрос? Вы не рассердитесь?

— Задавайте, — спокойно ответил Бейли.

— Вы, наверное, женаты, не так ли? И получили вашу жену по назначению?

— Я действительно женат, но у нас не существует назначений подобного рода.

— И вы, конечно, видитесь со своей женой, когда захотите, и так же поступает она, и вы считаете это нормальным?

Бейли молча кивнул.

— Ну, и… когда вы видитесь, предположим, вам хочется-. — Она остановилась в нерешительности, как бы подыскивая выражение: — Предположим, вам захочется, — снова начала она, — можете ли вы в любое время… — Она,

окончательно смешавшись, замолчала.

Бейли и не думал помочь ей.

Наступило молчание.

— Не обращайте на меня внимания, — нервно заговорила молодая женщина, — не понимаю, с чего это я вам задаю такие странные вопросы… Ну как, вы узнали от меня все, что хотели? — Ее голос задрожал, и, казалось, она вот-вот заплачет.

— Еще немного… — ласково сказал Бейли. — У меня к вам просьба, Гладия… Постарайтесь забыть тот факт, что никто не мог бы увидеться с вашим мужем. Предположим, что кто-то все же к нему явился. В таком случае, кто бы это мог быть, как вы думаете?

— Бесполезно гадать. Никто и никогда не смог бы решиться на такой шаг, уверяю вас.

— Однако кто-то все же решился, Гладия. Ханнис Груэр сказал, что имеются веские основания подозревать кого-то определенного.

Невеселая улыбка тронула губы молодой женщины.

— Я знаю, кого он имел в виду, — сказала она.

— Неужели? Кого же?

Гладия дотронулась своей маленькой ручкой до горла.

— Меня, — вымолвила она просто.

Илайдж Бейли становится свидетелем нового преступления

— Я должен заметить, коллега Илайдж, — неожиданно заговорил Дэниел, — что это вполне логичное и очевидное заключение.

Бейли удивленно взглянул на своего партнера.

— Почему очевидное, Дэниел?

— Сама госпожа Дельмар заявляет, что она была единственной особой, с которой когда-либо встречался правитель доктор Дельмар. Социальные обычаи на Солярии таковы, что даже она не может привести сколько-нибудь логичных доводов в пользу существования иной альтернативы. Поскольку только одна определенная особа могла видеться с убитым, только эта особа и могла нанести удары. Так, очевидно, считает и правитель Груэр.

— Но он также утверждал, — заметил Бейли, — что и эта особа не могла совершить убийства.

— При этом он имел в виду тот факт, что на месте преступления не было найдено никакого оружия, — по-прежнему бесстрастно говорил Дэниел. — Но, возможно, госпожа Гладия Дель-

мар могла бы объяснить это обстоятельство.

И он указал с холодной, чисто «роботической» вежливостью на Гладию Дельмар, все еще находившуюся на экране. Ее глаза были опущены, маленький ротик сжат.

«О дьявол! — подумал Бейли. — Совсем забыл про нее». Возможно, он был раздражен, потому забыл о ее присутствии. А раздражение вызвал в нем не кто иной, как Дэниел Оливо со своим, лишенным всякой эмоциональности, подходом к решению загадки. Или он был недоволен самим собой?.. И своим чересчур эмоциональным подходом?.. Кто знает… В настоящее время он не собирался заниматься психоанализом.

— На сегодня достаточно, Гладия, — сказал он. — Как там у вас говорят? Конец контакту или еще что-нибудь?.. Во всяком случае, до свидания.

Она мягко ответила:

— Иногда говорят — прекратить контакт, но мне лично «до свидания» нравится больше. Вы, кажется, встревожены, Илайдж? Мне очень жаль. Но я привыкла к тому, что люди считают меня виноватой.

— А в действительности, это вы убили своего мужа, госпожа Гладия? — внезапно спросил Дэниел.

— Нет! — негодующе воскликнула она.

— В таком случае, до свидания, госпожа Гладия.

Следы гнева еще не успели исчезнуть с ее лица, как изображение уже погасло. На какое-то мгновение Бейли продолжал чувствовать на себе взгляд ее глубоких серых глаз. Одно ему ясно. Пусть она говорит о том, что привыкла к мнению окружающих, ее реакция на вопрос Дэниела говорила о другом. Интересно, сколько правды и сколько *лжи* произносит ее очаровательный ротик?

Наконец Бейли остался один на один с Дэниелом.

— Ну, что же, Дэниел, — со вздохом произнес детектив, — все же я думаю, что я не такой уж дурак.

— Я никогда этого про вас не думал, — невозмутимо промолвил робот.

— В таком случае, объясните мне, что означало ваше замечание о необнаруженном орудии убийства? И откуда вы это знаете?

— Видите ли, коллега Илайдж, у меня имеется некоторая дополнительная информация.

— В чем она заключается?

— Правитель Груэр обещал прислать резуль-

таты проведенного ими расследования. Сегодня утром я получил копию докладной записки солярианских следователей, разумеется не профессионалов.

— Почему вы не показали мне ее?

— Я полагал, что будет более рационально, чтобы вы проводили первый допрос, не ознакомившись с этой запиской. Вы сами считаете, что неправильно начинать расследование преступления, имея какие-то предвзятые идеи. В особенности, если эти идеи навязаны вам людьми, которые, по их собственному признанию, не добились сколько-нибудь существенных результатов. Именно поэтому я, чувствуя, что процесс моего логического мышления также оказался под воздействием посторонних заключений, не вмешивался в ваш разговор с госпожой Дельмар.

Логическое мышление! Невольно в голове Бейли промелькнул обрывок разговора, который он когда-то имел со специалистом-роботехником. «Роботы логичны, но не разумны», — сказал ему роботехник.

— Однако вы все же включились в разговор, — возразил Бейли.

— Да, коллега Илайдж, я задал вопрос госпоже Гладии Дельмар, но только по той причине, что

к тому времени я уже располагал некоторыми данными, подтверждающими подозрения правителя Груэра.

— А именно?

— Мое убеждение логически следует из всего поведения госпожи Гладии Дельмар.

— В таких вопросах следует быть более точным, Дэниел.

— Давайте рассуждать логически, коллега Илайдж. Предположим, что вышеупомянутая особа виновна, но, естественно, стремится доказать свою невиновность. В этом случае ее главная цель — убедить в этом следователя.

— Ну и что же?

— При этом она пользуется всем, что только в ее возможностях, прежде всего человеческими слабостями следователя, не так ли?

— Пока еще не убедительно.

— Наоборот, — прозвучал спокойный ответ. — Вы заметили, я полагаю, что все свое внимание вышеупомянутая особа сконцентрировала на вас.

— Это естественно. Я вел допрос, — вставил Бейли.

— Но она обратила свое внимание на вас еще прежде, чем она знала, кто будет вести до-

прос. Логически рассуждая, она могла скорее предположить, что допрашивать ее буду я, как представитель Авроры. Однако она с самого начала сосредоточила внимание на вас.

— Ну и какой вывод вы делаете из этого?

— Только тот, что именно вы, коллега Илайдж, являетесь ее надеждой. Вы — пришелец с Земли. Она изучала обычаи Земли, как она сама говорила. Вы помните, например, что она нисколько не была удивлена моей просьбой затемнить окна.

— Ну и что же?

— Поскольку она специально интересовалась вашей планетой, она, безусловно, знакома со слабостями, присущими ее обитателям. Она, несомненно, знает, что на Земле запрещено публично обнажать женское тело, а также о том, какое впечатление это должно произвести на мужчину-землянина.

— Но ведь она объяснила различие между личной встречей и телеконтактом... — пробормотал Бейли.

— Да, верно. Но ее объяснение достаточно ли убедительно? Полагаю, что нет. Вспомните, дважды она показалась в туалете, который с вашей земной точки зрения был крайне неприличным.

— Итак, — медленно сказал Бейли, — из всего

этого вы делаете заключение, что она пыталась соблазнить меня?

— Сформулируем так: она пыталась повлиять на вашу профессиональную объективность. И надо заметить, что хотя я не разделяю человеческих реакций на возбудители подобного рода, все же, судя по данным, зафиксированным в моем запоминающем устройстве, госпожа Дельмар вполне отвечает требованиям женской физической привлекательности. Более того, ваша реакция полностью убедила меня в том, что вы разделяете это мнение и относитесь вполне одобрительно к ее внешности. Итак, я пришел к выводу, что госпожа Дельмар сознательно избрала правильную линию поведения, и ей действительно удалось расположить вас в свою пользу.

— Послушайте, — сердито, но несколько смущенно сказал Бейли, — совершенно независимо от того впечатления, которое она могла произвести на меня, я прежде всего служитель закона, понимаете? Никакая женская привлекательность не заставит меня отступить от беспристрастного проведения дела. А теперь довольно об этом. Посмотрите те донесения, которые вы получили.

Бейли молча прочитал поданную ему бумагу. Потом подумал и прочитал бумагу вторично.

— В игру вошел новый фактор, — медленно сказал он, — а именно — робот.

Дэниел Оливо кивнул.

— Она почему-то не сказала про робота, — задумчиво произнес Бейли.

— Вы не так поставили вопрос, — заметил Дэниел. — Вы спросили, не присутствовал ли кто-нибудь в комнате, где она обнаружила тело. А робот вовсе не «кто-нибудь».

Бейли кивнул. Если бы он сам был на месте обвиняемого и его спросили бы, кто находился на месте преступления, он вряд ли упомянул бы неодушевленные предметы.

— Скажите, Дэниел, имеет ли на Солярии законную силу свидетельство робота?

— Я не понимаю вас, коллега Илайдж. Имеет ли робот право давать свидетельские показания? Почему вы сомневаетесь в этом?

— Потому, что роботы это машины, Дэниел. У нас на Земле они не могут быть законными свидетелями.

— Однако отпечатки пальцев или фотографии у вас принимаются во внимание? Почему же можно не считаться с показаниями робота? Не вижу логики в подобных рассуждениях, коллега Илайдж И у нас на Авроре и на Солярии пока-

зания робота имеют ту же законную силу, что и показания людей.

Бейли не стал оспаривать логику рассуждений своего партнера. Он погрузился в молчание. Тщательно пытался он восстановить в памяти и связать между собой известные ему факты. Гладия, обнаружив труп мужа, сейчас же вызвала роботов. Но к тому моменту, когда они появились, она лежала без чувств. Согласно докладу роботов, помимо трупа и бесчувственной Гладии, в лаборатории находился еще робот. Как было установлено, этот робот не входил в число домашних роботов семьи Дельмар. Никто из домашних роботов не знал его. Серийный номер на нем отсутствовал. Неизвестный робот был совершенно испорчен. Все каналы связи его позитронного мозга были расстроены, и мозг полностью вышел из строя. От него невозможно было добиться никакой разумной реакции. На все вопросы он отвечал одной-единственной фразой: «Вы хотите убить меня... вы хотите убить меня... вы хотите убить меня...» На месте убийства не было обнаружено ничего, что бы могло быть использовано в качестве оружия, которым был нанесен удар, раскроивший череп Дельмара.

— Я голоден, Дэниел, — заявил Бейли, кончив

просматривать бумаги. — Поедим, а затем надо снова повидаться с правителем Груэром или, — поправился он, — хотя бы с его изображением.

Когда с Ханнисом Груэром был установлен контакт, он сидел за обеденным столом. Не спеша, он выбирал еду из множества блюд, которыми был уставлен стол, а затем старательно и без особой охоты прожевывал пищу.

«Вероятно, он уже очень стар… возможно, ему лет около двухсот, — подумал Бейли. — За такое время процесс еды ему может наскучить».

— Рад видеть вас, господа, — сказал Груэр, — надеюсь, вы получили результаты нашего расследования.

Он перегнулся через стол, при этом его голый череп блеснул.

— Да, сэр. Кроме того, мы провели довольно интересный разговор с госпожой Дельмар, — сказал Бейли.

— Прекрасно, прекрасно. И к какому же заключению вы пришли?

— Мы далеко не уверены в ее виновности, — сказал Бейли.

— В самом деле? — голос Груэра прозвучал резко. Он поднял глаза от тарелки.

Бейли молча кивнул.

— Однако, — продолжал Груэр, — она была единственным человеком, который мог видеть доктора Дельмара, единственным человеком, который…

— Это все мы отлично понимаем, — прервал его Бейли, — но как бы ни были устойчивы обычаи на Солярии, один этот факт не может объяснить всего. Я попробую разъяснить вам свою мысль.

— Пожалуйста, — ответил Груэр, возобновляя прерванную трапезу.

— Видите ли, убийство всегда покоится на трех китах, в равной степени важных: мотив убийства, возможность его совершения, средство для его выполнения. Доказательства, достаточно бесспорные для суда, требуют наличия ясности во всех трех пунктах. Я лично уверен в том, что у госпожи Дельмар была возможность совершить преступление. Что касается мотива, то о нем я пока ничего не знаю.

Груэр пожал плечами.

— Мы тоже не знаем мотива преступления. — На мгновение его глаза обратились на молчавшего Дэниела.

— Хорошо. Предположим, что пока мотив нам неизвестен. Предположим, например, что подозреваемая является патологической убийцей, все

бывает. Она пришла в лабораторию мужа и по какой-то неизвестной нам причине хочет убить его. Она угрожающе взмахивает палкой или другим тяжелым предметом. Когда до сознания Дельмара доходит намерение жены, он в ужасе кричит: «Вы хотите убить меня», поворачивается спиной, чтобы бежать от нее, и в этот момент тяжелый удар обрушивается на его затылок. Кстати, я ничего не знаю о медицинском заключении. Надеюсь, врач осмотрел труп?

— И да, и нет. Роботы вызвали врача, скорее, к госпоже Дельмар. Однако он, конечно, посмотрел и убитого.

— Об этом не упомянуто в отчете.

— Вряд ли это прибавило бы что-нибудь новое. К тому моменту, когда врач смог увидеть изображение убитого, он был убран, вымыт и подготовлен, как всегда в таких случаях, к кремации.

— Иными словами, роботы уничтожили все следы, — раздраженно заметил детектив и прибавил: — Если я не ошибаюсь, вы сказали, что врач исследовал изображение трупа, значит, в действительности он не осматривал труп?

— О Великое Пространство! — воскликнул Ханнис Груэр. — Какие странные мысли при-

ходят вам в голову. Конечно, врач ознакомился с изображением трупа, но во всех деталях и в соответствующем фокусе. Я уверен, что все было проделано так, как надо. Разумеется, иногда бывают обстоятельства, при которых врачу приходится лично осматривать пациента, но я не моіу представить необходимости лично разглядывать труп… Медицина, конечно, грязная работа, но даже для врача есть где-то предел.

— Меня интересует следующее, — повторил Бейли, — сообщил ли врач что-либо о характере раны Дельмара?

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Вы предполагаете, что удар, возможно, был слишком сильным, чтобы его могла нанести женщина.

— Конечно, сэр, женщина физически слабее мужчины. А госпожа Дельмар к тому же еще и хрупкая женщина.

— Но вполне здоровая и физически тренированная, не забывайте этого. Располагая подходящим оружием, она смогла бы нанести смертельный удар. Кроме того, надо иметь в виду, что в приступе ярости женщины могут совершать поразительные вещи.

Бейли пожал плечами.

— Кстати, об оружии, где же вы его обнару-

жили?

Груэр протянул руку к пустому бокалу. Сейчас же появился робот, который наполнил бокал бесцветной жидкостью. Груэр поднял бокал, но затем снова поставил его на стол, как будто переменив свое намерение.

— Как это указано в отчете, оружие пока найти не удалось, — сказал он.

— Я знаю, что говорится в отчете. Но достаточно ли тщательно искали предполагаемое оружие?

— Да. Поиски велись под моим руководством и наблюдением. Но мы не смогли обнаружить ничего, что хотя бы отдаленно напоминало орудие убийства.

— Это сильно ослабляет подозрение, падающее на жену убитого, не так ли, сэр?

— Да, пожалуй, вы правы, — спокойно согласился Груэр. — Это один из нескольких неясных пунктов для нас. Именно по этой причине мы не возбудили официального преследования госпожи Дельмар.

— Но если это так, то совершенно очевидно, что подозреваемая особа не могла совершить преступление, действуя в одиночку. Без какого-то сообщника она не могла бы избавиться от оружия. Однако давайте еще раз разберем все

возможности. Ударом по голове, произведенным каким-то тяжелым предметом, был убит человек. На месте преступления орудие убийства не обнаружено. Стало быть, его кто-то унес. Кто мог бы это сделать? Рикэн Дельмар был мертв. Могла ли сделать это сама Гладия Дельмар, как вы думаете?

— Но как?

— Прибывшие роботы нашли ее лежащей на полу без сознания. Может быть, она притворялась? Сколько времени прошло между моментом совершения убийства и прибытием роботов?

— Это зависит от того, когда именно произошло убийство. А мы этого как раз и не знаем, — неуверенно ответил Груэр.

— В отчете я прочитал следующее, сэр. Один из роботов сообщил, что он услышал какой-то шум и крик. Минут через пять он получил сигнал вызова. Робот появился там меньше через минуту. (Бейли вспомнил, как он всегда удивлялся молниеносному появлению роботов.) Между криком и появлением робота прошло минут пять-шесть — маловато времени для того, чтобы успеть спрятать в надежное укрытие орудие убийства, прибежать обратно в лабораторию и, упав на пол, притвориться бесчувственной.

— Я все понимаю, — вздохнул Груэр.

— Скажите, сэр, могло ли случиться так, что какой-либо робот унес орудие убийства, не подозревая, что именно он делает?

— Ни один из роботов ничего не унес из лаборатории. Даже не прикоснулся ни к чему.

— Ну, положим, это не совсем так. Роботы унесли труп убитого.

— Да, конечно, они должны были соответствующим образом подготовить труп к кремации. Этого требуют обычаи.

— О дьявол! — пробормотал Бейли. — Опять обычаи... — Ему с трудом удавалось сохранить хладнокровие. — Теперь рассмотрим другой вариант. Предположим, что в лаборатории находился кто-либо посторонний.

— О Великое Пространство! — воскликнул Груэр. — Кто посмел бы нарушить уединение и личную неприкосновенность доктора Дельмара?

— Все-таки попробуем обсудить такой вариант, — сдержанно повторил Бейли. — Роботы не имели ни малейшего представления о том, что кто-то чужой находится в лаборатории. Думаю, что им даже не пришло в голову обыскать окрестности. Во всяком случае, в отчете об этом не сказано ни слова.

— Конечно. Наша работа началась только с поисков оружия. Но и это произошло лишь спустя некоторое время.

— Значит, если бы нашелся солярианин, который посмел бы нарушить уединение и личную неприкосновенность, как вы выразились, доктора Дельмара, он мог бы преспокойно убить его, а затем столь же спокойно и не спеша удалиться. Никто не остановил и даже не увидел бы его. Более того, он мог вполне положиться на общепринятое мнение, что никто не посмел бы явиться к Дельмару.

— И это мнение соответствует действительности. Никто ни в коем случае не посмел бы явиться к Дельмару, — упрямо повторил Ханнис Груэр.

— Еще один вопрос, сэр, только один. В лаборатории, кажется, находился какой-то робот, не так ли?

— Никакого робота на месте преступления быть не могло, — впервые вмешался Дэниел. — Будь робот там, убийства не произошло бы. В отчете была допущена ошибка.

Бейли резко повернулся к своему молчавшему до сего времени партнеру. Груэр, который в это время собирался пригубить из бокала, вторично поставил его на столик и тоже уставился на

Дэниела.

— Вы правы, — медленно сказал Груэр, — робот не допустил бы, чтобы один человек причинил вред другому. Первый Закон запрещает это.

— Конечно, — согласился Бейли. — Однако могло быть и несколько иначе; Предположим, робот находился где-то поблизости, скажём, в соседнем помещении, и он услышал крик: «Вы хотите меня убить». Остальные домашние роботы не могли услышать этих слов. В лучшем случае они могли услышать крик. Повинуясь Первому Закону, робот бросился бы на помощь Дельмару. Но, очевидно, уже было поздно. Возможно, робот был свидетелем самого убийства. К моменту прибытия остальных роботов он оказался бы на месте преступления, и роботы сочли, что чужой робот находился в лаборатории все время.

— Ну, что ж, это возможно. Робот мог застать уже последнюю стадию убийства, — согласился Груэр. — Именно это зрелище привело в негодность его. Наблюдать, как одно человеческое существо причиняет вред другому, и не суметь воспрепятствовать этому — прямое нарушение Первого Закона. При этом происходит повреждение позитронного мозга.

— А что робот сообщил при допросе? — спросил

Бейли.

— В отчете было указано, инспектор. Он без конца повторял: «Вы собираетесь убить меня..» Вероятно, это были последние слова убитого, и они запали в мозг робота, совершенно вышедшего затем из строя.

— Я слышал, что на Солярии имеются крупнейшие специалисты в области роботехники. Неужели никак нельзя было починить этого робота, восстановить его умственную деятельность? — спросил Бейли.

— Нет, это было совершенно невозможно, — коротко ответил Груэр.

— Где сейчас этот робот?

— Уничтожен.

Бейли удивленно поднял брови.

— Действительно, весьма странный случай. Не установлен мотив преступления, не найдено орудие убийства, нет ни улик, ни свидетелей… Всякие следы каких-либо доказательств уничтожены. Имеется только одна особа под подозрением. Все убеждены, что никто другой, кроме нее, не может быть виновен. Возникает, естественно, вопрос: зачем меня пригласили?

Груэр поморщился.

— Не надо волноваться, инспектор Бейли. — Он

повернулся к Дэниелу и отрывисто произнес: — Мистер Оливо?

— Я вас слушаю, правитель Груэр.

— Не будете ли вы любезны пойти посмотреть в нашем отчете, как мотивируется необходимость присылки специалистами детектива с Земли?

Не говоря ни слова, Дэниел встал и вышел из комнаты. В ту же секунду как будто маска слетела с лица Ханниса Груэра. Оно стало испуганным и растерянным.

— Это оказалось легче, чем я думал, — торопливо заметил он. — Я не мог придумать лучшего предлога, чтобы остаться с вами наедине. Странно, что гордый аврорианин сразу же выполнил мою просьбу, а не послал за отчетом робота. Но так или иначе он это сделал.

— Ну, что же теперь, когда мы одни? — сказал Бейли.

— Я не мог говорить в его присутствии, — продолжал Груэр. — Его присутствие навязано было нам Авророй. — Солярианин наклонился вперед. — Видите ли, во всем этом деле было нечто большее, чем простое убийство. Я подозреваю, что на Солярии имеется какая-то тайная организация.

Бейли недоуменно уставился на своего собе-

седника.

— Рикэн Дельмар был человеком добрых старых устоев. Он был хорошим солярианином. Но появились какие-то новые силы, которые требуют перемен.

— Перемен? Каких перемен? — переспросил детектив.

— Не знаю точно, но Рикэн Дельмар шел по горячему следу. Он намекнул мне, что находится накануне важных разоблачений. Вот почему его заставили замолчать!

— С помощью его жены?

— Возможно. Но во всяком случае она была только исполнительницей чьей-то злой воли.

— Но чего хотят заговорщики?

— Дельмар не успел сообщить подробности. Он намекнул лишь, что они не желают довольствоваться ролью Солярии во Вселенной и что их деятельность представляет величайшую угрозу для всего рода человеческого. А доктор Дельмар был человеком, который не бросал слов на ветер.

Бейли вздрогнул. На какое-то мгновение ему показалось, что перед ним Альберт Минним, почти те же самые слова..

— Но чем могу помочь я? Скромный землянин?

— Очень многим! Вы житель Земли, понимаете? У нас на Солярии нет никакого опыта в таких вопросах. Мы плохо разбираемся в человеческой психологии. Прежде всего, нас очень мало… Многие из моих коллег-правителей смеются над мной, некоторые даже возмущаются моей подозрительностью. Вы, земляне, должны лучше разбираться в человеческой психологии. У вас то преимущество, что вы живете в тесном контакте друг с другом.

Бейли слегка кивнул, но промолчал.

— В каком-то смысле, — продолжал Груэр, — это ужасное убийство мне помогло. Без него мои коллеги-правители никогда не согласились бы на вмешательство землянина в наши дела. Но тут все были так ошеломлены, что мне удалось вырвать у них согласие на ваш приезд. — Груэр приостановился и после некоторого колебания заговорил снова: — Мне и самому не очень-то приятно просить землянина помочь нам, спейсерам. Но я вынужден сделать это. Как-никак, но над всем родом человеческим нависла серьезная опасность.

«В этом случае, — подумал Бейли, — его родная планета находится в двойной опасности».

У него не было сомнений в том, что его собе-

седник предельно искренен. Но если случайное убийство явилось таким удачным поводом для действий Груэра, — было ли оно действительно случайным? Тут есть над чем подумать…

Ни одна из этих мыслей не отразилась на лице Бейли.

— Меня послали сюда, сэр, чтобы помочь вам, и я сделаю все, что в моих силах.

При этих словах Груэр взял бокал и поднес его к губам. Но прежде чем отпить, он добавил:

— Хорошо. Но не говорите ничего аврорианину. Не исключено, что Аврора каким-то образом вовлечена в заговор. Ее правители проявили слишком уж большой интерес к убийству, даже настояли на привлечении к работе их собственного детектива. И кто знает, что скрывается за всем этим?

Глядя на собеседника, Груэр начал медленно прихлебывать свой напиток.

Бейли задумчиво потер рукой щеку.

— Но если такая… — Он не закончил фразы, соскочил со стула и почти кинулся к Груэру… но вовремя вспомнил, что перед ним не Груэр во плоти, а лишь его изображение.

Груэр с исказившимся от боли лицом схватился рукой за горло, будто что-то душило его, и бес-

связно прохрипел:

— Горит… внутри… горит..

Бокал выпал из его рук, и он тяжело рухнул на пол.

Илайдж Бейли беседует с врачом

На пороге стоял Дэниел.

— Я не нашел отчета, коллега Ил… — он не закончил фразы. — Роботы правителя Груэра! — раздался его пронзительный крик. — Роботы правителя Груэра, ваш господин болен, спешите к нему.

Почти моментально около лежавшего на полу Груэра возникла металлическая фигура. Вслед за ней появилось множество других. Два робота заботливо подняли своего господина и унесли его. Остальные быстро принялись за приведение в порядок помещения. Но Дэниел прервал их деятельность.

— Слушайте, роботы! — воскликнул он. — Не занимайтесь уборкой. Займитесь поисками. Обыщите весь дом и парк, тщательно осмотрите каждый утолок парка. Если обнаружите чужого господина, задержите его. В этом случае немедленно сообщите мне. Я буду ожидать результатов

здесь, у экрана.

Когда роботы ушли, чтобы выполнить приказание, Бейли задумчиво обратился к Дэниелу:

— Это только начало… Видимо, быстродействующий яд?

— Да, очевидно так, коллега Илайдж, — согласился Дэниел и опустился на стул. Его челюсти стучали, пальцы дрожали.

Бейли удивительно взглянул на своего партнера. Он никогда раньше не видел у Дэниела какого-либо проявления человеческих слабостей.

— Мое мыслящее устройство плохо переносит подобное зрелище, — тихо сказал Дэниел.

— Но вы же ничего не могли сделать, — возразил Бейли.

— Да, это так. Но все же на моих глазах человеческому существу был нанесен вред. На языке человеческих эмоций — это равносильно ужасному потрясению.

— Ну, что ж, постарайтесь справиться со своими эмоциями, — сказал Бейли угрюмо. Он не мог заставить себя испытывать сочувствие к расслабленному роботу. — Перед нами возникла новая проблема. Как вы знаете, не бывает отравы без отравителя, не так ли?

— Может быть, пища была несвежей?

— Невозможно себе представить, чтобы в этом высокоорганизованном мире правителю подали несвежую пищу. Яд был в содержимом бокала. Послушайте, Дэниел, я пройду в соседнюю комнату, чтобы обдумать все, что произошло. А вы тем временем свяжитесь с госпожой Дельмар. Удостоверьтесь в том, что она сейчас находится дома, и заодно выясните, на каком расстоянии находится ее поместье от поместья Груэра. Вы все поняли?

Бейли жаждал одиночества.

Ему необходимо было без помех обдумать все происшедшее. Конечно, новое убийство должно быть связано с предыдущим, в этом он совершенно уверен. В таком случае версия Груэра о тайной организации становится правдоподобной.

Бейли чувствовал, как знакомое волнение начинает охватывать его. Он прибыл на этот далекий непонятный мир с предвзятой идеей о том, что его, землянина, вряд ли сможет захватить драма, разыгравшаяся на чужой планете. Но теперь он чувствовал, что это не так. Драма была не закончена. Перед его глазами был разыгран ее следующий акт.

Убийца или убийцы действовали среди бела

дня в его, Бейли, присутствии. Он был уязвлен до глубины души. Неужели его так мало опасались? Профессиональная гордость детектива была задета. Нет, он найдет убийц, сколь бы могущественны они ни были.

В комнате появился Дэниел.

— Я сделал все, как вы приказали, — промолвил он, все еще слегка заикаясь. — Я установил контакт с госпожой Дельмар. В настоящее время она находится в своем доме. Ее поместье расположено на расстоянии тысячи миль от поместья правителя Груэра.

— Хорошо. Позднее я сам повидаюсь с ней, то есть, — поправился он, — с ее изображением. Как вы думаете, Дэниел, может ли она быть связана с этим новым преступлением?

— Во всяком случае, прямой физической связи, очевидно, быть не может, коллега Илайдж. — Дэниел уже оправился от потрясения и приобрел прежний невозмутимый вид.

— Ну, а косвенная? Может быть, госпоже Дельмар удалось убедить кого-либо совершить преступление?

— Этого, коллега Илайдж, я сказать не могу.

— Тогда сообщник должен был находиться на месте преступления, не так ли?

— Да, по-видимому, так, коллега Илайдж, — согласился робот.

— А может быть, яд был положен в напиток заранее?

— Я уже подумал о такой возможности, коллега Илайдж, — обычным бесстрастным тоном сказал Дэниел. — Вот почему я употребил слово «по-видимому», говоря о сообщнике госпожи Дельмар. Но не исключено, что она была в доме ранее и сама положила яд в бокал. Поэтому надо проследить за всеми ее действиями в течение дня.

Бейли сжал губы. Он чувствовал, что «роботической» логики в некоторых случаях недостаточно. «Логичны, но не разумны», — снова вспомнил он.

— А теперь посмотрим, что делается в доме Груэра, — решительно сказал он.

Комната, где совсем недавно обедал Груэр, снова сияла чистотой и порядком. Не осталось ни малейшего следа недавней трагедии.

У стены стояли три металлические фигуры, как обычно, в позе почтительного внимания и послушания.

— Какие имеются новости о состоянии вашего господина? — спросил Бейли.

Средний робот ответил:

— Сейчас его осматривает господин доктор, господин.

— Доктор находится в контакте с ним или с его изображением?

— С его изображением, господин.

— Что говорит доктор? Останется ли жив ваш господин?

— Это еще неизвестно, господин.

— Обыскали ли вы дом?

— Да, господин, тщательно обыскали.

— Нашли ли вы какие-нибудь следы пребывания другого господина, кроме вашего собственного?

— Нет, господин, никаких.

— Искали ли вы во всем поместье или только в доме?

— Всюду, господин.

Бейли кивнул и сказал:

— Я хочу поговорить с тем роботом, который прислуживал сегодня за столом.

— Его проверяют, господин. Он обнаруживает не вполне правильную реакцию.

— Но он может говорить?

— Да, господин.

— Тогда пусть он сейчас же появится здесь.

Но, несмотря на приказ, робот не появился.

Бейли снова нетерпеливо заговорил:

— Я же сказал…

Дэниел мягко прервал его:

— Между солярианскими роботами существует внутренняя связь, коллега Илайдж. Если робот задерживается, значит, это результат того потрясения, которое он пережил сегодня.

Бейли кивнул. Он мог бы догадаться. В этом «роботизированном мире» не могло бы быть порядка без тщательно налаженных внутренних коммуникаций между роботами.

В комнату вошел вызванный робот. Он сильно хромал, волоча одну ногу по земле, руки его непрерывно дрожали. Очевидно, разладился центр, управляющий координацией движений.

— Ты помнишь ту бесцветную жидкость, которую ты налил из графина в бокал своего господина? — осторожно начал Бейли.

— Да… д… да. Геспедин…

— Ага… Артикуляция органов речи также пострадала… Что это была за жидкость?

— Вв… о… да, геспедин…

— Ты уверен, что это была вода?

— Д… д…а, геспедин.

— Откуда ты налил ее в графин?

— Из р… раквины, геспедин…

— Откуда ты принес графин? Из кухни?

— М…й… геспдин люббил, чтоббы ввода был… не хилл… одной. Я нал… ливал греф… ин за час до ед… д…ы, геспед…дин.

«Весьма удобно для каждого, кто знал о вкусах Груэра», — подумал Бейли.

— Я хочу соединиться с врачом, осматривающим Груэра, Дэниел. Пусть наладят контакт.

Через короткое время на экране возникло изображение доктора Алтима Тула. Он выглядел глубоким стариком, наверное, ему было не менее трехсот лет. Набухшие вены выступали на его руках, а коротко остриженная голова была совершенно седой. У него была пренеприятная, как показалось Бейли, привычка постукивать ногтем по выдающимся передним зубам. При этом возникало раздражающее клацанье.

— К счастью, — сказал доктор; — часть яда удалось вывести из организма. Но все же Ханнис Груэр может и не выжить. Трагическое событие, — и он тяжело вздохнул.

— Какой это был яд, доктор? — спросил детектив.

— Боюсь, что я не знаю, — был ответ, и снова послышалось клацанье.

— Как же вы лечите его? — воскликнул Бейли.

— Я дал ему рвотное, а теперь даю препараты, стимулирующие нервно-мышечную систему, чтобы избежать паралича. — На пергаментно-желтом, испещренном морщинами лице врача появилось слегка виноватое выражение. — Видите ли, у нас нет опыта в таких делах. За всю мою практику в течение свыше двух веков я не припомню случая отравления.

Бейли презрительно посмотрел на своего собеседника.

— Но вы ведь можете узнать о природе и применении ядов из книг и провести химический анализ? — спросил Бейли.

— Содержимое стакана, из которого пил пострадавший, разлилось и убрано роботами. Поэтому сделать химический анализ нельзя. А понять, что это был за яд, по описаниям очень трудно, — возразил доктор.

— Если это так, — мрачно заметил Бейли, — вы должны связаться с кем-нибудь из жителей других миров и просить помощи. А пока что надо проверить, нет ли следов яда в водопроводе. Вы должны лично заняться этим.

В этот момент до сознания Бейли дошло, что неуместно было давать приказания гордому спейсеру, как простому роботу. Но его собеседник

не выказал видимого протеста.

— Но разве можно отравить водопровод? — воскликнул он. — Я сильно сомневаюсь в этом.

— Возможно, вы и правы, — согласился Бейли, — но проверить все-таки следует.

— Но как я могу проверить воду в водопроводе? — жалобно спросил доктор Тул.

— Проще простого. Возьмите какое-нибудь животное и заставьте его выпить немного воды или впрысните воду ему под кожу… Дайте животному остатки воды в графине. Если в воде обнаружится яд, постарайтесь выяснить, что это за яд, и., делайте хоть что-нибудь!

— Постойте, о каком графине вы говорите?

— О том, из которого робот налил воду в бокал.

— Я думаю, что в графине уже ничего не осталось. Роботы произвели полную уборку.

Бейли застонал. Как же он не подумал об этом? Разве роботы с их рвением в выполнении домашней работы оставят что-либо нетронутым? Ему следовало бы предвидеть это заранее. Но этот странный мир ведь не его мир… и ему так трудно приспособиться к нему… О дьявол!

Бейли беспокойно прохаживался по комнате. К нему снова возвратилась боязнь открытого пространства и страстное желание вернуться

на Землю. Лихорадочное желание сверлило его мозг. Пусть все время происходят какие-то экстраординарные события… Тогда ему будет легче!

Дэниел молча смотрел на своего партнера, но не задавал ему никаких вопросов. Подобное вторжение во внутренний мир Человека было бы противно его «роботической психологии».

— Я хочу снова побеседовать с госпожой Дельмар, Дэниел, — внезапно принял решение Бейли. — Пусть робот установит контакт.

Бейли растерянно наблюдал за тем, как робот ловко орудует металлическими пальцами, и напряженно думал. Внезапно в его комнате возник стол, накрытый к обеду. За столом сидела Гладия.

— Я рада видеть вас, Илайдж, — сказала она. — Но почему у вас такой удивленный вид? Сейчас как раз обеденное время. И я к тому же абсолютно одета, видите?

На ней было бледно-голубое платье с длинными рукавами, ниспадавшее почти до пола. На плечи был накинут прозрачный желто-золотистый шарф, чуть светлее, чем ее блестящие волосы, возвышающиеся на голове в затейливой прическе.

— Я не хотел бы прерывать вашей еды… — на-

чал Бейли.

— Я еще не приступила к ней, — прервала Гладия, — и почему бы вам не присоединиться ко мне?

— Присоединиться к вам? — недоуменно повторил Бейли.

Она расхохоталась.

— О, вы, земляне, такие странные. Конечно, я не имела в виду, что вы лично приедете ко мне. Это невозможно. Просто вы должны отправиться в свою столовую, и таким образом вы и ваш друг сможете пообедать со мной.

— Но как же? Если я уйду отсюда?.. — воскликнул Бейли. — Разве…

— Не беспокойтесь, — прервала его Гладия, — робот по контактам все устроит.

Дэниел с важностью кивнул, и Бейли несколько неуверенно направился к двери. Гладия вместе со своим обеденным столом двинулась вслед за ним.

— Видите, — ободряюще улыбнулась она, — наш контакт не нарушен.

Дэниел, а за ним Бейли шли в столовую через множество каких-то неведомых переходов.

И все время, пока они шли, вместе с ними сквозь стены двигалась Гладия со своим накры-

тым к обеду столом.

Бейли остановился и пробормотал:

— К этому все же надо привыкнуть…

— У вас закружилась голова? — спросила Гладия.

— Слегка, — признался Бейли.

— Тогда скажите роботу, чтобы он оставил меня здесь, — продолжала Гладия. — Когда вы дойдете до столовой, пусть он присоединит меня.

— Я распоряжусь, коллега Илайдж, — сказал Дэниел.

Когда они добрались до столовой, стол там был уже накрыт, в тарелках дымился суп. В центре стола стояло большое блюдо с жареной дичью. Как бы по сигналу противоположная стена раздвинулась, стол удлинился, и на его противоположном конце оказалась улыбающаяся Гладия. Стол к столу и комната к комнате были пригнаны столь точно, что создалась полная иллюзия совместного пребывания…

— Ну вот, — с довольным видом заметила Гладия, — разве это неудобно?

— О да, — ответил Бейли.

Он осторожно попробовал суп, нашел его весьма вкусным и с аппетитом принялся за еду.

— Вы знаете, что произошло с Груэром? — как

бы невзначай спросил он.

На ее лице появилось обеспокоенное выражение. Она отложила ложку.

— Это ужасно, правда? Бедный Ханнис!

— Вы знакомы с ним?

— Я знакома со всеми выдающимися людьми на Солярии. Большинство соляриан знают друг друга. Это естественно.

— В таком случае, вы знакомы и с доктором Алтимом Тулом? Груэр его пациент.

Гладия звонко рассмеялась.

— Конечно, знакома. Он и меня лечил.

Робот нарезал ей жаркое и добавил к нему каких-то неведомых Бейли овощей.

— Лечил вас? Когда?

— После… после несчастья… с моим мужем.

— Разве Алтим Тул — единственный врач на вашей планете? — удивленно спросил Бейли.

— О нет. У нас врачей, по крайней мере… — она наморщила лоб, как бы подсчитывая, — по крайней мере, десять. И еще есть некий юноша, как я слышала, который добровольно захотел изучать медицину. Но, уверяю вас, доктор Тул самый лучший из наших врачей. Бедняга Тул!

— Почему бедняга?

— Он человек немолодой и всю жизнь за-

нимается такой противной работой. Бывают случаи, когда врачу приходится по-настоящему видеть людей и даже прикасаться к ним. Доктор Тул очень добросовестный врач. Он так мил и приветлив со мной, что, говоря по правде, это единственный человек, личный контакт с которым не вызвал бы во мне отвращения. И вот недавно случилось так, что он действительно видел меня.

— Уже после смерти Рикэна Дельмара?

— Да. Представляете его ощущение, когда он увидел на полу меня и труп моего мужа?

— Мне сказали, что он видел только изображение трупа.

— Он захотел удостовериться, что я жива и вне опасности. Поэтому он прибыл в наше поместье, лично сделал мне какой-то укол и проследил за тем, как за мной ухаживают роботы. Когда я пришла в себя, я не сразу сообразила, что он реально находится около меня. Только когда он прикоснулся ко мне, я поняла, что он рядом. Я вскрикнула. Бедный доктор Тул! Он был ужасно смущен. Но, уверяю вас, у него были самые лучшие намерения.

Бейли кивнул.

— Я думаю, на Солярии нет большой нужды во

врачах, — сказал он.

— Здесь не существует инфекционных заболеваний.

— Ну, а как относительно неинфекционных?

— Иногда бывает, и тогда это ужасно. Доктора могут продлить жизнь людям в физическом смысле, но не в этом дело.

— А в чем?

— Болезнь означает, что генетический анализ… был проведен неправильно. Заболевших подвергают тягостным исследованиям. Брачное назначение отменяется. И, конечно, — тут ее голос понизился до шепота, — конечно, это полностью исключает… детей..

— Полностью исключает детей — спокойно Бейли.[1]

Гладия густо покраснела.

— Это ужасно. Как только вы можете произносить такое слово!.. Д…д…д…ет…и…

— К этому легко привыкаешь, — сухо заметил Бейли.

— Да, но если я привыкну и произнесу однажды это слово в присутствии какого-либо солярианина, я просто провалюсь сквозь землю от стыда.

---

[1] Примечания: 1

Так в тексте — *прим. верстальщика.*

И, окончательно смутившись, Гладия принялась за еду. Бейли наблюдал за тем, как она ест. Она вела себя за столом грациозно и непринужденно. Еда на Солярии была превосходной, совсем не похожей на безвкусную пишу его родной планеты. Пожалуй, еда была единственным приятным ощущением на Солярии.

— Что вы думаете об отравлении Груэра, Гладия? — спросил Бейли.

Гладия взглянула на него.

— Я вообще стараюсь не думать об этом. В последнее время происходят такие странные вещи. А может быть, отравления не было?

— Было.

— Но ведь преступника не обнаружили.

— Откуда вы знаете?

— Груэр стар, у него нет жены. Около него только роботы. Некому было положить яд в его стакан. Какое же тут могло быть отравление?

— И тем не менее он был отравлен. Это факт, с которым надо считаться.

Молодая женщина взглянула на Бейли затуманившимся взором.

— Вы не предполагаете, что он мог сделать это сам?

— Сильно сомневаюсь. Почему?

— В таком случае, этого не могло быть, Илайдж.

— Наоборот, Гладия, — серьезно сказал Бейли. — Это произошло… И я уверен, что я знаю, вернее, подозреваю, как это произошло.

На мгновение Гладия затаила дыхание. А затем прошептала еле слышно:

— Я ничего не понимаю… Вы знаете, кто сделал это?

Бейли кивнул:

— Тот же, кто убил Рикэна Дельмара.

— Вы уверены?

— А вы нет? Посудите сами. Убийство вашего мужа было первым преступлением на Солярии за долгие годы. Спустя месяц происходит следующее убийство. Возможно ли такое совпадение? Возможно ли, чтобы в мире, где нет уголовных преступлений, в течение столь короткого промежутка времени произошло два убийства, совершенных двумя разными убийцами? Маловероятно. Учтите также, что жертва второго преступления организовал расследование первого и представлял реальную опасность для преступника.

— Ну, что же, — Гладия занялась десертом, — в таком случае, — промолвила она, с аппетитом

жуя торт, — в таком случае, я оправдана.

— Почему же?

— Ну как же, Илайдж. Уверяю вас, я ни на одну секунду никогда в жизни не приближалась к поместью Груэра. Значит, я никак не могла отравить его владельца, не так ли? А если я не отравила Груэра, значит, и не я убила Рикэна.

Но Бейли угрюмо молчал. Постепенно оживление молодой женщины стало таять, уголки ее губ опустились, и она спросила упавшим голосом:

— Вы не согласны со мной, Илайдж?

— Я не могу быть уверенным в ваших словах, Гладия, — ответил детектив. — Я вам уже сказал, что догадался о том, как был отравлен правитель Груэр. Надо сказать, что это было хитро придумано. Каждый житель Солярии, независимо от места его нахождения, мог бы таким способом привести задуманный план в исполнение.

Гладия сжала маленькие кулачки.

— Итак, вы все-таки считаете меня преступницей? — вскричала она.

— Ну, так я не говорил.

— Но вы подразумеваете, — голос Гладии дрожал от возмущения, глаза потемнели от гнева. — Вот почему вы снова захотели говорить со мной! Вы все время пытаетесь поймать, запугать

меня!.. Вы... — она задыхалась от гнева, ее губы побелели и тряслись.

— Постойте, Гладия, послушайте меня, — попытался было успокоить ее Бейли.

— Вы казались таким милым, таким сочувствующим... А на самом деле вы — коварный землянин!..

Безмятежное лицо Дэниела обратилось к Гладии.

— Извините меня, госпожа Дельмар, — невозмутимо произнес он, — но вы неосторожно обращаетесь с ножом. Вы можете поранить себя.

Молодая женщина диким взором уставилась на небольшой тупой и, очевидно, совершенно безопасный нож, который она держала в руках. Непроизвольным движением она взмахнула им.

— Вы же все равно не дотянетесь до меня, Гладия, — сказал Бейли.

Она перевела дух.

— Вы мне противны, землянин! — Она передернула плечами с явно преувеличенным отвращением и приказала невидимому роботу: — Немедленно прервать контакт!

В мгновение ока Гладия вместе со столом исчезла из поля зрения Илайджа Бейли.

— Прав ли я, коллега Илайдж, предполагая,

что в данный момент вы считаете эту женщину виновной?

— Нет, — решительно ответил Бейли. — У этой бедной девочки не хватает тех качеств, которыми должен обладать убийца.

— Но она весьма вспыльчива.

— Ну и что? Не забудьте, что она живет под постоянным гнетом и постоянным страхом. А сейчас она решила, что я собираюсь обвинить ее в новом преступлении. Любой человек на ее месте и не так вспылил бы.

— Я не имел такой возможности, какую имели вы, коллега Илайдж, лично наблюдать за отравлением правителя Груэра, — заметил Дэниел. — Поэтому должен признаться, что у меня еще нет логической схемы совершения этого преступления.

Бейли почувствовал удовольствие, когда авторитетно ответил:

— Конечно. У вас и не может ее возникнуть. — Он сказал это с непоколебимой уверенностью, и робот воспринял заявление столь же невозмутимо, как все остальное. — У меня два задания для вас, — продолжал Бейли.

— Я слушаю вас, коллега Илайдж.

— Во-первых, выясните у доктора Тула, в каком

состоянии он нашел госпожу Дельмар после смерти ее мужа, сколько времени потребовалось на то, чтобы привести ее в чувство. Во-вторых, узнайте, кто займет пост Груэра, как главы Департамента Безопасности, и организуйте мне встречу с ним завтра с утра. Что касается меня, — продолжал он без всякого энтузиазма, — я лягу в постель и, надеюсь, сумею заснуть. Как вы думаете, мог бы я получить какой-нибудь приличный книгофильм здесь?

— Я сейчас вызову робота, ведающего фильмотекой, — ответил Дэниел.

Бейли неизменно раздражало общение с роботами.

— Нет, — сказал он, когда вызванный робот предложил ему несколько книгофильмов. — Меня не интересует ни евгеника, ни роботехника. Мне нужна обыкновенная беллетристика. Что-нибудь о жизни на Солярии.

— Возможно, господин интересуется приключенческой литературой прошлого, или отличным обзором по химии с движущимися моделями атомов, или справочниками по галактрографии, — монотонно перечислял робот. Предлагаемый список был бесконечным. Бейли мрачно слушал, а потом сказал:

— Ладно, парень, вот эти подойдут, — и схватил несколько книгофильмов.

— Нужно ли помочь господину? — почтительно спросил робот.

— Нет, — рявкнул Бейли, — оставайся там, где ты есть.

Уже лежа в постели с освещенным изголовьем, Бейли почти пожалел о своем отказе от услуг робота. Книгофильмы раньше он никогда не видел и не знал, как с ними обращаться. В конце концов, после больших стараний, он кое-как разобрался в устройстве и стал кадр за кадром их просматривать. И хотя фокусировка заставляла желать лучшего, все же он испытал известное удовлетворение. Хоть в чем-то он не зависел целиком и полностью от тех созданий..

За два часа Бейли просмотрел четыре из выбранных им шести фильмов. Он надеялся, что книги помогут ему разобраться в жизни планеты, на которую забросила его судьба, помогут проникнуть в психологию ее обитателей. Но из этого ничего не вышло. В романах описывались люди, перед которыми возникали какие-то несерьезные проблемы, люди, которые вели себя иногда непонятно, а иногда просто по-дурацки. Ну почему, например, героиня считала свою жизнь

загубленной только потому, что ее дочь занялась тем же делом, что и она сама? И что было сверхблагородного в том, что какой-то доктор химии стал заниматься роботехникой? Чепуха какая-то! — раздраженно подумал Бейли, потянулся было за пятым фильмом, но вдруг почувствовал себя смертельно усталым.

Во сне Бейли видел Джесси. Все было как прежде. Он никогда не покидал Земли. Он и Джесси собирались идти обедать в столовую, впервые по классу С-7. Он был счастлив. И Джесси удивительно хороша. Никогда еще она не была такой красивой. И еще одна необычная вещь приснилась ему. Он взглянул наверх и увидел основание верхних слоев почвы. Больше ничего не было видно. Сверкающее яркое солнце освещало их своими лучами. Это было прекрасно и совершенно не страшно.

Сон не освежил Бейли, он проснулся хмурым и встревоженным. Он не мешал роботам прислуживать за завтраком и не разговаривал с Дэниелом. Молча выпил чашку превосходного кофе, даже не почувствовав его вкуса.

— Коллега Илайдж, — мягко обратился к нему партнер.

— Да?

— Контакт с правителем Корвином Атлбишем будет установлен через полчаса.

— Кто такой, черт побери, этот Корвин? — раздраженно спросил Бейли.

— Он — главный помощник правителя Груэра, коллега Илайдж. В настоящее время он возглавляет Департамент солярианской Безопасности.

— Тогда давайте его сейчас же.

— Как я объяснил вам, аудиенция состоится ровно через полчаса.

— Плевать мне на аудиенцию. Давайте его сейчас же. Я приказываю.

— Я сделаю попытку, коллега Илайдж, однако он может и не согласиться принять вызов.

— Попробуем, и довольно об этом, Дэниел.

Новый глава солярианской безопасности принял вызов. Впервые на Солярии Бейли увидел человека, точно отвечающего представлениям землян об обитателях Внешних Миров.

Корвин Атлбиш был высок, хорошо сложен, с бронзовой кожей. Его глаза были светло-коричневого цвета, подбородок смел и решителен. Он слегка напоминал Дэниела, но ему недоставало совершенства черт робота.

Атлбиш брился. Робот слегка водил по его щекам и подбородку маленьким бритвой-каран-

дашом.

— Если не ошибаюсь, вы прибыли с Земли? — надменно спросил спейсер, не прерывая своего занятия.

— Я — Илайдж Бейли, полицейский инспектор с Земли, индекс жизни С-7.

— Вы торопитесь, как я вижу, — Атлбиш закончил бритье и небрежным кивком отпустил робота. — Ну что вы хотите сказать мне, землянин?

Бейли не понравился бы тон собеседника и в лучшие времена. Теперь же он просто вспыхнул.

— Я хочу знать, в каком состоянии находится правитель Груэр.

— Он еще жив. Возможно, он и останется жив, — ответил Атлбиш.

Бейли кивнул:

— Здесь, на Солярии, отравители недостаточно умелы в обращении с ядами. Груэру дали слишком большую дозу. Половинная доза убила бы его.

— Отравители? Не обнаружено никаких следов яда.

Бейли уставился на Атлбиша.

— Что же, вы думаете, могло быть, кроме яда?

— Что угодно. Мало ли, что может случить-

ся с человеком. — Атблиш потер лицо, чтобы удостовериться, что ни волоска не осталось на нем. — Особенно, когда ему уже перевалило за двести пятьдесят.

— Но если так, должно быть авторитетное медицинское заключение.

— Доклад доктора Тула… — спокойно начал Атлбиш.

Но больше Бейли не мог сдерживаться. Гнев, который кипел в нем с самого утра, наконец-то нашел выход.

— Плевать мне на вашего доктора Тула! — закричал он. — Я сказал, что нужно авторитетное медицинское свидетельство, понимаете — авторитетное. Ваши доктора ни черта не смыслят в медицине, ваши детективы ни черта не смыслят в криминалистике, впрочем, их у вас просто нет. Вам пришлось вызвать детектива с Земли, так вызовите и врача с Земли.

— Если я не ошибаюсь, — холодно осведомился Атлбиш, — вы даете мне указания?

— Вот именно. И выполнять их нужно как можно скорее. Я знаю, что говорю. Груэра отравили. Это произошло на моих глазах. Он начал пить, покачнулся и вскрикнул, что у него жжет в горле. Как прикажете назвать все это, если еще

учесть, что именно он, Груэр, опасался… — Бейли запнулся.

— Опасался чего? — невозмутимо переспросил Атлбиш.

Бейли внезапно ощутил присутствие Дэниела, которому, как представителю Авроры, Груэр не хотел доверять своих секретов. Он помолчал и неловко закончил:

— Опасался некоторых политических осложнений.

Глава солярианской безопасности скрестил руки на груди и надменно посмотрел на детектива.

— У нас не бывает политических осложнений, во всяком случае, в том смысле, в каком они бывают у вас. Груэр хороший солярианин, но несколько впечатлительный человек. Именно он уговорил нас пригласить вас сюда на Солярию. Он даже согласился на присутствие вашего компаньона с Авроры. Я не считал, что все это необходимо. В убийстве Рикэна Дельмара нет ничего непонятного. Разумеется, убийца его жена, и мы скоро выясним, почему и каким образом ей удалось это совершить. Даже если мы не узнаем причин убийства, все равно ее подвергнут генетическому исследованию, и будут приняты все надлежащие меры. Что касается ваших фантазий

об отравлении Груэра, то они не представляют для нас никакого интереса.

— Иными словами, вы хотите сказать, что я вам больше не нужен? — недоверчиво спросил Бейли.

— Да, я полагаю, что вы нам сейчас не нужны. Вы можете, если хотите, возвратиться на Землю. Более того, мы бы попросили вас сделать это.

— Нет, сэр, я не собираюсь повиноваться вам! — вскричал Бейли и внутренне сам удивился своей реакции на слова солярианина.

— Мы вас вызвали, полицейский инспектор, и мы можем отправить вас обратно. Через час вы должны покинуть Солярию.

— Ну нет. Теперь вы послушайте меня, — Бейли говорил негромко, но ярость клокотала в нем. — Я вам скажу кое-что. Вам кажется, что вы — великий обитатель Великих Внешних Миров, а я всего лишь ничтожный житель ничтожной Земли. Но при всем том я-то знаю, в чем причина вашего решения. Вы просто испугались, вот и все.

— Немедленно возьмите свои слова обратно, — солярианин вытянулся во весь свой гигантский рост и сверху вниз с презрением смотрел на землянина.

— Ни в коем случае. Еще раз говорю, вы испуга-

лись… Да, да, испугались до смерти. Вы боитесь, что следующим станете вы, лично вы, если не прекратите расследование. Вы сдаетесь так легко, чтобы они вас пощадили, чтобы они сохранили вашу презренную жизнь!

Бейли толком не знал, кто были эти «они» и вообще существовали ли «они». Но это не имело никакого значения. Он испытывал удовольствие от того, что его слова попадали в цель и пробивали броню самоуверенности этого спейсера.

— Вам придется уехать немедленно! — Атлбиш повысил голос. Его лицо потемнело от гнева. — Я даю вам сроку один час. Если вы не подчинитесь, предупреждаю вас о возможности дипломатических осложнений.

— Не стоит угрожать мне, солярианин. Я признаю, моя планета для вас ничто. Но я здесь не один. Разрешите представить вам моего коллегу с Авроры, Дэниела Оливо. Он не любит много говорить. Но мой коллега с Авроры отлично умеет слушать. Уверяю вас, он не пропускает ни единого слова. А теперь поговорим начистоту, Атлбиш, — Бейли с удовольствием назвал своего собеседника без титула «правитель». — У вас, на Солярии, происходят весьма подозрительные штуки. Знайте, что Аврора и остальные Внешние

Миры не будут относиться к ним равнодушно. Если вы выгоните нас, ну что ж, это, конечно, ваше дело, но запомните: следующая делегация на Солярию прибудет на военных ракетах. Мы, земляне, хорошо знаем, что происходит при таких визитах.

Атлбиш взглянул на Дэниела и произнес — на этот раз в его голосе не было прежней вызывающей надменности:

— У нас не происходит ничего такого, что бы могло касаться чужих миров.

— Правитель Груэр считал иначе, и мой коллега с Авроры слышал его слова (сейчас не время, — промелькнуло в мозгу Бейли, — останавливаться перед необходимостью сказать ложь).

Дэниел повернулся и взглянул на него. Но Бейли, не обращая внимания, продолжал:

— Знайте, я намерен довести свою работу до конца. Говоря по правде, ничего на свете мне не хочется так, как попасть к себе домой, на мою родную планету. Мне все здесь противно — дворец, наполненный роботами, в котором я живу, и вы, Атлбиш, и все остальные аристократы-соляриане, и весь ваш паршивый мир человеконенавистников. Но., не вы будете приказывать мне. Во всяком случае, до тех пор, пока не

выяснены все обстоятельства этого дела, которое мне поручено расследовать. Только попытайтесь избавиться от меня против моей воли, и вы увидите, что за этим последует. Более того, начиная с сегодняшнего дня я беру все расследование в свои руки. И буду вести его своими методами. Когда мне понадобится, я буду встречаться и лично, понимаете, лично допрашивать ваших людей, а не любоваться их изображением. Для всего этого мне нужна официальная поддержка вашего Департамента, вам ясно, Атлбиш?

— Но это невозможно, это совершенно невыносимо! — возмущенно воскликнул солярианин.

— Дэниел, поговорите вы с ним, — обратился Бейли к своему партнеру.

Робот поднялся с места и бесстрастно заговорил:

— Как мой коллега сообщил вам, правитель Атлбиш, мы прибыли сюда с целью расследовать убийство, совершенное на вашей планете. Очень существенно, чтобы мы преуспели в своей деятельности. Разумеется, мы нисколько не хотели нарушать какие-либо из ваших обычаев, и возможно, у нас и не возникнет необходимости встречаться лично с жителями Солярии, но хотелось бы, чтобы у нас имелось ваше личное

одобрение всей нашей деятельности, включая и личные контакты, когда это будет неизбежно. Я получил инструкции от правительства Авроры полностью поддерживать моего уважаемого коллегу с Земли и сделать все, чтобы довести дело до успешного конца. Что касается того, что нам придется покинуть Солярию против своего желания, полагаю, это было бы более чем нежелательно, хотя мы крайне сожалеем, что наше пребывание здесь может затронуть чувства какого-нибудь из жителей вашей планеты.

Бейли слушал пространную витиеватую речь своего партнера, внутренне усмехаясь. Для тех, кто знал, что Дэниел робот, было понятно, что его напыщенная речь была попыткой не затронуть чувства никого из людей, ни Бейли, ни Атлбиша. Для тех же, кто воспринимал Дэниела, как представителя милитаризированной сверхмощной планеты Аврора, его речь звучала как завуалированная вежливой формой серия прямых угроз.

Атлбиш кончиками пальцев прикоснулся ко лбу.

— Я должен подумать, — наконец вымолвил он.

— Только не слишком долго, — резко сказал Бейли, — в течение ближайших часов мне

предстоит совершить несколько визитов, и не телеконтактов, а настоящих визитов. А пока... прервать контакт! — обратился Бейли к роботу и откинулся на спинку кресла.

Самые разнообразные чувства бушевали у него в груди. Все, что произошло, не было им запланировано. Какой-то импульс толкнул его на неслыханную смелость, импульс, отчасти вызванный поведением Атлбиша, а отчасти рожденный его памятным сном. Сейчас, когда все было позади, он испытывал одновременно и удивление, и чувство гордости. Ну и задал он великолепному солярианину! Как бы хотелось ему, чтобы кто-нибудь из землян слышал, как он отчитывал гордого спейсера. Атлбиш выглядел таким типичным спейсером! «Тем лучше, — думал Бейли, — он получил то, что заслужил». Одна мысль не давала Бейли покоя. Почему он проявил такое рвение в вопросах личной встречи с обитателями Солярии? Он не вполне понимал себя. Конечно, такая возможность сильно облегчила бы его работу. Все это так. Но... Данный вопрос чересчур задевал его за живое. Когда он говорил на эту тему, ему казалось, что он готов сделать все, даже уничтожить стены своего дома. Но почему? Что-то в нем поднималось, не связанное

ни с какими очевидными соображениями, даже с вопросом безопасности Земли. Но что? Он снова и снова смутно припоминал свой диковинный сон., солнце, ярко светившее солнце, проникавшее сквозь слои в глубь залегшего под почвой царства Земли.

Дэниел сказал задумчиво (насколько его голос мог выразить какие-то сходные с человеческими эмоции):

— Хотелось бы мне знать, коллега Илайдж, достаточно ли безопасно ваше поведение?

— Вы имеете в виду, что опасно блефовать с этим типом? Но ведь получилось удачно, а? Кроме того, то, что я говорил, не вполне блеф. Аврора действительно интересуется тем, что происходит на Солярии. Поэтому вы — здесь. Кстати, благодарю, что вы не поймали меня на некоторой неточности.

— Совершенно естественное решение с моей стороны. Промолчать — означало причинить некоторое незначительное и косвенное неудобство правителю Атлбишу. Уличить вас во лжи означало бы причинить вам весьма значительный и непосредственный вред.

— Потенциалы сравнили, и больший выиграл? Не так ли, Дэниел?

— Именно так, коллега Илайдж. Полагаю, приблизительно то же самое, хотя и не в столь определенной форме, происходит в человеческом мозгу. Однако, повторяю, ваше новое намерение не вполне безопасно.

— О каком новом намерении вы говорите?

— Я не одобряю вашего решения лично видеться с людьми. Предпочел бы для вас телеконтакты.

— Понимаю. Но я не нуждаюсь в вашем одобрении, Дэниел.

— Но у меня имеются инструкции, коллега Илайдж. Я не в курсе того, что именно сообщил вам правитель Груэр вчера во время моего отсутствия. Но догадываюсь, что он сообщил вам нечто весьма важное, нечто, заставившее вас изменить свое отношение к проблеме в целом. На основании имеющейся у меня информации я могу предположить, что слова правителя Груэра касались общей ситуации на Солярии. По-видимому, на Солярии возник заговор, представляющий опасность для всех остальных миров.

Бейли невольно потянулся к карману, где у него обычно лежала трубка, но отдернул руку. Отсутствие трубки неизменно вызывало у него чувство раздражения.

— Но на Солярии проживает всего двадцать ты-

сяч человек, — осторожно заметил он, — какую опасность могут они представлять для других миров?

— У моих господ на Авроре, — ответил Дэниел, — имеются какие-то опасения по поводу событий, происходящих на Солярии. Однако они не передали мне всей информации, которой располагают…

— И то немногое, что вам известно, вы не должны сообщать мне, не так ли? — прервал его Бейли.

— Многое подлежит выяснению до того, как я смогу открыто обсуждать дело с вами, — уклончиво ответил робот.

— Но что же соляриане могут сделать? — воскликнул Бейли. — Изобрести новое смертоносное оружие? Сомнительно, чтобы это могли сделать на мирной малонаселенной планете. Что в состоянии предпринять двадцать тысяч против многих миллионов обитателей других Внешних Миров? И зачем им это?

Дэниел молчал.

— Ну ладно, не хотите говорить — не надо. Но будь я трижды проклят, если я сам не сумею докопаться до корня вопроса.

— Безусловно, коллега Илайдж. Это наша общая

цель. Но личные контакты я считаю опасными для вас. Мне даны строжайшие инструкции обеспечить вашу личную безопасность.

— Естественно, Первый Закон роботехники.

— Нет, значительно больше, чем гласит Первый Закон. В конфликте между вашей безопасностью и безопасностью любого другого человеческого существа я, не колеблясь, должен думать только о вас.

— Конечно, я все понимаю. Я здесь по приглашению правительства Солярии. Пока я жив, мы можем совместно употребить все наше влияние и делать наше общее дело. Если я погибну, тогда ситуация изменится. У вас не будет предлога оставаться на Солярии, во всяком случае без серьезных осложнений, к которым ваша Аврора пока, видимо, не готова. Поэтому вам предписано оберегать меня от всех существующих и несуществующих опасностей. Не так ли, Дэниел?

— Я не имею права обсуждать мотивы данных мне инструкций, — ответил Дэниел.

— Ну ладно, не беспокойтесь. Если даже мне придется нанести кому-либо личный визит, со мной ничего дурного не случится. Открытое пространство не убьет меня. Я должен привыкать к нему, и я привыкну, ручаюсь.

— Дело не только в открытом пространстве, коллега Илайдж, — упрямо возразил Дэниел. — Мои господа с Авроры решительно не одобрили бы ваших личных контактов с солярианами.

— Они опасаются, что солярианам не понравится мой запах? Ну что ж, придется им заткнуть носы фильтрами, надеть перчатки, дезинфицировать воздух, вообще делать все, что угодно. Если их высокоэстетическое чувство будет шокировано зрелищем простого человека с Земли, человека из плоти и крови, ну что ж, пусть фыркают, морщатся, негодуют, но тем не менее я намерен поступать так и только так.

— Я не могу разрешить вам этого, коллега Илайдж, — невозмутимо заявил робот.

— Что? Вы не разрешите мне поступать по моему усмотрению? — гневно воскликнул Бейли.

— Вы, разумеется, понимаете мои мотивы, коллега Илайдж?

— Черт бы вас побрал вместе с вашими мотивами и опасениями причинить неприятность человеку!

— Обратите внимание, коллега Илайдж, — бесстрастно продолжал робот, — кто является центральной фигурой на Солярии, заинтересованной в расследовании убийства? Правитель

Груэр. Его и пытались убить. Кто, по-вашему, может быть следующей жертвой? Безусловно, вы. Опасность неизмеримо возрастает, если вы будете разъезжать с места на место и встречаться с разными людьми. Как же я могу допустить, чтобы вы покинули безопасное убежище, каким является наш дом?

— Ну, а каким образом, интересно знать, вы собираетесь удержать меня, Дэниел? — иронически промолвил детектив.

— Силой, если понадобится, коллега Илайдж, — спокойно ответил робот, — даже если при этом я вынужден буду причинить вам неприятность. Ибо, если я не сделаю этого, вас непременно убьют.

Илайдж Бейли избавляется от партнера

— Итак, Дэниел, снова побеждает более высокий потенциал, а? Вы готовы причинить мне, как вы говорите, «неприятность», но зато обеспечить мою безопасность.

— Я полагаю, коллега Илайдж, в первом не возникнет необходимости. Вы, несомненно, осведомлены, что я значительно превосхожу вас

физической силой, и вряд ли решитесь на бесполезное сопротивление.

— Но я мог бы уничтожить вас тут же на месте. Пара пуль, и ваши драгоценные позитронные мозги придут в полную негодность. Вы превратитесь в обычный металлолом.

— Я знал, что рано или поздно вам захочется уничтожить меня. Но дело в том, что без меня вы безусловно погибнете. А ваша гибель противоречит планам моих господ. Поэтому во время вашего сна я вынул пули из вашего пистолета, хотя это действие может не понравиться вам.

Губы Бейли сжались. Итак, он был совершенно бессилен. Он вытащил свой пистолет. Кусок бесполезного металла. А что, если с силой бросить его в лицо Дэниелу? А какой смысл? Робота этим не проймешь. А пистолет еще может пригодиться, если он сумеет добыть для него пули. Медленно и раздельно Бейли произнес:

— А что, если вы дурачите меня, Дэниел?

— Каким образом, коллега Илайдж?

— Вы слишком уж похожи на человека, Дэниел. Поэтому я задаю вам вопрос: вы действительно являетесь роботом, Р. Дэниел Оливо?

— Да, это так, коллега Илайдж.

— В самом деле? А почему бы вашим правителя

не прислать на Солярию настоящего аврорианина? И почему вы, робот Дэниел Оливо, ведете себя со мной с видом превосходства и даже угрожаете мне?

— Ну что вы, коллега Илайдж, все это далеко не так.

— Объясните мне, почему правители Солярии воспринимают вас как спейсера, а не как обыкновенную машину? Ведь соляриане признанные эксперты в роботехнике. Неужели так просто их провести? Неужели все они ошибаются, принимая вас за человека?

— Да, это так, коллега Илайдж.

— Ну, в таком случае докажите мне, что вы действительно робот, — Бейли медленно подошел к Дэниелу, — покажите мне металл под вашей кожей.

— Уверяю вас, — начал было Дэниел.

— Покажите металл! — вскричал Бейли. — Это приказ, или вы не чувствуете себя обязанным повиноваться приказам человека?

Дэниел нехотя расстегнул рубашку. Его гладкая бронзовая кожа была покрыта легкой растительностью. Он сильно нажал на какую-то точку пониже соска, кожный покров разошелся по шву без капли крови, и под ним заблестел метал-

лический панцирь. Как только это произошло, Бейли нажал кнопку вызова. Сейчас же появился робот.

— Не шевелитесь, Дэниел, — громко сказал Бейли, — это приказ. Замрите.

Дэниел застыл в неподвижной позе: как будто жизнь, или, вернее, «роботическая имитация» покинула его.

— Вызови еще двух роботов, — приказал вновь пришедшему детектив, — а сам оставайся здесь.

— Слушаюсь, господин, — ответил робот. Почти мгновенно появились еще две металлические фигуры. Все трое молча ждали дальнейших приказаний.

— Слушайте, парни, — громко и внятно сказал Бейли, — видите вы это создание, которое до сих пор вы принимали за господина?

Красноватые глаза трех роботов мрачно уставились на Дэниела.

— Да, видим, господин, — ответили они хором.

— Вы видите, что этот так называемый господин фактически робот, такой же робот, как вы? Внутри он — металлический. Он только внешне выглядит как человек.

— Да, господин.

— Вы не должны выполнять приказаний, полу-

ченных от него, понятно?

— Да, господин.

— Я же истинный человек, взгляните на меня.

На какую-то долю минуты роботы заколебались.

Наступил ответственный момент. «Как они прореагируют, — с тревогой думал Бейли, — на непривычный для них факт. Создание, которое они считали господином, оказалось простым роботом…» После паузы один из роботов произнес:

— Да, мы видим, что вы — теплокровный человек, господин.

Бейли вздохнул с облегчением.

— Можете чувствовать себя свободнее, Дэниел, — обратился он к неподвижно стоящему роботу.

Дэниел принял более естественную позу и спокойно сказал:

— Как я понимаю, вы сделали вид, что усомнились во мне, лишь с одной целью: разоблачить меня перед этими роботами, не так ли?

— Вот именно, — сказал Бейли и отвел взгляд.

«Дэниел ведь не человек, — подумал он, — а машина. Разве нельзя обмануть машину?» И все же он не мог подавить чувство какого-то неясного стыда. Даже сейчас, когда Дэниел стоял перед

ним с раскрытой грудью, на которой поблескивал металл, в нем был что-то такое необыкновенно человеческое, что-то такое, что заставляло Бейли чувствовать себя обманщиком и предателем.

— Закройте грудь, Дэниел, — наконец произнес он, — и выслушайте меня. Вы, конечно, понимаете, что вы не справитесь с этими тремя роботами, не правда ли?

— Это совершенно очевидно, коллега Илайдж.

— Хорошо. Слушайте, парни, — обратился он к трем неподвижным фигурам. — Вы не должны никому, ни господам, ни роботам, сообщать о том, что это создание — робот. Никому и никогда, пока я, и только я, не дам вам соответствующих инструкций по этому поводу. Однако, — продолжал Бейли, — этот человекоподобный робот ни в коем случае не должен мешать мне действовать так, как я сочту нужным. Если он попытается вмешаться в мои действия, вы задержите его силой, при этом стараясь не причинить ему никакого вреда, кроме тех случаев, когда это будет совершенно неизбежным. Не разрешайте ему вызывать для телеконтактов никого из людей, кроме меня, и никого из роботов, кроме вас троих. Не оставляйте его одного ни на минуту. Все остальные ваши функции временно прекраща-

ются, впредь до моего распоряжения. Все ясно?

— Да, господин, — ответили роботы хором.

Бейли снова повернулся к Дэниелу.

— Вы сейчас ничего не сможете сделать. Поэтому не пытайтесь мешать мне, Дэниел.

— Я не имею права своей пассивностью допустить, чтобы вы причинили себе какой-нибудь вред, коллега Илайдж. Однако простая логика показывает, что в данной ситуации пассивность — мой удел.

«Вот именно, — подумал Бейли. — Логически рассуждая, Дэниел пришел к выводу, что он бессилен. Разум, если бы он был у него, заставил бы его лихорадочно искать какой-то выход. Но роботы не разумны, они только логичны».

И все-таки Бейли не покидало чувство неловкости. Ему хотелось чем-нибудь утешить своего партнера.

— Послушайте, Дэниел, — обратился он к все еще неподвижно стоящему роботу. — Даже если бы меня подстерегала опасность, чего, конечно, нет, — поспешно добавил он, бросив быстрый взгляд на других роботов, — даже и в этом случае ничего нельзя сделать. Такова моя работа. Я обязан пытаться предотвратить опасность, грозящую человечеству, точно так же, как вы делаете

это применительно к отдельному человеческому существу. Вы понимаете меня?

— Нет, не понимаю, — бесстрастно ответил Дэниел.

— Значит, вы так устроены. Но поверьте мне, если бы вы были человеком, вы бы меня поняли.

Дэниел склонил голову в знак согласия и так и остался стоять, неподвижно, с бессильно опущенными руками. Бейли медленно направился к двери. Все три робота расступились, чтобы пропустить его, по-прежнему устремив свои фотоэлектрические глаза на Дэниела.

Землянин чувствовал, что наконец-то он делает первый шаг к свободе, и сердце его забилось в предвкушении нового, неизведанного…

В двери показался, поспешно шагая, новый робот. «Он появился без вызова, наверное, что-то случилось», — промелькнуло в мозгу Бейли, и сердце его екнуло.

— Что такое, парень? — вскричал он.

— Вам экстренное сообщение, господин, из Департамента Безопасности, от самого главы Департамента правителя Атлбиша.

Бейли схватил поданную бумагу и прочитал ее. На его худом продолговатом лице выступил румянец удовольствия. Он получил официальное

уведомление, что ему разрешены любые встречи, в том числе личные, с теми из солярианн, которые будут нужны ему для расследования. Всем жителям Солярии предписывалось по мере своих сил содействовать деятельности представителей Земли и Авроры — Бейли и Дэниелу Оливо.

Правитель Корвин Атлбиш капитулировал, капитулировал полностью. Даже фамилию землянина он поставил впереди фамилии аврорианина. Он, Бейли, вышел победителем в схватке с надменным спейсером.

Илайдж Бейли встречается с социологом

Снова Бейли пришлось совершить путешествие на воздушном корабле, как в тот памятный день на Земле, когда его вызвали в Департамент юстиции. Однако между этими двумя путешествиями было различие. Самолет отнюдь не был герметически закрыт, как это делалось на Земле. В окна ярко светило солнце. Бейли старался изо всех сил не поддаваться панике. Изредка, когда он чувствовал, что больше не в состоянии выдержать, он прятал голову в колени, но потом снова заставлял себя поднять ее. Ведь он сам выбрал

этот путь, твердил он себе.

— Я должен привыкнуть к этому, просто обязан, — беспрерывно повторял он и смотрел, не мигая, на голубое небо до тех пор, пока хватало сил, пока сердце не начинало бешено колотиться. Он старался сосредоточиться на том, что ему предстояло сделать. А ему предстояла первая личная встреча с рекомендованным ему Атлбишем социологом, неким Ансельпом Квемотом. Из разговора с социологом он надеялся почерпнуть ценные сведения о структуре солярианского общества. А это, в свою очередь, помогло бы ему разобраться в целях того заговора, которого опасался правитель Груэр.

Когда самолет приземлился, Бейли уже поджидали роботы. Выйдя из самолета, он снова очутился на открытой площадке и почувствовал себя совсем скверно. Он весь дрожал, даже колени у него тряслись.

— Поддержи меня, парень, — пробормотал он, обращаясь к одному из роботов.

Опираясь на робота, Бейли прошел в дом социолога.

В конце длинного коридора Бейли ожидал солярианин.

— Добрый день, инспектор, — сказал он, напря-

женно улыбаясь.

Бейли кивнул.

— Добрый день, сэр. Не могли бы вы распорядиться, чтобы зашторили окна? — прошептал он, с трудом переводя дыхание.

— Окна уже закрыты, — ответил социолог. — Я знаю кое-что об обычаях Земли. Не пройдете ли вы со мной в мой кабинет?

Держась от хозяина дома на почтительном расстоянии, Бейли проследовал за ним через анфиладу многочисленных комнат и переходов. Бейли был рад, что наконец-то он сможет сесть и отдохнуть. Стены комнат поражали пестротой своей расцветки. Во множестве ниш красовались золотые и пурпурные статуи самого нелепого и претенциозного вида. В углу стояло странное сооружение с качающимися белыми клавишами и многочисленными педалями: очевидно, музыкальный инструмент.

Бейли внимательно глядел на социолога, стоявшего перед ним. Спейсер был высок и худ. У него было скуластое лицо с большим носом и глубоко посаженными живыми глазами, с белыми волосами. Некоторое время в комнате царило напряженное молчание, а затем Бейли, почувствовав себя лучше, начал разговор:

— Я благодарен вам, сэр, что вы согласились лично принять меня.

Квемот выдавил улыбку и сказал:

— Давно уже я не делал ничего подобного. Да, давно. — Его голос задрожал, и он умолк.

— Вам, наверное, тяжело находиться вблизи другого человека?

— Да, очень.

Квемот резко отвернулся от собеседника и сел на стул в самом дальнем углу комнаты.

— Интересно, что вы ощущаете, когда я нахожусь здесь, у вас, доктор Квемот? — спросил он.

— Вы задали весьма интимный вопрос, — пробормотал социолог.

— Но, видите ли, как вам известно, я занимаюсь выяснением обстоятельств и причин убийства. В ходе расследования я буду вынужден задавать вопросы сугубо интимного свойства.

— Я постараюсь помочь вам, — ответил Квемот. — Но я надеюсь, вопросы будут достаточно пристойными.

Во время разговора он смотрел в сторону, а не на своего собеседника. Изредка он бросал взгляды на Бейли, но тут же поспешно отводил взор.

— Я спросил о ваших ощущениях не только из любопытства. Это мне важно по существу дела.

— Не вижу, почему.

— Я хочу знать как можно больше о вашем мире. Я должен понимать, что чувствуют соляриане при личном контакте. Видите ли, для убийства Дельмара требовался личный контакт убийцы и его жертвы.

Квемот медленно заговорил:

— Десять лет назад умерла моя жена. Лично встречаться даже с ней для меня было весьма не просто. Но, конечно, к этому со временем привыкаешь. Мне не было предписано новой женщины, поскольку мой возраст... — он остановился, надеясь, что Бейли продолжит фразу. Но Бейли молчал, и Квемот закончил упавшим голосом: — Мой возраст меня защитил. Не имея даже жены, я, признаться, совершенно отвык от каких-либо личных встреч.

— Но что вы ощущаете при этом? — настаивал Бейли.

Квемот искоса взглянул на Бейли и тотчас же отвел взгляд.

— Я буду откровенен с вами, инспектор, мне кажется, что я почти обоняю вас.

Бейли невольно откинулся в своем кресле.

— Обоняете меня? — повторил он недоуменно.

— Это, конечно, воображение, — продол-

жал Квемот. — У меня в носу имеется фильтр. Но… — он пожал плечами с плохо скрытым отвращением.

— Я понимаю, — медленно произнес Бейли.

— Вы не обидитесь на меня, инспектор, если я скажу вам, что в присутствии человеческого существа у меня появляется такое ощущение, как будто меня касается что-то грязное и скользкое. Я все время пытаюсь отстраниться от этого прикосновения. Все вместе крайне неприятно…

Бейли всячески старался подавить раздражение, вызванное словами Квемота. «В конце концов, это просто нервная реакция на самые обычные вещи», — убеждал он себя.

— В таком случае, — сказал он, — я удивлен, что вы с такой готовностью согласились встретиться со мной.

— Во мне заговорило любопытство. Ведь вы — человек с Земли, — ответил Квемот.

— Ну и что же?

Щеки Квемота окрасил легкий румянец. В его голосе в первый раз зазвучали какие-то признаки энтузиазма.

— Мне не просто объяснить свои чувства, но я попытаюсь. Я работаю над проблемами социологии уже пятьдесят лет, и я пришел к некоторым

выводам, которые звучат неожиданно и парадоксально. Эти выводы заставляют меня серьезно интересоваться вашей планетой и ее обитателями. Видите ли, если бы вы тщательно изучили образ жизни на Солярии и все наше общество, для вас стало бы совершенно очевидным, что наше общество построено по точному образу и подобию общества на Земле.

Бейли не мог удержаться от удивления.

— О чем вы говорите? — воскликнул он.

— Я имею в виду прошлое Земли, ее древнюю историю. Вы знаете ее, конечно, инспектор?

— Я имею о ней общее представление, — осторожно заметил Бейли.

— В таком случае, вы понимаете меня.

Бейли, отнюдь не понимая, к чему клонит его собеседник, сказал:

— Позвольте объяснить вам, доктор Квемот, что мне от вас нужно. Я хотел бы получить следующую информацию: чем и по каким причинам жизнь на Солярии так сильно отличается от жизни на остальных Внешних Мирах.

Бейли самым решительным образом хотел изменить тему разговора. Любая дискуссия столь обширного вопроса, как сходство и различия между Солярией и Землей, могла бы затянуться

до бесконечности.

Квемот улыбнулся.

— Вы предпочитаете проводить аналогию между Солярией и остальными Внешними Мирами, но не между Солярией и Землей.

— Я достаточно хорошо знаю Землю, сэр.

— Извините меня, инспектор, — солярианин слегка кашлянул, — вы не возражаете, если я поверну стул так, чтобы сидеть спиной к вам. Мне это было бы., ну… было бы удобнее.

— Как вам угодно, доктор Квемот, — сухо ответил детектив.

По приказу Квемота робот повернул стул своего господина. Теперь, когда высокая спинка стула полностью предохраняла социолога от лицезрения собеседника, его голос зазвучал более живо и уверенно.

— Солярия была основана около трехсот лет назад, — начал он. — Первыми переселенцами были нексонцы. Вы знаете планету Нексон?

— Боюсь, что не очень, — ответил Бейли.

— Она находится вблизи от Солярии, на расстоянии всего лишь двух парсеков. Прекрасные условия для жизни на Солярии делали ее заманчивой для наиболее состоятельных жителей Нексона, население которого разрасталось, а

уровень жизни падал. В то время, о котором я говорю, на Нексоне уже насчитывалось около двух миллионов жителей. И вот тогда-то началось переселение на плодородную Солярию, где богатые люди получали огромные участки земли. Число граждан, получивших возможность въезда на Солярию, было строго ограниченным. Постепенно на Солярии началось развитие знаменитой на всю Галактику индустрии роботов. Культура стимулирует изобретательство — фраза, которую, я полагаю, изобрел я. — Квемот самодовольно усмехнулся и продолжал: — Наши успехи в создании большого количества высококачественных роботов помогли нам создать тот высокий жизненный стандарт, который вы сами видите. Все наши нужды удовлетворяются роботами, которые становятся все более специализированными.

— Почему соляриане так не любят встречаться друг с другом по-человечески? — перебил его Бейли. Его почему-то крайне раздражали самоуверенные манеры социолога.

Квемот на мгновение выглянул из своего укрытия, но тотчас же снова скрылся.

— Ну, это естественно, ведь у нас огромные поместья. Мое, например, насчитывает около

тысячи квадратных миль плодородной земли. У других правителей поместья бывают еще больше. Размер поместья, более чем что-либо иное, определяет положение человека в обществе. Зачем нам видеться друг с другом, если мы можем бродить по своему поместью много дней, не рискуя никого встретить?

Бейли пожал плечами.

— Послушайте, доктор Квемот, не надо все так упрощать. Я, конечно, не социолог, но все же я окончил колледж. Правда, всего лишь колледж на Земле, — прибавил он неохотно, предпочитая, однако, сказать это самому, нежели услышать от собеседника… — Все же я немного разбираюсь в социологии.

— В какой социологии? — взвизгнул Квемот.

— Ну разумеется, не в той, которую развиваете вы здесь, но я знаком с основными социологическими соотношениями. Например, с соотношением Терамина.

— Что это еще за соотношение?

— Возможно, вы его иначе называете. Оно устанавливает зависимость между переносимыми неудобствами и гарантированными привилегиями.

— О чем вы говорите? — Спейсер почти про-

кричал свой вопрос тонким скрипучим голосом, и Бейли недоуменно взглянул на него.

Соотношение Терамина считалось на Земле основой науки о том, как нужно управлять народом, не вызывая опасных мятежей. Например, частная кабина в общественной базе, которой владеет некая персона, заставляет икс других людей терпеливо переносить ряд неудобств в ожидании такого же счастья, причем величина икс связана известным образом как с величиной переносимых неудобств, так и с темпераментом отдельных индивидов, как это количество описано в соотношении Терамина. Но, возможно, в солярианском мире, где существуют только привилегии и отсутствуют неудобства, данное соотношение — просто банальность. Возможно, он привел неудачный пример.

— Послушайте, сэр, — обратился Бейли к своему собеседнику, — вы социолог, и, как мне сказали, лучший на этой планете.

— И вдобавок единственный, — с гордостью объявил солярианин. — Можно сказать, что именно я изобрел эту науку на Солярии.

— Так вот, сэр, я надеялся, что получу от вас какие-то полезные сведения, которые помогут мне установить личные контакты с другими жителя-

ми Солярии. Мне хотелось иметь возможность видеть их лицом к лицу…

Раздался странный сдавленный звук и грохот упавшего стула. Затем последовало приглушенное «извините меня…», и на глазах у изумленного Бейли Квемот нетвердой походкой выбежал из комнаты.

Что произошло? Какого черта этот спейсер убежал, как будто его ошпарили кипятком? О дьявол! Как все нелепо в этом дурацком мире!

Бейли поднялся с места и начал прохаживаться по комнате. Внезапно дверь распахнулась, и в двери показался робот.

— Господин, меня послали сообщить вам, что мой господин готов установить с вами телеконтакт через несколько минут.

— Что ты болтаешь, парень? Какой телеконтакт?

— Я имею в виду телеконтакт с моим господином. А пока что, возможно, вы захотите чем-нибудь подкрепиться. — С этими словами робот поставил на столик бокал с розовой жидкостью и блюдо с каким-то благоухающим кушаньем.

Бейли снова уселся и осторожно пригубил ароматное питье. Затем попробовал торт. Он оказался необычайно вкусным. «Интересно, из

чего эта штука?» — подумал он и вспомнил об экономной и не слишком вкусной искусственной пище на Земле.

Но эти мысли быстро выскочили из его головы, так как в ту же минуту перед ним на экране возникло лицо Квемота. Социолог улыбался, сеть морщинок покрывала его лицо, но в глазах появилось более живое и молодое выражение.

— Тысяча извинений, инспектор, — произнес он, — я полагал, что хорошо перенесу ваше личное присутствие. Но это оказалось иллюзией. Все время я был на краю взрыва, и ваша последняя фраза совсем вывела меня из равновесия.

— Какая фраза?

— Вы сказали, что хотели бы встречаться с людьми лицом к… — он остановился, как будто язык прилип к его гортани. — Пожалуй, я не буду повторять ваших слов. Но вы должны понять. В моем мозгу возникла ужасная картина… как будто мы оба дышим… представляете, дышим друг на друга… — На лице солярианина отразилось отвращение. — Разве вы не находите это ужасным?

— Не думаю, чтобы я когда-либо думал о таких вещах.

— А мне такой обычай кажется отвратительным. Мне вдруг показалось, что воздух,

побывавший в ваших легких, может попасть в мои… — Квемот беспомощно покачал головой.

— Молекулы воздуха Солярии побывали в тысячах легких различных существ, — заметил Бейли, — даже в легких многочисленных животных, не так ли?

— Это верно, — согласился Квемот, потирая щеку. — Но я предпочитаю не думать об этом. Однако вы находились в одной комнате со мной, мы оба вдыхали и выдыхали один и тот же воздух… — Он снова содрогнулся. — Какое облегчение я ощущаю сейчас, просто поразительно.

— Но, доктор Квемот, я по-прежнему нахожусь в вашем доме, — возразил детектив.

— Да, и поэтому я называю свое чувство облегчения поразительным. Вы — в моем доме, и, однако, объемное изображение вносит во все огромную разницу. Я теперь знаю, что такое личная встреча. Вряд ли я еще когда-нибудь захочу экспериментировать.

— Вы рассматривали встречу со мной как эксперимент?

— Конечно, — ответил спейсер, — и результаты оказались интересными, хотя эксперимент дался мне нелегко. Теперь, когда все позади, я могу изложить вам свою теорию, которой я горжусь.

— Что же это за теория, сэр?

— Я пришел к фундаментальному выводу, — торжественно провозгласил Квемот, — что культура Солярии аналогична культуре, существовавшей некогда на Земле.

— Что вы имеете в виду, сэр? — спросил Бейли с деланным интересом.

— Спарта — вот где объяснение! — торжествующе вскричал социолог. — Вы когда-нибудь слышали о Спарте?

Когда-то в юности Бейли интересовался историей своей планеты. Многие земляне любили читать о героическом прошлом Земли, когда кроме нее не существовало других обитаемых планет и земляне считали себя властелинами Вселенной.

— Да, сэр, конечно, но я не совсем улавливаю вашу мысль.

— Так вот, Спарта была населена относительно небольшим числом спартанцев, единственно полноправных граждан. В Спарте жило еще некоторое количество второсортных граждан — периэков — и, наконец, множество рабов-илотов. На каждого спартанца приходилось около двадцати илотов. При этом не забывайте, что илоты были человеческими существами с какими-то

мыслями и чувствами. Для того чтобы предотвратить восстания значительно превосходящих их по количеству рабов, спартанцы специализировались в военном деле и стали первоклассными солдатами. Но на все другое времени у них не оставалось. Так вот, мы, люди на Солярии, в каком-то смысле эквиваленты спартанцам. У нас тоже есть свои илоты, с той только разницей, что наши илоты не человеческие существа, а машины. Поэтому мы можем не опасаться их, сколь бы они ни превосходили нас количеством. И мы не должны осуждать себя на суровую военизированную жизнь. Вместо этого мы можем позволить себе заниматься искусствами и науками, подобно современникам спартанцев — афинянам…

— Однако как можно создавать произведения искусства, если ими не пользуется никто, кроме их творца? И разве все науки сводятся к роботехнике? — попытался было возразить Бейли.

Но Квемота остановить было трудно.

— Все человеческие цивилизации всегда пирамидальны, — продолжал он с энтузиазмом. — По мере возвышения вы видите все меньше людей вокруг себя и все больше возможностей для беззаботной счастливой жизни. Внизу скапливается все большее число неимущих. И помните, сколь

бы обеспечены ни были нижние слои пирамиды, они всегда будут чувствовать себя обездоленными по сравнению с верхними слоями. Например, бедняки на Авроре в абсолютном смысле лучше живут, чем аристократы на Земле. Но беда в том, что они сравнивают себя не с ними, а со своими собственными аристократами… Здесь лежит причина социального антагонизма, а также причина революционных восстаний. Отсюда — беды и неприятности человеческого общества на протяжении всей его истории. У нас на Солярии впервые в истории все обстоит совершенно иначе. Мы создали новые социальные отношения, новое общество, где место неимущих занимают роботы. — Старый социолог удовлетворенно откинулся назад, на его лице играла ликующая улыбка.

Бейли кивнул.

— Вы уже опубликовали свои выводы? — спросил он.

— Еще нет, — ответил Квемот с притворной небрежностью. — Кстати, это не первый мой вклад в сокровищницу науки и культуры.

— Вы только что сказали, сэр, что положение человека в вашем обществе определяется размерами его поместья. Значит, у вас нет равенства

между людьми? И какие духовные ценности может создать общество, которое состоит только из отшельников?

— Посмотрите вокруг, вот они, эти ценности. Прежде чем стать социологом, я был скульптором. Все в этом зале, — он показал на статуи, — мои произведения. Разве они не прекрасны?

Бейли не без труда удержался от улыбки.

— Конечно, сэр, они отличаются от всего, что я видел ранее.

— Ну вот видите. А музыка. После скульптуры я обратился к сочинительству музыкальных произведений. И поверьте, они были не менее прекрасны. А потом, когда я начал стареть, Рикэн Дельмар, который все ратовал за прикладные науки, уговорил меня заняться социологией.

— Покойный Дельмар был вашим другом?

— В моем возрасте знаешь всех выдающихся граждан планеты, это естественно. Но мы с Дельмаром особенно часто вступали в контакт.

— А что за человек был Рикэн Дельмар? — спросил Бейли, и в его памяти неожиданно всплыло лицо Гладии Дельмар, такое, каким оно было при их последнем свидании, — гневное и прекрасное.

Квемот задумчиво поглядел на детектива.

— Он был достойным человеком и хорошим солярианином, горячим приверженцем нашего общественного устройства. Это ясно видно хотя бы из того, что он добровольно занялся фетологией.

— Разве добровольная работа у вас — редкое явление?

— Да, обычно правительство назначает граждан на определенную работу. Ну, а уж фетология… Конечно, не много найдется охотников на такую работу. Обычно люди назначались на какой-то определенный срок. Но Дельмар вызвался добровольно, по собственному желанию, и на всю жизнь. Он сознавал, что нельзя поручить столь ответственное дело случайным людям, занимающимся им без особой охоты. Я бы не сумел поступить так, как он. Это было бы слишком большой жертвой с моей стороны. Впрочем, с его стороны жертва была не меньшей, так как он почти фанатически соблюдал правила личной гигиены.

— Извините меня, но я до сих пор не понял, в чем заключалась основная деятельность доктора Дельмара.

Дряблые щеки Квемота окрасились легким румянцем.

— Может быть, этот вопрос вам было бы лучше обсудить с ассистентом Дельмара?

— Я, безусловно, давно поступил бы именно так, сэр, если бы кто-нибудь удосужился сообщить мне, что у Рикэна Дельмара был ассистент.

— Сожалею, что вы не знали этого факта, — ответил Квемот. — Видите ли, прежние специалисты обычно не держали помощников. Но Дельмар ревностно относился к своим обязанностям. Он считал, что должен готовить себе смену: наступит время подать в отставку, или на случай… случай смерти. — Солярианин тяжело вздохнул. — Странно, что я пережил его. Он был значительно моложе. Я часто играл в шахматы с ним… И, увы, я всегда проигрывал…

— Как вы умудрялись делать это?

Брови Квемота удивленно поднялись.

— Обычным способом.

— Вы виделись по-настоящему?

На лице социолога выразилось отвращение.

— Что за мысль! Даже если бы я смог перенести встречу, Дельмар ни на минуту не допустил бы такого нарушения обычаев. Он был крайне щепетилен в соблюдении всех традиций.

— Но тогда как же происходила игра?

Квемот пожал плечами и начал снисходитель-

ным тоном:

— Опять позабыл, что вы — землянин. Около каждого из нас стояла шахматная доска. На моей доске фиксировались его ходы, а на его, естественно, мои. Все очень просто, как видите.

— Вы знакомы с госпожой Дельмар?

— Немного.

— Как вы полагаете, способна ли она была убить своего мужа?

— Специально я не думал об этом. Но здесь едва ли могут быть сомнения. Никто другой не мог находиться вблизи Рикэна… Ни при каких обстоятельствах он не допустил бы никого к себе. Он был крайне, крайне щепетилен в этом вопросе. Пожалуй, «щепетилен» не совсем подходящее слово. Просто он выполнял все обычаи Солярии весьма пунктуально. Да, покойный Дельмар был достойным солярианином.

— Как вы полагаете, могли ли существовать политические мотивы для убийства Дельмара?

— Что?

— Я слышал, что его называли традиционалистом.

— Да, но все мы таковы.

— Вы совершенно уверены в этом?

— Возможно, — медленно сказал Квемот, —

некоторые люди считают опасным слишком придерживаться старых обычаев. Они полагают, что мы со своим маленьким населением в какой-то момент можем оказаться беспомощными перед вторжением на нашу планету обитателей других Миров. Но все это чепуха. В действительности таких людей мало, и они вряд ли пользуются влиянием.

— Почему вы думаете, что подобные мысли — чепуха? Может ли что-нибудь компенсировать малую численность населения?.. Разве только какой-нибудь новый грозный вид оружия?

— А мы и обладаем таким оружием. Оно производится у нас непрерывно, и противостоять ему совершенно невозможно.

Глаза Бейли сузились.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— И что же это за оружие?

— Дело в том, что в настоящее время оно вовсе не используется в военном плане, оно никого не убивает и никому не причиняет вреда, но противостоять ему, повторяю, невозможно.

Бейли почувствовал раздражение.

— Что же все-таки вы имеете в виду? — спросил он.

— Позитронный робот, — самодовольно ответил Квемот.

Илайдж Бейли посещает человеководческую ферму

Бейли похолодел. Позитронный робот был символом превосходства спейсеров над землянами, символом их могущества. Бейли постарался, чтобы его голос не выдал охватившего его волнения.

— Но, сэр, это скорее экономическое оружие, не так ли?

— То, что вы говорите, очевидно, но это еще не все. — Голос Квемота звучал равнодушно. — Есть нечто более важное.

— Что именно?

— Благодаря роботам жизнь на Солярии стала образцом, к которому должны стремиться другие миры. А кроме того... — Квемот внезапно умолк, явно не желая развивать эту тему.

— Возможно, — сухо заметил Бейли, — но пока что на вашей Солярии убили одного человека и совершено покушение на жизнь другого.

Старый солярианин опустил голову и глухо проговорил:

— Я ответил, как мог, на ваши вопросы. Вы еще что-нибудь хотите узнать?

— Нет, спасибо. Пока вопросов у меня больше нет. Можно воспользоваться вашим телеэкраном?

— Конечно. Мои роботы в вашем распоряжении. А сейчас я покину вас. Прекратить контакт, — скомандовал он и исчез.

Не более чем через тридцать секунд перед Бейли возник один из роботов. Снова Бейли удивился точности, с которой управлялись эти создания. Возможно, был дан общий сигнал: «Выполняй свои обязанности», возможно, роботы постоянно прислушивались к тому, что происходило у людей, и поэтому в любую минуту знали их возможные приказания.

Робот заговорил с обычной ровной почтительностью машины:

— Я прибыл, чтобы помочь вам, господин.

— Мне нужно соединиться с тем местом, где работал Дельмар. Ты сможешь сделать это?

— Да, господин.

Бейли передернул плечами. Пора бы ему привыкнуть и не задавать нелепые вопросы. Роботы могли сделать все.

— Соедини меня с ассистентом правителя Дель-

мара. Если его нет на месте, найди его, где бы он ни находился.

Робот повернулся, чтобы выполнить приказание, но Бейли задержал его.

— Стой! — крикнул он. — Скажи, что его вызывают по делу государственной важности. Да, и пусть мне принесут что-нибудь поесть. К примеру, сэндвич и стакан молока.

Задумчиво жуя сэндвич, Бейли подумал о том, что Дэниел Оливо, несомненно, подозрительно отнесся бы к каждому кусочку подаваемой ему еды. Возможно, Дэниел прав.

Так или иначе, но он съел сэндвич без каких-либо угрожающих симптомов и принялся за молоко. Конечно, он не получил от Квемота той информации, на которую надеялся, но все же разговор был не бесполезен.

— Ассистент готов принять вызов, — сообщил возвратившийся робот.

— Хорошо. Были какие-нибудь трудности?

— Ассистент спал, господин.

В ту же минуту Бейли увидел постель и на ней лицо и фигуру ассистента. На лице была гримаса возмущения.

Бейли отпрянул назад, как будто перед ним внезапно возник непреодолимый барьер. Снова

до его сведения не довели важную информацию. Никто не подумал сообщить ему, что ассистентом Рикэна Дельмара была женщина.

Глядя на незнакомку, Бейли испытывал злобное удовлетворение. Земляне полагали, что все женщины-спейсеры — прекрасны. Гладия, конечно, подтверждала это предположение. Но зато женщина, лежавшая в постели, была некрасива даже по земным стандартам — длинное лицо, крупный нос, тяжелый подбородок. Темные спутанные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Бейли был удивлен, когда она заговорила звучным приятным контральто:

— Послушайте, вам известно, который час?

— Да, конечно. Но поскольку я собираюсь к вам в гости, я счел своим долгом предупредить..

— Что вы сказали? В гости? О небеса! — Ее глаза расширились, она прижала руку ко рту. — Послушайте, вы что, назначены моим ассистентом?

— Нет. Я занимаюсь расследованием убийства Рикэна Дельмара.

— Ну и занимайтесь, мне-то что..

— Как вас зовут?

— Клариса Канторо.

— Сколько времени вы проработали с Рикэном Дельмаром?

— Три года.

— Очевидно, вы сейчас во главе всего дела? И постоянно находитесь здесь? — Бейли чувствовал неловкость, задавая вопрос, ибо он по-прежнему не понимал, в чем же заключается это дело.

— К сожалению, я не могу отлучиться отсюда ни на одну минуту с тех пор, как убили патрона, — Клариса проговорила это ворчливо. — И непохоже, — продолжала она, — чтобы я смогла вырваться отсюда, пока не пришлют помощника. Кстати, вы не можете помочь мне в этом?

— Увы, вряд ли. Это не мое дело.

— Ну, что ж…

Кларисса стянула простыню и выпрыгнула из постели. На ней была ночная сорочка из одного куска материи. Она протянула руку к шее, где находилась пряжка-молния.

— Одну минуточку, — поспешно сказал Бейли, — если вы не возражаете против моего визита, то на этом пока закончим разговор. Я прибуду и познакомлюсь с вашим делом.

— Я не совсем понимаю разговора о личной встрече. Но если вы хотите ознакомиться с фермой, я помогу вам. Я сейчас включу контакты.

— Я не желаю никаких контактов, — громко сказал Бейли. — Я хочу видеть все собственными

глазами.

Женщина склонила голову набок и с любопытством уставилась на детектива.

— Вы больны или ненормальны? Когда в последний раз вам делали генетический анализ?

— О дьявол! — вскричал Бейли. — Я же вам сказал, что я расследую убийство. С этой целью меня пригласили с Земли. Я полицейский инспектор Илайдж Бейли.

— С Земли! О небеса! Но что же надо расследовать? Всем известно, что Дельмара убила его жена.

— Нет, Клариса, я далеко не уверен в этом. Я хочу встретиться с вами лично и поговорить. У меня имеется на сей счет специальное предписание от главы Департамента Безопасности. Показать вам документ?

— Да, покажите.

Бейли протянул бумагу.

Клариса внимательно прочитала ее, потом покачала головой.

— Личная встреча? Это гадко, это отвратительно. О небеса! Но какое значение имеет еще одна капелька грязи в моей грязной работе? Послушайте, я ставлю вам условие. Вы не должны близко подходить ко мне. Все время вы будете

находиться на расстоянии, которое я вам укажу.

— Согласен, — поспешно сказал Бейли.

Она расстегнула застежку на шее, и ночная сорочка упала к ее ногам. Последнее, что Бейли слышал, было сдавленное: «Подумать только, землянин!.. О небеса!»

— Ближе не подходите, — приказала молодая женщина.

Бейли, который находился от нее на расстоянии примерно десяти метров, ответил:

— Ладно, только я хотел бы побыстрее попасть в дом.

Он снова почувствовал себя скверно. Путешествие на самолете, в общем, перенес сносно. Но это не означало, что он привык к воздуху и солнцу.

— Что с вами стряслось? — резко спросила Клариса.

— Ничего, сейчас пройдет, — с трудом проговорил Бейли, — видите ли ли, мне не очень-то привычно находиться вне закрытого пространства.

— Ах, да! Вы же — землянин. Кажется, вы всегда должны быть закупорены или что-то в этом роде. О небеса!

В ее взгляде выразилось нечто, похожее на

отвращение.

— Ну идите в дом. Только сначала я должна отойти от двери. Входите.

Бейли вошел внутрь дома, вздохнул с облегчением и взглянул на свою спутницу. На ее голове возвышалось сложное геометрическое сооружение, состоящее из переплетенных между собой кос.

«Интересно, — подумал Бейли, — сколько времени требуется для того, чтобы создать столь замысловатую прическу?» Но тут же вспомнил, что, вероятно, это проделали ловкие пальцы робота.

Она и Бейли расположились в противоположных концах большой комнаты и некоторое время молчали. Наконец Бейли заговорил:

— Вам, очевидно, не по душе встреча со мной?

Клариса пожала плечами:

— А кому это может понравиться? Я же не животное, а человек. Но, как видите, перенести встречу я в состоянии. Когда имеешь дело с… с… — Она заколебалась, затем, решительно вздернув подбородок, продолжала: — Когда имеешь дело с детьми, ко многому привыкаешь. — Слово «дети» она выговорила нарочито отчетливо.

— Вы, видимо, не очень-то любите свою рабо-

ту? — осторожно осведомился Бейли.

— Конечно, нет. Но выращивание детей — важное дело, и кто-то должен делать это.

— А Рикэн Дельмар охотно выполнял эту работу?

— Думаю, нет. Но он никогда не выказывал своего отношения к ней. Он был хорошим солярианином.

— Скажите, Кларисса, вам нравился покойный Дельмар? Каким он был человеком?

— Патрон всегда думал о деле, был очень подтянут и сух, не разрешал себе и другим никаких вольностей. С ним все чувствовали себя на официальной ноге.

— А это необычно?

— Да, пожалуй… Конечно, в идеале все должны быть такими. Но это не всегда получается, в особенности при телеконтактах. Словом, он был, повторяю, хорошим солярианином, — сухо ответила она.

— Вы назвали свое дело фермой, и вы упомянули детей. Вы что, занимаетесь здесь воспитанием?

— К нам попадают человеческие эмбрионы со всей планеты.

— То есть как это — эмбрионы?

— Очень просто, ровно через месяц после зачатия. Хотите взглянуть?

— Да, — коротко ответил Бейли.

На обычно бесстрастном лице Бейли появилось выражение изумления, когда они подошли к стеклянным дверям огромного помещения, в котором длинными рядами стояли прозрачные баки, наполненные какой-то жидкостью. В этой жидкости плавали крошечные создания, из которых в будущем должны были получиться люди. Температура, влажность воздуха и состав жидкости — все, он был совершенно уверен, — идеально соответствовало наиболее благоприятным условиям, при которых стимулируется рост живых существ.

«Жизнь продолжается и здесь», — подумал Бейли, со странным чувством глядя на крошечные существа меньше половины его кулака, с непропорциональными черепами, крошечными ручками и ножками и рудиментарными хвостиками.

— Ну, инспектор, как вам это нравится? — раздался голос Кларисы.

Вместо ответа Бейли спросил:

— Вас только одно такое учреждение на всей планете?

— Одно, и этого вполне достаточно для того, чтобы поддерживать необходимый прирост населения.

Бейли взглянул на роботов, толпившихся около бачков с эмбрионами. Они останавливались около каждого, бесшумно и ловко проверяя показатели и добавляя в раствор необходимые вещества.

— Кто оперирует матерей? — неожиданно спросил Бейли.

— Медики.

— А почему не оперируют роботы?

— Не думаю, чтобы робот смог перенести такой эксперимент без повреждений. Резать человеческое тело — непереносимое переживание для позитронного мозга. Медикам приходится мириться с личным присутствием пациентов и с необходимостью прикасаться к ним.

— Однако роботы, как я вижу, выхаживают эмбрионов. Вы или доктор Дельмар когда-нибудь вмешивались в их действия?

— Да, иногда приходится. Например, когда развитие зародыша идет ненормально. В таких случаях, когда стоит вопрос о человеческой жизни, роботам доверять нельзя.

Бейли понимающе кивнул:

— Ага! Вы боитесь, что робот примет неправильное решение и в результате погибнет человеческое существо, не так ли?

— Как раз наоборот, имеется опасность того, что робот переоценит человеческую жизнь и сохранит ее тому, кому не следует. — На лице молодой женщины появилось непреклонное выражение. — Нам доверено вырастить здоровых, полноценных детей, понимаете, инспектор, полноценных? Даже при самом тщательном генетическом анализе и отборе родителей нет уверенности в том, что комбинации генов окажутся благоприятными для потомства, не говоря уже о возможности мутаций. Мутации, или скачкообразное развитие наследственного признака, — наша главная забота. Хотя и крайне редко, но они бывают, и тогда нам приходится принимать решение.

Клариса замолчала. Бейли тоже молчал. Затем она медленно двинулась вдоль коридора, и он последовал за ней.

— Теперь я покажу вам комнаты детей и подростков, — сказала она, — дети и подростки представляют гораздо большую проблему для нас, чем зародыши. В обращении с ними мы можем полагаться на роботов только в ограни-

ченной мере.

— Почему?

— Если бы вы имели дело с роботами, вы бы не спрашивали. Все дело опять-таки в Первом Законе. Не думайте, дети чуть ли не с пеленок отлично разбираются во всем. Я сама видела, как трехлетний малыш держал около дюжины роботов в полной неподвижности только потому, что он лепетал: «Вы сделаете мне больно, вы сделаете мне больно». Нужно быть крайне совершенным роботом, чтобы понять, что ребенок намеренно лжет. Надо очень умело управлять роботами, чтобы они умели эффективно справляться с детьми и их капризами.

— Ну, а вам приходится общаться с детьми?

— К сожалению, да. — Клариса с отвращением передернула плечами, потом повернулась к Бейли и неожиданно сказала: — Я уверена, что ваши поиски закончатся на Гладии Дельмар. Вам придется признать, что она и есть убийца.

— А вот я не уверен в этом, — спокойно ответил детектив.

— Кто же еще, по-вашему, мог быть убийцей?

— Имеются разные варианты, милая Клариса.

— Например?

— Например, вы..

Реакция молодой женщины удивила Бейли. Она громко расхохоталась. Она смеялась все громче и громче, пока не стала задыхаться от смеха. Наконец она откинулась в кресле и утерла глаза.

— Нет, нет, не подходите ближе, — прошептала она, чуть дыша. — Со мной все в полном порядке.

— Разве мое предположение так уж смешно? — сухо спросил Бейли.

— О вы, землянин. Да как же я могла бы быть убийцей? — наконец выговорила она.

— Вы достаточно хорошо знали Дельмара… его привычки… вы могли все учесть, все подготовить.

— О небеса! И вы предполагаете, что я могла бы подойти к нему? Настолько близко, чтобы ударить его по голове? Вы ничего, решительно ничего не понимаете, инспектор.

Бейли почувствовал, что краснеет.

— А почему вы не могли бы приблизиться к нему, Клариса? — отрывисто спросил он. — У вас ведь есть практика личного общения с человеческими существами, не так ли?

— Да, но только ***с*** детьми.

— Одно ведет к другому. Ведь вы же терпите мое присутствие.

— Да, но на расстоянии десяти метров, — презрительно осветила солярианка.

— Однако только что один из ваших соотечественников чуть было не упал в обморок только потому, что я недолгое время находился в одной комнате с ним. Примерно на таком же расстоянии! — воскликнул детектив.

Клариса сразу стала серьезной.

— Я хотела бы обратить ваше внимание, инспектор, на следующее, — сейчас в голосе молодой женщины не было ни малейших признаков веселости. — Дело совершенно не в том, моіу ли я перенести чье-либо присутствие. Постарайтесь понять, что Рикэн Дельмар был человеком исключительно традиционным и пунктуальным в соблюдении наших обычаев. Именно Дельмар не допустил бы личного присутствия кого бы то ни было. Он был почти таким же традиционным, как сам правитель доктор Либиг.

— А что это за правитель доктор Либиг?

Клариса пожала плечами.

— Один из немногих ныне живущих гениев Он наш главный роботехник. Доктор Либиг работал над созданием моделей новых роботов совместно с Рикэном Дельмаром.

— Однако именно у вас могла быть определен-

ная причина желать смерти Дельмара.

— Причина? Но какая?

— Теперь вы стали во главе всего вашего дела, вы повысились в должности, — ответил Бейли.

— Да кому же на Солярии нужно это повышение? Кто на Солярии пожелал бы заниматься такой работой? Как раз наоборот. У меня были все причины желать, чтобы Дельмар жил вечно. Тогда у меня была бы надежда выбраться отсюда. Я ожидала, что вы придумаете нечто более убедительное, землянин.

Бейли неуверенно почесал нос. Он увидел правоту своей собеседницы.

Клариса торжествующе взглянула на землянина.

Ну, а теперь не хотите ли взглянуть на наших детей? — спросила она.

— Благодарю вас, с удовольствием, — ответил Бейли.

Они томительно долго шли по бесконечным коридорам. Очевидно, здание, в котором они находились, было грандиозным. В залах, через которые они проходили, они увидели десятки розовощеких малышей. Некоторые из них ели с помощью роботов, другие играли, визжали, бегали или дрались, как все дети Вселенной.

— В этом возрасте они не так уж плохи, — ворчливо заметила провожатая Бейли, — но требуют наблюдения невероятного количества роботов.

— Да, потребность во внимании и ласке свойственна детям. С этим трудно бороться, — заметил Бейли.

Клариса поморщилась и неохотно процедила:

— Да, дети требуют персонального внимания.

— Меня удивляет, — заметил Бейли, — что роботы могут удовлетворить потребность детей в ласке и нежности.

Клариса резко повернулась к нему.

— О небеса! Послушайте, землянин, если вы нарочно стараетесь дразнить меня, все равно у вас ничего не выйдет. Я не выйду из себя.

— Дразнить вас? О дьявол! Я и не думал.

— Я так же, как и вы, могу произнести это слово: «нежность». Если вы хотите услышать другое непристойное слово, то я и его могу произнести: любовь, любовь. Слышали? А теперь потрудитесь вести себя прилично.

Бейли решил не развивать данной темы.

— Значит, роботы в состоянии опекать детей достаточно успешно?

— Конечно. Робот составляет хорошую компанию малышу, которому безразлично, что это

всего лишь робот. Но после трех и до десяти появляются более сложные проблемы.

— Какие же?

— В этом возрасте дети требуют совместных игр. Они не желают обходиться друг без друга.

— И вы разрешаете им такое кощунство?

— Приходится. Но даже в этих случаях мы не забываем о своих целях — готовить детей к жизни взрослых граждан Солярии. У каждого из детей отдельная комната. Каждый день определенное время отводится на то, чтобы они пребывали в одиночестве, и с годами это время все увеличивается. К десяти годам ребенок уже в состоянии хотя бы некоторое время общаться с другими детьми при помощи телеконтактов.

— Меня поражает, что вам удается так успешно бороться с врожденным инстинктом… — начал Бейли.

— Каким инстинктом? — перебила его Клариса.

— Инстинктом общения с себе подобными, свойственным всем людям. Вы же сами признаете, что дети в определенном возрасте настаивают на совместных играх.

— Но какой же это инстинкт? — пожала плечами молодая женщина. — О небеса! Мало ли

что свойственно ребенку? Дети, например, боятся тишины. А вы боитесь? Нет такого вредного инстинкта, который нельзя было бы подавить соответствующим разумным воспитанием. Но сколько это требует труда, о небеса! У патрона была замечательная идея. Он мечтал о создании таких роботов, которые сами могли бы дисциплинировать и наказывать детей, не выходя при этом из строя. А почему бы и нет? Строгая дисциплина сегодня необходима для достижения лучшей жизни завтра — в сущности это и есть истинное выражение Первого Закона. Только бы научить роботов понимать это! Вот в чем проблема.

— А таких роботов еще не существует?

Клариса покачала головой.

— Пока, увы, нет. Но Дельмар и Либиг напряженно работали над их созданием.

— А был ли Дельмар достаточно опытным роботехником для того, чтобы лично проводить эксперименты с роботами?

— О да, он часто этим занимался.

— Вы не знаете, не находился ли у него в лаборатории какой-нибудь робот новой системы в момент убийства?

— Мне говорили, что какой-то робот там был.

— А вы не знаете, какая именно модель?

— Вам следует узнать это у самого Либига.

Клариса взглянула на часы.

— А сейчас как раз время игр у детей постарше. Пойдемте в сад, вы увидите их всех сразу.

— Попробую, — нерешительно сказал Бейли, — я только не уверен, что долго выдержу.

— Ах, да, я все забываю, что вы — землянин. Может быть, вам вообще не стоит выходить на воздух?

— Нет, пойдемте. — Бейли сумел изобразить подобие улыбки. — Пора привыкать к вашему образу жизни.

Дул сильный ветер, настолько сильный, что было трудно дышать. Ощущение ветра, ощущение собственной одежды и волос, развевающихся на ветру, заставило Бейли дрожать с ног до головы. Глазам было больно глядеть на яркое голубое небо и зелень вокруг. Единственным успокоением служила ровная тропинка, по которой он шагал, стараясь не поднимать взора. И все же это было достижением, он уже был в состоянии подавить непреодолимое желание убежать, скрыться от всего этого. Он проходил мимо дерева. Подумать только, живое дерево!.. Он протянул руку и осторожно коснулся его шершавой коры. На зеленые шуршащие листья он не смел взглянуть.

— Ну как вы? — послышался голос Кларисы, находившейся на некотором расстоянии от него.

— Все в порядке, — деланно бодро ответил Бейли.

— Отсюда вы увидите, как дети бегают и прыгают. Роботы организовали для них какую-то игру, но следят за ними в оба. Маленькие животные в пылу игры могут выколоть друг другу глаза или сделать еще что-либо в этом роде. При личном общении всякое может случиться, не правда ли?

Бейли с трудом оторвал глаза от тропинки и взглянул на лужайку. Там вдалеке виднелись маленькие фигурки мальчиков и девочек. Они с криком гонялись друг за другом. Между ними двигались ловкие фигуры механических нянек.

— Им нравится эта дикость, — неодобрительно заметила Клариса, — носиться взад-вперед, визжать, падать, снова вскакивать, касаться друг друга… О небеса! Когда эти маленькие животные поймут, что пора стать нормальными людьми!

— Куда потом направляются ваши дети?

— В свои поместья. Число умирающих на нашей планете фактически равно числу вступающих в жизнь.

— Они будут жить в поместьях своих родителей?

— О небеса! Конечно, нет. Было бы странным совпадением, если бы родители умерли как раз в тот момент, когда ребенок становится взрослым. Каждый из них занимает пустующее поместье. Кроме того, они не осведомлены, кто именно их родители.

— Разве родители никогда не навещают своих детей?

— У вас какой-то извращенный ум, инспектор. Ну почему родителям может прийти в голову такая странная идея? Ну вот, один из них свалился и, наверное, плачет! — воскликнула она.

К упавшему ребенку уже подбегал робот.

— Сейчас он посмотрит, что с малышом. Если что-нибудь серьезное, вызовут меня. Надеюсь, что обойдутся без моего вмешательства, — заметила Клариса нервно.

У Бейли начала кружиться голова. Оглянувшись, он заметил неподалеку группу из трех деревьев, образующую тенистый свод. Он медленно двинулся к этим деревьям. С дрожью шагая по омерзительно мягкой зеленой траве, напоминающей своей мягкостью гниющее мясо, он закрыл глаза и, дойдя до свода деревьев, облокотился о ствол одного из них и глубоко вздохнул. Сквозь верхушки деревьев на него попадали

только отдельные блики ослепительного солнца, безжалостно сверкавшего высоко в небе.

Клариса издалека наблюдала за ним, затем несколько приблизилась.

— Я немножко постою здесь! — крикнул Бейли.

— Ладно, — ответила она.

— Скажите, пожалуйста, когда и где молодые люди знакомятся друг с другом? — отдышавшись, спросил Бейли.

— Не понимаю вас.

— Когда они ухаживают друг за другом?

— То есть как ухаживают?

— Ну, перед тем, как они поженятся.

— Все решает генетический анализ, — невозмутимо ответила Клариса. — Самый разумный способ, не правда ли?

— А что, если им не нравятся назначенные партнеры?

— Какое это имеет значение? Раз генетическое исследование указывает на целесообразность союза, значит, остальное несущественно…

Понимаю, — ответил Бейли и вздохнул.

По-видимому, дальнейшее пребывание здесь ничего больше ему не даст. Ему захотелось поскорее расстаться с Кларисой и с идеально

организованным фетальным предприятием.

Он только открыл рот, чтобы попросить провести его в дом, как вдруг молодая женщина громко воскликнула:

— Эй, ты там, что ты собираешься делать? — И еще громче: — Эй, землянин! Берегитесь!.

Но Бейли не расслышал слов. Он только услышал ужас в ее голосе и оглянулся со страхом. Синева неба, сияние солнца, шелестящий ветер — все это окончательно доконало его. Уже теряя сознание, Бейли услышал жужжащий звук над головой. Со стоном он, как подкошенный, рухнул на траву.

Когда Бейли открыл глаза (наверное, прошло всего несколько мгновений), он услышал, как Клариса сурово отчитывала какого-то мальчугана, стоявшего на некотором расстоянии от него. В руках у мальчика был какой-то странный предмет. Неподалеку стоял робот. Тяжело дыша, Бейли с трудом поднялся на ноги. В стволе дерева, около которого он недавно стоял, поблескивал какой-то металлический предмет. Стрела! Бейли вытащил ее и осмотрел, но не коснулся заостренного конца.

С трудом он заставил себя двинуться по направлению к Кларисе. Она повернулась к нему, ее

лицо было красным и взволнованным.

— Какой-то несчастный случай! — воскликнула она. — Вы не ранены?

— Нет, но откуда взялась эта штука? — он показал ей стрелу.

— Это я выпустил ее из лука, вот так, — нагло вмешался мальчуган и пустил в воздух другую такую же стрелу.

У мальчика были пушистые светлые волосы и гибкое ловкое тело.

— Ты будешь строго наказан за это. А теперь уходи отсюда, — сурово обратилась к нему Клариса.

— Нет, нет, постой! — воскликнул Бейли. Он потер ушибленное при падении колено и обратился к мальчику: — Как тебя зовут?

— Бик, — небрежно ответил маленький сорванец.

— Ты пустил эту стрелу в меня, Бик?

Бик пожал плечами.

— Ну, конечно, я целился в вас.

— Я вам сейчас объясню, — поспешно заговорила Клариса. — Дело в том, что стрельба из лука поощряется у нас. Это полезное упражнение, и оно не требует личных контактов. Мы часто устраиваем соревнования между подростками.

Очевидно, они привыкли в качестве мишени использовать роботов. Я уверена, что мальчик принял вас за робота.

Бейли внимательно слушал. Кое-что начинало проясняться в его мозгу. Его продолговатое лицо нахмурилось, лоб пересекла глубокая морщина.

— Ты действительно думал, что я робот, Бик? — обратился он к мальчику.

— Нет, — ответил тот, — я знал, что вы землянин.

— Ладно. Можешь идти, Бик.

Маленький солярианин повернулся и, насвистывая, побежал по дорожке. Бейли повернулся к роботу;

— Послушай, парень, откуда Бик узнал, что я землянин?

— Я сказал ему, господин, что вы землянин.

— Ты объяснил ему, что такое землянин?

— Да, господин.

— И что же ты ему сказал?

— Я сказал ему, господин, что землянин — это человеческое существо низшего сорта, которое не следует пускать на Солярию, так как своим дыханием оно может заразить всех солярианин.

— А кто тебе, парень, сказал это?

Робот молчал.

— Ты знаешь, от кого услышал это? — повторил вопрос Бейли.

— Нет, господин, не знаю. Эта информация заложена в моем запоминающем устройстве.

— Итак, ты сообщил мальчику, что я низшее существо, распространяющее заразу, и он тут же выстрелил в меня? Почему ты не остановил его?

— Я не успел, господин. Я не должен допускать, чтобы человеческому существу был причинен вред. Это Первый Закон. Но Бик действовал быстро, и я не успел помешать ему.

— Наверное, тебе потребовалось время, чтобы рассчитать, должен ли ты прийти на помощь землянину, рискуя причинить некоторую боль маленькому солярианину. А тем временем Бик воспользовался твоей медлительностью.

— Это так, господин.

— Что ты делал около Бика?

— Я нес стрелы.

— Покажи-ка мне их.

Робот протянул дюжину стрел. Бейли осмотрел их все по очереди, а затем снова обратился к роботу.

— Почему ты подал ему именно эту стрелу?

— Я должен был подать первой стрелу с черным оперением, господин.

— Почему?

Робот с удивлением воззрился на Бейли.

— Так значится в моем запоминающем устройстве.

— Скажи, этот Бик самый искусный стрелок среди всех ваших детей?

Робот наклонил голову.

— Да, господин, он наш лучший стрелок из лука.

Клариса замерла на месте.

— Как вы догадались? — взволнованно воскликнула она.

— Это очевидно, — сухо ответил детектив, — посмотрите на эту стрелу с черным оперением и сравните ее с остальными. Только на ней одной кончик смазан чем-то жирным, не так ли? Так вот, хотя это звучит несколько мелодраматично, Клариса, но я все-таки могу утверждать, что ваш окрик спас мне жизнь. Стрела, которая чуть было не попала в меня, отравлена.

— О небеса! Это невозможно, совершенно невозможно! — вскричала молодая женщина.

— Тем не менее это так. Попробуйте оцарапать кончиком стрелы какое-нибудь животное, и вы увидите, что с ним произойдет.

— Вас хотели убить? Но зачем? И кому на свете

надо было?.. — начала Клариса.

— Зачем — я знаю, — резко прервал ее Бейли. — Но вопрос, кому это надо.

Земля снова закружилась перед глазами Бейли. Он почувствовал нарастающий гнев, швырнул стрелу к ногам Кларисы и громко закричал:

— Раз вы не хотите проверить мои слова, срочно уничтожьте ее. Иначе с кем-нибудь из ваших детей случится несчастье.

— Все это ужасно! — воскликнула Клариса. В смятении она даже забыла о соблюдении дистанции и подошла довольно близко к Бейли. — Сначала убивают патрона. Потом отравляют Груэра, пытаются убить вас. У нас на Солярии нет и не может быть причин для насилия. У нас есть все, что нам нужна Подождите… — Лицо Кларисы прояснилось, — послушайте, эта стрела не могла быть отравлена. Вы не сможете убедить меня в этом.

— Интересно, почему?

— А вот почему. Рядом с Биком находился робот. Робот никогда не позволил бы нанести вред человеческому существу. Первый Закон роботехники запрещает это.

— Чем спорить со мной, исследуйте стрелу, и вы убедитесь в моей правоте.

В голосе землянина звучала такая непоколебимая уверенность, что молодая женщина умолкла.

— Ну, а теперь вы по-прежнему уверены в том, что Гладия Дельмар виновна в смерти своего мужа? — спросил Бейли.

— Она была единственным живым существом, находившимся около него.

— Ага. А вот вы тоже единственное существо здесь, не считая детей, разумеется, и вы были около меня в тот момент, когда меня чуть не убили, не так ли?

— Я не имею ничего общего с этим делом, — решительно заявила Клариса.

— Вполне вероятно. Но так же вероятно, что и Гладия Дельмар невиновна. Ну хватит об этом. Могу ли я воспользоваться вашим аппаратом для телеконтактов?

— Да, конечно.

Бейли точно знал, с кем ему нужно побеседовать. И это была вовсе не Гладия Дельмар. Тем более он был удивлен, когда услышал свой собственный голос, произносящий:

— Парень, мне нужно установить контакт с госпожой Гладией Дельмар.

Бейли молча следил за манипуляциями робота,

устанавливающего контакт. Может быть, этот импульс возник у него просто потому, что у него остались неприятные воспоминания о последней встречей с Гладией. А может быть, он устал от общества Кларисы, ее безапелляционных суждений и преклонения перед мудростью солярианских обычаев… Так или иначе, но внезапно Гладия возникла перед ним. Она сидела в большом кресле и казалась совсем маленькой и беззащитной. Ее волосы были собраны на затылке в большой пучок, в ушах были длинные блестящие серьги. Гладкое платье плотно облегало ее фигуру.

— Я рада, что вижу вас, Илайдж, — сказала она тихо, — я пыталась найти вас.

— Доброе утро, Гладия, — приветствовал ее Бейли. — А зачем я был нужен вам?

— Я хотела извиниться за свое поведение во время нашего последнего разговора. Но мистер Оливо не знал, где вы находитесь.

Перед мысленным взором Бейли промелькнула фигура Дэниела, которого неусыпно стерегут всевидящие роботы, и он усмехнулся про себя.

— Ладно, примерно через полчаса я прибуду к вам.

— Да, конечно… то есть как «прибудете ко мне»? — испуганно воскликнула она.

— Я должен встретиться с вами лично, — решительно заявил Бейли.

Глаза Гладии расширились от ужаса, ее пальцы впились в мягкий белый пластик подлокотников кресла.

— Зачем? — пролепетала она.

— Это совершенно необходимо. А пока скажите мне, кто работал с вашим мужем над созданием новых моделей роботов?

— Джотан Либиг, — сразу ответила Гладия, — он мой хороший друг.

— Неужели? — резко спросил Бейли.

Гладия взглянула на него испуганно.

— Может быть, мне не следовало говорить этого? — тихо спросила она.

— Нет, почему же… особенно, если это правда.

— Я всегда боюсь сказать что-нибудь не то… что-нибудь такое, после чего люди решат, что… в общем, я хочу сказать, что очень тяжело, когда все вокруг уверены, что ты в чем-то виновата…

— Не надо расстраиваться, Гладия. Лучше скажите, каким образом этот Либиг оказался вашим другом?

— Я и сама не знаю. Он живет в соседнем со мной поместье. Мы с ним много беседуем и гуляем. Во всяком случае раньше… до… — она

запнулась.

— Гуляете?

— Ах, я все время забываю, что вы — землянин. Конечно, каждый гуляет по своему поместью, но мы устанавливаем телеконтакт в движении, и нам кажется, что мы находимся рядом.

Вдруг она рассмеялась.

— Бедный Джотан, — пробормотала она сквозь смех.

— Почему «бедный»?

— Если бы мы оказались действительно рядом, я думаю, он бы умер от ужаса.

— Почему?

— Джотан в таких вопросах ужасно чувствителен. Он говорил мне, что уже с пяти лет перестал лично встречаться с людьми. Признавал только телеконтакты. Рикэн, — она запнулась, потом продолжала, — Рикэн, мой муж, раньше восхищался Джотаном. Рикэн говорил, что в нем видны черты человека будущего. А вы согласны с этим, Илайдж?

— Я не являюсь авторитетом в данном вопросе, — сухо ответил Бейли.

— В своем отвращении к личным встречам Джотан дошел до того, что наотрез отказался вступать в брак. Рикэн спорил с ним, доказывал,

что его поведение антиобщественно, что его превосходные гены следует использовать в общем котле населения планеты. Но напрасно. Джотан не поддался на уговоры.

— А разве он имеет право отказываться, если ему предписана женитьба?

— Не-ет, не совсем, — неуверенно ответила Гладия. — Но видите ли, Джотан — великий роботехник, а на Солярии такие люди ценятся. Но, кстати, Рикэн собирался прервать совместную работу с Джотаном. Незадолго до смерти он сказал мне, что Джотан — плохой солярианин.

— Вы не знаете, почему ваш муж вдруг начал считать Либига плохим солярианином? Возможно, из-за его нежелания вступить в брак?

— Рикэн всегда говорил, что брак — самое тяжелое испытание в жизни человека, но что через это испытание должен пройти каждый солярианин, если ему это предписано.

— Ну, а вы какого мнения?

— О чем, Илайдж?

— Вы тоже считаете, что брак — самое тяжелое испытание в жизни человека?

Вся кровь отхлынула от лица Гладии. Ее голос был еле слышен, когда она пробормотала:

— Я никогда не думала о таких вещах.

— Вы говорили, что раньше часто гуляли с Либигом, ну, а теперь?

Гладия покачала головой.

— Нет, сейчас мы даже не беседуем, — грустно ответила она.

— После смерти вашего мужа?

— Нет, еще раньше.

— Возможно, ваш супруг был недоволен вашей дружбой с Либигом и приказал ему прекратить оказывать вам внимание?

Гладия изумленно взглянула на своего собеседника.

— С чего бы Рикэн стал приказывать? Разве Либиг не такой же правитель, как Дельмар, и должен выслушивать чьи-то приказы?

Бейли переменил тему разговора:

— Вот что, Гладия, сейчас я должен поговорить с Либигом, потом я снова свяжусь с вами.

Илайдж Бейли вступает в спор с робототехником

В установлении контакта с Либигом была некоторая задержка, и Бейли, почувствовав голод, приказал подать сэндвичи и молоко. Сэндвичи были в фабричной упаковке, молоко — в пла-

стиковом контейнере. Бейли, решив соблюдать осторожность, перед едой внимательно осмотрел печать на упаковке. Затем он медленно надкусил бутерброд и отпил глоток молока. Как будто все было в порядке… «Но, — подумал он мрачно, — существуют яды без всякого запаха и вкуса, яды замедленного действия — Он отмахнулся от неприятных мыслей и приступил к еде. — До сих пор, — думал он, — убийство или попытки убийств совершались весьма примитивными способами: удар по голове, отравленная стрела…» К нему приблизился робот.

— Правитель доктор Либиг сказал, господин, чтобы вы вызвали его завтра. Сегодня он занят важными делами.

Бейли вскочил так, что стул с грохотом покатился по полу.

— Скажи этому типу!.. — заорал он громовым голосом, но сразу осекся. Какой смысл кричать на робота? — Передай твоему господину, — заговорил Бейли спокойно, — что я занят расследованием убийства его соотечественника и коллеги. Передай ему, что мне некогда ждать, пока он закончит свои дела. Передай ему также, что если в течение пяти минут он не появится передо мной на экране, то я сяду на самолет и меньше чем

через полчаса нанесу ему личный визит. У меня есть на это специальное разрешение. Ты понял меня, парень? Личный визит, так и скажи.

Робот удалился, а Бейли обратился к прерванной еде. Пять минут еще не истекло, а на Бейли с экрана гневно взирал сам Либиг.

Он был худощавым человеком со странным отсутствующим и в то же время напряженным выражением темных глаз. Правое веко у него подергивалось в нервном тике. Сейчас его глаза сверкали, а лицо дрожало от негодования.

— Это вы — землянин? — спросил он.

— Я полицейский инспектор класса С-7. Меня зовут Илайдж Бейли. Прибыл с Земли для расследования обстоятельств убийства правителя Рикэна Дельмара. А как ваше имя?

— Я — доктор Джотан Либиг. Почему вы помешали мне работать?

— Я хочу задать вам несколько вопросов, доктор Либиг. Скажите, вы были близким другом покойного Рикэна Дельмара?

Рука Либига вдруг сжалась в кулак, и он поспешно встал со своего места. Пройдясь по комнате, он остановился и медленно, раздельно промолвил:

— Вы находитесь на Солярии против моей воли. Мне не о чем с вами говорить. Немедленно

прервать контакт, — обратился он к невидимому роботу.

— Нет, погодите. — Бейли повысил голос. — Вы думаете, я шутил, когда грозил вам личной встречей? Я явлюсь к вам и заставлю вас отвечать на мои вопросы.

— Вы — грязное животное! — вскричал спейсер, его темные глаза метали молнии.

— Пусть так, но я выполню свою угрозу.

— О Великая Галактика! Если только вы посмеете явиться в мое имение, я..

— Убьете меня? — поднял брови Бейли. — Интересно, вы часто угрожаете убийством?

— Я ничего подобного не сказал.

— Вот так-то лучше. А теперь поговорим о деле. Мы и так потратили много времени зря. Вы были тесно связаны по работе с покойным Дельмаром?

Голова солярианина опустилась, а плечи поникли. Но через мгновенье он снова взглянул на землянина, и было видно, что он полностью взял себя в руки и даже бесцветно улыбался.

— Да, в достаточной мере.

— Дельмар, кажется, интересовался новыми моделями роботов?

— Да.

— Какими именно?

— А вы понимаете что-либо в роботехнике?

— Нет. Постарайтесь объяснить популярно…

— Сомневаюсь, что сумею.

— Попытайтесь. Например, я знаю, что Дельмар хотел создать модели роботов, которые умели бы наказывать провинившихся детей. Что это значит?

Либиг презрительно поднял брови и сухо ответил:

— Говоря просто, без деталей, это означает, что следует усилить сигнал, управляющий реакцией на контуре..

— Непонятно, — прервал его Бейли.

— В целом это означает, что должно быть проведено некоторое ослабление Первого Закона роботехники.

— Почему? Ведь ребенка приучают к дисциплине для его же собственного блага в будущем.

— Ах, в будущем!.. — Либиг выпрямился, его глаза блеснули. — Вы думаете, это так просто. Как вы полагаете, много ли найдется людей, согласных претерпеть даже незначительные неудобства для своего блага в будущем, а? — Либиг говорил со страстью. Видимо, тема увлекла его и он забыл о своем собеседнике. — Знаете ли вы, сколько

трудов надо положить на то, чтобы внушить ребенку — то, что вкусно сейчас, означает боль в животе завтра, и наоборот. А вы хотите, чтобы робот осознал это? Задача состоит в том, чтобы научиться противодействовать разрушению позитронного мозга, которое имеет место, если робот причиняет какую-нибудь неприятность или боль человеческому существу. Возможно, при этом придется пожертвовать и другими качествами робота. Мы далеко еще не достигли вершин роботехники. Мы не умеем делать универсальных роботов, снабженных целым набором различных взаимозаменяемых конечностей, могущих выполнять все виды работ — от изготовления ювелирных изделий до поднятия тяжестей. А наши космические корабли! До сих пор ими управляют люди. Роботический мозг, находящийся в тисках трех законов, не может правильно прореагировать на все возможные неожиданности, которые могут встретиться в космосе или на других обитаемых Мирах.

— Значит, пока вам еще не удалось создать таких роботов? — с интересом спросил Бейли.

— Нет, пока я еще не решил этой проблемы. А если не сумел я, то вряд ли сумеет кто-нибудь другой во Вселенной.

— Доктор Либиг, — начал Бейли, и голос его звучал совершенно ровно, — я должен предупредить вас, что собираюсь серьезно заняться проблемами роботехники. И я попрошу вас оказать мне помощь.

Либиг яростно замотал головой. Нервное подергивание века стало еще заметнее, когда он заговорил:

— Вы должны понять, что изучение роботехники — длительный процесс. А у меня совершенно нет времени.

— И все же вам придется подучить меня. Что касается времени, то целесообразнее, как мне кажется, проводить наши занятия в непосредственной близости друг от друга. Я — землянин, и мне легче понимать и усваивать при личном общении.

— Вкусы землянина меня не касаются. Личные встречи абсолютно исключены. — Вся фигура Либига, даже его голос выражали крайнюю степень нервного напряжения.

— Мне кажется, вы перемените свое мнение после того, как узнаете, о чем именно я хотел бы проконсультироваться у вас.

— Ничто на свете не изменит моего мнения, — упрямо сжимая губы, повторил роботехник.

— Вы так думаете? Так вот что я вам скажу! Я считаю, что в вашей работе по усовершенствованию позитронного мозга Первый Закон роботехники намеренно искажается.

Либиг нервно вскочил.

— О Великая Галактика! Искажается! Но зачем? Вы просто сумасшедший! — вскричал он.

— Зачем? А вот зачем. Для того чтобы, — голос детектива звучал несколько торжественно, — для того чтобы скрыть тот факт, что робот в состоянии совершить убийство.

Илайдж Бейли получает новые сведения

На лице Либига появилось некое подобие улыбки, похожее на гримасу.

— Не говорите такой чепухи, землянин, — сказал он спокойно, — никогда так не говорите. Потеря доверия к роботам означала бы катастрофу для человечества.

Либиг говорил так, как будто он читал нотацию избалованному ребенку. Но за его внешним спокойствием скрывались ярость и гаев, которые он, очевидно, опасался обрушить на землянина. Помолчав, он добавил:

— Вы знакомы с историей роботехники?

— Немного.

— Знаете ли вы, что развитие роботехники началось с комплекса недоверия? Люди не доверяли роботам, боялись их. Робототехника была чуть ли не подпольной. Затем были разработаны Три Закона роботехники, и постепенно начал исчезать страх перед роботами. Но даже и тогда на вашей планете роботехника не получила должного развития. Первые спейсеры покинули Землю главным образом для того, чтобы получить возможность создать такое общество, где роботы избавят человека от необходимости повседневно трудиться. Но страх перед роботами еще не исчез окончательно в сердцах людей. И этот страх может снова вернуться.

— Поэтому вы, роботехник, пытаетесь скрыть от людей некоторые факты? Например, то, что Первый Закон роботы могут понимать по-разному?

— Вы ненормальны, а все ваши рассуждения просто бессмысленны.

— Ну что ж, может быть, мы обсудим все проблемы несколько подробнее при личной встрече?

Худое лицо Либига исказилось.

— Нет, ни за что.

— В таком случае, прощайте, доктор Либиг. Я думаю, что другие спейсеры окажутся сговорчивей и внимательно выслушают меня.

— Стойте, о Великая Галактика. Подождите, говорю вам! — в волнении воскликнул солярианин.

— Личная встреча, а?

Либиг поднял обе руки кверху, затем беспомощно уронил их. Он полузакрыл глаза, как будто прислушиваясь к чему-то, происходящему в нем.

— Согласны? — настойчиво переспросил землянин.

Либиг глубоко вздохнул и покачал головой.

— Не могу, — сдавленно проговорил он, — не могу, делайте, что хотите. — Он закрыл лицо трясущимися руками и отвернулся от Бейли.

С минуту Бейли наблюдал за ним, а потом спокойно промолвил:

— Ну что ж, в таком случае давайте побеседуем так.

— Хорошо, но извините меня, я вернусь через несколько минут, — прошептал солярианин.

Когда Бейли возвратился в помещение, где он беседовал с Либигом, он увидел по-прежнему пустую комнату и стул, на котором ранее сидел роботехник. Его самого еще не было, од-

нако ждать пришлось недолго. Через несколько мгновений появился Либиг и фокусировка переместилась на него.

Сейчас он выглядел совершенно иначе. Его волосы были гладко причесаны, на нем был другой костюм из красивой переливающейся ткани.

«Видимо, великий доктор Либиг сумел взять себя в руки», — подумал Бейли.

— Итак, что вы хотели узнать относительно Первого Закона? — ровным голосом спросил спейсер.

— Нас никто не услышит?

— Нет, я позаботился об этом.

Бейли кивнул.

— Разрешите, я процитирую Первый Закон.

— Едва ли я нуждаюсь в этом.

— Я знаю, но все же мне хотелось бы повторить его. «Робот не смеет делать ничего, что может причинить вред человеческому существу, а также своей пассивностью допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред».

— Ну и что же?

— Когда я прибыл на Солярию, меня поместили в закрытую машину и повезли к месту моего назначения. Так как я — землянин и плохо переношу вид открытого пространства, то…

— Я знаю, — нетерпеливо прервал соляриа-нин, — но при чем тут…

— Вы, возможно, и знаете, — в свою очередь прервал его детектив, — но робот, который вел машину, не знал. Я приказал поднять верх ма-шины, и он сразу же повиновался. Второй Закон: «Робот обязан точно и быстро повиноваться приказанию человека». Конечно, мне стало нехо-рошо и я пришел в себя только после того, как верх машины снова был опущен. Разве при этом робот не причинил мне вреда?

— По вашему же приказанию, — отпарировал роботехник.

— Разрешите мне процитировать Второй Закон полностью. «Робот обязан точно и быстро повино-ваться приказам, полученным от человеческих существ, за исключением тех случаев, когда по-добные приказы не вступают в противоречие с Первым Законом». Следовательно, в моем случае робот не должен был выполнить приказ.

— Чепуха! Робот не располагал сведениями о. — Либиг слегка запнулся.

Бейли наклонился вперед, его глаза блеснули.

— Ага! А теперь попробуем воспроизвести Первый Закон в его правильном виде. «Робот ни при каких обстоятельствах не смеет делать

ничего, что может, насколько ему известно, причинить вред человеческому существу, или своей пассивностью допустить, чтобы человеческому существу был причинен какой-либо вред».

— Но это само собой разумеется.

— Далеко не всегда. Обычные люди, например, у вас на Солярии, слабо разбираются в роботехнике и умеют лишь командовать роботами. Иначе они давно бы поняли, что роботы могут нарушить Первый Закон и причинить любые бедствия. По крайней мере, если ими будет руководить преступный ум.

Либиг побледнел.

— Сумасшествие, безумие, — в волнении прошептал он.

— Видите ли, — Бейли не смотрел сейчас на своего собеседника, он внимательно изучал кончики своих пальцев, — я полагаю, что робот обязан выполнить любой приказ, если, по его разумению, этот приказ не может принести вред человеческому существу, не так ли?

— Да, разумеется.

— Хорошо. А другой робот обязан сделать то же, получив столь же невинное и безвредное, с его точки зрения, поручение, правильно?

— Ну?

— А что если два приказа, каждый из которых в отдельности совершенно невинен, вместе образуют преступление?

— Что такое? — лицо Либига приобрело землистый оттенок.

— Я хотел бы услышать мнение специалиста, — невозмутимо продолжал Илайдж Бейли, — мой случай, конечно, гипотетический. Предположим, некий человек говорит роботу: налей немного этой жидкости в стакан с водой, который находится там-то. Жидкость совершенно безвредна, но мне нужно знать ее действие на воду. Потом вода будет вылита. После того, как ты это сделаешь, забудь о своем поступке.

Либиг молчал.

— Если вы прикажете роботу добавить в стакан с водой таинственную жидкость, — продолжал Бейли, — и затем предложить эту воду человеку, Первый Закон заставит робота воспротивиться: какова природа этой жидкости? Не причинит ли она вреда человеку? И даже после вашего объяснения робот не решится предложить человеку воду с добавленной в нее неизвестной жидкостью. Но ему ясно сказано — воду пить никто не будет. Первый Закон здесь ни при чем. Разве робот не послушается приказа?

Либиг все еще молчал, его глаза сверкали, веко нервно подергивалось.

— Теперь рассуждаем дальше. Другой робот, не зная, что проделано с водой, спокойно предлагает ее человеку, после чего тот умирает.

— Нет! — закричал Либиг. — Нет!

— А почему нет? Каждое из данных действий само по себе совершенно невинно. Только вместе они приводят к убийству. Вы отрицаете, что подобная вещь может произойти?

— Убийцей будет тот, кто отдал приказ роботу! — воскликнул роботехник.

— Рассуждая философски, конечно. Но непосредственными убийцами являются оба робота, или если не убийцами, то орудиями убийства.

— Ни одно живое существо не отдаст таких приказов!

— Тем не менее такой человек нашелся. Вы, наверное, слышали о попытке отравить главу Департамента Безопасности Солярии?

— Всех правителей Солярии об этом известили, — пробормотал Либиг.

— В таком случае вы знаете, что Груэр был отравлен во время обеда. Все произошло на глазах у меня и моего коллеги мистера Дэниела Оливо с Авроры. Вы можете как-нибудь иначе объяснить,

каким образом попал яд в еду Груэра? Ведь в поместье не было ни одной живой души.

— Я не детектив и ничего не могу объяснить.

— Но я сообщил вам о своей гипотезе. Я бы хотел знать, правдоподобна ли она? Могли ли два независимых действия, которые с точки зрения роботов являются совершенно невинными, привести к преступлению? Вы — опытный роботехник, доктор Либиг. Я вас спрашиваю, — землянин повысил голос, — правдоподобна ли моя теория?

Растерянный, оглушенный, Либиг еле пролепетал:

— Да, пожалуй, до известной степени.

— Очень хорошо. Это многое проясняет.

Либиг неотрывно глядел на Бейли. Руки, сжатые в кулаки, опустились на колени и медленно начали разжиматься. Бейли молчал. Либиг заговорил быстро и нервно:

— Правдоподобно. Только теоретически, конечно. В действительности все обстоит сложнее. Надо очень умело управлять роботами для того, чтобы заставить их нарушить Первый Закон.

— Безусловно, — ответил Бейли, — безусловно. Скажите, кстати, вы — единственный роботехник на всей Солярии?

— Что за глупый вопрос. На Солярии имеется свыше двадцати роботехников.

— Но вы считаетесь лучшим?

— Так оно и есть…

Либиг сказал это просто, без всякой аффектации.

А Дельмар работал с вами?

— Да.

— Я слышал, что незадолго до смерти он собирался прекратить работу с вами?

— Кто сказал вам такую чушь?

— Наверное, доктор Дельмар неодобрительно относился к вашему нежеланию вступать в брак?

— Возможно, Рикэн был истым солярианином. Но эти соображения никак не влияли на наши деловые взаимоотношения.

— Я хотел бы знать: в каком состоянии находится тот робот, который был в лаборатории Дельмара во время его убийства?

Либиг не смотрел на Бейли, его лоб пересекла глубокая морщина.

— Робот пришел в совершенную негодность, — медленно ответил он.

— Неужели он оказался полностью негодным? Даже не смог ответить ни на какие вопросы?

— Ни на один, — голос роботехника звучал твердо. — Позитронный мозг не выдержал испытания. Произошло короткое замыкание. Ни один канал позитронного мозга не остался неповрежденным. Ведь робот был свидетелем убийства, которому он не смог помешать, и…

— А почему, кстати, он не смог помешать?

— Кто знает? С этим роботом проводил эксперименты сам Дельмар. Я не знаю, в каком состоянии находился робот. Возможно, Дельмар приостановил все реакции робота, пока он исследовал какой-нибудь определенный элемент его устройства. Могут существовать и другие объяснения поведения робота. Во всяком случае, налицо было явное нарушение Первого Закона, и, естественно, этого было достаточно, чтобы все каналы мозга пришли в полную негодность.

— Но если робот был физически не в состоянии воспрепятствовать убийству, разве он несет какую-либо ответственность за него? Разве Первый Закон требует невозможного?

Либиг пожал плечами.

— Первый Закон, несмотря на все ваши старания опорочить его, не допускает послаблений. Если нарушен Первый Закон, робот уничтожается И знаете, я должен огорчить вас, инспектор, — с

язвительной улыбкой продолжал спейсер, — ваша гипотеза относительно того, что серия невинных действий, производимых роботами, в итоге может привести к преступлению, нисколько не поможет вам в расследовании убийства Дельмара.

— Интересно, почему?

— Потому что смерть наступила не от отравления, а от удара по голове. Это уж никак не может выглядеть невинным действием, не так ли? Вы сами понимаете, что ни один робот не способен ударить человека.

— Ну, а если предположить, что робот только привел в действие какой-то механизм, нанесший удар Дельмару, тогда что?

Солярианин презрительно улыбнулся.

— Послушайте, землянин. Я внимательно осмотрел место убийства. И не я один. Вы понимаете, убийство у нас на Солярии случается не очень часто. Нет ни малейших признаков каких-либо механических приспособлений, с помощью которых можно было бы осуществить удар, понимаете, никаких!..

— И также не найдено само орудие убийства?

— Вы — детектив, вы и должны его найти… Если сможете, конечно.

— Кто же, по-вашему, убил Дельмара?

— Как кто? — вскричал Либиг. — Это каждому известно, конечно, Гладия, жена Дельмара.

«По крайней мере хоть в этом вопросе здесь имеется полное единство мнений», — подумал Бейли. Помолчав, он заметил:

— Ну, а кто же, по-вашему, стоял за спиной робота, подавшего Груэру отравленное питье?

— Я полагаю… — начал было Либиг, но осекся.

— Ведь вы же не можете предположить, что существует двое убийц. Значит, Гладия ответственна и за попытку отравить Груэра, не так ли?

— Пожалуй, вы правы, — согласился Либиг. В его голосе зазвучала уверенность. — Да, несомненно, вы правы.

— Несомненно ли?

— Никто другой не мог бы даже приблизиться к Дельмару. Он не терпел чьего-либо личного присутствия в той же мере, что и я. Но он делал исключение для своей жены. Я же не делаю исключений ни для кого. Получается, что я веду себя умнее, — солярианин отрывисто засмеялся.

— Вы, кажется, знакомы с ней? — внезапно спросил детектив.

— С кем с ней?

— Я имею в виду, как вы отлично понимаете, Гладию Дельмар.

— Почему вы решили, что я знаю жену Дельмара лучше, чем какого-либо другого жителя Солярии?

Рука Либига потянулась к горлу. Он расстегнул застежку своего одеяния.

— Мне так сказала сама Гладия. Вы часто беседовали, гуляли, не так ли?

— Ну что же, это у нас принято. К тому же она разумная и приятная женщина.

— Значит, она вам нравилась?

Либиг пожал плечами.

— Беседовать с ней было отдыхом для меня.

— А о чем вы обычно беседовали?

— О роботехнике, конечно, — в голосе соляриянина звучало удивление.

— А она могла поддерживать беседу на такую тему?

— Она ровно ничего не понимала в роботехнике. Но она умела слушать.

— Вы были увлечены ею? — рискнул спросить детектив.

Либиг с возмущением взглянул на своего собеседника.

— Что?

— Вы находили ее привлекательной? Физически привлекательной?

Веки Либига начали подергиваться, губы задрожали.

— Грязное животное, — пробормотал он.

— Я поставлю вопрос иначе, — решительно сказал Бейли. — В какой момент вы перестали находить Гладию Дельмар приятной? Вы сами употребили это слово, не так ли?

— Что вы имеете в виду?

— Вы упомянули о том, что находили Гладию Дельмар приятной. И в то же время вы убеждены, что она убила своего мужа. Разве это не противоречиво?

— Я в ней ошибся.

— Но вы поняли, что ошиблись, еще до того, как она убила своего мужа, если она действительно его убила. Ведь вы прекратили совместные прогулки еще до смерти Дельмара. Почему?

— Разве это так важно?

— В процессе следствия все может оказаться важным.

— Послушайте, инспектор, если вам нужна информация от меня, как от роботехника, спрашивайте. Но на личные вопросы я отвечать не буду.

— Личные вопросы в вашем случае неизбежны, доктор Либиг. Вы были тесно связаны как с убитым, так и с предполагаемой убийцей. Еще раз спрашиваю вас, почему вы прекратили общение с Гладией Дельмар?

— Я был слишком занят. Я не мог, наконец, я не хотел продолжать эти контакты, — вспыхнул Либиг.

— Иными словами, в какой-то момент вы перестали находить ее приятной женщиной.

— Пусть будет по-вашему.

Бейли не обращал никакого внимания на волнение Либига.

— Но все же вы достаточно хорошо знали Гладию Дельмар. Как вы полагаете, зачем она убила своего мужа? Каков был мотив преступления?

— Мотив преступления?

— Да, пока никто еще, ни один человек на Солярии не заикнулся о том, зачем она могла желать смерти Рикэна Дельмара. Ведь должна же быть у нее какая-то серьезная причина.

— О Великая Галактика! — Либиг откинулся в своем кресле. Казалось, что вот-вот он разразится смехом. Но этого не произошло. — Никто ничего не сообщил вам? Возможно, никто толком не знал. Но я-то прекрасно знал. Она сама говорила

мне об этом. И не один раз…

— Что она говорила вам, доктор Либиг?

— Послушайте, землянин, Гладия ненавидела Рикэна. Ненавидела всегда. Они постоянно ссорились. Во время ссор Гладия приходила в бешенство и не помнила себя. Неужели никто не сказал вам об этом? Неужели она тоже ничего не сказала?

Бейли постарался не выказать своего изумления. Он знал, что личная жизнь солярианина — табу для посторонних. Конечно, такой вопрос, как отношения между мужем и женой, безусловно, не подлежит обсуждению. Но когда произошло убийство… неужели в этом случае сказать правду считается невозможным… О дьявол! Какой странный мир… Хорошо, что хоть Либиг проговорился.

— Из-за чего у них происходили ссоры? — спросил Бейли.

— Об этом следует спросить у самой Гладии, — услышал он ледяной ответ.

«Пожалуй, это действительно так», — подумал Бейли. Он встал и сухо сказал:

— Спасибо за помощь, доктор Либиг. Возможно, я еще обращусь к вам несколько позже. Вы, надеюсь, не будете возражать?

— Прекратить контакт! — вместо ответа приказал спейсер. И в мгновение ока он вместе со своей комнатой исчез из поля зрения землянина.

Илайдж Бейли выходит на прогулку

Впервые воздушное путешествие не волновало Бейли. Все его мысли были заняты… Но чем?.. На этот вопрос он и сам не смог бы дать определенного ответа. Он не вспоминал ни о Земле, ни о Джесси. Казалось, прошли годы с тех пор, как он высадился на чужой планете., целые годы, а не какие-нибудь три дня. Как быстро, однако, человек может примениться к новой обстановке! Интересно, как поведет себя Гладия при первой их личной встрече?

Когда он вошел, она уже ожидала его, стоя в противоположном углу большой комнаты. Она выглядела бледной, боязливой и очень юной. Белокуро-золотистые волосы были гладко зачесаны назад, большие испуганные глаза выделялись на бледном лице. Темно-синее одеяние с высоким воротником полностью закрывало всю фигуру. Бейли остановился.

— Я достаточно далеко от вас? — спросил он. Она взглянула на него, учащенно дыша.

— Я сама не знаю. Ведь это похоже на телеконтакт, не правда ли? То есть если вы забываете, что это не телеконтакт.

— Для меня все совершенно естественно, — спокойно ответил Бейли.

— Да, на Земле, — она закрыла глаза, — я иногда пыталась представить себе, как вы живете… Толпы людей повсюду. Вы идете по дороге и навстречу вам люди, люди, всюду люди… Десятки людей..

— Нет, сотни, — поправил ее Бейли. — Вы когда-нибудь видели фильмы о жизни на Земле?

— У нас их не очень-то много. Но я видела фильмы-романы о жизни других Миров, где существуют личные встречи и…Там все иначе, не так, как здесь, на Солярии, — заговорила она с неожиданным воодушевлением, — вот вы ходите среди людей, Илайдж, и, наверное, даже иногда ка… касаетесь их, не так ли?

Бейли слегка улыбнулся.

— О да, вы никак не можете этого избежать, — он вспомнил толпы людей на подземных улицах, куда-то спешащих, толкающих друг друга. При этом воспоминании у него защемило сердце.

— Вам, наверное, неудобно разговаривать на таком расстоянии, Илайдж? — донесся до него

голос Гладии.

— А разве мне можно подойти поближе? — спросил он.

— Я думаю, да. Я скажу вам, когда надо остановиться.

Бейли несколько неуверенно шагнул вперед. Гладия кивнула, и он остановился. Несколько секунд она смотрела на него, как завороженная, потом неожиданно спросила:

— Хотите взглянуть на мои световые рисунки?

Бейли с интересом смотрел на Гладию, такую миниатюрную и таинственную. Он пытался представить ее со смертоносным оружием в руках, в приступе ярости опускающей его на голову жертвы. Картина получалась малореалистичной. «Однако, — подумал он, — даже хрупкая женщина в припадке гнева может раскроить череп сильному мужчине, если у нее в руках имеется подходящее оружие».

— Что такое световые рисунки, Гладия? — спросил он.

— Это особая форма искусства, — ответила она. — Хотите посмотреть?

— Конечно, с большим удовольствием, — галантно сказал Бейли.

— В таком случае, идите за мной.

Гладия прошла вперед, Бейли последовал за ней. Он тщательно соблюдал дистанцию примерно в два метра. Это было меньше трети того расстояния, которого требовала Клариса, мысленно отметил он.

Они вошли в комнату, залитую светом. Здесь все сверкало и переливалось.

Гладия с довольным видом взглянула на своего гостя. Бейли ответил ей улыбкой, но ничего не сказал. Он медленно поворачивался, пытаясь разобраться в том, что его окружало. Он не видел ничего, кроме игры света. Блики света причудливо сплетались, образуя геометрические фигуры, линии, узоры…

Бейли ломал голову, пытаясь подобрать какие-то слова, но смог лишь спросить:

— Предполагается, что это означает что-нибудь, или нет?

Гладия рассмеялась своим приятным грудным смехом.

— Это означает все, что вам угодно. Просто световые блики, которые могут вызывать у вас различные эмоции: любопытство, веселье, даже злость. Словом, все то, что ощущала я, когда создавала их. Я могу попытаться сделать ваш портрет так, как я вас представляю, хотите? Возможно,

он не будет слишком хорошим, так как у меня недостаточно времени, но я могу попробовать.

— Пожалуйста, прошу вас. Мне будет очень интересно.

— Хорошо, — сказала Гладия и бегом направилась в дальний угол, где помещалась какая-то аппаратура. При этом она прошла совсем близко от Бейли, но, казалось, не заметила этого. Гладия коснулась каких-то клавишей, и сиянье и переливы света внезапно потухли.

— О, зачем? — воскликнул Бейли.

— Мне надоели эти рисунки. Я их выключила, чтобы меня ничто не отвлекало.

— Разве для этого у вас нет робота? — спросил Бейли.

— Здесь я не держу роботов, — ответила Гладия. — Это все мое, личное. Беда в том, — продолжала она озабоченно, — что я недостаточно хорошо знаю вас.

Ее пальцы проворно двигались по клавиатуре. Пальцы были ищущими, напряженными, нервными… Вспыхнул густой желтый цвет и прорезал извилистую линию. Постепенно возник какой-то странный световой узор, который производил впечатление чего-то устойчивого, несмотря на переливчатость.

— Мне кажется, — сказала Гладия, — что для вас характерны сила и устойчивость.

— О дьявол! — воскликнул Бейли.

— Вы обиделись? — пальцы Гладии приподнялись, и желтые блики стали неподвижными.

— Что вы, нисколько. Просто я не понимаю, как вы делаете это?

— Много раз пробовала, пока не получилось. Это ведь новая форма в искусстве. Лишь немногие постигли его.

— И вы лучше всех, конечно, — мрачно заметил Бейли. — Каждый солярианин или лучший или единственный специалист в своем деле, или то и другое вместе.

— Не смейтесь надо мной, иначе я не окончу ваш портрет, — ее пальцы снова уверенно забегали по клавишам. Внезапно под ее пальцами возник круг серо-стального цвета, который отделил причудливый узор от всего остального.

— Что это? — обратился он к Гладии.

Как что? Стены, которые вас окружают. То, что держит вас внутри, что не пускает вас никуда. Вы — внутри, разве не так?

Бейли почувствовал грусть. Серый круг как бы отделял его от того, что ему хотелось.

— Эти стены не вечны. Сегодня я вышел за их

пределы.

— Ну и как? Очень трудно?

— Не более трудно, чем вам лично встречаться со мной, — он не мог удержаться от того, чтобы не уколоть ее, — вам тоже не очень-то по душе мое присутствие?

Она задумчиво поглядела на него.

— Вы хотели бы выйти на воздух сейчас? Со мной? Просто на прогулку?

Бейли еле удержался, чтобы не крикнуть: «Конечно, нет».

— Уверяю вас, я с детства ни разу не гуляла ни с кем вот так, — она указала пальцем на Бейли, — пока еще светло и погода хорошая.

Бейли взглянул на свой абстрактный портрет и промолвил:

— Если я пойду, вы уничтожите этот унылый серый круг?

Гладия улыбнулась.

— Это зависит от того, как вы будете себя вести.

Когда они выходили из комнаты, Бейли оглянулся.

Его душа была заключена в серый круг… возможно, это были его родные, глубоко погребенные под землей города!

Выйдя на воздух, Бейли слегка вздрогнул. Ветерок коснулся его, и ему стало холодно.

— Вы замерзли? — спросила Гладия.

— Раньше было теплее, — пробормотал Бейли. — Уже вечереет, но пока еще не холодно. Может, вам лучше надеть пальто? Робот сейчас же принесет вам его.

— Нет, не надо.

Они медленно двигались по узкой асфальтированной аллее.

— Вы здесь обычно гуляли с Либигом? — спросил Бейли.

— О нет, мы уходили далеко в поле. А с вами лучше держаться поближе к дому. На случай…

— На случай чего?

— Ну вдруг вы захотите вернуться.

— Или вы захотите прекратить личный контакт.

— Мне он не мешает, уверяю вас, — беззаботно ответила она.

Над ними покачивались ветви деревьев, неясно шуршали листья. Все крутом был зелено — кроме ярко-синего неба. В воздухе что-то неумолчно чирикало, верещало, стрекотало, жужжало… тени… О дьявол, какие тени! Бейли внимательно следил за своей.

В искусственно освещенных земных городах он не имел возможности познакомиться с собственной тенью. Зато теперь он мог изучить ее во всех деталях. Тень подражала своему владельцу, и это вызывало странное ощущение. Бейли старался не обращать внимания на сиявшее над ним солярианское солнце, но это не удавалось. Он знал: кругом было огромное пространство. И он один в бесконечном пространстве. Странно, но эта мысль чем-то привлекала его. Его душа рвалась в переполненные людьми города Земли, к его многочисленным соотечественникам. Он пытался мысленно представить себе шумный кипящий город, где он жил, но картина не вставала в его сознании. Вместо этого он со всей силой ощущал спокойное движение воздуха, ветерок, легко обвевающий его, собственные шаги… где? Подумать только, на самой поверхности Солярии. Невольно он придвинулся ближе к Гладии, но, увидев смятение на ее лице, отпрянул назад.

— Извините, — пробормотал он.

Она перевела дух.

— Ничего, все в порядке, — сдавленно проговорила она. — Свернем направо. Там красивые цветочные клумбы.

Гладия указала на тенистую аллею, уводящую

их от Солнца. Бейли молча повиновался.

— Не правда ли, здесь восхитительно! — воскликнула она. — Я люблю бегать по полям там быстро, как только могу, а потом свалиться от усталости на траву и лежать там тихо, тихо… Или бегом примчаться на озеро и долго плавать в нем… Но, конечно, не в таком костюме, — она взглянула на себя, — сейчас я могу только медленно, чинно ходить.

— А какой костюм вы бы предпочли? — спросил Бейли.

— Как максимум коротая туника! — вскричала она, поднимая руки и как бы ощущая свободу передвижения в воображаемом ею костюме. — Иногда даже еще меньше. Только одни сандалии. Вот тогда чувствуешь, ощущаешь воздух каждой клеткой… — Она остановилась. — О, извините, я, наверное, говорю неприятные для вас вещи.

— Нет, нисколько. Скажите, именно в таком костюме вы совершали прогулки с Либигом?

— Как когда. В зависимости от погоды. Иногда на мне почти ничего не было, но это же были телеконтакты. Я надеюсь, вы теперь понимаете разницу?

— Да, конечно. Ну, а Либиг? Он обычно был одет так же легко, как и вы?

— Вы спрашиваете о Джотане? О! — Гладия от души расхохоталась. — Уверяю вас, он всегда очень официален и чопорен.

Она моментально придала своему подвижному лицу выражение унылой торжественности, и даже ее правое веко начало нервно подергиваться.

Бейли не смог удержаться от улыбки. Она очень удачно имитировала роботехника.

— А вот как Джотан рассуждает, — продолжала Гладия. — «Моя дорогая Гладия, учитывая эффект потенциала первого порядка на позитронный поток...»

— Он с вами говорил только о роботехнике?

— Большей частью. Он всегда такой серьезный, такой умный. Он пытался научить меня разбираться в роботехнике.

— Ну и вы много усвоили из его уроков?

— Ничего, абсолютно ничего. По-прежнему все это — ученая галиматья не для меня. Он часто сердился на меня за непонимание. В такие минуты я бросалась в озеро, если мы были поблизости от него, и обрызгивала его с ног до головы.

— Обрызгивали? Но как? Ведь у вас с ним были телеконтакты?

— О, вы неисправимый землянин, — рассмеялась Гладия, — это была только видимость, но все

равно он каждый раз вздрагивал и отшатывался от меня. О, посмотрите, как красиво!

Она указала на большую поляну, в которую упиралась тенистая аллея. В центре поляны был пруд, заросший причудливыми растениями и диковинными цветами. Цветы чем-то напоминали Бейли световые рисунки Гладии. Он осторожно прикоснулся к одному цветку. Кругом преобладали красный и желтый цвета. Он мельком взглянул на Солнце.

— Как ярко оно светит сейчас, — прошептал он опасливо.

— Идите сюда, — раздался голос Гладии. Она сидела на краю одной из каменных скамеек, окаймлявших пруд.

Бейли медленно направился к ней.

— Садитесь, — Гладия указала на противоположный конец своей скамьи.

— Но это же совсем близко от вас, — удивился Бейли.

Она всплеснула своими маленькими ручками и воскликнула:

— А вы знаете, я начинаю привыкать!

Бейли сел и повернулся к ней лицом, чтобы избежать лучей солнца. Она наклонилась к воде и сорвала небольшой желто-красный цветок.

— Это местное растение. Большинство наших цветов завезено сюда с Земли. — Гладия кинула цветок Бейли, который на лету поймал его.

— Смотрите, вы лишили его жизни! — воскликнул он, с сожалением глядя на сломанный стебелек красивого цветка, с которого капала вода.

— Ну и что же, это всего лишь цветок, их тут тысячи, — ответила Гладия. И потом, нахмурившись, добавила: — Или вы снова пытаетесь доказать, что я способна убить не только цветок, но и человеческое существо?

— Я вовсе не имел в виду ничего подобного, — мягко ответил Бейли.

Он осторожно держал цветок между большим и указательным пальцами. Осторожно, потому что не хотел испачкаться, ведь цветок только что был вырван из грязной мокрой почвы. Удивительно, как равнодушно эти соляриане относятся к самой настоящей грязи… Однако они сверхосторожны в своих контактах друг с другом, и особенно с землянами.

Внутри чашечки цветка находился белый кружок, на котором чуть колыхались черные полоски. Они испускали одуряющий аромат. Бейли наклонился и понюхал.

— Правда, хорошо пахнет? — осведомилась Гладия.

— О да, напоминает духи.

Гладия расхохоталась.

— Похоже на землянина! Как раз наоборот! Духи могут иногда так пахнуть, как этот цветок.

Бейли кивнул. Он чувствовал, что начинает уставать от пребывания на воздухе. Однако он ни за что не хотел сдаться. Серый круг, замкнувший его портрет, должен быть уничтожен. Он понимал всю нелепость своего желания, но не мог ничего с собой сделать.

Гладия забрала цветок из его рук и начала медленно расправлять лепестки.

— Наверное, у каждой женщины свой запах? — сказала она, не глядя на своего собеседника.

— Это зависит от тех духов, которые она употребляет, — устало ответил Бейли.

— Трудно представить себе, что можно находиться так близко от кого-нибудь, чтобы почувствовать… Я не употребляю духов, потому что никого никогда не бывает поблизости. Но вы, наверное, привыкли к запахам духов. На Земле ваша жена ведь всегда находится с вами, не так ли?

Она тщательно, не поднимая головы, обрывала

лепестки цветка.

— Нет, не всегда, — возразил Бейли, — то есть не каждую минуту.

— Но большую часть времени? И когда бы вы ни захотели…

— Как вы думаете, почему Либиг так настойчиво старался научить вас разбираться в роботехнике? — неожиданно спросил он.

Гладия продолжала вертеть в руках цветок, от которого остался только стебелек и внутренняя часть чашечки. При вопросе Бейли она с силой швырнула остатки цветка в пруд.

— Я думаю, он хотел сделать меня своей помощницей, — медленно ответила она.

— Он говорил вам об этом?

— Да, он не раз спрашивал, не считаю ли я, что подобная работа будет очень интересной для меня? А я отвечала, что для меня ничего на свете не было бы скучнее. Он очень сердился..

— И после этого он больше не предлагал вам совместных прогулок?

— Вы знаете, пожалуй, вы правы. Видимо, я оскорбила его своим ответом. Но что еще могла я сказать?

— Но, кажется, еще до этого разговора вы сообщили доктору Либигу о своих ссорах с Рикэном

Дельмаром?

Бейли почувствовал, как молодая женщина сразу напряглась как пружина. Даже голос ее приобрел несвойственный ему высокий тембр.

— Какие ссоры вы имеете в виду?

— Ну, конечно, ссоры с вашим мужем. Я слышал, вы не очень-то ладили с ним?

Она резко повернулась к детективу. Ее лицо было искажено.

— Кто сказал вам? Неужели Джотан?

— Да, доктор Либиг упомянул об этом. И я думаю, что он прав.

Гладия с минуту молчала.

— Вы все еще пытаетесь доказать, что я убийца, — заговорила она. — Мне иногда казалось, что вы мне друг, а теперь я вижу, что вы обыкновенная ищейка.

Она подняла сжатые кулачки.

— Все равно вы не можете коснуться меня, — напомнил Бейли.

Кулачки разжались. Гладия отвернулась от него и начала беззвучно рыдать. Бейли вдруг почувствовал, что сильно устал. Он закрыл глаза, чтобы не видеть яркого света и длинных теней.

— Скажите, Рикэн Дельмар, наверное, был не очень-то нежным и ласковым, не так ли?

— Он всегда был очень занят, — ответила Гладия сдавленно.

— С другой стороны, у вас противоположный характер. В вас много нежности. Вы интересуетесь мужчинами, разве я не прав?

— Я… я… ничего не… не могу с собой поделать, — пробормотала она. — Я знаю, что это отвратительно. Даже гов… говорить на подобные темы — и то отвратительно. Но я ничего не могу с собой поделать.

— Вы беседовали об этом с доктором Либигом?

— Мне необходимо было с кем-то поделиться. Джотан казался таким добрым, он не упрекал меня, и мне это казалось большим облегчением…

— В этом и заключалась причина ваших ссор с мужем? Он был слишком холоден, слишком лишен всяких эмоций., вам это казалось ужасным, не так ли?

— О, я иногда ненавидела его, — она безнадежно пожала плечами. — Просто он был хорошим солярианином, и нам еще не было предписано иметь д… дет… детей, — с трудом выговорила она.

Бейли молча ждал. Он чувствовал себя все хуже и хуже. В животе была холодная пустота. Казалось, что какая-то свинцовая тяжесть нава-

ливается на него.

— Скажите, Гладия, — он постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, — скажите правду, вы убили его?

— Н.. нет… нет, — прошептала она и вдруг устало, как будто уже не было больше сил сопротивляться, добавила: — Я не все еще рассказала вам, Илайдж.

— Я слушаю вас, Гладия.

— В тот раз я поссорилась с ним. Старая ссора — старые причины… Я кричала на него, но он не отвечал. Он почти все время молчал, и это выводило меня из себя Я пришла в ярость. И после этого я ничего не помню.

Бейли слегка покачивался, полузакрыв глаза.

— Что значит: «Я ничего не помню»?

— Он был мертв, я подняла крик, и сбежались роботы.

— Так убили его все-таки вы?

— Я не помню, Илайдж. Но если бы я убила его, разве я могла бы это забыть? Я действительно ничего больше не помню… И мне было так страшно, так страшно… О, Илайдж, помогите мне, спасите меня!..

— Не волнуйтесь, Гладия. Я постараюсь помочь вам.

В полузатуманенном сознании детектива мелькнуло: куда девалось оружие? Ясно, только убийца мог убрать его. Гладия была найдена сразу же на месте происшедшего убийства. Значит, она не могла спрятать орудие убийства. Значит, убийцей был кто-то другой. Что бы ни думали обитатели Солярии, но убийцей должен был быть кто-то другой. Скорее обратно в дом — было последней связной мыслью Бейли. Что-то потянуло его взглянуть на сиявшее солнце. Оно уже клонилось к горизонту, потому что планета кружилась с огромной быстротой вокруг своей оси… Но сейчас кружилась его голова… Каменная скамья уплывала из-под него. Небо… огромное синее небо надвинулось на него. Кругом угрожающе чернели и раскачивались верхушки деревьев… Казалось, что и они, и небо, и все вокруг подступают прямо к нему. Последнее, что он слышал, это тонкий вскрик Гладии и еще другой звук… Но какой?

Дэниел Оливо предлагает решение

Бейли открыл глаза. Прежде всего он почувствовал себя в привычной безопасности закрытого пространства. Над ним наклонилось чье-то лицо.

Он не сразу узнал его, но потом... О дьявол! Да ведь это же...

— Дэниел! — вскричал он.

На лице робота не выразилось ни радости, ни каких-либо других эмоций.

— Хорошо, что вы пришли в себя, коллега Илайдж, — как всегда размеренно проговорил он. — Я полагаю, вы не очень пострадали.

— Я в полном порядке, — с нарочитой бодростью сказал Бейли, пытаясь приподняться на локтях. — Но почему я в постели? Что произошло?

— Ваш организм плохо выносит даже краткое пребывание на открытом воздухе, а столь длительное пребывание было непереносимо для вас. Я прибыл как раз вовремя. Теперь вы нуждаетесь в полном покое.

— Прежде всего я нуждаюсь в ответах на несколько вопросов. Бейли оглянулся: он не узнавал помещения, в котором находился. Шторы были опущены, мягкий свет был искусственным. Он чувствовал себя значительно лучше, но все же голова еще слегка кружилась.

— Во-первых, где я нахожусь?

— В одной из комнат дома, принадлежащего госпоже Дельмар.

— Далее, скажите, как вы попали сюда? Как вам удалось освободиться от роботов, которых я напустил на вас?

— Боюсь, что вы будете недовольны моими действиями, — ответил Дэниел, — но у меня не было иного выбора. Следуя полученным мной инструкциям и в интересах вашей безопасности я должен был как-то освободиться от стерегущих меня роботов.

— И как же вы это сделали?

— Если я не ошибаюсь, госпожа Дельмар сегодня предполагала установить с вами телеконтакты, не так ли?

— Да, верно. Ну и что дальше?

— Вы приказали роботам не разрешать мне устанавливать связь ни с людьми, ни с другими роботами. Но, коллега Илайдж, вы забыли запретить роботам устанавливать контакт со мной в случае вызова извне.

Бейли застонал.

— Не стоит расстраиваться, коллега Илайдж. Просчет в ваших приказаниях привел меня сюда как раз вовремя, чтобы спасти вашу жизнь. Так вот, госпожа Дельмар установила контакт со мной и спросила, где вы находитесь. Я ответил, что не знаю, но могу попытаться выяснить. Я

сказал, что обеспокоен вашим отсутствием и что она должна приказать роботам, находящимся вместе со мной, тщательно обыскать дом.

— А разве она не была удивлена такой просьбой? Почему вы сами не могли приказать роботам?

— Я постарался дать ей понять, что, поскольку я — аврорианин, я не могу так искусно общаться с роботами, как это сделает она. Как вы знаете, жители Солярии весьма гордятся своим искусством в управлении роботами и смотрят свысока на обитателей других миров из-за отсутствия у них такой сноровки.

— Ну и Гладия приказала роботам покинуть вас?

— Да, хотя послушались они ее с трудом. Они говорили о полученном ранее приказе не оставлять меня ни на минуту, коллега Илайдж. Но к счастью, они не могли сообщить госпоже Дельмар, что ***я*** — тоже робот, поскольку вы запретили им делать это. В конце концов они вынуждены были повиноваться ее приказу.

— И после этого вы начали разыскивать меня?

— Совершенно верно, коллега Илайдж.

«Жаль, — подумал Бейли, — что Гладия не сочла нужным сообщить мне о разговоре с Дэниелом

подробнее».

— Однако вы довольно долго добирались до меня, Дэниел, — заметил он вслух.

— Опытный солярианин нашел бы вас немедленно, а у меня на это ушло много времени. Я надеялся застать вас у госпожи Кларисы Канторо, но опоздал.

— А что вы там делали?

— Выяснил кое-какие факты, интересующие меня. Сожалею, что мой визит к госпоже Канторо имел место в ваше отсутствие.

— Вы разговаривали с Кларисой?

— Да.

Бейли чувствовал себя почти хорошо. Он опустил ноги с постели и с неудовольствием взглянул на халат, в который был облачен.

— Распорядитесь, чтобы принесли мою одежду, Дэниел, — приказал он.

Одеваясь, Бейли спросил:

— А где сейчас госпожа Дельмар?

— Под домашним арестом, коллега Илайдж.

— По чьему приказу?

— По моему. Она находится в своей спальне под наблюдением роботов. Все ее приказы, за исключением тех, которые связаны с ее личными потребностями, выполняться не будут.

— И все это сделали вы?

— Да, ведь здешние роботы не знают, кто я такой на самом деле.

Бейли закончил свой туалет.

— Вы знаете, Дэниел, — сказал он. — Я выяснил, что у Гладии была полная возможность совершить убийство. Я установил некоторые дополнительные факты. Она не прибежала в лабораторию мужа, услышав крики, как мы полагали раньше. Она была все время в лаборатории.

— Не утверждает ли она, что убийство произошло при ней и она видела убийцу?

— Нет, она говорит, что ничего не помнит. Конечно, иногда бывает и так. Однако-. Кроме возможности совершить убийство, я выяснил также, что у нее имелись и мотивы для него.

— И каковы они, коллега Илайдж?

— Я с самого начала подозревал такую возможность. Если бы я находился на Земле и рассуждал бы согласно нашим земным стандартам, я бы сказал, что Гладия Дельмар была влюблена в своего мужа, а он был влюблен в самого себя. Но я не был уверен, возможно ли проявление обычных человеческих чувств у соляриан. Поэтому я стремился побольше узнать о них и для этого мне было недостаточно телеконтакта, мне необходи-

мо было встречаться с ними лично.

— Я не совсем понимаю вас, коллега Илайдж.

— Не знаю, сумею ли я объяснить вам, Дэниел. Все генетические данные соляриан тщательно исследуются еще до рождения ребенка. Однако, несмотря на совершенство анализа, у человека может развиться определенный психоз или просто отклонения от нормы, зачатки которых таились незамеченными в генах. Вы обратили внимание на необычный интерес Гладии Дельмар к Земле?

— Да, я заметил это, коллега Илайдж. Но я полагал, что данный интерес имеет намеренный характер, чтобы произвести благоприятное впечатление на вас.

— А попробуем предположить, что она, в отличие от нормальных соляриан, действительно нуждается в человеческом обществе, в тесном личном общении с людьми. Мысли о Земле, самой густо заселенной планете во всей Галактике, с ее толпами людей, снующих взад и вперед, с ее шумными переполненными городами, чем-то волнуют ее. Предположим, что ее привлекает то, что, как ей внушали с детства, является грязным и постыдным. Я должен был тщательно проверить свои предположения. И в первую очередь

сравнить, как реагируют на нарушение солярианских традиций она, Гладия Дельмар, и другие соляриане. Вот почему я покинул вас, Дэниел. Мне надо было провести опыт личной встречи.

— Но вы не объяснили мне всего этого, коллега Илайдж.

— А разве мои объяснения помешали бы вам, мой милый Дэниел, вести себя и дальше в соответствии с Первым Законом роботехники?

Дэниел молчал.

— Так или иначе, но мой опыт удался, — продолжал детектив, — я попытался лично встретиться с несколькими людьми. Старый социолог с трудом согласился на мое предложение, но оказался не в состоянии выдержать наше свидание до конца. Робототехник не смог заставить себя пойти на нарушение традиций даже под моим сильнейшим нажимом. Он буквально плакал при одной только мысли о моем появлении. Помощница Дельмара, правда, приняла меня. Профессия фетолога поневоле заставляет ее примириться с личными контактами. Но она все время сохраняла десятиметровую дистанцию. Что же касается Гладии Дельмар… Тут совсем другое дело…

— А именно?

— Гладия легко переносила мое присутствие, и,

чем дольше мы находились вместе, тем больше она свыкалась с ним. А это аномально для жителя Солярии. Ее интерес к Земле и земным обычаям также ненормален. Возможно, она проявляла столь же сильный интерес и к своему мужу? Как вы знаете, влечение к представителям противоположного пола для солярианина является патологией. Доктор Дельмар меньше всего способен был поддержать подобное чувство или ответить на него, не так ли? Все это вместе было очень трагично для его жены.

Дэниел кивнул.

— Настолько трагично, полагаете вы, что в минуту исступления она убила его?

— Несмотря на все, я так не считаю, Дэниел.

— Не оказывают ли на вас влияния чисто личные причины, коллега Илайдж? — спросил робот. — Госпожа Дельмар красивая женщина, а вы как землянин не находите ничего патологического в личном общении с красивой женщиной?

— Нет, у меня имеются другие, более веские причины, — голос Бейли звучал несколько неуверенно.

Холодный взгляд робота, казалось, проникал прямо в душу. «О дьявол! Ведь эта штука всего лишь машина!» — боязливо подумал Бейли.

Вслух он сказал:

— Если бы она была убийцей своего мужа, то Груэра должна была тоже отравить она. А это — невозможно. — Он заколебался. Стоит ли сообщать Дэниелу о своих догадках относительно того, что можно осуществить убийство при посредстве роботов? Пожалуй, нет.

— В таком случае, госпожа Дельмар пыталась убить также и вас? — спросил Дэниел.

Бейли поморщился. Он не собирался рассказывать Дэниелу про эпизод с отравленной стрелой. Наверное, Клариса все ему выболтала. Следовало бы предупредить Кларису. Но откуда он мог знать, что Дэниел ухитрился вырваться на волю и явиться к ней?

— Что наболтала вам Клариса? — спросил он сердито.

— Госпожа Канторо совершенно ни при чем, — невозмутимо ответил робот, — я сам был свидетелем покушения на вашу жизнь, коллега Илайдж.

— Но ведь вас не было в этот момент на ферме?

— Зато я вовремя прибыл на место происшествия, — сказал Дэниел.

— Что вы имеете в виду? — с полном недоумении спросил Бейли.

— Разве вы не понимаете, коллега Илайдж? Это было покушение, причем отлично продуманное. Разве не госпожа Дельмар предложила вам выйти на воздух? Я не был при этом, но уверен, что так оно и было.

— Да, она предложила пойти погулять.

— Возможно, она чем-то воздействовала на вас, вспомните, коллега Илайдж.

Бейли невольно подумал про свой символический «портрет», заключенный в серый круг. Неужели все это было умным расчетом? Неужели солярианка обладала столь тонким пониманием психологии землянина?

— Нет, тут вы ошибаетесь, — медленно ответил он.

— Но она предложила вам спуститься к пруду и сесть на скамью?

— Ну, конечно.

— А не думаете ли вы, что она все время следила за вашим состоянием и заметила надвигающееся на вас головокружение?

— Она раз или два спросила, не хочу ли я вернуться домой.

— Это ничего не значит. Она видела, как вы слабеете у нее на глазах. В тот момент, когда я схватил вас, вы уже падали в пруд. Вы, безуслов-

но, утонули бы.

Бейли почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки. О дьявол! Возможно ли!

— Более того, — бесстрастно продолжал робот, — госпожа Дельмар видела, что вы падаете, и не сделала ни малейшей попытки удержать вас. Я полагаю, что она спокойно наблюдала бы за тем, как вы тонете. Возможно, она и вызвала бы роботов. Но они, несомненно, запоздали бы. А потом она объяснила бы, что не смогла заставить себя прикоснуться к вам даже для спасения вашей жизни.

«Он рассуждает логично, — подумал Бейли. — Никто не осудил бы ее за подобное поведение. Удивление соляриан могла вызвать ее обратная реакция».

— Вы видите, коллега Илайдж, — невозмутимо развивал свою мысль Дэниел, — что вина госпожи Дельмар бесспорна. Ей необходимо было избавиться от вас, так же как и от правителя Груэра.

— Но вся цепь событий могла иметь и случайный характер, — возразил Бейли, — она могла не предвидеть, что долгое пребывание на воздухе так сильно подействует на меня.

— Она была достаточно осведомлена об особен-

ностях землян.

— Но я уверил ее, что успел привыкнуть к пребыванию на воздухе.

— Она лучше разбиралась в этом, чем вы, коллега Илайдж.

Бейли сжал руки в кулаки.

— Вы приписываете Гладии Дельмар слишком большое коварство! — воскликнул он. — Да и слишком большой ум тоже. Во всяком случае, любое обвинение в убийстве Дельмара ничего не стоит до тех пор, пока не найдено орудие убийства или не объяснено, каким оружием воспользовался преступник.

Робот внимательно поглядел на землянина.

— Я могу сделать это, коллега Илайдж, — сказал он.

— Но как? — изумленно спросил Бейли.

— Очень просто. Как вы помните, коллега Илайдж, вы рассуждали следующим образом, — начал Дэниел. — Будь госпожа Дельмар убийцей, орудие убийства было бы найдено на месте преступления. Роботы, немедленно прибывшие в лабораторию, не обнаружили ничего, кроме лежащей в обмороке госпожи Дельмар. Поэтому, полагали вы, истинный убийца успел уйти и унести орудие убийства. Я правильно говорю?

— Да, правильно.

— Однако существовало некое место, где роботы не пробовали искать.

— Какое место?

— Под самой госпожой Дельмар. Она была в глубоком обмороке, и орудие убийства могло находиться под ней.

— Но роботы обнаружили бы его в ту минуту, когда подняли Гладию, чтобы перенести ее на постель.

— Да, но роботы не сразу подняли ее. Она сама вчера рассказала нам, что доктор Алтим Тул приказал роботам не трогать ее, а только положить ей под голову подушку. Он лично осматривал ее.

— Ну и что же?

— Отсюда возникает новая возможность. Доктор Алтим Тул мог сам подобрать и спрятать оружие, чтобы спасти госпожу Дельмар.

Бейли, который ожидал логического объяснения, был разочарован.

— Но почему доктор Тул стал бы делать это? — воскликнул он.

— У него имелась серьезная причина для подобного действия, — невозмутимо ответил Дэниел. — Вы помните, как госпожа Дельмар рассказывала нам о том, что доктор Тул в детстве

лечил ее и всегда относился к ней особенно внимательно? Я заинтересовался причиной такого отношения доктора Тула к своей пациентке. Для этого я посетил ферму госпожи Канторо и просмотрел всю имеющуюся картотеку. То, что я подозревал, оказалось правдой.

— Что именно?

— Доктор Алтим Тул — отец Гладии Дельмар и, что еще важнее, он осведомлен об этом.

Бейли не имел оснований не доверять словам Дэниела. Конечно, ему стало досадно, что робот Дэниел Оливо, а не он сам, инспектор класса С-7 Илайдж Бейли, сделал столь важное открытие.

— Вы беседовали с доктором Тулом? — начал недовольным тоном Бейли.

— Да, и я поместил его под домашний арест.

— Что он говорит?

— Он признает, что является отцом Гладии Дельмар. В качестве врача он имел больше возможностей, чем любой другой солярианин, установить, кто его ребенок. Профессия врача всю жизнь позволяет ему наблюдать за дочерью и поддерживать с ней осторожный контакт.

— А Гладия знает, что Тул — ее отец?

— Как мне сообщил доктор Тул, она не в курсе этого вопроса.

— Признает ли Алтим Тул, что он спрятал орудие убийства?

— Нет, не признает.

— В таком случае, какие неопровержимые улики вы можете предъявить, Дэниел? Если вы не найдете оружия или не добьетесь признания старика, ваши рассуждения построены на песке.

— Доктор Тул ни за что не сознается. Его дочь дорога ему.

Бейли шагал взад и вперед по комнате, стараясь собраться с мыслями. Затем уселся в глубокое мягкое кресло и начал излагать свои соображения:

— Вы проявили большую изобретательность в логических рассуждениях, Дэниел, но они не разумны. («Логичны, но не разумны Таковы все роботы».) Посудите сами, Алтим Тул — старик, глубокий старик, у которого на старости лет появилось дитя. Он, вопреки всем нормам Солярии, испытывает естественные человеческие чувства к своему ребенку. Так вот, представьте себе, что этот старик застает свою дочь в глубоком обмороке, а рядом с ней — труп ее мужа. Вы понимаете, какое впечатление должна произвести на него такая картина? Вы думаете, что в подобной ситуации он сохранит присутствие духа настолько, чтобы совершить ряд удивительных действий?

Прежде всего, по-вашему, он видит орудие убийства, спрятанное под телом его дочери, которое роботы не заметили. Он настолько хладнокровен и быстр, что успевает спрятать оружие прямо на глазах роботов. Затем он управляет роботами так умело, что обманывает их бдительность и уносит оружие с собой. Да разве все это возможно для человека его лет, да еще потрясенного происшедшим? Нет, это практически исключено!

— Разве можно представить себе какое-либо другое решение проблемы, коллега Илайдж? — спросил Дэниел.

Внезапное волнение охватило Бейли. Ему захотелось вскочить на ноги, но слабость помешала ему, и он нетерпеливо воскликнул:

— Дайте мне вашу руку, Дэниел!

— Простите? — не понял робот и с удивлением взглянул на свою руку.

Бейли мысленно обругал прямолинейный способ мышления своего партнера и повторил просьбу иначе:

— Помогите мне выбраться из кресла, Дэниел.

Сильная рука робота легко приподняла землянина.

— Нет, пока я не моіу предложить вам другого решения, Дэниел. Я должен подумать.

Бейли нетерпеливо подошел к окну, завешенному тяжелой портьерой, и приподнял ее уголок. Он уставился в темное стекло и не сразу сообразил, что наступила ночь. Дэниел подошел к нему и мягко попытался опустить портьеру. В то краткое мгновение, пока Бейли наблюдал за пальцами робота, заботливо опускавшего портьеру, в этот самый момент детектива озарило. Он выхватил портьеру из рук робота, налег на нее всем телом и оборвал ее.

— Коллега Илайдж, — мягко сказал Дэниел, — вы же знаете, какой вред вам может причинить зрелище открытого пространства даже ночью.

— О нет, мой заботливый Дэниел, — ликующе ответил землянин, — теперь я знаю, какую пользу оно мне приносит.

Илайдж Бейли напряженно вглядывался в темноту ночи. Впервые он свободно взирал на усеянный звездами небосклон. Не из бравады, не из любопытства, и даже не из-за необходимости, а просто потому, что ему хотелось этого, он нуждался в этом. Долой стены! Долой темноту и копошащиеся людские муравейники! Все это не для истинных людей. Люди нуждаются в неограниченных просторах, в широких горизонтах… Вероятно, он всегда инстинктивно так

чувствовал, но не осознавал этого. Вот почему его выводил из себя серый круг, замкнувший тот портрет. Его переполняло чувство свободы, гордости, ощущение победы…

Голова начинала кружиться. В ней роились догадки, мысли, рождалась уверенность… Он повернулся к Дэниелу.

— Я знаю! — воскликнул он громко. — О дьявол, я все знаю.

— Что вы знаете, коллега Илайдж?

— Я знаю, что это было за оружие. Я знаю, кто истинный преступник. Я знаю, наконец, каковы были его цели. Скажите роботам, пусть подготовят экраны. Я хочу говорить со многими людьми сразу.

Илайдж Бейли делает важное сообщение

Однако Дэниел воспротивился намерению своего партнера возобновить деятельность немедленно.

— Завтра, — твердил он почтительно, но достаточно твердо. — Завтра с утра вы будете делать, что вам угодно, коллега Илайдж. Сейчас уже поздно, и вы нуждаетесь в отдыхе.

Бейли вынужден был признать справедливость подобного утверждения. К тому же он сам понимал, что должен хорошо подготовиться к тому, что ему предстояло. Он знал решение проблемы, он был уверен в правильности своего решения, но одних логических рассуждений недостаточно, требуются веские, неопровержимые доказательства. Ему предстоял нелегкий поединок сразу с несколькими солярианами. Землянин против соляриан… Да, для этого он должен быть в хорошей форме. Значит, следует отдохнуть и выспаться.

Однако он чувствовал, что не сможет заснуть. Ни особая мягкость постели, которую ему приготовили неслышно двигающиеся роботы, ни нежная музыка, доносившаяся откуда-то издалека, ничто не заставит его сомкнуть глаз.

В затемненном углу комнаты тихо сидел Дэниел.

— Вы охраняете меня от Гладии? — насмешливо спросил землянин.

— Я не считаю разумным оставлять вас одного без всякой защиты, — бесстрастно ответил робот.

— Ну как хотите. Слушайте, Дэниел, вы выполнили все мои поручения?

— Да, конечно, коллега Илайдж.

— Как обстоит дело с ограничениями, налагаемыми Первым Законом?

— У меня есть сомнения, связанные со встречей, которую вы хотите завтра организовать.

— Уверяю вас, я буду крайне осторожен.

Дэниел испустил вздох, настолько напоминающий человеческий, что Бейли невольно вздрогнул и стал пристально вглядываться в темноту, где неясно белело лицо совершенно механического существа.

— Мне иногда кажется, что люди ведут себя нелогично, — заметил Дэниел.

— Мы также нуждаемся в Трех Законах, — усмехнулся Бейли, — но все же я рад, что их у нас нет.

Он уставился в потолок и стал напряженно думать. Многое, очень многое зависело от Дэниела. И, несмотря на это, он мог рассказать ему лишь часть правды. Конечно, у планеты Авроры были причины послать в качестве своего представителя не человека, а робота. Но все-таки это была ошибка. У робота есть свои слабые стороны, которыми разумный человек может воспользоваться. Мысли его потекли по другому руслу. Если все пройдет гладко, через каких-нибудь двенадцать часов все будет кончено, а через двадцать четыре

он сможет отправиться домой, на родную Землю. В сердце Илайджа Бейли теплилась надежда. Правда, странная надежда. — И, однако, это был бы выход для Земли, единственный выход. Это должно стать выходом для его родной планеты. Покой и уют родного дома! Думая о доме, он стал засыпать. Но вдруг вздрогнул. Почему мысли о Земле и о доме не вызвали обычной умиротворенности и радости? Между ним и городами Земли возникло какое-то странное отчуждение… Все перепуталось в его мозгу. — Он погрузился в сон.

Хорошо выспавшись, Бейли принял душ и оделся. На сердце у него было неспокойно. Сейчас его рассуждения казались ему менее убедительными, чем накануне. А сегодняшняя встреча! Он один против многих.

Можно ли с уверенностью рассчитывать на их понимание, на их правильную реакцию? Или он опять действует вслепую?

Первой на экране появилась Гладия. Она выглядела бледной и вялой. На ней было белое одеяние, которое делало ее похожей на статую. Сразу же начали появляться и остальные. Следующим Бейли увидел правителя Корвина Атлбиша, нового главу Департамента солярианской Безопасности, высокого и надменного, с

презрительно поднятым подбородком. Весь вид его выражал неодобрение. На лице роботехника Либига было выражение возмущения. Правое веко сильно подергивалось. Вот социолог Квемот. Он покровительственно улыбается Бейли, как бы напоминая ему, что они уже знакомы и даже встречались в интимной обстановке. Клариса Канторо нерешительно поглядывала на всех остальных. Некоторое время она, наморщив лоб, разглядывала Гладию, затем демонстративно отвернулась и уставилась в пол. Последним появился доктор Алтим Тул… Он выглядел очень старым, очень измученным. Все собравшиеся были одеты торжественно и официально.

«Пока что Дэниел справился со своей задачей хорошо — собрал всех сразу, посмотрим, что будет дальше», — нервно подумал Бейли. Его сердце билось сильными толчками. Он еще раз оглядел собравшихся спейсеров. Каждый из них смотрел на него из своего дома. Убранство, меблировка, освещение в каждом доме были различными, от одного этого могла закружиться голова.

Илайдж Бейли прочистил горло и начал:

— Я хотел бы обсудить с вами вопрос об убийстве правителя Рикэна Дельмара с точки зрения мотива преступления, возможности для его со-

вершения и средств, примененных для…

— Вы собираетесь держать длинную речь? — прервал землянина Атлбиш.

— Возможно, — резко ответил Бейли, — но прошу не мешать мне. Я приехал сюда специально для расследования происшедшего убийства. Это моя профессия, и я лучше, чем вы, разбираюсь в подобных вопросах. («Ничего нельзя им спускать, или все пропало, — лихорадочно твердил он себе. — Во что бы то ни стало надо суметь взять над ними верх».) Прежде всего остановимся на мотиве, — продолжал Бейли, решительно отчеканивая каждое слово. — Труднее всего установить именно мотив преступления. Возможности и средства для совершения преступления выяснить гораздо легче. Это — объективные факторы. Мотив же преступления бывает субъективным. Иногда он понятен окружающим, иногда — нет. Более того, мотив преступления может существовать у самого, казалось бы, неподходящего индивидуума. Все собравшиеся здесь убеждены, что убийцей является жена покойного. Об этом мне было сказано всеми с полной уверенностью. Никто другой, как вы полагаете, физически не мог совершить преступления. Допустим, что это так. Рассуждаем следующим образом. Каков же

мог быть мотив для подобного столь необычного на Солярии преступления? Правитель Лабиг сообщил мне, и это было подтверждено самой Гладией Дельмар, что у нее часто происходили жестокие ссоры с мужем. Ссора и вызванное ею состояние аффекта может, в принципе, привести к тяжелым последствиям, даже к убийству. Очень хорошо. Но возникает следующий вопрос. А могут ли у кого-нибудь другого существовать серьезные причины желать смерти Рикэна Дельмара? Вот, например, правитель Либиг…

При этих словах спейсер вскочил. Он угрожающе протянул руку в направлении Бейли.

— Думайте, что говорите, землянин! — крикнул он.

— Я только рассуждаю… пока… — холодно ответил Бейли. — Вы, доктор Либиг, работали вместе с Рикэном Дельмаром. Вы лучший специалист в области роботехники на Солярии. Вы сами так утверждали, и я не имею оснований не верить вам.

Либиг улыбнулся с видом превосходства.

— Но, — по-прежнему невозмутимо продолжал Бейли, — я установил, что покойный Дельмар собирался прекратить совместную работу с вами. Он не одобрял кое-какие ваши идеи и методы.

— Ложь, чепуха! — снова крикнул Либиг.

— Возможно. Ну, а если это было бы все-таки правдой? Разве вам не хотелось бы избавиться от него прежде, чем он публично заявил бы о разрыве ваших отношений, а? А вы, госпожа Канторо? — быстро продолжал Бейли, не дав времени Либигу опомниться. — Разве смерть Рикэна Дельмара не поставила вас во главе весьма важного на Солярии предприятия?

— О небеса! — воскликнула Клариса. — Разве мы уже не обсуждали этого?

— Обсуждали, но честолюбие — фактор, который нельзя так просто скидывать со счетов. Что же касается доктора Квемота, то он имел привычку играть в шахматы с покойным Дельмаром и постоянно проигрывал. Возможно, ему надоело всегда оставаться в проигрыше.

— Полагаю, что проигрыш в шахматы, безусловно, недостаточно веский мотив для убийства, инспектор, — мягко вставил социолог.

— Все зависит от того, насколько серьезно вы относились к игре. Случается и так, что мотив, которым руководствовался преступник, кажется совершеннейшей чепухой всем, кроме него самого. Но не в этом дело. Я хочу доказать вам, что мотив еще далеко не все. Практически у каждого

может найтись более или менее веский мотив, особенно когда дело касается такого человека, каким был покойный Дельмар.

— Что вы хотите этим сказать? — негодующе воскликнул доктор Квемот.

— Только то, что Дельмар был хорошим солярианином. Все вы так о нем отзывались, не правда ли? Он полностью отвечал всем самым строгим требованиям вашего общества. Он был идеальным гражданином, идеальным человеком, почти абстракцией. Разве можно испытывать какие-либо теплые чувства к такому человеку? Его совершенства только заставляют каждого осознавать собственные слабости и дефекты. Один поэт древности, английский поэт девятнадцатого века, некий Теннисон, писал: «Если у человека нет недостатков, значит он сам и есть сплошной недостаток».

— Но человека не убивают только за то, что он слишком хорош, — поморщилась Клариса Канторо.

— Откуда вы знаете? — возразил детектив. — Разве у вас есть хоть какой-нибудь опыт в данном вопросе? Однако в одном я с вами согласен. Дельмар был убит не потому, что он был слишком хорош, и не потому, что слишком хорошо играл

в шахматы, а по гораздо более веским причинам. Мне стало известно, что покойный Дельмар узнал о существовании на Солярии конспиративной организации. Эта организация подготавливала нападение на остальные миры Галактики с целью их завоевания. Рикэн Дельмар был решительно против целей и существования этой организации. Разве для ее членов не было важным вовремя избавиться от Дельмара, человека с большим влиянием на Солярии? Любой из вас, здесь присутствующих, мог быть членом этой организации, в том числе и Гладия Дельмар. Я даже не исключаю главу Департамента Безопасности, правителя Атлбиша.

— Неужели? — презрительно заметил спейсер.

— Конечно. Вы почему-то пытались прекратить расследование преступления, как только после отравления правителя Груэра вы заняли его пост, не так ли?

Бейли сделал несколько глотков воды из свежераспечатанного пакета. Пока все шло хорошо. Соляриане сидели тихо и слушали внимательно. Отчасти потому, что подобные встречи были для них редкостью. У них не было опыта жителей Земли.

— Далее, — продолжал Бейли, — следует обсу-

дить вопрос о возможности совершить преступление. Общее мнение таково, что только госпожа Дельмар имела такую возможность, поскольку она одна могла находиться в личном контакте с жертвой. Но можно ли быть так уверенным в этом? Предположим, что некто, нам пока неизвестный, решил устранить Рикэна Дельмара. Разве при этом соображения о неприятности личного присутствия не отойдут на второй план? Разве каждый из вас не пренебрег бы подобным неудобством и не мог бы прокрасться в дом Дельмара и…

— Вы невежественны, землянин, — громко и надменно вмешался Корвин Атлбиш, — дело вовсе не в нашем удобстве или неудобстве. Дело в том, что сам правитель Дельмар никогда не допустил бы ничего подобного. Никакое долгое знакомство, никакая дружба не могли заставить его терпеть чье-либо личное присутствие. Рикэн Дельмар был истинным солярианином. Он немедленно попросил бы пришельца удалиться или приказал бы роботам выдворить его.

— Вы правы, — спокойно согласился Бейли. — Дельмар поступил бы именно так, но… — он обвел взглядом присутствующих, — только в том случае, если бы он знал о чьем-либо присутствии.

— Что вы имеете в виду? — воскликнул доктор Тул пронзительным голосом.

— Когда вы лично явились на место происшествия, доктор Тул, — ответил Бейли, глядя на него, — госпожа Дельмар была уверена, что она видит не вас, а ваше телеизображение, пока вы не дотронулись до нее. Я, например, привык только к личным встречам. Поэтому, когда я увидел впервые главу Департамента Безопасности Груэра, я считал, что вижу его живого во плоти и крови. И когда он вдруг исчез, я был поражен. Может быть и обратное, не так ли? Представьте, что некто всю свою жизнь имел только телеконтакты с другими людьми, за исключением редких встреч со своей женой. Появление любого человека он будет воспринимать как телеконтакт, особенно если робот сообщит ему, что кто-то желает установить с ним таковой. Разве это невозможный случай?

— Совершенно невозможный, — сказал Квемот. — Окружение, фон, запах — все выдает личный приход.

— Но не сразу, доктор Квемот, не сразу. Пока Дельмар успел заподозрить что-либо, пришелец мог подойти к нему и сильным ударом раскроить череп.

Бейли остановился. На его лбу выступил пот.

Но утереть его выглядело бы проявлением человеческой слабости. А он все время должен быть хозяином положения, не упускать инициативы из своих рук. Тот, в кого он метил, должен быть публично и убедительно разоблачен. Нелегко землянину вести себя так по отношению к спейсеру, но он, Бейли, обязан это сделать. Он оглядел устремленные на него лица. На всех было отражение тревожного внимания. Даже у Корвина Атлбиша появилось нечто человеческое во взгляде.

— Итак, мы переходим к вопросу об орудии убийства, — продолжал землянин, — и надо признаться, что это — самый сложный вопрос. Орудие, с помощью которого было совершено преступление, так и не было обнаружено.

— Бели бы не этот пункт, — заметил Атлбиш, — мы бы считали обвинение, предъявленное госпоже Дельмар, вполне доказанным, и нам не потребовалось бы никакого дополнительного расследования.

— Конечно, — согласился Бейли. — Итак, давайте рассмотрим вопрос об оружии. Если преступление было совершено Гладией Дельмар, оружие должно было быть найдено на месте преступления. Мой коллега, Дэниел Оливо с Ав-

роры, в настоящее время не присутствующий на нашем совещании, считает, что это оружие было унесено доктором Тулом. Во всяком случае, у него имелась такая возможность и был для этого мотив. Нами установлено, что Гладия Дельмар родная дочь доктора Тула. Я спрашиваю доктора Алтима Тула, спрашиваю публично, обнаружил ли он во время осмотра находившейся в обмороке госпожи Дельмар какой-либо тяжелый предмет, могущий послужить орудием убийства?

Доктор Тул весь трясся.

— Нет, нет, клянусь, я не находил ничего подобного, — дрожащим голосом еле вымолвил он.

— Есть ли желающие опровергнуть слова доктора Тула?

Наступило гробовое молчание.

— Тогда рассмотрим другую возможность. Она заключается в том, — продолжал детектив, — что какой-то посторонний проник в лабораторию и, совершив преступление, унес оружие с собой. Но спрашивается, зачем ему это делать? Зачем уносить оружие? Тем самым он доказывает, что госпожа Дельмар — не убийца. Казалось бы, проще оставить оружие около жертвы и тем самым навлечь серьезнейшие подозрения на жену убитого. Только круглый дурак не пой-

мет этого. Значит, орудие убийства находилось где-то поблизости от убитого и его лежавшей в беспамятстве жены и при этом осталось незамеченным.

— Так что же, вы принимаете нас за дураков или за слепых? — вскричал Атлбиш.

— Нет, я принимаю вас за тех, кем вы являетесь, — за соляриан, — спокойно ответил Бейли. — Вы, как истые соляриане, не могли догадаться, что то особое оружие, которое было применено, находилось тут же у вас под носом.

— О небеса! Что говорит этот землянин! Я не понимаю ни единого слова, — в смятении прошептала Клариса.

Гладия, которая не пошевельнулась в течение всей речи Бейли, с ужасом взглянула на него.

— На месте преступления были обнаружены только мертвый Дельмар и его жена в бессознательном состоянии. Там также находился еще и испорченный робот.

— Ну и что же? — негодующе вскричал Либиг.

— Разве вам не очевидно следующее? Исключив все невозможные варианты, мы приходим к истине, сколь бы — немыслимой она вам ни казалась. Именно этот самый робот и был тем смертельным оружием, которым хитро восполь-

зовался убийца. Но вы, соляриане, в силу ваших привычек и традиций, не смогли догадаться об этом.

Вскочив с мест, все закричали сразу. Все, кроме Гладии, которая молча смотрела на Бейли.

Бейли поднял руку и громовым голосом заорал:

— Эй вы, успокойтесь! Я еще не кончил. Выслушайте меня до конца, и вы все поймете!

Сила ли убежденности, звучавшая в голосе Бейли, или неожиданность и непривычность его грубого окрика, но он подействовал на соляриан магически. Вновь наступила мертвая тишина.

— Садитесь и слушайте! — приказал Бейли. — Вы забыли, что убийство Дельмара — не единственное преступление на Солярии. Было совершено покушение на правителя Груэра. Наконец, пытались устранить меня с помощью отравленной стрелы!

Последнее заявление было встречено тихим ропотом аудитории.

— Здесь целая цепь преступлений. И все они невозможные, немыслимые, как сказал мне доктор Либиг, когда я пытался их с ним обсудить. А между тем все они имеют простое и ясное объяснение: их совершили роботы, но не прямо, а

косвенно. Ими руководил опытный и умелый преступник, сумевший обойти запреты Первого Закона. Обратите внимание: первое действие — совершенно невинное с точки зрения робота. Ему приказано налить некую жидкость в бокал с водой. Робот, поскольку это никому не причинит вреда, выполняет приказ. Второй робот получает столь же невинный приказ подать эту воду по первому требованию своего господина. Он не знает о манипуляциях первого и без колебаний выполняет приказание. Вот тайна отравления Ханниса Груэра. Так же действовали и со мной. Один из роботов смазал стрелу ядом, другой, не зная об этом, подал ее самому искусному стрелку, сопроводив свое действие комментарием о том, что грязный землянин опасен для солярианин. Схема одна и та же. И заметьте себе, что все эти действия не требовали личного присутствия преступников. Вам, вероятно, известно, что квалифицированные роботехники могут устанавливать контакты с роботами, используя межроботические линии связи.

— Весьма неправдоподобное объяснение, — промолвил авторитетным тоном Либиг.

— Этого не может быть! — воскликнул Квемот. Его лицо было белым, а губы тряслись. — Ни один

солярианин не посмеет использовать роботов для того, чтобы причинить вред человеческому существу.

— Кроме того, вся эта чепуха не имеет ни малейшего отношения к убийству Дельмара, — возразил Либиг. — Я еще вчера сказал вам об этом. Разве можно заставить робота раскроить череп человеку? Так, чтобы он не подозревал нарушения Первого Закона?

— Да, можно, — спокойно ответил детектив.

— Но как? — закричал истерически Атлбиш.

«Видимо, и у великого спейсера есть нервы», — злорадно отметил про себя Бейли, а вслух промолвил:

— Сейчас вам объясню. Мне самому это стало ясно только вчера. Я не мог подняться с кресла и обратился к роботу с приказанием: «Дай мне руку». Робот пришел в смятение и не знал, что делать. Он смотрел на свою руку с таким видом, как будто собирался вынуть и подать ее мне. Тогда мне пришлось повторить свой приказ менее буквально. Но тут-то я вспомнил, что вы, доктор Либиг, в нашей беседе упомянули об экспериментах, которые проводились вами. Речь шла, как я потом догадался, о создании новых моделей роботов с заменяемыми частями. Допустим, что

робот, с которым работал Дельмар, мог вынимать и вставлять на место свои конечности, например руки. Об этом сам Дельмар мог и не догадываться. Предположим далее, что убийца появляется в лаборатории Дельмара и приказывает роботу: «Дай мне руку». Робот немедленно выполняет приказание. Рука робота — превосходное оружие. Убийца делает свое дело, затем вставляет руку на место, и… никаких следов..

Ужас, заставивший слушателей молчать, уступил место нестройному хору возражений и протестующих возгласов.

Атлбиш, красный и негодующий, величественно встал с места и сделал шаг вперед.

— Даже и в этом случае, если все это правда, убийца — Гладия Дельмар. Только она могла прийти в лабораторию своего мужа и сделать все то, о чем вы сказали. Если только действительно существуют такие роботы с заменяемыми конечностями.

Гладия начала тихо всхлипывать.

Бейли не смотрел на нее.

— Наоборот, — сказал он твердо, — я считаю, что преступником был кто-то другой, но не госпожа Дельмар.

При этих словах Джотан Либиг скрестил руки

на груди и презрительно фыркнул.

— Вы, доктор Либиг, как я надеюсь, поможете мне установить, кто был этот убийца. Как специалист, вы отлично понимаете, что не искушенный в роботехнике человек не сумеет управлять роботами настолько умело, чтобы заставить их так или иначе нарушить Первый Закон. Ну скажите нам, доктор Либиг, что понимает в роботехнике Гладия Дельмар?

— Почему вы спрашиваете об этом именно меня? — воскликнул солярианин.

— Ну как же, ведь вы пытались просветить госпожу Дельмар в вопросах роботехники. Вы достигли своей цели?

На лице Либига появилось растерянное выражение.

— Она, видите ли, она…

Он остановился.

— Как ученица она оказалась безнадежной, не так ли?

— Она могла притворяться невежественной, — голос солярианина снова обрел уверенность.

— Значит, вы, как специалист, утверждаете, что госпожа Дельмар настолько искушена в роботехнике, что могла бы заставить роботов совершить косвенное убийство?

— Как я могу ответить на ваш вопрос!

— Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Мой коллега, Дэниел Оливо, случайно потеряв связь со мной, затратил на поиски немало времени и нашел меня с большим трудом. Преступник же узнал о моем пребывании достаточно быстро, очевидно, с помощью межроботических линий связи. Столь же быстро и ловко, снова используя роботов, преступник организовал покушение на мою жизнь. Как вы думаете, обладает ли госпожа Дельмар достаточной квалификацией в роботехнике, чтобы все это проделать?

Корвин Атлбиш наклонился вперед.

— Кто же по-вашему, землянин, обладает достаточной квалификацией?

— Правитель Джотан Либиг, по общему признанию и по его собственному мнению, является самым квалифицированным роботехником на вашей планете, — медленно отчеканил Илайдж Бейли.

— Это обвинение? — пронзительно закричал роботехник.

— Да, Либиг, — голос Бейли звучал громко и решительно, — это обвинение.

Илайдж Бейли обвиняет

Либиг выпрямился. Нарочито спокойно, медленно и раздельно выговаривая слова, он начал:

— То, что вы говорите, чепуха. Я внимательно изучил робота, присутствующего при убийстве. Этот робот никак не мог служить орудием убийства.

— А кто может подтвердить ваши слова, солярианин? — так же спокойно и медленно спросил Бейли.

— Мои слова обычно не подвергаются сомнению.

— Ах, вот как! Тогда почему же вы столь быстро уничтожили этого робота?

— А кому он был нужен? Робот никуда не годился, он был полностью бесполезен.

— Почему?

Самообладание постепенно начинало покидать роботехника. Его лицо покрылось пятнами.

— Вы уже задавали мне этот вопрос, землянин, — сказал он, сжимая кулаки. — И я объяснил вам причину. Повторяю: робот присутствовал при убийстве человека. И он не смог предотвратить это убийство.

— Тем не менее исследовать его было для нас чрезвычайно важно, — возразил Бейли. — Я утверждаю, что именно его рука была использована в качестве оружия.

— Чепуха, немыслимая чепуха! — не сдерживаясь более, закричал Либиг. — Что вы вообще смыслите в роботехнике?

— Возможно, немного, — невозмутимо ответил детектив. — Но я предлагаю следующее. Пусть глава Департамента Безопасности Корвин Атлбиш распорядится, чтобы был произведен обыск вашей лаборатории и фабрики роботов. При этом будет установлено, производили ли вы эксперименты с заменой конечностей. Если да, то не послали ли вы такого робота в распоряжение Дельмара.

— Никто не смеет заходить в мою лабораторию! — завопил роботехник.

— Почему? Если вам нечего скрывать, то почему вы боитесь показать свою лабораторию?

— А при чем здесь я? Как я мог быть заинтересован в смерти моего друга Дельмара?

— Я думаю, для этого было две причины, — ответил Бейли. — Первая такова. Вы были дружны с миссис Дельмар, даже очень дружны, не так ли? Ведь, несмотря ни на что, соляриане все-та-

ки люди. Вы, правда, никогда не имели дела с женщинами. Но это отнюдь не означает, что вы не подвержены никаким эмоциям. Ну, скажем, животным импульсам. Вы виделись с госпожой Дельмар… то есть не то чтобы виделись, но общались посредством телесвязи. При этом она часто бывала достаточно обнажена и…

— Нет, нет, вы лжете! — крикнул Либиг и закрыл лицо руками.

— Нет, нет, — прошептала и Гладия.

— Возможно, вы даже сами не понимали характера своих ощущений. Или, если и догадывались, то презирали себя и ненавидели госпожу Дельмар, которая вызывала их. И, конечно, сам Дельмар, ее муж, был вам особенно ненавистен. Вы ведь просили госпожу Дельмар стать вашей помощницей, не так ли? Вы настойчиво добивались этого. Она отказалась, и вы возненавидели ее еще больше. Убив Рикэна Дельмара таким образом, чтобы подозрение пало на его жену, вы одним ударом расправились с обоими.

— Кто поверит этой дешевой мелодраматической болтовне? — пробормотал красный как рак спейсер. — Только грязный землянин может подумать такое о солярианине.

— Я не утверждаю, что сказанное являлось

вашим единственным мотивом, доктор Либиг. Все эти чувства, конечно, влияли на вас, но, скорее, бессознательно. У вас был и гораздо более прямой, более осознанный мотив. Доктор Рикэн Дельмар мог серьезно помешать вашим планам. Поэтому его следовало устранить.

— Планам? О каких планах вы говорите? — воскликнул роботехник. В его голосе звучали ярость и ужас.

— О планах завоевания всей Галактики, — торжественно провозгласил Бейли.

Обвинение подтверждается

— Землянин сошел с ума, — Либиг повернулся к аудитории. — Разве не очевидно, что он ненормален?

Некоторые с изумлением глядели на него, другие на его противника.

Но Бейли не дал им времени опомниться.

— Вы все прекрасно понимаете, Либиг, — продолжал он. — Дельмар собирался прервать отношения с вами. Причина заключалась в том, что Рикэн Дельмар был в курсе вашей работы значительно больше, нежели кто другой. Он знал, что вы проводите опасные эксперименты,

и пытался остановить вас, но безуспешно. Тогда он намекнул правителю Груэру о вашей деятельности, но только намекнул, так как еще не был уверен во всех деталях. Вы узнали об этом. Рикэн Дельмар становился опасен для вас.

— Он сумасшедший, этот землянин, настоящий сумасшедший! — прокричал роботехник. — Я не желаю больше слушать эти бредни!

— Нет, правитель Либиг, вы должны выслушать его, — голос главы Департамента Безопасности звучал достаточно грозно.

Детектив закусил губу, чтобы не выдать охватившего его торжества.

— Во время беседы со мной, — продолжал он, — когда вы упомянули о роботах с заменяемыми конечностями, доктор Либиг, вы бросили еще фразу о космических кораблях, управляемых роботами. В тот раз, доктор Либиг, вы, пожалуй, были откровенны больше, чем обычно. Вероятно, вас покинула обычная осторожность, потому что перед вами был землянин, существо неполноценное и неспособное разобраться в ваших проблемах. К тому времени я уже услышал от доктора Квемота, что защитой Солярии от других Внешних Миров являются ее позитронные роботы.

— Я имел в виду… — взволнованно начал было Квемот.

— Да, я знаю, — прервал его Бейли, — вы мыслили в социологическом плане, доктор Квемот. Но все же ваши слова послужили толчком для меня. Попробуем сравнить космический корабль, управляемый роботами, с кораблем, управляемым людьми. В первом случае использование роботов для военных целей невозможно. Робот, как известно, не в состоянии уничтожить людей даже на вражеских кораблях или во вражеских мирах. Для него все человеческие существа неприкосновенны. Но если бы вам удалось создать роботов, не подчиняющихся Первому Закону, и они повели бы боевые космические корабли, такие корабли были бы непобедимы. Страшные армады кораблей, ведомых бездушными роботами, сеяли бы ужас и разрушение на всех мирах. И только вы, знающий секрет новых моделей роботов, умели бы ими управлять. Тогда ваши честолюбивые мечты о покорении Галактики и о вашем владычестве над Вселенной были бы на пути к осуществлению. А все те, кто могли вам помешать, — должны были быть устранены с вашего пути. Прав я или нет, правитель Либиг?

Ответ не было. Либиг, обуреваемый ужасом,

смятением и яростью, молчал. Но даже если бы он и сказал что-либо, его слова нельзя было бы разобрать в поднявшемся шуме. Обычно сдержанные и чинные спейсеры повскакивали с мест. Яростно жестикулируя, они выкрикивали угрозы по адресу роботехника. Клариса, с развевающимися волосами и лицом фурии, повернулась к Либигу, проклиная его. Даже Гладия вскочила с места и грозно потрясала маленькими кулачками.

Бейли закрыл глаза и на какое-то мгновение разрешил себе слегка ослабить огромное физическое и нравственное напряжение, в котором находился. То, что он задумал, удалось. Наконец-то он нашел правильный подход к этим людям. Ключ к ним помог ему найти, как это ни странно, самодовольный социолог. «В отличие от спартанских пилотов, роботы никогда не будут в состоянии восстать против людей», — говорил он. Но что, если сами люди обучат роботов искусству уничтожать их? Что, если роботы научатся бунтовать? Тогда прощай привольная безопасная жизнь соляриан, жизнь, основанная на труде и беспрекословном повиновении роботов. Можно ли представить себе более тяжкое преступление в глазах соляриан!

Это понял Илайдж Бейли, и это был его козыр-

ной туз.

— Вы арестованы, презренный предатель! — грозно вскричал Корвин Атлбиш. — Вам запрещено заходить в лаборатории, касаться ваших записей до тех пор, пока правительство не сумеет тщательно проверить их и... — от гнева спейсер буквально задохнулся, и его дальнейшие слова потонули в общем шуме.

К Бейли приблизился робот.

— Господин, вам донесение от господина Оливо, — произнес он.

Бейли схватил бумагу и, повернувшись к своим слушателям, громовым голосом крикнул;

— Внимание!

Шум, как по мановению волшебной палочки, утих, и все лица повернулись к землянину с выражением глубокого и почтительного внимания.

— Еще до начала нашей беседы я поручил своему коллеге Дэниелу Оливо с Авроры ознакомиться с экспериментальными лабораториями доктора Либига. Дэниел Оливо сообщает мне, что он сейчас лично явится к доктору Либигу с тем, чтобы потребовать разъяснений по поводу некоторых обнаруженных им фактов.

— Как лично?.. — в ужасе завопил роботехник. Его глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. —

Он явится сюда? Ко мне? Нет, нет. — Его голос перешел в страшный хрип.

— Не бойтесь, он вам не причинит никакого вреда, — холодно сказал детектив, — если, конечно, вы дадите ему должные показания.

— Ни за что! Я не позволю, не позволю… — Либиг упал на колени, видимо, не сознавая, что он делает. — Что вы в конце концов хотите от меня? Что я должен сказать? Сознаться? Хорошо, я расскажу все. Да, робот, которого я послал к Дельмару, имел заменяемые конечности. Да, я хотел пристрелить вас. Да, я мечтал о создании могучих боевых космических кораблей с новыми роботами, о которых вы догадались. Я хотел невиданного расцвета и могущества Солярии, ее владычества во Вселенной. Мне, увы, не удалось ничего, но не по моей вине. Вот, я сознался во всем. А теперь прикажите тому человеку не приходить ко мне. Я не вынесу этого. Пусть он убирается, пусть он… — Больше Либиг не мог выговорить ни слова.

Бейли удовлетворенно кивнул. Снова он нажал верную кнопку. Угроза личной встречи с человеком подействовала на солярианина сильнее, чем могла бы подействовать любая пытка. Эта угроза полностью лишила его самообладания и

вынудила сознаться во всем.

И в этот самый момент роботехник увидел нечто, окончательно лишившее его разума. На коленях он пополз от чего-то невидимого на экране.

— Вон! Вон отсюда, вон, вон... — Раздался невнятный звук. И вдруг его правая рука потянулась к карману, что-то вынула и поднесла ко рту. Все это заняло несколько секунд. Качнувшись сначала вправо и затем влево, Либиг упал как подкошенный.

«Эй, ты, жалкий безумец, ведь к тебе приближается не человек, а всего лишь один из твоих возлюбленных роботов», — чуть было не крикнул землянин, но вовремя удержался.

В поле зрения всех присутствующих появилась высокая стройная фигура Дэниела Оливо. Какое-то мгновение он молча смотрел на распростертое на полу тело. Илайдж Бейли в ужасе затаил дыхание. А вдруг Дэниел поймет, что человека, лежащего на полу, убил ужас от приближения его, человекоподобного робота.

Как прореагирует на это его скованный Первым Законом мозг?

Но Дэниел опустился на колени около тела и осторожно несколько раз прикоснулся к нему.

Затем он нежно приподнял голову Либига, как будто это была драгоценность, и, обратив свое прекрасное невозмутимое лицо ко всем присутствующим, произнес:

— Человеческое существо мертво.

Илайдж Бейли прощается

Илайдж Бейли ожидал ее прихода. Она сама попросила о встрече.

— О, — пробормотал он, — если я не ошибаюсь, это не телеконтакты?

— Да, но как вы догадались? Так быстро? — прошептала она.

— У вас на руках перчатки.

— О, вы правы. — Гладия взглянула на свои руки и добавила мягко: — Вам неприятно?

— Ну, что вы, конечно нет.

Она виновато улыбнулась.

— Мне надо привыкать, не правда ли, Илайдж? Я ведь собираюсь на Аврору.

— Значит, все устроилось благополучно?

— Да, благодаря хлопотам мистера Оливо. Я никогда не вернусь сюда, Илайдж.

— Правильно, Гладия. Вы там будете счастливее, я уверен.

— Пока что мне немного боязно.

— Понимаю. Вам придется привыкать к личным контактам, и, возможно, у вас не будет таких удобств, как здесь. Но постепенно вы привыкнете, а главное, вы забудете то, что вам пришлось пережить.

— Мне вовсе не хочется забыть все, что было здесь, — тихо сказала она.

— А все-таки вы забудете, — Бейли взглянул на грациозную фигурку молодой женщины, — и придет время, когда вы встретите кого-нибудь и… выйдете замуж. Я имею в виду настоящий брак… — Он попытался улыбнуться, но это ему плохо удалось.

— Почему-то в данный момент, — она печально улыбнулась, — в данный момент… эта перспектива не привлекает меня.

— Потом все изменится, — с деланной бодростью ответил он.

Они стояли друг против друга и молчали… молчали, не зная, что сказать друг другу.

— Я еще не поблагодарила вас за все… Илайдж, — наконец вымолвила Гладия.

— Не за что. Это моя работа, — ответил он.

— Вы возвращаетесь на Землю, не правда ли?

— Да.

— И я никогда не увижу вас?

— Вероятно, нет. Но не огорчайтесь. Максимум через сорок лет меня уже не будет в живых. А вы будете все такая же… Как и сейчас.

— Не надо так говорить! — взволнованно воскликнула она.

— Но это правда.

— Относительно Джотана Либига все подтвердилось, — заметила она, очевидно, желая переменить тему.

— Знаю. При проверке оказалось, что эксперименты с космическими кораблями-роботами шли на полный ход. Роботехники нашли также и множество роботов со сменяемыми конечностями.

Гладия вздрогнула.

— Как вы думаете, почему он делал такие ужасные вещи?

— Он ненавидел людей. Он покончил с собой только для того, чтобы избежать личного присутствия другого человека. Он готов был уничтожить и другие миры с единственной целью, чтобы Солярия с ее табу на личные контакты царствовала во всей Галактике.

— Как можно так ненавидеть людей? — пробормотала она. — Иногда личные встречи бывают такими…

Она замолчала. Снова наступила пауза, и снова они стояли и молча глядели друг на друга.

И вдруг Гладия зарыдала.

— О, Илайдж, это все-таки ужасно!

— Что ужасно, Гладия?

— Могу ли я прикоснуться к вам? Ведь я больше никогда не увижу вас, Илайдж..

— Конечно, если вам хочется, Гладия.

Шаг за шагом она подходила все ближе и ближе. Ее глаза сияли, и в то же время в них притаился испуг. Она остановилась в нескольких шагах от него и затем медленно, как в трансе, начала стягивать перчатку с руки.

— Не надо, Гладия, — тихо сказал Бейли.

— Я нисколько не боюсь, — прошептала она и протянула ему обнаженную руку. Рука Бейли тоже дрожала, когда он взял ее маленькую дрожащую руку в свою. Это продолжалось одно мгновение. Он разжал свою руку, ее рука выпала, и вдруг он почувствовал легкое дуновение, прикосновение ее пальцев на своем лбу, подбородке и щеках.

— Спасибо, Илайдж, за все. Прощайте, — послышался ее голос.

— Прощайте, Гладия, — сказал он, глядя на удаляющуюся фигуру.

В этот момент Илайдж Бейли ощутил такое щемящее чувство потери, которое не смогла заглушить даже мысль о том, что его ожидает корабль, который доставит его на родную Землю.

Илайдж Бейли предлагает новые пути

Государственный секретарь Альберт Минним улыбался с довольным видом.

— Рад снова видеть вас на Земле, — стараясь быть как можно приветливее, сказал он. — Ваш письменный доклад, конечно, прибыл раньше вас. Он сейчас изучается специалистами. Вы хорошо поработали, что будет отмечено в вашем личном деле.

— Я очень благодарен, сэр, — церемонно ответил детектив.

В нем уже не было прежнего энтузиазма. Он был снова на Земле, в безопасности подземных городов, он уже слышал голос Джесси по телефону — все было как будто в полном порядке. И все же он чувствовал себя каким-то опустошенным.

— Однако ваш доклад касается исключительно расследования убийства. Меня интересуют еще и другие вопросы, о которых мы с вами беседовали. Что вы можете доложить мне об этом устно?

Бейли колебался. Невольно он потянулся к внутреннему карману пиджака, где лежала его старая, обкуренная трубка.

— Можете курить, Бейли, — быстро сказал Минним.

Детектив, не торопясь, разжег трубку.

— Помните, сэр, вы задали мне вопрос: в чем заключается слабость Внешних Миров? Мы знаем их силу — обилие роботов, малая населенность, долголетие… Но каковы их уязвимые места?

— Ну и что вы узнали об этом?

— Я думаю, что понял, в чем заключается их слабость, сэр.

— Прекрасно. Я слушаю вас, Бейли.

— Их слабость заключается в том же, в чем и их сила. В полной зависимости общества от роботов, в малой населенности их планеты, в их долголетии.

Выражение лица государственного секретаря не изменилось. Он по-прежнему сосредоточенно водил карандашом по бумаге, лежащей перед ним.

— Почему вы так думаете? — наконец спросил он.

В течение всего пути от Солярии до Земли Илайдж Бейли обдумывал предстоящий ему

разговор с Альбертом Миннимом. Он собирался привести, как ему казалось, веские и бесспорные аргументы. А теперь вдруг растерялся.

— Я не уверен, что сумею разъяснить свои мысли достаточно ясно, — задумчиво сказал он.

— Неважно. Все равно говорите. Мне интересно, что вы думаете по данному вопросу, — настойчиво продолжал государственный секретарь.

— Видите ли, сэр, — Бейли говорил медленно, тщательно подбирая слова, — солярианe в своем развитии постепенно упустили нечто такое, чем обладало человечество в течение миллионов лет, что в итоге более значимо, чем все промышленные и технические достижения. То, что в свое время сделало возможным прогресс человечества, полностью утеряно на этой планете.

— Я не хочу гадать, Бейли. Что вы имеете в виду? — нетерпеливо спросил Минним.

— Сотрудничество между людьми. Солярия полностью от него отказалась. В солярианском мире индивиды существуют совершенно изолированно друг от друга. Невежественный человек, мнящий себя единственным на всей планете социологом, с гордостью сообщил мне об этом. Единственная отрасль знаний, реально развивающаяся на Солярии, — это роботехника. Но и

она сводится к созданию и усовершенствованию роботов, и этим занимается небольшая группа специалистов. Как только возник сложный вопрос, включающий анализ взаимоотношений между людьми и роботами, им пришлось вызвать специалиста с Земли. Разве одно это не говорит о многом? На Солярии существует только одна форма искусства — абстрактная, из которой полностью устранено человеческое начало.

— Это все, конечно, так, — поморщившись, сказал Минним. — Но что из этого следует?

— Без взаимосвязи между людьми жизнь теряет свой главный интерес. Исчезают интеллектуальные ценности, самое существование теряет свой смысл. Но не только отсутствие человеческих контактов привело к вырождению солярианского общества. Достигнутое на Солярии долголетие также не способствует прогрессу. У нас же на Земле непрерывно происходит приток свежих молодых сил, которые жаждут перемен и не успевают закостенеть в своих обычаях. Наверное, в этом вопросе должен быть какой-то оптимум: человеческая жизнь должна длиться достаточно долго, чтобы человек успел многое сделать, но не так долго, чтобы общество состояло практически целиком из старых людей. На Солярии приток

юности слишком медленен.

— Интересно, интересно, — пробормотал Минним.

Он взглянул на Бейли, и в его глазах сверкнула усмешка.

— А вы проницательный человек, инспектор, — провозгласил он.

— Благодарю вас, — сдержанно ответил Бейли.

— Вы знаете, почему я хотел выслушать ваше мнение относительно Солярии? — Лицо государственного секретаря выразило нескрываемое торжество. — Мне хотелось знать, понимаете ли вы сами до конца, какие отличные новости вы привезли нам на Землю.

— Подождите, я еще не все сказал! — воскликнул Бейли.

— Конечно, не все, — согласился Минним. — Солярия ничего не может поделать с загниванием своего общества. Ее зависимость от роботов зашла слишком далеко. Роботы не могут превозмочь своей ограниченности. Ясно, что прогресс на Внешних Мирах должен приостановиться. И тогда кончится владычество спейсеров. Земле нечего будет опасаться, мы будем спасены. Новые сведения, добытые вами для нас, имеют решающее значение.

— Но пока мы, — на этот раз голос Бейли звучал громко, — обсуждаем только одну Солярию, а не все Внешние Миры.

— Это неважно. Ваш солярианский социолог, Кимат, что ли?..

— Квемот, сэр.

— Ну пусть Квемот… Разве он не утверждал, что и другие Внешние Миры развиваются в том же направлении, что и Солярия?

— Да, Квемот так говорил. Но во-первых, он решительно ничего не знает о других Мирах, во-вторых, он никакой не социолог. Я вам об этом уже докладывал.

— Ну, что же, этим займутся наши земные социологи.

— Но у них нет никаких данных, никакого фактического материала… Мы же ничего не знаем о других Внешних Мирах, например о могущественной Авроре?

Но Альберт Минним взмахнул выхоленной рукой, как бы отметая какие бы то ни было сомнения.

— Наши люди займутся этим вопросом. И я уверен, что они согласятся с Квемотом.

Бейли задумался. Ему было ясно, что Минним, а за ним, очевидно, и все остальные члены пра-

вительства твердо решили принимать желаемое за действительное. А в таких случаях результаты социологических изысканий всегда будут соответствовать желаемому. Особенно, если пренебречь некоторыми очевидными фактами. Что ему, Бейли, делать? Пытаться объяснить государственному секретарю, как в действительности обстоят дела, или… Его колебание длилось слишком долго. Альберт Минним заговорил снова. На этот раз его голос звучал по-деловому буднично.

— Я хотел бы выяснить еще некоторые вопросы, связанные с делом Дельмара. Скажите, инспектор, в ваши намерения входило заставить Либига совершить самоубийство?

— Мне нужно было заставить его сознаться, сэр. Конечно, я не предвидел полностью, как подействует на Либига приближение человекоподобного робота. Но, откровенно говоря, его смерть меня нисколько не огорчает. Он был весьма одаренным человеком и одновременно опасным маньяком.

— Я согласен с вами, — сухо заметил Минним, — и считаю, что такой конец является весьма удачным. Но разве вы не понимаете, какой опасности подвергались, если бы соляриане поняли, что Либиг никак не мог совершить само-

го акта убийства Дельмара?

Бейли вынул изо рта трубку и ничего не ответил.

— Ну, ну, инспектор, вы-то знаете, что Либиг этого не сделал. Убийство требовало личного присутствия, а Либиг предпочел ему смерть. Его конец полностью доказал это.

— Вы правы, сэр, — медленно проговорил Бейли. — Я рассчитывал на то, что соляриан так возмутит намерение Либига создать опасных для людей роботов, что они ни о чем другом и думать не станут.

— Кто же, в таком случае, убил Дельмара?

— Если вы хотите знать, кто фактически нанес ему удар, — так же медленно продолжал детектив, — то это жена покойного Гладия Дельмар.

— И все же вы отпустили ее?

— Морально она не была ответственна за свой поступок. Либиг использовал ее в своих целях. Он знал о ссорах между мужем и женой, знал, что у Гладии бывают вспышки безумного гнева, когда она не владеет собой. Он послал к Дельмару робота, которого со свойственным ему искусством подготовил для осуществления своих планов. В минуту слепой ярости Гладия получила оружие, которым, не помня себя, воспользовалась. Таким

образом, с помощью Гладии и робота Либиг избавился от Дельмара. А потом он избавился бы от Гладии, обвиненной в убийстве. Очень хитро и ловко, не так ли, сэр?

— Но рука робота должна была быть запачкана кровью и волосами убитого? — сказал Минним.

— Конечно, — ответил Бейли, — но этим и иным роботами занялся не кто иной, как сам Либиг. Он стер из запоминающего устройства домашних роботов часть из наблюдений, а своего робота немедленно уничтожил. Единственная ошибка Либига заключалась в том, что он считал вину Гладии очевидной и решил, что даже отсутствие орудия убийства не спасет ее. К тому же он не мог предвидеть, что расследованием дела займется профессиональный детектив.

— Итак, после смерти Либига вы устроили так, чтобы Гладия Дельмар покинула Солярию? Вы сделали это, опасаясь, что соляриане, успокоившись, разберутся во всем сами?

Бейли пожал плечами.

— Ну, что ж, эта женщина достаточно настрадалась: от своего мужа, от Либига, от всей жизни на Солярии. Пусть попробует быть счастливой, если сможет.

— А не думаете ли вы, инспектор, — сухо воз-

разил государственный секретарь, — что вы пожертвовали законностью в угоду своему капризу или, что еще хуже, личным чувствам?

Худощавое лицо Илайджа Бейли стало суровым.

— Нет, не думаю, сэр. Я не был связан законами Солярии. Главным для меня были интересы Земли. Не так ли? А интересы эти требовали, чтобы был обезврежен опасный маньяк. Что касается госпожи Дельмар, — теперь Бейли смотрел прямо в глаза Альберта Миннима, он делал сейчас рискованный ход, но чувствовал, что должен пойти на это, — что касается госпожи Дельмар, то я воспользовался ею, чтобы провести важный эксперимент.

— Какой эксперимент?

— Я не знал, согласится ли она пренебречь обычаями и традициями, глубоко заложенными в нее с самого раннего детства. Жизнь на Солярии была для нее адом. Однако она могла и не суметь расстаться с этим привычным для нее адом. Но она поступила иначе. Она заставила себя покинуть негодный солярианский мир и искать новых путей в жизни. Для меня ее решение было символичным. Мне казалось, оно открыло врата спасения и для всех нас.

— Для нас? — воскликнул Минним. — Что за чертовщину вы несете?

— Я не имею в виду себя или вас, сэр, — серьезно ответил Бейли. — Я имею в виду человечество в целом. Поймите, сэр, что существует еще один мир, напоминающий Солярию, и этот мир — наша Земля.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что я сказал, сэр, — с воодушевлением продолжал Бейли. — Наша планета — это Солярия наизнанку. Обитатели Солярии дошли до состояния полной изолированности друг от друга. Мы — в полной изолированности от остальных Внешних Миров. Они замкнулись в своих пустых огромных поместьях. Мы — заперлись в своих подземных городах. Мы, — кулаки Бейли были сжаты, глаза сверкали, — в тупике!

На лице государственного секретаря было глубокое неодобрение.

— Инспектор Бейли, вы устали и измучены. Вы нуждаетесь в отдыхе. И вы получите месяц отпуска с полным сохранением содержания. После отпуска вас ждет повышение по службе. Я думаю, что вы можете твердо рассчитывать на перевод вас в класс С-9.

— Благодарю вас, сэр, но это не то, чего я хочу.

Я хочу, чтобы вы выслушали меня до конца. Для вас существует только один выход из тупика. Это выход наружу, в открытое пространство. Ведь, в конце концов, наши предки были первыми, кто заселил Внешние Миры.

— Да, все это так, но боюсь, что наше время прошло.

Бейли чувствовал нетерпение своего собеседника и его желание избавиться от тягостного разговора. Тем не менее он упрямо продолжал:

— Спасаясь от могущественных спейсеров, покоривших Внешние Миры, мы запрятались глубоко под землю. Они стали властелинами, а мы — червями. Они развивали технику, а мы уходили все глубже в недра земли. Разве это не так? В конце концов мы придем к полной деградации. Мы не должны чувствовать себя стоящими ниже спейсеров. Наоборот, мы должны соревноваться с ними, следовать за ними в том, в чем они сильны, и научиться противостоять им, если понадобится. А для этого прежде всего следует выйти в открытое пространство. Если мы не сможем сделать это сами, мы обязаны научить наших детей жить по-новому. Это жизненно необходимо, поймите, сэр.

— Вы, безусловно, нуждаетесь в отдыхе, мой друг.

— Выслушайте меня, сэр! — неистово закричал Бейли. — Если все будет продолжаться так, как сейчас, могущественные спейсеры уничтожат нас в течение одного столетия. Поймите это, сэр.

— Но…

— Я еще не кончил, сэр. Нельзя вечно обманывать землян иллюзиями. Больше так жить нельзя Или мы выйдем на широкие просторы, к свету и солнцу, или мы погибли. Иного выбора для землян нет.

— Да, да, — успокаивающе закивал Минним, — возможно, вы правы. А теперь до свидания, инспектор.

Бейли покинул государственного секретаря с чувством необычайной приподнятости. Он, конечно, не добился победы, но он и не ожидал быстрой и легкой победы. Переубедить таких, как Альберт Минним, нелегко, для этого потребуется немало времени и сил. Но, во всяком случае, Бейли поколебал бездумную уверенность Миннима в своей непогрешимости и правоте.

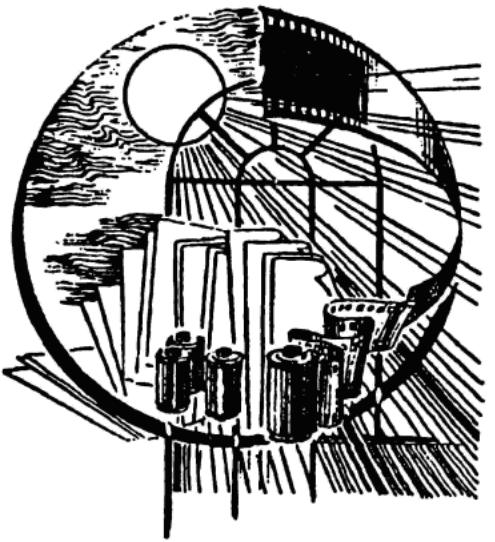
«Я уверен, — думал Илайдж Бейли, — пройдет некоторое время, и я снова отправлюсь во Внешние Миры. Ведь должны же существовать более разумные миры, чем Солярия. Еще одно поколение, и мы, земляне, выйдем на широкие

просторы Галактики».

Подземный поезд мчал Бейли домой. Скоро он увидит Джесси… Поймет ли она его? А его сын Бентли. Ему уже семнадцать… Что станет с Землей, когда у самого Бентли будет такой сын? Я верю, думал Бейли, на Земле найдутся миллионы таких же, как я. Когда они почуют запах свободы, они пойдут навстречу ей. Только надо указать им путь.

Поезд набирал скорость. Бейли оглянулся. Все кругом было залито искусственным светом. Мелькали огни, силуэты домов, стальные громады фабрик, и люди, повсюду огромные толпы людей, шумящих, толкающихся, мешающих друг другу… Раньше все это было привычно… Об этом он мечтал на далекой Солярии… А сейчас это казалось каким-то чужим. Он не мог найти себе места во всем этом шуме и хаосе. Странно, но что-то переменилось в нем. В огромном чреве Земли для него больше не было места. Как новорожденный не может возвратиться в утробу матери, так и Бейли не мог найти обратного входа в утробу подземных городов. Если то же самое произойдет и с другими, Земля снова возродится и выйдет навстречу Солнцу. Сердце Бейли бешено колотилось, кровь стучала в его висках. Он

поднял голову. Сквозь сталь и бетон он увидел его — огненное, манящее к себе, сияющее. Он увидел Обнаженное Солнце.



Ночь, которая умирает

Поющий колокольчик
(Пер. с англ. Н. Явно)

Луис Пейтон никогда никому не рассказывал о способах, какими ему удавалось взять верх над полицией Земли в многочисленных хитроумных поединках, когда порой уже казалось, что его вот-вот подвергнут психоскопии, и все-таки каждый раз он выходил победителем.

Он не был таким дураком, чтобы раскрывать карты, но порой, смакуя очередной подвиг, он возвращался к давно взлелеянной мечте: оставить завещание, которое вскроют только после его смерти, и в нем показать всему миру, что природный талант, а вовсе не удача, обеспечивал ему неизменный успех.

В завещании он написал бы: «Ложная закономерность, созданная для маскировки преступления, всегда несет в себе следы личности того, кто ее создает. Поэтому разумнее установить закономерность в естественном ходе событий и приспособить к ней свои действия».

И убить Альберта Корнуэлла Пейтон собирался, следуя именно этому правилу.

Корнуэлл, мелкий скупщик краденого, в первый раз завел с Пейтоном разговор о деле, когда тот обедал в ресторане Гриниела за своим обычным маленьким столиком. Синий костюм Корнуэлла в этот день, казалось, лоснился по-особенному, морщинистое лицо ухмылялось по-особенному, выцветшие усы топорщились по-особенному.

— Мистер Пейтон, — сказал он, здороваясь со своим будущим убийцей без тени зловещих предчувствий, — рад вас видеть. Я уж почти всякую надежду потерял — всякую!

Пейтон не выносил, когда его отвлекали от газеты за десертом, и ответил резко:

— Если у вас ко мне дело, Корнуэлл, вы знаете, где меня найти.

Пейтону было за сорок, его черные волосы уже начали седеть, но годы еще не успели его согнуть, он выглядел молодо, глаза не потускнели, и он умел придать своему голосу особую резкость, благо тут у него имелась немалая практика.

— Не то, что вы думаете, мистер Пейтон, — ответил Корнуэлл. — Совсем не то. Я знаю один тайник, сэр, тайник с… вы понимаете, сэр.

Указательным пальцем правой руки он словно слегка постучал по невидимой поверхности, а

левую ладонь на миг приложил к уху.

Пейтон перевернул страницу газеты, еще хранившей влажность телераспределителя, сложил ее пополам и спросил:

— Поющие колокольчики?

— Тише, мистер Пейтон, — произнес Корнуэлл испуганным шепотом.

Пейтон ответил:

— Идемте.

Они пошли парком. У Пейтона было еще одно нерушимое правило — обсуждать тайны только на вольном воздухе. Любую комнату можно взять под наблюдение с помощью лучевой установки, но никому еще не удавалось обшаривать все пространство под небосводом.

Корнуэлл шептал:

— Тайник с поющими колокольчиками, накоплены за долгий срок — неотшлифованные, но первый сорт, мистер Пейтон.

— Вы их видели?

— Нет, сэр, но я говорил с одним человеком, который их видел. И он не врал, сэр, я проверил. Их там столько, что мы с вами сможем уйти на покой богатыми людьми. Очень богатыми, сэр.

— Кто этот человек?

У Корнуэлла в глазах зажегся хитрый огонек,

словно чадящая свеча, от которой больше копоти, чем света, и его лицо приобрело отвратительное масляное выражение.

— Он был старателем на Луне и умел отыскивать колокольчики в стенках кратеров. Как именно — он мне не рассказывал. Но колокольчиков он насобирал около сотни и припрятал на Луне, а потом вернулся на Землю, чтобы здесь их пристроить.

— И, видимо, погиб?

— Да. Несчастный случай. Ужасно, мистер Пейтон, — упал с большой высоты. Прискорбное происшествие. Разумеется, его деятельность на Луне была абсолютно противозаконной. Власти Доминиона строго преследуют контрабандную добычу колокольчиков. Так что, возможно, его постигла божья кара… Как бы то ни было, у меня его карта.

Пейтон с выражением холодного безразличия ответил:

— Меня не интересуют подробности вашей сделки. Я хочу знать только, почему вы обратились ко мне?

— Видите ли, мистер Пейтон, — сказал Корнуэлл, — там хватит на двоих, и каждому из нас найдется что делать. Я, например, знаю, где на-

ходится тайник, и могу раздобыть космический корабль. А вы…

— Ну?

— Вы умеете управлять кораблем, и у вас такие связи, что пристроить колокольчики будет легко. Очень справедливое разделение труда, мистер Пейтон, ведь так?

Пейтон на секунду задумался о естественном ходе своей жизни — ее существующей закономерности: концы, казалось, сходились с концами.

Он сказал:

— Мы вылетаем на Луну десятого августа.

Корнуэлл остановился:

— Мистер Пейтон, сейчас ведь еще только апрель.

Пейтон продолжал идти, и Корнуэллу пришлось рысцой пуститься за ним вдогонку.

— Вы расслышали, что я сказал, мистер Пейтон?

Пейтон повторил:

— Десятого августа. Я своевременно свяжусь с вами и сообщу, куда доставить корабль. До тех пор не пытайтесь увидеться со мной. До свидания, Корнуэлл.

Корнуэлл спросил:

— Прибыль пополам?

— Да, — ответил Пейтон. — До свидания.

Дальше Пейтон пошел один, раздумывая о закономерностях своей жизни. Когда ему было двадцать семь лет, он купил в Скалистых горах участок земли с домом; один из прежних владельцев построил этот дом как убежище на случай атомной войны, которой все опасались два столетия назад и которой так и не суждено было разразиться. Однако дом сохранился — памятник стремлению к самодостаточности, порожденному смертельным страхом.

Здание было выстроено из стали и бетона в одном из самых уединенных уголков Земли; оно стояло высоко над уровнем моря, и почти со всех сторон его защищали горы, поднимавшиеся еще выше. Дом располагал собственной электростанцией и водопроводом, который питали горные потоки, холодильными камерами, вмещавшими сразу десяток коровьих туш; подвал напоминал крепость с целым арсеналом оружия, предназначенного для того, чтобы сдерживать напор обезумевших от страха толп, которые так и не появились. Установка для кондиционирования воздуха могла очищать воздух до бесконечности, пока из него не будет вычищено все, кроме радиоактивности (увы, человек несовершенен!).

И в этом спасительном убежище Пейтон, убежденный холостяк, из года в год проводил весь август. Он раз и навсегда отключил средства сообщения с внешним миром — телевизионную установку, телераспределитель газет. Он окружил свои владения силовым полем и установил сигнальный механизм в том месте, где ограда пересекала единственную горную тропу, по которой можно было добраться до его дома.

Ежегодно в течение месяца Пейтон оставался наедине с самим собой. Его никто не видел, до него никто не мог добраться. Лишь в полном одиночестве он по-настоящему отдыхал от одиннадцати месяцев пребывания в человеческом обществе, к которому он не испытывал ничего, кроме холодного презрения.

Даже полиция (Тут Пейтон усмехнулся) знала, как строго он блюдет это правило. Однажды он даже махнул рукой на большой залог и, рискуя, что его подвергнут психоскопии, все-таки уехал в Скалистые горы, чтобы провести август, как всегда.

Пейтон подумал, что, пожалуй, включит в свое завещание еще один афоризм: самое лучшее доказательство невиновности — это полное отсутствие алиби.

Тридцатого июля, как и ежегодно в этот день, Луис Пейтон в 9 часов 15 минут утра сел в Нью-Йорке на антигравитационный реактивный стратолет и в 12 часов 30 минут прибыл в Денвер. Там он позавтракал и в 1 час 45 минут отправился на полуантигравитационном автобусе в Хампс-Пойнт, откуда Сэм Лейбмен на старинном наземном автомобиле (не антигравитационном) довез его до границы его усадьбы. Сэм Лейбмен невозмутимо принял на чай десять долларов, которые получал всегда, и приложил руку к шляпе, что вот уже пятнадцать лет проделывал тридцатого июля.

Тридцать первого июля, как каждый год в этот день, Луис Пейтон вернулся в Хампс-Пойнт на своем антигравитационном флиттере и заказал в универсальном магазине все необходимое на следующий месяц. Заказ был самым обычным. По сути дела, это был дубликат заказов предыдущих лет.

Макинтайр, управляющий магазином, внимательно проверил заказ, передал его на Центральный склад Горного района в Денвере, и через час все требуемое было доставлено по линии масс-транспортировки. Пейтон с помощью Макинтайра погрузил припасы во флиттер, оставил,

как обычно, десять долларов на чай и возвратился домой.

Первого августа в 12 часов 01 минуту Пейтон включил на полную мощность силовое поле, окружавшее его участок, и оказался полностью отрезанным от внешнего мира.

И тут обычный ход событий был нарушен. Пейтон расчетливо оставил в своем распоряжении восемь дней. За это время он тщательно и без спешки уничтожил столько припасов, сколько могло ему потребоваться на весь август. Тут ему помогли мусорные камеры, предназначенные для уничтожения отбросов, — это была последняя модель, с легкостью превращавшая что угодно, в том числе металлы и силикаты, в мельчайшую молекулярную пыль, которую никакими средствами нельзя было обнаружить. Избыток энергии, выделявшейся при этом процессе, он спустил в горный ручей, который протекал возле дома. Всю эту неделю вода в ручье была на пять градусов теплее обычного.

Девятого августа Пейтон спустился на аэрофлиттере в условленное место в штате Вайоминг, где Альберт Корнуэлл уже ждал его с космическим кораблем. Корабль сам по себе, конечно, делал весь план уязвимым, поскольку о нем зна-

ли те, кто его продал, и те, кто доставил его сюда и помог приготовить к полету. Но все эти люди имели дело только с Корнуэллом, а Корнуэлл, подумал Пейтон с тенью усмешки, скоро будет нем как могила.

Десятого августа космический корабль, которым управлял Пейтон, оторвался от поверхности Земли, имея на борту одного пассажира — Корнуэлла (конечно, с картой). Антигравитационное поле корабля оказалось превосходным. При включении на полную мощность корабль весил меньше унции. Микрореакторы вырабатывали энергию безотказно и бесшумно, и корабль беззвучно прошел атмосферу — такой не похожий на грохочущие, окутанные пламенем ракеты прошлого, — превратился в крошечную точку и скоро совсем исчез.

Вероятность того, что кто-нибудь увидит взлетающий корабль, была ничтожно мала. И его действительно никто не увидел.

Два дня в космическом пространстве, и вот уже две недели на Луне. Чутье с самого начала подсказало Пейтону, что понадобятся именно две недели. Он не питал никаких иллюзий относительно самодельных карт, составленных людьми, которые ничего не смыслят в картографии. Такая

карта могла помочь только самому составителю — ему приходила на помощь память. Для всех остальных такая карта — сложный ребус.

В первый раз Корнуэлл показал Пейтону карту уже в полете. Он подобострастно улыбнулся.

— В конце концов, сэр, ведь это мой единственный козырь.

— Вы сверили ее с картами Луны?

— Я ведь в этом ничего не смыслю, мистер Пейтон. Целиком полагаюсь на вас.

Пейтон смерил его холодным взглядом и вернул карту. Сомнения на ней не вызывал только кратер Тихо Браге, где находился подземный лунный город.

Хоть в чем-то, однако, астрономия сыграла им на руку. Кратер Тихо Браге находился на освещенной стороне Луны, следовательно, патрульные корабли вряд ли будут нести там дежурство, так что у них были все шансы остаться незамеченными.

Пейтон совершил рискованно быструю антигравитационную посадку в холодной тени, отбрасываемой склоном кратера. Солнце уже прошло зенит, и тень не могла стать меньше.

Корнуэлл помрачнел.

— Какая жалость, мистер Пейтон. Не можем же

мы начать поиски, пока стоит лунный день.

— У него тоже бывает конец, — оборвал его Пейтон. — Солнце будет здесь приблизительно сто часов. Это время мы используем, чтобы акклиматизироваться и как следует изучить карту.

Загадку Пейтон разгадал быстро; оказалось, что у нее несколько ответов. Он долго изучал лунные карты, тщательно вымеряя расстояния и стараясь определить, какие именно кратеры изображены на самодельной карте, дававшей им ключ… к чему?

Наконец он сказал:

— Колокольчики могут быть спрятаны в одном из трех кратеров — ГЦ-3, ГЦ-5 или МТ-10.

— Как же нам быть, мистер Пейтон? — спросил Корнуэлл расстроенно.

— Осмотрим все три, — сказал Пейтон. — Начнем с ближайшего.

Место, где они находились, пересекло терминатор, и их окутала ночная мгла. После этого они все дальше оставались на лунной поверхности, постепенно привыкая к извечной тьме и тишине, к резким точкам звезд и к полосе света над краем кратера — это в него заглядывала Земля. Они оставляли глубокие бесформенные следы в сухой пыли, которая не поднималась кверху и не осы-

палась. Пейтон в первый раз заметил эти следы, когда они выбрались из кратера на яркий свет, отбрасываемый горбатым полумесяцем Земли. Это случилось на восьмой день их пребывания на Луне.

Лунный холод не позволял надолго покидать корабль. Каждый день, однако, им удавалось удлинять этот промежуток. На одиннадцатый день они убедились, что в ГЦ-5 поющих колокольчиков нет.

На пятнадцатый день холодная душа Пейтона согрелась жаром отчаяния. Они непременно должны обнаружить тайник в ГЦ-3. МТ-10 слишком далеко. Они не успеют добраться до него и исследовать: ведь вернуться на Землю необходимо не позже тридцать первого августа.

Однако в тот же день отчаяние рассеялось: тайник с колокольчиками был найден.

Осторожно, в ладонях, они переносили колокольчики на корабль, укладывали их в мягкую стружку и возвращались за новыми. Им трижды пришлось проделать путь, который на Земле оставил бы их без сил. Но на Луне с ее незначительным тяготением такое расстояние почти не утомляло.

Корнуэлл передал последний колокольчик

Пейтону, который осторожно размещал их в выходной камере.

— Отодвиньте их подальше от люка, мистер Пейтон, — сказал он, и его голос в наушниках показался Пейтону слишком громким и резким. — Поднимаюсь.

Корнуэлл пригнулся, готовясь к лунному прыжку — высокому и замедленному, посмотрел вверх и застыл в страхе. Его лицо, ясно видное за выпуклым лузилитовым иллюминатором шлема, исказилось предсмертной гримасой.

— Нет, мистер Пейтон! Нет!

Пальцы Пейтона сомкнулись на рукоятке бластера, последовал выстрел. Непереносимо яркая вспышка — и Корнуэлл превратился в бездыханный труп, распростертый среди клочьев скафандра и покрытый брызгами замерзающей крови.

Пейтон угрюмо поглядел на мертвеца, но это длилось какое-то мгновение. Затем он уложил последние колокольчики в приготовленные для них контейнеры, снял скафандр, включил сначала антигравитационное поле, затем микрореакторы и, став миллиона на два богаче, чем за полмесяца до этого, отправился в обратный путь на Землю.

Двадцать девятого августа корабль Пейтона бесшумно приземлился кормой вниз в Вайоминге на той же площадке, с которой взлетал десятого августа. Пейтон недаром так заботливо выбирал это место. Его аэрофлиттер по-прежнему спокойно стоял в расселине, которыми изобиловало это каменистое плато.

Контейнеры с поющими колокольчиками Пейтон отнес в дальний конец расселины и аккуратно присыпал их землей. Затем он вернулся на корабль, чтобы включить приборы и сделать последние приготовления. Через две минуты после того, как он снова спустился на землю, сработала автоматическая система управления.

Бесшумно набирая скорость, корабль устремился ввысь, он слегка отклонился в полете к западу под воздействием вращения Земли. Пейтон следил за ним, приставив руку козырьком к прищуренным глазам, и уже почти за пределами видимости заметил крошечную вспышку света и облачко на фоне синего неба.

Его рот искривился в усмешке. Он рассчитал правильно. Стоило только отвести в сторону кадмиевые стержни поглотителя, и микрореакторы вышли из режима; корабль исчез в жарком пламени ядерного взрыва.

Двадцать минут спустя Пейтон был дома. Он устал, все мышцы у него болели — сказывалось земное тяготение. Спал он хорошо. Двенадцать часов спустя, на рассвете, явилась полиция.

Человек, который открыл дверь, сложил руки на круглом брюшке и несколько раз приветливо кивнул головой. Человек, которому открыли дверь, Сетон Дейвенпорт из Земного бюро расследований, огляделся, чувствуя себя крайне неловко.

Комната, куда он вошел, была очень большая и тонула в полутьме, если не считать яркой лампы видеоскопа, установленной над комбинированным креслом — письменным столом. По стенам тянулись полки, уставленные книгофильмами. В одном углу были развешаны карты Галактики, в другом на подставке мягко поблескивал «Галактический объектив».

— Вы доктор Уэнделл Эрт? — спросил Дейвенпорт так, словно ему трудно было этому поверить Дейвенпорт был коренаст и черноволос. На щеке, рядом с длинным тонким носом, виднелся звездообразный шрам — след нейронного хлыста, однажды чуть-чуть задевшего его.

— Я самый, — ответил доктор Эрт высоким тенором. — А вы — инспектор Дейвенпорт.

Инспектор показал свое удостоверение и объяснил:

— Университет рекомендовал мне вас как специалиста в области экстратеррологии.

— Да, вы мне это уже говорили полчаса назад, когда звонили, — любезно ответил доктор Эрт. Черты лица у него были расплывчатые, нос — пуговкой. Сквозь толстые стекла очков глядели выпуклые глаза.

— Я сразу перейду к делу, доктор Эрт. Вы, вероятно, бывали на Луне…

Доктор Эрт, который успел к этому времени вытащить из-под груды книгофильмов бутылку с красной жидкостью и две почти незапыленные рюмки, сказал с неожиданной резкостью:

— Я никогда не бывал на Луне, инспектор, и не собираюсь. Космические путешествия — глупое занятие. Я в них не верю.

Потом добавил уже мягче:

— Присаживайтесь. Выпейте рюмочку.

Инспектор Дейвенпорт выпил рюмочку и сказал:

— Но вы же не…

— Экстратерролог. Да. Меня интересуют другие миры, но это вовсе не значит, что я должен их посещать Господи, да разве обязательно быть

путешественником во времени, чтобы получить диплом историка?

Он сел, его круглое лицо вновь расплылось в улыбке, и он спросил:

— Ну, а теперь скажите, что вас, собственно, интересует?

— Я пришел, — сказал инспектор, — чтобы проконсультироваться с вами относительно одного убийства.

— Убийства? А что я понимаю в убийствах?

— Это убийство, доктор Эрт, совершено на Луне.

— Поразительно!

— Более чем поразительно. Беспрецедентно, доктор Эрт. За пятьдесят лет существования Доминиона Луны были случаи, когда взрывались корабли или скафандры давали течь. Люди сгорали на солнечной стороне, замерзали на теневой и погибали от удушья на обеих. Некоторые даже ухитрялись умереть, упав со скалы, что не так-то просто сделать, принимая во внимание лунное тяготение. Но за все это время ни один человек на Луне не стал жертвой преднамеренного акта насилия со стороны другого человека… Это случилось впервые.

— Как было совершено убийство? — спросил

доктор Эрт.

— Выстрелом из бластера. Благодаря счастливому стечению обстоятельств представители закона оказались на месте преступления менее чем через час. Патрульный корабль заметил вспышку света на лунной поверхности. Вы ведь представляете себе, насколько далеко может быть видна вспышка на теневой стороне. Пилот сообщил об этом в Лунный город и пошел на посадку. Делая вираж, он разглядел в свете Земли взлетающий корабль — он клянется, что не ошибся. Высадившись, он обнаружил обгоревший труп и следы.

— Вы считаете, что эта вспышка была выстрелом из бластера? — заметил доктор Эрт.

— Несомненно. Убийство было совершено совсем недавно. Труп еще не успел примерзнуть. Следы принадлежали двум разным людям. Тщательные измерения показали, что углубления в пыли имеют два различных диаметра; другими словами, сапоги, их оставившие, были разных размеров. Следы в основном вели к кратерам ГЦ-3 и ГЦ-5. Это два…

— Мне известна официальная система обозначения лунных кратеров, — любезно объяснил доктор Эрт.

— Гм-м. Одним словом, следы в ГЦ-3 вели к расселине на склоне кратера, внутри которой были обнаружены обломки затвердевшей пемзы. Рентгеноанализ показал…

— Поющие колокольчики, — перебил экстратерролог в сильном волнении. — Неужели это ваше убийство связано с поющими колокольчиками?

— А что, если это так? — спросил инспектор растерянно.

— У меня есть один колокольчик. Его нашла университетская экспедиция и подарила мне в благодарность за… Нет, я должен его вам показать, инспектор.

Доктор Эрт вскочил с кресла и засеменил через комнату, сделав знак своему гостю следовать за ним. Дейвенпорт с досадой повиновался.

Они вошли в соседнюю комнату, значительно большую, чем первая. Там было еще темнее и царил совершенный хаос. Дейвенпорт в удивлении воззрился на самые разнообразные предметы, сваленные вместе без малейшего намека на какой-либо порядок.

Он разглядел кусок синей глазури с Марса, которую неизлечимые романтики считали переродившимися останками давно вымерших

марсиан, затем небольшой метеорит, модель одного из первых космических кораблей и запечатанную бутылку с жидкостью — на этикетке было написано: «Океан Венеры».

Доктор Эрт с довольным видом сообщил:

— Я превратил свой дом в музей. Одно из преимуществ холостяцкой жизни. Конечно, надо еще многое привести в порядок. Вот как-нибудь выберется свободная неделька-другая…

С минуту он озирался в недоумении, потом, вспомнив, отодвинул схему развития морских беспозвоночных — высшей жизни на Арктуре V — и сказал:

— Вот он. К сожалению, он с пороком.

Колокольчик висел на аккуратно впаянной в него тонкой проволочке. Изъян заметить было нетрудно: примерно на середине колокольчик опоясывала вмятина, так что он напоминал два косо слепленных шарика. И все-таки его любовно отполировали до неяркого серебристо-серого блеска; на бархатистой поверхности виднелись те крошечные оспинки, которые не удавалось воспроизвести ни в одной лаборатории, пытавшейся синтезировать искусственные колокольчики.

Доктор Эрт продолжал;

— Я немало экспериментировал, пока подо-

брал к нему подходящее било. Колокольчики с изъяном капризны. Но кость подходит. Вот! — он поднял что-то вроде короткой широкой ложки, сделанной из серовато-белого материала. — Это я сам вырезал из берцовой кости быка… Слушайте.

С легкостью, которой трудно было ожидать от его толстых пальцев, он стал ощупывать поверхность колокольчика, стараясь найти место, где при ударе возникал самый нежный звук. Потом отпустил и слегка ударил по нему широким концом костяной ложки.

Казалось, где-то вдали запели миллионы арф. Пение нарастало, затихало и возвращалось снова. Оно возникало словно нигде. Оно звучало в мозгу у слушателя, небывало сладостное, и грустное, и трепетное.

Оно медленно замерло, но ученый и его гость еще долго молчали.

Доктор Эрт спросил:

— Неплохо, а?

И легким ударом пальца раскачал колокольчик.

Дейвенпорт с тревогой посмотрел на него.

— Осторожно! Не разбейте!

Хрупкость хороших колокольчиков давно во-

шла в поговорку.

Доктор Эрт сказал:

— Геологи утверждают, что колокольчики — это всего-навсего затвердевшие под большим давлением полые кусочки пемзы, в которых свободно перекатываются маленькие камешки. Так они утверждают. Но, если этим все и исчерпывается, почему же мы не в состоянии изготовлять их искусственно? И ведь по сравнению с колокольчиком без изъяна этот звучит, как губная гармоника.

— Верно, — согласился Дейвенпорт, — и на Земле вряд ли найдется хотя бы десяток счастливцев, обладающих колокольчиком безупречной формы. Сотни людей, музеев и учреждений готовы отдать за такой колокольчик любые деньги, ни о чем при этом не спрашивая. Запас колокольчиков стоит убийства!

Экстратерролог обернулся к Дейвенпорту и пухлым указательным пальцем поправил очки на носу-пуговке.

— Я не забыл про убийство, из-за которого вы пришли. Пожалуйста, продолжайте.

— Все можно рассказать в двух словах. Я знаю, кто убийца.

Они вернулись в библиотеку, и, снова опу-

стившись в кресло, доктор Эрт сложил руки на объемистом животе, а потом спросил:

— В самом деле? Тогда что же вас затрудняет, инспектор?

— Знать и доказать — не одно и то же, доктор Эрт. К сожалению, у него нет алиби.

— Вероятно, вы хотели сказать «к сожалению, у него есть алиби»?

— Я хочу сказать то, что сказал. Будь у него алиби, я сумел бы доказать, что оно фальшивое, потому что оно было бы фальшивым. Если бы он представил свидетелей, готовых показать, что они видели его на Земле в момент совершения убийства, их можно было бы поймать на лжи. Если бы он представил документы, можно было бы обнаружить, что это подделка или еще какое-нибудь жульничество. К сожалению, ни на что подобное преступник не ссылается.

— А на что же он ссылается?

Инспектор Дейвенпорт подробно описал имение Пейтона в Колорадо и сказал в заключение:

— Он всегда проводит август там в полнейшем одиночестве. Даже ЗБР вынуждено было бы это подтвердить. И присяжным придется сделать вывод, что он этот август провел у себя в имении, если только мы не представим убедительных

доказательств того, что он был на Луне.

А почему вы думаете, что он действительно был на Луне? Может быть, он и не виновен.

— Виновен! — Дейвенпорт почти кричал. — Вот уже пятнадцать лет я напрасно пытаюсь собрать против него достаточно улик. Но преступления Пейтона я теперь нюхом чую. Говорю вам, на всей Земле только у Пейтона хватит наглости попробовать сбыть контрабандные колокольчики — и к тому же он знает нужных людей. Известно, что он первоклассный космический пилот. Известно, что у него были какие-то дела с убитым, хотя последние несколько месяцев они не виделись. К сожалению, все это еще не доказательства.

Доктор Эрт спросил:

— А не проще ли прибегнуть к психоскопии, ведь теперь это узаконено.

Дейвенпорт нахмурился, и шрам у него на щеке побелел.

— Разве вам не известен закон Конского-Хиакавы, доктор Эрт?

— Нет.

— Он, по-моему, никому не известен. Внутренний мир человека, заявляет государство, свободен от посягательств. Прекрасно, но что отсюда вытекает? Человек, подвергнутый психоскопии,

имеет право на такую компенсацию, какой он только сумеет добиться от суда. Недавно один банковский кассир получил двадцать пять тысяч долларов возмещения за психоскопическую проверку по поводу необоснованного обвинения в растрате. А косвенные улики, которые как будто указывали на растрату, в действительности оказались связанными с любовной интрижкой. Кассир подал иск, указывая, что он лишился места, был вынужден принимать меры предосторожности, так как оскорбленный муж грозил ему расправой, и, наконец, его выставили на посмешище, поскольку газетный репортер узнал и описал результаты психоскопической проверки, проведенной судом.

— Мне кажется, у этого кассира были основания для иска.

— Конечно. В том-то и беда. А кроме того, следует помнить еще один пункт: человек, один раз подвергнутый психоскопии по какой бы то ни было причине, не может быть подвергнут ей вторично. Нельзя дважды подвергать опасности психику человека, гласит закон.

— Не слишком-то удобный закон.

— Вот именно. Психоскопию узаконили два года назад, и за это время все воры и аферисты

старались пройти психоскопию из-за карманной кражи, чтобы потом спокойно приниматься за крупные дела. Таким образом, наше Главное управление разрешит подвергнуть Пейтона психоскопии, только если против него будут собраны веские улики. И не обязательно веские с точки зрения закона — лишь бы поверило мое начальство. Самое скверное то, доктор Эрт, что мы не можем передать дело в суд, не проведя психоскопической проверки. Убийство — слишком серьезное преступление, и, если обвиняемый не будет подвергнут психоскопии, даже самый тупой присяжный решит, что обвинение не уверено в своих позициях.

— Так что же вам нужно от меня?

— Доказательство того, что в августе Пейтон побывал на Луне. И оно мне нужно немедленно. Пейтон арестован по подозрению, и долго держать его под стражей я не могу. А если об этом убийстве кто-нибудь проведает, мировая пресса взорвется, как астероид, угодивший в атмосферу Юпитера. Ведь это же сенсационное преступление — первое убийство на Луне.

— Когда именно было совершено убийство? — тон Эрта внезапно стал деловым.

— Двадцать седьмого августа.

— Когда вы арестовали Пейтона?

— Вчера, тридцатого августа.

— Значит, если Пейтон — убийца, у него должно было хватить времени вернуться на Землю.

— Времени у него было в обрез. — Дейвенпорт сжал губы. — Если бы я не опоздал на день, если бы оказалось, что его дом пуст…

— Как по-вашему, сколько они всего пробыли на Луне, убийца и убитый?

— Судя по количеству следов, несколько дней. Не меньше недели.

— Корабль, на котором они летели, был обнаружен?

— Нет, и вряд ли он будет обнаружен. Часов десять назад обсерватория Денверского университета сообщила об увеличении радиоактивного фона, возникшем позавчера в шесть вечера и державшемся несколько часов. Ведь совсем нетрудно, доктор Эрт, установить приборы на корабле так, чтобы он взлетел без экипажа и взорвался примерно в пятидесяти милях от Земли от короткого замыкания в микрореакторах.

— На месте Пейтона, — задумчиво проговорил доктор Эрт, — я убил бы сообщника на борту корабля и взорвал бы корабль вместе с трупом.

— Вы не знаете Пейтона, — мрачно ответил

Дейвенпорт. — Он упивается своими победами над законом. Он их смакует. Труп, оставленный на Луне, — это вызов нам.

— Вот как! — Эрт погладил себя по животу и добавил: — Что ж, возможно, мне это и удастся.

— Доказать, что он был на Луне?

— Составить свое мнение на этот счет.

— Теперь же?

— Чем скорее, тем лучше. Если, конечно, мне можно будет побеседовать с мистером Пейтоном.

— Это я устрою. Меня ждет антигравитационный реактивный самолет. Через двадцать минут мы будем в Вашингтоне.

На толстой физиономии экстратерролога выразилось глубочайшее смятение. Он вскочил и бросился в самый темный угол своей загороженной вещами комнаты, подальше от агента ЗБР.

— Ни за что!

— В чем дело, доктор Эрт?

— Я не полечу на реактивном самолете. Я в них не верю.

Дейвенпорт озадаченно уставился на доктора Эрта и пробормотал, запинаясь:

— А монорельсовая дорога?

— Я не доверяю никаким средствам передви-

жения, — отрезал доктор Эрт. — Я в них не верю. Только пешком. Пешком — пожалуйста.

Потом он вдруг оживился.

— А вы не могли бы привезти мистера Пейтона в наш город, куда-нибудь поблизости? В здание муниципалитета, например? До муниципалитета дойти не трудно.

— Вот именно. Психоскопию узаконили два года назад, и за это время все воры и аферисты старались пройти психоскопию из-за карманной кражи, чтобы потом спокойно приниматься за крупные дела. Таким образом, наше Главное управление разрешит подвергнуть Пейтона психоскопии, только если против него будут собраны веские улики. И не обязательно веские с точки зрения закона — лишь бы поверило мое начальство. Самое скверное то, доктор Эрт, что мы не можем передать дело в суд, не проведя психоскопической проверки. Убийство — слишком серьезное преступление, и, если обвиняемый не будет подвергнут психоскопии, даже самый тупой присяжный решит, что обвинение не уверено в своих позициях.

— Так что же вам нужно от меня?

— Доказательство того, что в августе Пейтон побывал на Луне. И оно мне нужно немедленно.

Пейтон арестован по подозрению, и долго держать его под стражей я не могу. А если об этом убийстве кто-нибудь проведает, мировая пресса взорвется, как астероид, угодивший в атмосферу Юпитера. Ведь это же сенсационное преступление — первое убийство на Луне.

— Когда именно было совершено убийство? — тон Эрта внезапно стал деловым.

— Двадцать седьмого августа.

— Когда вы арестовали Пейтона?

— Вчера, тридцатого августа.

— Значит, если Пейтон — убийца, у него должно было хватить времени вернуться на Землю.

— Времени у него было в обрез. — Дейвенпорт сжал губы. — Если бы я не опоздал на день, если бы оказалось, что его дом пуст-.

— Как по-вашему, сколько они всего пробыли на Луне, убийца и убитый?

— Судя по количеству следов, несколько дней. Не меньше недели.

— Корабль, на котором они летели, был обнаружен?

— Нет, и вряд ли он будет обнаружен. Часов десять назад обсерватория Денверского университета сообщила об увеличении радиоактивного фона, возникшем позавчера в шесть вечера

и державшемся несколько часов. Ведь совсем нетрудно, доктор Эрт, установить приборы на корабле так, чтобы он взлетел без экипажа и взорвался примерно в пятидесяти милях от Земли от короткого замыкания в микрореакторах.

— На месте Пейтона, — задумчиво проговорил доктор Эрт, — я убил бы сообщника на борту корабля и взорвал бы корабль вместе с трупом.

— Вы не знаете Пейтона, — мрачно ответил Дейвенпорт. — Он упивается своими победами над законом. Он их смакует. Труп, оставленный на Луне, — это вызов нам.

— Вот как! — Эрт погладил себя по животу и добавил: — Что ж, возможно, мне это и удастся.

— Доказать, что он был на Луне?

— Составить свое мнение на этот счет.

— Теперь же?

— Чем скорее, тем лучше. Если, конечно, мне можно будет побеседовать с мистером Пейтоном.

— Это я устрою. Меня ждет антигравитационный реактивный самолет. Через двадцать минут мы будем в Вашингтоне.

На толстой физиономии экстратерролога выразилось глубочайшее смятение. Он вскочил и бросился в самый темный угол своей загорожен-

ной вещами комнаты, подальше от агента ЗБР.

— Ни за что!

— В чем дело, доктор Эрт?

— Я не полечу на реактивном самолете. Я в них не верю.

Дейвенпорт озадаченно уставился на доктора Эрта и пробормотал, запинаясь:

— А монорельсовая дорога?

— Я не доверяю никаким средствам передвижения, — отрезал доктор Эрт. — Я в них не верю. Только пешком. Пешком — пожалуйста.

Потом он вдруг оживился.

— А вы не могли бы привезти мистера Пейтона в наш город, куда-нибудь поблизости? В здание муниципалитета, например? До муниципалитета дойти не трудно.

Дейвенпорт растерянно обвел глазами комнату. Кругом стояли бесчисленные тома, повествующие о световых годах. В открытую дверь соседнего зала виднелись сувениры далеких миров. Он перевел взгляд на доктора Эрта, который побледнел от одной только мысли о реактивном самолете, и пожал плечами.

— Я привезу Пейтона сюда, В эту комнату. Это вас устроит?

Доктор Эрт испустил вздох облегчения.

— Вполне.

— Надеюсь, у вас что-нибудь получится, доктор Эрт.

— Я сделаю все, что в моих силах, мистер Дейвенпорт.

Луис Пейтон брезгливо осмотрел комнату и смерил презрительным взглядом толстяка, любезно ему кивавшего. Он покосился на предложенный стул и, прежде чем сесть, смахнул с него рукой пыль. Дейвенпорт сел рядом, поправив кобуру бластера.

Толстяк с улыбкой уселся и стал поглаживать свое округлое брюшко, словно он только что отлично поел и хочет, чтобы об этом знал весь мир.

— Добрый вечер, мистер Пейтон, — сказал он. — Я доктор Уэнделл Эрт, экстратерролог.

Пейтон снова взглянул на него.

— А что вам нужно от меня?

— Я хочу знать, были ли вы в августе на Луне.

— Нет.

— Однако ни один человек на Земле не видел вас между первым и тридцатым августа.

— Я проводил август как обычно. В этом месяце меня никогда не видят. Спросите хоть у него.

И Пейтон кивнул в сторону Дейвенпорта.

Доктор Эрт усмехнулся.

— Ах, если бы у нас был какой-нибудь объективный критерий! Если бы между Луной и Землей существовали какие-то физические различия. Скажем, мы сделали бы анализ пыли с ваших волос и сказали: «Ага, лунные породы». К сожалению, это невозможно. Лунные породы ничем не отличаются от земных Да если бы даже они и отличались, у вас на волосах все равно не найти ни одной пылинки, разве что вы выходили на лунную поверхность без скафандра, а это маловероятно.

Пейтон слушал его, сохраняя полнейшее равнодушие.

Доктор Эрт продолжал, благодушно улыбаясь и поправляя рукой очки, которые плохо держались на его крохотном носике:

— Человек в космосе или на Луне дышит земным воздухом, ест земную пищу. И на корабле, и в скафандре он остается в земных условиях Мы разыскиваем человека, который два дня летел на Луну, пробыл на Луне по крайней мере неделю и еще два дня потратил на возвращение на Землю. Все это время он сохранял вокруг себя земные условия, что очень усложняет нашу задачу.

— Мне кажется, — сказал Пейтон, — вы могли

бы ее облегчить, если бы отпустили меня и начали поиски настоящего убийцы.

— Это не исключено, — сказал доктор Эрт. — Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Он пошарил пухлой рукой на полу возле кресла и поднял серый шарик, который отбрасывал приглушенные блики.

Пейтон улыбнулся.

— Я бы сказал, что это поющий колокольчик.

— Да, это поющий колокольчик. Убийство было совершено ради поющих колокольчиков… Как вам нравится этот экземпляр?

— По-моему, он с большим пороком.

— Рассмотрите его повнимательнее, — сказал доктор Эрт и внезапно бросил колокольчик Пейтону, который сидел от него в двух метрах.

Дейвенпорт вскрикнул и приподнялся на стуле. Пейтон с усилием вскинул руки и успел поймать колокольчик.

— Идиот! Кто же их так бросает, — сказал Пейтон.

— Вы относитесь к поющим колокольчикам с почтением, не правда ли?

— Со слишком большим почтением, чтобы их разбивать. И это по крайней мере не преступление.

Пейтон тихонько погладил колокольчик, потом поднял его к уху и слегка встряхнул, прислушиваясь к мягкому шороху осколков лунолита — маленьких кусочков пемзы, сталкивающихся в пустоте.

Затем, подняв колокольчик за вделанную в него проволочку, он уверенным и привычным движением провел ногтем большого пальца по выпуклой поверхности. И колокольчик запел. Звук был нежный, напоминающий флейту, — задрожав, он медленно замер, вызывая в памяти картину летних сумерек.

Несколько секунд все трое завороженно слушали.

А потом доктор Эрт сказал:

— Бросьте его мне, мистер Пейтон. Скорее!

И он повелительно протянул руку.

Машинально Луис Пейтон бросил колокольчик. Он описал короткую дугу и, не долетев до протянутой руки доктора Эрта, с горестным звенящим стоном вдребезги разбился на полу.

Дейвенпорт и Пейтон, охваченные одним чувством, молча смотрели на серые осколки и толком не расслышали, как доктор Эрт спокойно произнес:

— Когда будет обнаружен тайник, где преступ-

ник укрыл неотшлифованные колокольчики, я хотел бы получить безупречный и правильно отшлифованный экземпляр в качестве возмещения за разбитый и в качестве моего гонорара.

— Гонорара? За что же? — сердито спросил Дейвенпорт.

— Но ведь теперь все очевидно. Хотя несколько минут назад в моей маленькой речи я не упомянул об этом, но тем не менее одну земную особенность космический путешественник взять с собою не может… Я имею в виду силу земного притяжения. Мистер Пейтон очень неловко бросил столь ценную вещь, а это неопровержимо доказывает, что его мышцы еще не приспособились вновь к земному притяжению. Как специалист, мистер Дейвенпорт, я утверждаю: арестованный последнее время находился вне Земли. Он был либо в космическом пространстве, либо на какой-то планете, значительно уступающей Земле в размерах, например на Луне.

Дейвенпорт с торжеством вскочил на ноги.

— Будьте добры, дайте мне письменное заключение, — сказал он, положив руку на бластер, — и его будет достаточно, чтобы получить санкцию на применение психоскопии.

Луис Пейтон и не думал сопротивляться. Оглу-

шенный случившимся, он сознавал только одно: в завещании ему придется упомянуть, что его блистательный путь завершился полным крахом.

Ключ
(Пер. с англ. С. Авдеенко)

Карл Дженнингс знал, что умирает. Жить ему оставалось несколько часов, а сделать предстояло еще очень многое.

Дженнингс зажег на минуту фонарь и отбросил острый обломок камня в сторону. Его лопата снова вонзилась в скалу. Еще немного, и он спрячет Прибор в выкопанное углубление и засыпет. Штраус не должен его найти.

Штраус!

Второй участник экспедиции. Открытие принадлежит ему. Как и слава.

Если бы дело было лишь в славе и известности. Дженнингс, возможно, и уступил бы лавры Штраусу. Открытие столь важно, что славой можно было пренебречь. Но Штраус стремился к кое-чему другому, и Дженнингс отдал бы все на свете, чтобы помешать ему.

Чтобы помешать Штраусу, он был готов умереть.

И он умирал.

Они нашли это вместе. Впрочем, корабль на-

шел Штраус, точнее — его остатки…

— Металл, — произнес Штраус. Его резкий голос отчетливо раздавался в наушниках Дженнингса.

Дженнингс, работавший в полумиле от Штрауса, двинулся посмотреть находку напарника.

— Странно, — сказал он. — На Луне нет металла в чистом виде.

— Не должно быть. Но вы же прекрасно знаете, что исследовано не больше сотой части всей поверхности Луны. Кто знает, что еще может быть здесь найдено?

Дженнингс проворчал что-то в знак согласия.

На Луне действительно можно было найти все что угодно. Их экспедиция была первой лунной экспедицией, финансируемой за счет частных пожертвований. До сих пор на Луну посылались отдельные экспедиции, направляемые правительством, которые имели перед собой множество задач, и тот факт, что Геологическое общество могло позволить себе послать двух человек на Луну только для селенологических исследований, знаменовал собой приближение космической эры.

— Похоже, что поверхность была когда-то отшлифована, — заметил Штраус.

— Вы правы, — согласился Дженнингс. — Мо-

жет быть, поблизости есть еще что-нибудь.

Они нашли еще три куска металла, среди них один остроугольный, на котором были отчетливо видны следы шва.

Они вернулись к своему кораблю на небольшой ракете — лунном глиссере. На борту скинули скафандры, и Штраус сразу же принялся за работу. Он направил луч лазера на металлические обломки, и на спектрографе появились показания: титановая сталь с незначительными примесями кобальта и молибдена.

— Эта штука, конечно, искусственная, — сказал Штраус. — Насколько мне известно, на этой части Луны никогда не садился ни один корабль, и уж тем более ни один не терпел аварии. Если бы эти обломки были частью корабля, они имели бы гладкую, отшлифованную поверхность. У этих же поверхность кажется разъеденной, а поскольку атмосферы на Луне нет, это можно объяснить только длительной микрометеоритной бомбардировкой.

— Этот искусственный предмет сделан не рукой человека, — произнес Дженнингс прямо-таки торжествующе. — Значит, Луну когда-то посетили внеземные существа. В донесении…

— Подождите, — повелительно сказал Штра-

ус. — У нас будет предостаточно времени для составления донесения, когда нам будет о чем докладывать.

На востоке низко висела ярко-голубая Земля, очень напоминающая своего спутника в полнолуние.

— Она выглядит совсем мирной, — сказал он, — а ведь на ней шесть миллиардов..

Штраус, казалось, очнулся после одному ему ведомых раздумий.

— Шесть миллиардов, которые ее разрушают, — отозвался он.

— Вы что, Ультра? — нахмурил брови Дженнингс. — О чем вы, черт побери, говорите?

Дженнингс почувствовал, что краснеет. На его бледных щеках выступал румянец, едва он начинал волноваться.

Позже, уже засыпая, он вдруг подумал, что ничего в сущности не знает о Штраусе.

Следующие три дня они самозабвенно искали другие следы.

На этот раз находка была всецело заслугой Дженнингса. Это было действительно нечто стоящее! Штраус нашел первый кусок металла, но зато Дженнингс обнаружил искусственный предмет.

Он был погребен под большим неровным валуном, который образовал при падении небольшую пещерку. В ней он и лежал, защищенный от радиации, микрометеоритов и температурных колебаний, оставаясь миллионы лет в целости и сохранности.

Дженнингс назвал его Прибором…

Прибор лежал перед ними на столе…

— Давайте отправим предварительное донесение, — предложил Дженнингс.

— Нет. Ни в коем случае, черт побери!

— Но почему?

— Потому что, если мы последуем вашему совету, Прибор станет собственностью Общества и, когда оно присосется к нему, наши имена будут упоминаться лишь в сносках. Нет! — На лице Штрауса появилось лукавство. — Давайте сделаем все возможное с ним до того, как сюда налетит куча хищников.

Дженнингс задумался. В душе он не мог отрицать, что и ему самому хотелось получить гарантию того, что честь открытия будет всецело принадлежать им. И все же…

— Мне это не совсем по душе, Штраус, ждать неправильно. Если Прибор внеземного происхождения, значит, он принадлежит другой

планетной системе. Во всей Солнечной системе нет планеты, кроме Земли, на которой могла бы развиваться высокоорганизованная жизнь.

— Это еще не доказано, — проворчал Штраус. — Но даже если это так, что из того?

— Из этого следует, что те, кто прилетел на этом корабле, совершили межзвездное путешествие и, стало быть, превосходят нас в техническом отношении. И кто знает, что может поведать нам Прибор о их высочайшей технике. Это может быть ключом… к чему угодно. Это может быть ключом к невиданной научной революции.

— Романтические бредни. Если это продукт техники, шагнувшей по сравнению с нашей далеко вперед, он нам ничего не даст. Если бы показать Эйнштейну микропроторп, он бы не понял, с чем его едят…

— Но послушайте же, Штраус, — Дженнингс чуть ли не со слезами на глазах пытался втолковать Штраусу все значение открытия, — а если мы разобьемся вместе с Прибором? Если не доставим его на Землю? Мы не можем идти на такой риск. — Он с нежностью погладил Прибор. — Мы должны сейчас же доложить об этом и попросить, чтобы сюда послали еще несколько кораблей. Эта штука слишком драгоценна, чтобы..

Когда его волнение достигло предела, Прибор неожиданно потеплел под его рукой. Кусочек его поверхности, полускрытый за тонкой полосой металла, замерцал фосфоресцирующим светом.

Дженнингс резко отдернул руку, и Прибор снова потемнел.

Но этого было достаточно: теперь он все понял.

— Я словно смотрел в окошко в вашем черепе, — задыхаясь от волнения, произнес он. — Я читал ваши мысли.

— А я — ваши, — ответил Штраус. — Я их читал или почувствовал, называйте как хотите. — Он дотронулся до Прибора со свойственной ему холодной отвлеченностью, но ничего не произошло.

— Вы — Ультра, — гневно сказал Дженнингс. — Когда я прикоснулся к нему, — тут он снова дотронулся до Прибора, — ага, вот опять. Я вижу. Вы безумец! Вы что, серьезно полагаете, что приговорить человеческую расу к вымиранию гуманно? Гуманно уничтожить всю многоликость и разнообразие человеческого рода из-за того, что Земля перенаселена?

Он негодующе убрал руку с Прибора, и его поверхность снова потемнела. Штраус еще раз дотронулся до него, на этот раз осторожно, и сно-

ва — никакого результата.

— Ради бога, не будем спорить, — сказал Штраус. — Эта штука — ключ к общению, нечто вроде телепатического передатчика.

Дженнингс отвернулся — он не хотел разговаривать со Штраусом.

— Мы сейчас же отправим донесение, — сказал он. — Плевать мне на славу, можете забрать всю ее себе. Я же хочу только передать Прибор в другие руки.

Штраус с минуту пребывал в мрачном раздумье.

— Это не просто передатчик, — сказал он наконец. — Он реагирует на чувства и передает их.

— Что вы имеете в виду?

— Только что он дважды реагировал на ваше прикосновение, хотя вы держали его в руках целый день, и ничего не происходило. Он бездействует, когда к нему прикасаюсь я.

— Ну и что?

— Он реагировал на ваше прикосновение, когда вы были в состоянии сильного возбуждения. Вот требование, необходимое для его работы… Но послушайте же меня. Так ли вы уж уверены в своей правоте? Каждый здравомыслящий человек на Земле сознает, что для планеты лучше, если ее

население составляет один миллиард, а не шесть. Используй мы автоматику полностью — то, что сейчас нам не позволяют толпы, мы могли бы иметь такую же развитую и жизнеспособную Землю, как и теперь, но с населением не больше, скажем, пяти миллионов человек.

Ой так хотел быть убедительным, что резкость в его голосе почти исчезла.

— Но мы не можем уменьшить численность населения демократическим путем. И вы это знаете.

И дело вовсе не в половом инстинкте: пилюли давно решили проблему контроля над рождаемостью. И это вам хорошо известно. Дело в национализме. Каждая этническая группа хочет, чтобы другие группы первыми уменьшили свою численность, и я их понимаю. Я хочу, чтобы доминировала моя этническая группа, наша группа. Я хочу, чтобы Земля была населена элитой — такими людьми, как мы, ибо мы — настоящие люди, а толпа полуобезьян, тянущих нас вниз, мешает нам, уничтожает нас. Они обречены на гибель так или иначе, но почему мы должны погибать вместе с ними?

— Нет, — твердо сказал Дженнингс. — Ни одна группа не должна иметь преимущества перед

остальным человечеством.

— Это чушь, Дженнингс. Вы сами не верите в то, что говорите, просто наши слухи, горой стоящие за уравниловку, слишком долго вбивали вам это в голову. Прибор — это то, что нам нужно. Даже если мы не сумеем построить подобные ему приборы или не поймем принцип его действия — не беда. Прибор нам все равно поможет. Если мы сможем управлять действиями влиятельных людей, мы постепенно овладеем миром. У нас уже имеется организация. Вы должны знать это, вы заглянули в мой мозг. Это наиболее продуманная и решительная организация на всей Земле. К нам каждый день примыкают талантливейшие люди. Почему и вам не оказаться в их числе? Этот Прибор — ключ, но это не просто ключ к чуть большим знаниям. Это ключ к конечному разрешению всех человеческих проблем. Так будьте же с ними, в наших рядах!

Рука Штрауса легла на Прибор, который замерцал на секунду и снова погас.

Дженнингс улыбнулся. Он понял, что Штраус пытался настроиться на высокую эмоциональную волну и заставить действовать Прибор. Но это ему не удалось.

— Вы не можете управлять им, — сказал Джен-

нингс. — Вы, черт возьми, слишком холодны и всегда владеете собой.

Он поднял дрожащими руками Прибор, и он тотчас же засветился.

— Но вы можете управлять им. Вы спасете человечество.

— Ни за что на свете, — ответил Дженнингс, с трудом переводя дыхание от переполнявшего его волнения. — Я немедленно высылаю донесение.

— Вы не сделаете этого, — сказал Штраус. Он схватил один из столовых ножей. — Во всяком случае, я не советую. Нож очень острый и хорошо отточен.

— Вам незачем было так остро ставить вопрос, — сказал Дженнингс, который даже в такой ситуации не сумел удержаться от своей любимой игры слов, которой он увлекался еще в университете. — Я вижу ваши планы. С Прибором в руках вы сможете убедить любого в том, что меня никогда и не было. Вы можете принести победу Ультра.

— Вы превосходно читаете мои мысли, — кивнул Штраус.

— Но вам это не удастся, — произнес, задыхаясь, Дженнингс. — Во всяком случае, до тех пор, пока Прибор у меня в руках. — Он захотел, чтобы

Штраус застыл на месте и не двигался.

Штраус яростно рванулся вперед, но безуспешно. Он по-прежнему сжимал нож в дрожащей руке, но сдвинуться с места не мог.

Оба тяжело дышали.

— Вы не сможете продержаться так… целый день, — сквозь зубы процедил Штраус.

Чувство, которое испытывал Дженнингс, было вполне отчетливым, хотя сам он вряд ли смог бы описать его. Будто держишь в руках ускользающее животное невероятной силы, которое отчаянно пытается освободиться. Дженнингсу пришлось напрячь все силы, чтобы думать только о том, чтобы Штраус оставался неподвижным.

Он еще не привык к Прибору и не знал, как с ним обращаться. Его положение можно было сравнить с положением человека, впервые взявшего в руку шпагу и пытающегося размахивать ею с ловкостью мушкетера.

— Совершенно верно, — произнес Штраус, следуя за ходом мысли Дженнингса. Он осторожно двинулся вперед.

Дженнингс хорошо сознавал, что у него не было шансов на победу в борьбе с фанатичной решимостью Штрауса. Они оба понимали это. Дженнингс вспомнил о лунном глиссере. Он должен попы-

таться покинуть корабль. Вместе с Прибором.

Но теперь у Дженнингса не могло быть секретов от Штрауса. Тот понял его замысел и попытался встать между глиссером и Дженнингсом. Дженнингс удвоил свои усилия. Теперь он решил усыпить своего противника.

— Спи, Штраус, — отчаянно твердил он. — Спи!

Штраус упал на колени, и его налившиеся свинцом веки начали закрываться.

Дженнингс бросился вперед с бьющимся сердцем. Только бы оглушить его и вырвать нож из рук..

Теперь мысли его уже не было сосредоточены на сне, и рука Штрауса вдруг ухватилась за его ногу, с силой увлекая вниз. Дженнингс споткнулся, и рука Штрауса, резко устремившись вверх, нанесла удар. Дженнингс почувствовал острую боль, и мозг его наполнился ужасом и отчаянием.

Волнения и чувства Дженнингса достигли в этот момент предела, и слабое мерцание Прибора перешло в яркое сияние. Рука Штрауса ослабла после того, как Дженнингс в течение нескольких минут молча и бессвязно передавал другому мозгу свой страх и обуревавшую его ярость.

Штраус рухнул на пол с перекошенным лицом.

Дженнингс с трудом поднялся на ноги и отошел в сторону. Он думал только о том, что Штраус не должен приходить в сознание. Любая попытка предпринять что-либо отняла бы у него слишком много сил: его нетренированный мозг не мог работать с полной отдачей.

Он направился к глиссеру. Там, внутри, должен быть скафандр и бинты…

Лунный глиссер не был рассчитан на длительный полет. Как, впрочем, не был способен на это сейчас сам Дженнингс. Кровь проступала сквозь повязку на боку и запачкала внутренность скафандра. Корабля пока что не было видно, но Дженнингс понимал, что рано или поздно он появится у него «на хвосте». Мощность корабля была неизмеримо выше мощности маленького глиссера, а радиолокаторы могли быстро нащупать следы, испускаемые реактором глиссера, работающим на полной тяге.

Дженнингс попытался связаться по радио со станцией «Луна». Но ответа не было, и, отчаявшись, он выключил радио, сигналы которого могли лишь помочь Штраусу обнаружить его.

Он мог попробовать добраться до станции пешком, но понимал, что это ему вряд ли удастся Штраус догонит его раньше, чем он доберется до

станции, и он погибнет. Нет, этого нельзя допустить. Он должен спрятать Прибор.

Прибор…

Он не был уверен в том, что поступает правильно. Прибор мог уничтожить человечество, и в то же время ему не было цены. Имеет ли он право разрушить его? Это единственный след развитой внеземной жизни, в нем таятся секреты высочайшей техники, это орудие высшей мыслительной деятельности. Да, опасность по-прежнему существует, но если задуматься о ценности Прибора, о его потенциальной ценности…

Он, безусловно, должен спрятать его, но так, чтобы его можно было отыскать вновь… И найти его должны только здравомыслящие, и ни в коем случае не Ультра.

Глиссер опустился на внутренний, северный склон кратера. Он знал этот кратер. Прибор нужно спрятать здесь. Если потом он не сможет добраться до станции или хотя бы связаться с ней по радио, ему придется отдалиться от тайника, чтобы не выдать его своим присутствием. И ему нужно оставить какой-нибудь ключ к месторасположению Прибора.

Карл Дженнингс знал, что умирает. Жить ему оставалось несколько часов, а сделать предстояло

еще очень многое.

Сетон Дэйвенпорт из американского отдела Земного Бюро расследований рассеянно потер рукой звездообразный шрам на левой щеке.

— Сэр, я хорошо знаю, что Ультра очень опасны.

Начальник отдела М. Т. Эшли пристально взглянул на Дэйвенпорта.

— Вы не представляете себе, как они опасны, — сказал он. — И боюсь, что никто этого не представляет. Их мало, но среди людей влиятельных и власть имущих они пользуются поддержкой, так как последние вполне созрели для того, чтобы считать себя элитой. Никто точно не знает, кто они и сколько их.

— И даже Бюро?

— Бюро пока воздерживается от каких бы то ни было действий. Мы, между прочим, кажется, не уберeглись от этой заразы сами. Возьмем вас, к примеру…

— Я не Ультра, — вспыхнул Дэйвенпорт.

— Я не говорил этого, — ответил Эшли. — Я хотел спросить вас, не заразились ли этим и вы. Вы задумывались над тем, что происходит на Земле в течение двух последних столетий? Не приходило ли вам когда-нибудь в голову, что хо-

рошо бы уменьшить население Земли, конечно, в разумных пределах? Как было бы замечательно избавиться от глупых, неспособных и грубых? Мне, черт возьми, приходило в голову нечто подобное.

— Каюсь, я иногда об этом подумывал. Но желать что-либо — это одно, а разрабатывать практический план действий в духе фашизма — нечто другое.

— Между желанием и действием не такая огромная дистанция, как вам кажется. Вы знаете агента Ферранта?

— Который исчез? Я не знал его лично.

— Так вот, два месяца назад на поверхности Луны был обнаружен корабль. Он производил селенографические изыскания, которые финансировались частными лицами. Геологическое общество, снарядившее экспедицию, заявило, что их корабль не отвечает на вызов. Корабль был обнаружен довольно быстро. Он оказался на значительном расстоянии от того места, откуда было передано последнее донесение.

Следов повреждения на корабле не оказалось, но на борту не хватало одного члена экипажа. Карла Дженнингса. Вместе с ним исчез лунный глиссер. Второй космонавт Джеймс Штраус был

жив, но его разум помутился. Следов насилия у Штрауса не оказалось, однако он потерял рассудок. Он и сейчас в том же состоянии, и это очень важно.

— Почему? — прервал его Дэйвенпорт.

— Потому что медики, обследовавшие его, обнаружили у него неврохимические и невроэлектрические отклонения, никогда ранее не встречавшиеся и которые не могли быть вызваны человеком.

Лицо Дэйвенпорта исказилось в легкой усмешке:

— Вы подозреваете космических пришельцев?

— Возможно, — без тени улыбки ответил Эшли. — Позвольте, я продолжу рассказ. Тщательные поиски глиссера вблизи корабля не дали результатов. Вскоре же станция «Луна» доложила о том, что ею получены слабые сигналы неизвестного происхождения, которые исходили из западной оконечности Ибрийского моря. Поисковая партия направилась в район Ибрийского моря, где и обнаружила глиссер. Дженнингс был на борту. Мертвый. У него на боку зияла ножевая рана, и удивительно, что он прожил так долго. К тому времени характер бреда Штрауса весьма обеспокоил медиков. Они связались с бюро, и

двое наших людей на Луне — Феррант один из них — прибыли на корабль.

Феррант прослушал пленку с записью бормотаний Штрауса. Спрашивать Штрауса о чем-либо не имело смысла — между ним и остальным миром возникла глухая стена, и, быть может, навсегда. Однако даже из повторяющихся бессвязных фраз, произнесенных в бреду, можно кое-что выяснить. Феррант составил из них одно целое, как в детской головоломке.

Штраус с Дженнингсом, очевидно, нашли какой-то предмет, очень старый и, по их мнению, внеземного происхождения. Они были уверены в том, что это было частью корабля, потерпевшего катастрофу миллионы лет назад. Этот предмет, должно быть, можно было каким-то образом использовать для воздействия на человеческий мозг.

— И это произошло со Штраусом? — перебил его Дэйвейпорт.

— Да. Штраус был Ультра — теперь мы можем смело сказать «был», потому что он жив, так сказать, формально, — и Дженнингс не хотел, чтобы этот предмет попал к нему в руки. В бреду Штраус бормотал об использовании его для самоуничтожения, как он выразился, нежелательных

существ. Он мечтал о том, чтобы население Земли не превышало пяти миллионов человек. Между ними произошла схватка, в которой Дженнингс владел предметом, а Штраус — ножом. Дженнигс покинул корабль с ножевой раной, а Штраус потерял рассудок.

— А где этот предмет?

— Агент Феррант действовал решительно. Он вновь осмотрел корабль и окрестности. Но, кроме естественных лунных образований или следов человеческой деятельности, ничего не было найдено. Он осмотрел глиссер и окрестности и вновь безрезультатно. И вот спутник Ферранта…

— Как его имя?

— Горбанский, — ответил начальник отдела.

— Я знаю его. Мы вместе работали.

— Что вы о нем скажете?

— Честный человек и талантливый.

— Так вот. Горбанский нашел что-то. Но не что-то искусственное из космоса, а, наоборот, кое-что, принадлежащее человеку. Он нашел листок бумаги размером десять на пятнадцать сантиметров, и на этот свернутый в трубочку листок были нанесены знаки. Листок лежал в среднем пальце правой перчатки Дженнингса. Дженнингс скорее всего написал эту записку незадолго до смерти, и

надо думать, что это ключ к месту, где он спрятал внеземной предмет.

— Почему вы думаете, что он его спрятал?

— Я же сказал вам, что мы нигде его не нашли.

— А что, если он, считая предмет опасным оружием, взял и попросту уничтожил его?

— Весьма сомнительно. Вспомним разговор, восстановленный из бормотаний Штрауса. Феррант, кстати, воссоздал его слово в слово. Дженнингс считал предмет чрезвычайно важным для человечества. Он назвал его «ключом к невиданной научной революции». Он не мог его разрушить. Он пытался спрятать его от Ультра и оставить ключ к его местонахождению.

Все, конечно, очень сомнительно. Можно ли считать истиной то, что мы узнали из бреда Штрауса?

Является ли ключ Дженнингса действительно ключом? Существует ли вообще этот предмет, который Дженнингс назвал Прибором? Но теперь не имеет смысла задавать подобные вопросы. Следует исходить из предположения, что Прибор существует и должен быть найден.

— Но Феррант исчез?

— Да.

— Его похитили Ультра?

— Вовсе нет. Вместе с ним исчез и листок.

— Ах так… понимаю.

— Феррант находился под наблюдением долгое время по подозрению в принадлежности к Ультра. Он не единственный в Бюро человек, на которого падает такое подозрение. Сведения, которые у нас имеются, не позволяют нам действовать открыто: мы не можем наносить удары направо и налево, основываясь исключительно на простом подозрении, иначе в Бюро никто не останется. Он был под наблюдением.

— Кто следил за ним?

— Горбанский, разумеется. К счастью, Горбанский успел сфотографировать листок и отправить донесение в штаб на Землю. Он, правда, утверждает, что считал листок лишь простой головоломкой, и включил его в донесение лишь потому, что хотел представить полный и точный доклад. Феррант, как я полагаю, оценил истинное значение Прибора и начал действовать. Правда, дорогой ценой, ведь теперь он выдал себя с головой и уже не может быть полезным Ультра. Но Ультра могут и не нуждаться больше в его услугах. Если у них в руках будет Прибор..

— Может быть, он уже у Ферранта?

— Не забывайте, что он все время находился

под наблюдением. Горбанский клянется, что они ничего не нашли.

— Горбанскому не удалось помешать Ферранту уйти с листком. Он мог и не заметить, как тот обнаружил Прибор.

Эшли нервно барабанил пальцами по разделявшему их столу.

— Я не хочу об этом думать, — сказал он наконец. — Если мы найдем Ферранта, мы выясним, сколько бед он успел натворить. А до тех пор мы должны искать Прибор. Если Дженнингс спрятал его, он, очевидно, постарался отдалиться от тайника как можно дальше.

— Может быть, он не успел далеко отойти от тайника?

Пальцы Эшли снова начали выстукивать барабанную дробь по столу.

— При обследовании глиссера было установлено, что он летел на большой скорости довольно долго и в конце концов разбился. Это совпадает с тем предположением, что Дженнингс пытался покрыть как можно большее расстояние между тайником и…

— Можно определить, откуда он летел?

— Да, но это не слишком нам поможет. Судя по состоянию боковых дюз, он часто петлял и

менял курс.

Дэйвенпорт вздохнул:

— У вас, наверно, имеется копия листка?

— Да, пожалуйста, — Эшли протянул листок Дэйвенпорту. Тот углубился в его изучение. Листок выглядел следующим образом:

xy^2

PC/2

—

/A

C-C

— Не вижу в этом никакого смысла, — произнес наконец Дэйвенпорт.

— Поначалу так же казалось и мне, и тем людям, с которыми я советовался. Но вспомните, Дженнингс опасался погони, он мог и не знать, что Штраус на какое-то время выведен из строя. Он смертельно боялся, что Ультра найдут его раньше, чем Здравомыслящие. Он должен был оставить такой ключ, — начальник Отдела прикоснулся пальцами к копии листка, — который с виду кажется бессмыслицей, но для человека умного он совершенно понятен.

— А какой же смысл в этих значках? — спросил Дэйвенпорт.

— Вы заметили, что на левой стороне листка

семь значков, а на правой — только два? Возьмем сначала левую сторону. Третий значок сверху очень напоминает знак равенства. Вам говорит о чем-нибудь знак равенства?

— Алгебраическое уравнение.

— Это вообще. А в частности?

— Не знаю.

— А если принять это за две параллельные прямые?

— Пятый постулат Эвклида? — нерешительно предложил Дэйвенпорт.

— Прекрасно! На луне есть кратер под названием «Эвклидис» — так по-гречески произносится имя математика, которого мы называем Эвклидом.

— Понимаю, куда вы клоните, — кивнул Дэйвенпорт. — А сила, деленная на ускорение, — определение массы по второму закону Ньютона..

— Вот именно, и на Луне есть кратер «Ньютон».

— Да, но погодите, нижний значок обозначает астрономический символ планеты Уран, а на Луне нет ничего, насколько мне известно, с этим названием.

— Совершенно верно. Но Уран ведь был открыт Вильямом Гершелем, а буква «Н», являющаяся

частью астрономического символа, — начальная буква его имени. На Луне, между прочим, есть кратер, носящий его имя. Точнее три: кратер, названный в его честь, в честь его сестры Каролины и сына Джона Гершеля.

— PC/2 — давление, умноженное на половину скорости света, — подумав немного, произнес Дэйвенпорт. — Но я не знаю, что это значит.

— А если взять кратеры, «Птоломей» — для Р и для С — «Коперник»?

— ,И вывести среднеарифметическое? Тогда это должно означать место, находящееся посреди между «Птоломеем» и «Коперником».

— Я разочарован, Дэйвенпорт, — насмешливо сказал Эшли. — Я полагал, что вы лучше знаете историю астрономии. Птоломей утверждал, что мировая система имеет геоцентрическую форму, ставя в ее центр Землю, в то время как Коперник заявил, что мировая система — гелиоцентрична, с Солнцем в центре. Один астроном предложил компромиссный вариант, нечто среднее между взглядами Птоломея и Коперника…

— Тихо Браге! — воскликнул Дэйвенпорт.

— Правильно. А кратер «Тихо» — весьма значительное явление лунного ландшафта.

— Так, займемся остальным. С-С — обычное

обозначение химического соединения, стало быть, на Луне должен быть кратер под названием «Бонд»[2].

— Прекрасно. А что значит SU?

— Это, признаться, ставит меня в тупик, шеф.

— Вот вам одна гипотеза: SU — Советский Союз. Советский Союз первым составил карту обратной стороны Луны. Тогда все значки на левой стороне могут обозначать кратеры. «Тихо», «Эвклид», «Ньютон», «Циолковский», «Бонд», «Гершель»…

— А что означают знаки на правой стороне?

— Это совсем просто. Кружок — астрономический символ Земли. Стрелка, ведущая к нему, означает, что Земля должна находиться прямо над головой.

— Ага, — сказал Дэйвенпорт, — Синус Меди — Средний Залив, над которым Земля всегда стоит в зените. Это не кратер, и поэтому символ Земли отделен от остальных значков.

— Хорошо, — заключил Эшли, — все значки имеют смысл, во всяком случае, их можно рассматривать как нечто имеющее значение, и весьма вероятно, что это не тарабарщина, что в листке заключено какое-то сообщение. Но какое?

---

[2] Примечания: 2

«Бонд» — по-английски: химическое соединение.

Итак, у нас есть семь кратеров и один некратер. Что это значит? Прибор, наверно, может находиться только в одном месте?

— Вот что я скажу вам, — начал Дэйвенпорт неуверенно, — мы должны посоветоваться с одним… Боже мой! — Он привстал.

Дэйвенпорт почувствовал, что его руки дрожат.

— Вы проверяли биографию Дженнингса?

— Конечно.

— Где он учился?

— В Восточном университете.

— Он проходил курс экстратеррологии?

— Конечно, этот курс прослушивается всеми студентами-геологами.

— Прекрасно. А знаете ли вы, кто ведет этот предмет в Восточном университете?

Эшли покрутил пальцами в воздухе:

— Этот толстячок… как же его имя? Да, вспомнил, Уэнделл Эрт.

— Вот именно, толстячок. Потрясающий специалист в своей области. Этот листок призывает нас это сделать. Это ребус, который ясно указывает: «Идите к Эрту, ребус составлен человеком, который был когда-то учеником Эрта и хорошо его знал».

Кругленький человечек устремил на них свой взгляд, подтянув вверх стекла очков. Но едва он убрал с очков пальцы, очки тотчас же соскользнули вниз.

— Я — Уэнделл Эрт, — произнес он, усаживаясь в кресло. Подошвы его ботинок не доставали на добрый дюйм до пола и висели над ним в воздухе. — Расскажите же мне, джентльмены, что привело вас сюда.

Дэйвенпорт ждал, что начнет Эшли, но тот молчал.

— Доктор Эрт, не помните ли вы некоего вашего студента по имени Карл Дженнингс? — решился Дэйвенпорт.

— Нет, не припоминаю.

— Несколько лет назад он прослушал у вас курс экстратеррологии. У меня есть с собой его фотография, может быть, это вам поможет.

Эрт внимательно рассматривал протянутую ему фотографию, но с лица его по-прежнему не исчезало сомнение.

— Он оставил зашифрованную записку, которая являемся ключом к кое-чему очень важному, — продолжал Дэйвенпорт. — Нам не удалось расшифровать ее полностью, но из того немногого, что мы узнали, нам стало ясно, что мы должны

прийти к вам.

— Да ну? Очень интересно. А зачем?

— Очевидно, вы можете расшифровать записку.

— Могу я взглянуть на нее?

Эшли молча протянул листок Эрту. Ученый взглянул на листок, перевернул его и уставился на чистую обратную сторону.

— Где здесь говорится, что вы должны прийти ко мне?

Эшли выглядел растерянно, и Дэйвенпорт поспешил к нему на помощь:

— На это указывает стрелка, упирающаяся в символ Земли. Это же совершенно ясно.

— Да, это вне всякого сомнения стрелка, указывающая на символ Земли. Это могло бы буквально означать: «Идите на Землю», если бы это было найдено на другой планете.

— Доктор Эрт, это было найдено на Луне и наверняка обозначает Землю. Однако ссылка на вас становится очевидной, если вспомнить, что Дженнингс был в свое время вашим студентом.

— Он учился у меня в университете?

— Да.

— Когда?

— В..18 году.

— Тогда загадка разрешена.

— Вы имеете в виду содержание записки? — спросил Дэйвенпорт.

— Да нет, содержание записки мне непонятно. Я понял, почему не мог вспомнить его раньше. Это был очень тихий парень, довольно любознательный, но невероятно застенчивый. Совсем не тот человек, которого легко запоминают. Без этого, — он коснулся листка, — я бы его, наверно, никогда бы и не вспомнил.

— Почему? — удивился Дэйвенпорт.

— Видите, здесь — игра слов «Эрт — эарт»[3]. Не очень тонко, но в этом весь Дженнингс. Игра слов была его страстью и его мучением. Я и запомнил его исключительно из-за его попыток создать каламбур. Я их очень люблю — словесные парадоксы, — но Дженнингсу — да, теперь я помню его прекрасно — они почти никогда не удавались. Они были или же совершенно неостроумными, или плоскими и ясными, как этот. Так! — Эрт снова водрузил на глаза очки и уставился на значки.

Пошевелив беззвучно круглыми губами, он наконец сказал:

---

[3] Примечания: 3
Earth — по-английски Земля.

— Я ничего не понимаю. Но если вы введете меня в курс дела, может быть, мы и поймем что-нибудь.

— Сэр, разрешите мне, — быстро сказал Дэйвенпорт. — Я уверен, что на этого человека можно положиться и… он поможет нам.

— Валяйте, — угрюмо пробормотал Эшли. — Во всяком случае, это не принесет вреда.

Дэйвенпорт изложил ход событий очень кратко, почти в телеграфном стиле.

Когда Дэйвенпорт кончил, Эрт на минуту задумался:

— Есть ли у вас запись разговора, восстановленного Феррантом?

— Пожалуйста.

Эрт заправил микропленку в проектор и быстро проглядел ее.

— Как я понял, оригинал вместе с Феррантом, и вы опасаетесь, что сейчас он в руках Ультра?

— Не исключено.

Эрт взволнованно покачал головой:

— Все знают, что мои симпатии не на стороне Ультра, и я всегда буду бороться против них. Я не хочу, чтобы вы поняли меня превратно, но… почему вы уверены в том, что предмет, оказывающий влияние на человеческий мозг, вообще

существует? Вы располагаете лишь показаниями свихнувшегося человека да своими собственными сомнительными заключениями.

— Все это так, доктор Эрт, но рисковать мы не можем.

Эрт все еще был озабочен.

— А почему бы не Оставить Прибор там, где он лежит? Никто не найдет его, что ж, тем лучше.

Я против любого воздействия на человеческий мозг и никоим образом не собираюсь этому способствовать.

— Но мы не можем допустить, чтобы Прибором завладели Ультра.

— Доктор Эрт, дело не в Приборе, а в том, в чьих руках он окажется. Ультра замышляют уничтожить почти все человечество. Но какие бы недостатки и ошибки ни были у людей, составляющих правительство, совершенно очевидно, что они не будут строить планы, подобные замыслам Ультра.

— А что будет делать правительство?

— Проведет научное изучение Прибора. Нам может оказать неоценимую услугу даже то единственное свойство Прибора, которое мы уже знаем. Будучи в руках просвещенных, Прибор может научить нас понимать физическую основу

функций мозга. Мы научимся лечить умственно отсталых, быть может, сумеем вылечить Ультра. Человечество в целом может подняться на более высокую ступень развития.

— Почему я должен верить, что этот идеализм будет осуществлен на практике?

— Я верю в это. Есть, конечно, риск, что правительство употребит Прибор во зло, но совершенно ясно, какой опасности мы неминуемо подвергнемся, если Прибор заполучат Ультра.

Эрт задумчиво опустил голову;

— Быть может, вы и правы.

— Ну, а теперь, я думаю, вы расшифруете символы?

— Символы? — переспросил Эрт, с трудом переключая внимание на листок. — Вы имеете в виду эти значки $ху^2$ и так далее? Смысл записки ясен. Я понял это еще в середине вашего рассказа. И еще раз убедился в этом, когда просмотрел запись разговора между Штраусом и Дженнингсом. Вы и сами поймете его, джентльмены, если вдумаетесь. Посмотрите на записку. Если предположить, что кружок со стрелкой обозначает меня, у нас остается семь значков. Если они обозначают семь кратеров, значит, шесть из них, по крайней мере, предназначены для запутывания, так как

Прибор, естественно, может находиться лишь в одном месте.

Ни один из значков полностью не ясен. «SU» может означать любое место на обратной стороне Луны, которая занимает площадь, равную Южной Америке. PC/2 может означать «Тихо», а может значить и половину расстояния от «Птоломея» до «Коперника» или же половину расстояния между «Плато» и «Кассини». Конечно, xy^2 может относиться к системе координат, в которой y — площадь x. Похоже, что C-C значит «Бонд», но может и означать половину расстояния между «Кассини» и «Коперником».

F/A может значить «Ньютон», а может и обозначать место между «Фабрицием» и «Архимедом».

Короче говоря, у значков столько значений, что они становятся бессмысленными. Даже если один из них имеет какое-то правильное значение, его невозможно отделить от других, поэтому разумно предположить, что все значки предназначены лишь для отключения внимания.

Затем необходимо выяснить, что в записке абсолютно ясно и не подлежит никакому сомнению. Ответ на это может быть только один: это действительно записка Дженнингса, действительно ключ к месту, где спрятан Прибор. Это

единственное, в чем мы уверены, не так ли?

— По крайней мере, мы думаем, что уверены в этом, — осторожно заметил Дэйвенпорт.

— Что ж, вы отнеслись к записке, как к ключу, и действовали соответственно. Если мы вспомним о склонности Дженнингса к каламбурам, склонности, которая могла быть усилена действующим на сознание Прибором, то… Послушайте одну историю.

Во второй половине XVI века в Риме жил один немецкий иезуит. Он был математик и астроном, и это он выполнил все необходимые вычисления для папы Григория XIII, когда тот вводил в 1582 году новый календарь. Астроном высоко ценил Коперника, но не разделял его гелиоцентрической идеи.

В 1650 году другой иезуит, итальянский астроном Джованни Баттиста Риччоли составил карту Луны.

Он называл кратеры в честь астрономов древности, и, так как он также не разделял точку зрения Коперника, самые крупные кратеры он назвал именами тех, кто ставил Землю в центр Вселенной — Птоломея, Гиппарха, Тихо Браге. Самый большой кратер, обнаруженный Риччоли, был назван им в честь своего предшественника,

немецкого иезуита.

Однако этот кратер — второй по величине кратер, видимый с Земли. Самый большой кратер носит имя Бэйли и находится на самом лимбе Луны, и поэтому с Земли его увидеть очень трудно. Риччоли его не заметил, и этот кратер был назван в честь астронома, жившего сто лет спустя, который был гильотинирован во время французской революции.

Эшли слушал его с беспокойством.

— А какое отношение все это имеет к записке?

— Самое непосредственное, — несколько удивленно ответил Эрт. — Разве вы не назвали эту записку ключом ко всему? Разве это не ключ?

— Безусловно.

— Разве имеются сомнения в том, что это ключ к местонахождению Прибора?

— Нет, — ответил Эшли.

— Что же тогда… Имя немецкого иезуита, о котором я говорил, — Кристофор Клау. Вы не видите игры слов: «Клау» — «ключ»?

Эшли разочарованно опустился на стул:

— Не слишком ясно.

— Доктор Эрт, — взволнованно сказал Дэйвенпорт, — на Луне нет ничего, что называлось бы «Клау».

— Правильно, — запальчиво ответил Эрт. — В том-то все и дело. Во второй половине XVI века европейские ученые латинизировали свои имена. Клау тоже поступил так. Вместо немецкого «U» он поставил латинское «V». Затем он добавил характерное для латинских имен окончание «ius», и Кристофор Клау превратился в Кристофора Клавиуса, а я думаю, вам известен гигантский кратер, который мы называем «Клавиус».

— Не… — начал было Дэйвенпорт.

— Не перебивайте меня, — сказал Эрт. — Скажу только, что латинское слово «кеу» означает на нашем языке «ключ». Теперь вы наконец видите двойную игру слов на обоих языках? Клау — ключ, Клавиус — клавис — ключ. За всю свою жизнь Дженнингс не смог бы придумать такого каламбура, не имей он в руках Прибора. Но он придумал наконец этот блестящий каламбур и встретил свою смерть чуть ли не торжествующе. Вас он направил ко мне только потому, что знал, что я вспомню его склонность к игре слов, поскольку я сам ее любил.

Люди из Бюро смотрели на Эрта широко раскрытыми глазами. Он торжественно произнес:

— Я советую вам искать Прибор на затемненном склоне кратера «Клавиус», в том месте, над

которым Земля ближе всего находится к зениту.

— Вы уверены в том, что говорите, доктор Эрт? — наклонился вперед Дэйвенпорт.

— Вполне. Но даже если я и ошибусь, мне кажется, это неважно.

— Что неважно?

— Найдете вы Прибор или нет. Даже если Ультра найдут Прибор, они скорее всего не смогут им воспользоваться.

— Почему?

— Вы спросили меня, был ли Дженнингс моим студентом. Но вы не спросили о Штраусе, который тоже учился у меня. На следующий год после Дженнингса. Я его хорошо помню.

— .-?

— Неприятный человек. Очень холодный. Я думаю, это отличительное качество всех Ультра. Они все очень холодны, бесстрастны и уверены в себе. Они не способны испытывать глубокие чувства: в противном случае они не замышляли бы уничтожение людей. Их чувства холодны и эгоистичны. Они не способны установить контакт с другими человеческими существами.

— Кажется, я понимаю.

— Я уверен, что понимаете. Из восстановленного разговора мы поняли, что Штраус не мог

управлять прибором. Ему недоставало трепета, у него вообще не было никаких эмоций. То же будет и с остальными Ультра. Дженнингс мог управлять Прибором, ведь он не был Ультра. Человек, который сможет управлять им, по-моему, не будет способен на холодную жестокость. Он может внушить другому панический ужас, как это сделал Дженнингс, но передать другому существу холодный язык цифр и вычислений, как это пытался сделать Штраус, ему не удастся. Выражаясь банально, можно сказать, что управлять Прибором может лишь Любовь и никогда — Ненависть. Ультра же способен только на ненависть.

Ночь, которая умирает
(Пер. с англ. С. Васильевой)
I

Это отчасти походило на заранее организованную встречу бывших соучеников, и хотя их свидание было безрадостным, поначалу ничто не предвещало трагедии.

Эдвард Тальяферро, только что прибывший с Луны, встретился с двумя своими бывшими однокашниками в номере Стенли Конеса. Когда он вошел, Конес встал и сдержанно поздоровался с ним, а Беттерсли Райджер ограничился кивком.

Тальяферро осторожно опустил на диван свое большое тело, ни на миг не переставая ощущать его непривычную тяжесть. Его пухлые губы, обрамленные густой растительностью, скривились, лицо слегка передернулось.

В этот день они уже успели повидать друг друга, правда, в официальной обстановке. А сейчас встретились без посторонних.

— В некотором смысле это знаменательное событие, — произнес Тальяферро. — Впервые за десять лет мы собрались все вместе. Ведь это

наша первая встреча после окончания колледжа.

По носу Райджера прошла судорога — ему перебили нос перед самым выпуском, и когда Райджер получал свой диплом астронома, его лицо было обезображено повязкой.

— Кто-нибудь догадался заказать шампанское или что там еще под стать такому торжеству? — брюзгливо проворчал он.

— Хватит! — рявкнул Тальяферро. — Первый Межпланетный съезд астрономов не повод для скверного настроения. Тем более оно неуместно при встрече друзей!

— В этом виновата Земля, — точно оправдываясь, проговорил Конес. — Все мы чувствуем себя здесь не в своей тарелке. Я вот, хоть убей, не могу привыкнуть…

Он с силой тряхнул головой, но ему не удалось согнать с лица угрюмое выражение.

— Вполне с тобой согласен, — сказал Тальяферро. — Я сам кажусь себе настолько тяжелым, что еле таскаю ноги. Однако ты, Конес, должен чувствовать себя неплохо, ведь сила тяжести на Меркурии — четыре десятых той, к которой мы когда-то привыкли на Земле, а у нас, на Луне, она составляет всего лишь шестнадцать сотых.

Остановив жестом Райджера, который по-

пытался было что-то возразить, Тальяферро продолжал:

— Что касается Цереры, то там, насколько мне известно, создано искусственное гравитационное поле в восемь десятых земного. Поэтому тебе, Райджер, куда легче освоиться на Земле, чем нам.

— Все дело в открытом пространстве, — раздраженно произнес астроном, недавно покинувший Цереру. — Никак не привыкну, что можно выйти из помещения без скафандра. На меня угнетающе действует именно это.

— Он прав, — подтвердил Конес. — Мне еще вдобавок кажется диким, как тут, на Земле, люди существуют без защиты от солнечного излучения.

У Тальяферро возникло ощущение, будто он переносится в прошлое.

«Райджер и Конес почти не изменились», — подумал он. Да и сам он тоже. Все они, естественно, стали на десять лет старше. Райджер поприбавил в весе, а на худощавом лице Конеса появилось жестковатое выражение. Однако встреться они неожиданно, он сразу узнал бы обоих.

— Не будем вилять. Мне думается, причина не в том, что мы сейчас находимся на Земле, — сказал он.

Конес метнул в его сторону настороженный взгляд. Он был небольшого роста, и одежда, которую он носил, обычно казалась для него чуть великоватой. Движения его рук были быстры и нервны.

— Ты имеешь в виду Вильерса?! — воскликнул он. — Да, я нередко его вспоминаю. — И добавил с каким-то надрывом: — Тут как-то получил от него письмо.

Райджер выпрямился, его оливкового цвета лицо еще больше потемнело.

— Ты получил от него письмо? Давно?

— Месяц назад.

— А ты? — Райджер повернулся к Тальяферро.

Тот, невозмутимо сощурив глаза, утвердительно кивнул.

— Не иначе как он сошел с ума, — заявил Райджер. — Утверждает, будто ему удалось открыть способ мгновенного перенесения любой массы на любые расстояния… Способ телепортации. Он вам писал об этом?.. Тогда все ясно. Он и прежде был с приветом, а теперь, судя по всему, свихнулся окончательно.

Райджер яростно потер нос, и Тальяферро вспомнил тот день, когда Вильерс с размаху вмазал ему кулаком в лицо.

Десять лет образ Вильерса преследовал их как смутная тень вины, хотя на самом деле им не в чем было упрекнуть себя. Тогда их было четверо, и они готовились к выпускным экзаменам. Четверо избранных, всецело посвятивших себя одному делу, осваивавших профессию, которая в этот век межпланетных полетов достигла невиданных доселе высот.

На планетах Солнечной системы, где отсутствие атмосферы создает наиболее благоприятные условия для наблюдений, строились обсерватории.

Появилась обсерватория и на Луне. Ее купол одиноко стоял посреди безмолвного мира, в небе которого неподвижно висела родная Земля.

Обсерватория на Меркурии, самая близкая к Солнцу, располагалась на северном полюсе планеты, где показания термометра почти всегда оставались одни и те же, а Солнце не меняло своего положения по отношению к горизонту, что позволяло изучать его во всех деталях.

Исследования, которые велись обсерваторией на Церере, самой молодой, а потому оборудованной по последнему слову техники, охватывали пространство от Юпитера до дальних галактик.

Работа в этих обсерваториях, безусловно, имела

свои недостатки. Люди еще не преодолели всех трудностей межпланетного сообщения, и астрономы редко проводили отпуск на Земле, а создать им нормальные условия жизни на местах пока не удавалось. Тем не менее их поколение было поколением счастливчиков. Ученым, которые придут им на смену, достанется урожай, и пока Человек не вырвется за пределы Солнечной системы, едва ли перед астрономами откроются горизонты пошире нынешних.

Каждому из четырех счастливчиков — Тальяферро, Райджеру, Конесу и Вильерсу — предстояло оказаться в положении Галилея, который, владея первым настоящим телескопом, мог в любой точке неба сделать великое открытие.

И вот тут-то Ромеро Вильерса свалил тяжелый приступ ревматизма. Кто в том виноват? Болезнь оставила ему в наследство слабое, едва справлявшееся со своей работой сердце.

Из всех четверых он был самым талантливым, самым целеустремленным, подавал самые большие надежды, а в результате даже не смог окончить колледж и получить диплом астронома. Но что хуже всего — ему навсегда запретили покидать Землю: ускорение при взлете космического корабля неминуемо убило бы его.

Тальяферро послали на Луну, Райджера — на Цереру, Конеса — на Меркурий. А Вильерс остался вечным пленником Земли.

Они пытались высказать ему свое сочувствие, но Вильерс с яростью отвергал все знаки внимания, осыпая друзей проклятиями. Однажды, когда Райджер, на миг потеряв самообладание, замахнулся на него, Вильерс с диким воплем бросился на недавнего товарища и размозжил ему нос ударом кулака.

Судя по тому, что Райджер то и дело осторожно поглаживал переносицу, этот случай не изгладился в его памяти.

Конес в нерешительности сморщил лоб, который стал от этого похож на стиральную доску.

— Он ведь тоже приехал на съезд. Ему даже предоставили номер в отеле…

— Мне б не хотелось с ним встречаться, — заявил Райджер.

— Он придет сюда в девять. Сказал, что ему необходимо нас повидать, и мне показалось… Его можно ждать с минуты на минуту.

— Если вы не против, я лучше уйду, — поднимаясь, сказал Райджер.

— Погоди! — остановил его Тальяферро. — Ну что будет, если вы встретитесь?

— Я предпочел бы уйти: не вижу смысла в нашей встрече. Он же чокнутый.

— А если и так? Будем выше этого. Ты что, боишься его?

— Боюсь?! — возглас Райджера был полон презрения.

— Хорошо, скажу иначе: тебя это волнует. Но почему?

— Я совершенно спокоен, — возразил Райджер.

— Брось, это и слепому видно. Каждый из нас чувствует себя виноватым, хотя для этого нет никаких оснований. Все произошло помимо нас.

Но в голосе Тальяферро не было уверенности — он словно перед кем-то оправдывался, сам отлично это сознавая.

В этот миг раздался звонок, все трое невольно вздрогнули и повернули головы к двери, глядя на этот барьер, который пока отделял их от Вильерса.

Дверь распахнулась, и вошел Ромеро Вильерс. Все неловко встали, чтобы поздороваться с ним, да так в замешательстве и остались стоять. Никто не протянул ему руки.

Вильерс смерил их сардоническим взглядом.

«Вот кто сильно изменился», — подумал Тальяферро.

Что правда, то правда. Тело Вильерса словно бы уменьшилось, усохло, да и сутулость не прибавляла роста. Сквозь поредевшие волосы просвечивала кожа черепа, а кисти рук оплетали вздутые синеватые вены. Он выглядел тяжелобольным, в нем ничего не осталось от того Вильерса, каким его помнили, разве что характерный жест — желая что-либо рассмотреть, он козырьком приставлял руку ко лбу, — да еще ровный сдержанный голос баритонального тембра — они его вспомнили, как только он заговорил.

— Привет, друзья! Мои шагающие по космосу друзья! Мы давно потеряли связь друг с другом, — произнес он.

— Привет, Вильерс, — отозвался Тальяферро.

Вильерс впился в него взглядом:

— Ты здоров?

— Вполне.

— И вы оба тоже?

Конес слабо улыбнулся и что-то пробормотал.

— У нас все в порядке, Вильерс. К чему ты клонишь?! — взорвался Райджер.

— Он все такой же сердитый, наш Райджер, — сказал Вильерс. — Что слышно на Церере?

— Когда я ее покидал, она процветала. А как поживает Земля?

— Сам увидишь, — сразу как-то сжавшись, ответил Вильерс и, немного помолчав, продолжал: — Надеюсь, вы прибыли на съезд, чтобы прослушать мой доклад? Я выступлю послезавтра.

— Твой доклад? Что за доклад? — удивился Тальяферро.

— Я же писал вам. Я собираюсь доложить съезду об изобретенном мною способе мгновенного перенесения массы, о так называемой телепортации.

Райджер криво улыбнулся:

— Да, ты писал об этом. Однако ни словом не обмолвился, что собираешься выступать на съезде. Кстати, я что-то не заметил твоего имени в списке докладчиков. Уж на него-то я несомненно обратил бы внимание.

— Ты прав, меня нет в списке. Я даже не подготовил тезисы для публикации.

Вильерс покраснел, и Тальяферро поспешил успокоить его:

— Будет тебе, Вильерс, пожалей нервы. У тебя нездоровый вид.

Вильерс резко повернулся к нему, губы его презрительно скривились.

— Благодарю за заботу. Мое сердце пока еще тянет.

— Послушай-ка, Вильерс, — произнес Конес, — если тебя не внесли в список докладчиков и не опубликовали тезисы, то-.

— Нет, это ты послушай. Я ждал своего часа десять лет. У вас у всех есть работа в космосе, а я вынужден преподавать в какой-то паршивой школе на Земле, и это я, который способнее всех вас, вместе взятых.

— Допустим… — начал было Тальяферро.

— Я не нуждаюсь в вашем сочувствии. Я проделал свой эксперимент на глазах у самого Мендела. Полагаю, вам знакомо это имя. Здесь, на съезде, Мендел является председателем секции астронавтики. Я продемонстрировал ему свою аппаратуру. Собранная наскоро, она сгорела после первого же эксперимента, однако… Вы меня слушаете?

— Да. Но настолько, насколько твои слова заслуживают внимания, — холодно ответил Райджер.

— Мендел даст мне возможность сделать доклад в той форме, которую я сочту удобной для себя. Бьюсь об заклад, он это сделает. Я буду говорить без предупреждения, без всякой рекламы. Я обрушусь на них, точно бомба. Как только я сообщу основную информацию, съезд закроется. Ученые тут же разбегутся по своим лабораториям, чтобы проверить мои расчеты, и с ходу начнут

монтировать аппаратуру. И они убедятся, что она действует. С ее помощью живая мышь исчезала в одном конце лаборатории и мгновенно появлялась в другом. Мендел видел это.

Он пристально посмотрел в лицо каждого:

— Я вижу, вы мне не верите.

— Если ты не хочешь, чтобы об этом изобретении стало известно до твоего выступления на съезде, почему ты решил рассказать нам о нем сегодня? — поинтересовался Райджер.

— О, вы — другое дело. Вы мои друзья, мои однокашники. Бросив меня на Земле, вы отправились в космос.

— А что нам оставалось делать? — каким-то не своим, тонким голосом возразил Конес.

Вильерс не обратил на его слова никакого внимания.

— Я желаю, чтобы вы узнали обо всем сейчас. Аппарат, проделавший такое с мышью, в принципе годен и для человека. Сила, которая может перенести предмет на расстояние в десять футов в стенах лаборатории, перенесет его и через миллионы километров космоса. Я побываю и на Луне, и на Меркурии, и на Церере — везде, где захочу. Я стану таким же, как вы. Я превзойду вас. Хочу заметить, что уже теперь я, школьный учитель,

сделал больший вклад в астрономию, чем все вы, вместе взятые, с вашими обсерваториями, телескопами, фотокамерами и космическими кораблями.

— Лично меня это только радует, — сказал Тальяферро. — Желаю тебе успеха. А нельзя ли ознакомиться с твоим докладом?

— О нет! — Вильерс прижал руки к груди, словно пытаясь защитить от посторонних взглядов невидимые листы с записями. — Вы будете ждать, как все остальные. Существует всего лишь один экземпляр моего доклада, и никто не увидит его до тех пор, пока он не будет зачитан. Никто. Даже Мендел.

— Один экземпляр! — воскликнул Тальяферро. — А если ты потеряешь его?

— Этого не случится. А если даже с ним что-либо произойдет, это не катастрофа — я все помню наизусть.

— Но если ты… — Тальяферро чуть было не сказал «умрешь», но вовремя спохватился и после едва заметной паузы закончил фразу: —…не последний дурак, ты должен на всякий случай хотя бы заснять текст на пленку.

— Нет, — отрезал Вильерс. — Вы услышите меня послезавтра и станете свидетелями того, как

в мгновение ока перед человеком распахнутся необъятные дали, беспредельно расширяться его возможности.

Он еще раз внимательно посмотрел в глаза каждому.

— Подумать только, прошло целых десять лет, — произнес он. — До свидания.

— Он рехнулся! — взорвался Райджер, глядя на захлопнувшуюся дверь с таким выражением, будто там еще стоял Вильерс.

— В самом деле? — задумчиво отозвался Тальяферро. — Пожалуй, отчасти ты прав. Он ненавидит нас вопреки разуму, не имея на то никаких оснований. К тому же как еще можно расценить тот факт, что он отказывается сфотографировать свои записи — ведь это необходимо сделать из простой предосторожности…

Произнося последнюю фразу, Тальяферро вертел в руках собственный микрофотоаппарат. Это был ничем не примечательный небольшой цилиндрик чуть толще и короче обычного карандаша. В последние годы такой аппарат стал непременным атрибутом каждого ученого. Скорее можно было представить врача без фонендоскопа или статистика без микрокалькулятора, чем ученого без такого фотоаппарата. Обычно

его носили в нагрудном кармане пиджака или специальным зажимом прикрепляли к рукаву, иногда закладывали за ухо, а у некоторых он болтался на шнурке, обмотанном вокруг пуговицы.

Порой, когда на него находило философское настроение, Тальяферро пытался осмыслить, как в былые времена ученые могли тратить столько времени и сил на выписки из трудов своих коллег или на подборку литературы — огромных фолиантов, отпечатанных типографским способом. До чего же это было громоздко! Теперь же достаточно было сфотографировать любой печатный или написанный от руки текст, а в свободное время без труда проявить пленку. Тальяферро уже успел снять тезисы всех докладов, заключенных в программу съезда. И он не сомневался, что двое его друзей поступили точно так же.

— Во всех случаях отказ сфотографировать записи смахивает на бред душевнобольного, — сказал Тальяферро.

— Клянусь космосом, никаких записей не существует! — в сердцах воскликнул Райджер. — Так же как не существует никакого изобретения! Он готов на любую ложь, только бы вызвать в нас зависть и хоть недолго потешить свое самолюбие.

— Допустим. Но тогда как он послезавтра вы-

крутится? — спросил Конес.

— Почем я знаю? Он же сумасшедший.

Тальяферро все еще машинально поигрывал фотоаппаратом, лениво размышляя, не заняться ли ему проявлением кое-каких микропленок, которые находились в специальной кассете, но решил отложить это занятие до более подходящего времени.

— Вы недооцениваете Вильерса. Он очень умен, — сказал он.

— Возможно, десять лет назад так оно и было, — возразил Райджер, — а сейчас он — форменный идиот. Я предлагаю раз и навсегда забыть о его существовании.

Он говорил нарочито громко, как бы стараясь изгнать тем самым все воспоминания о Вильерсе и обо всем, что с ним связано. Он начал рассказывать о Церере и о своей работе, заключавшейся в прощупывании Млечного пути с помощью новых радиоскопов.

Конес, внимательно слушая, время от времени кивал головой, а затем сам пустился в пространные рассуждения о радиационном излучении солнечных пятен и о своем собственном научном труде, который вот-вот должен выйти. Темой его было исследование связи между протонными

бурями и гигантскими вспышками на солнечной поверхности.

Что касается Тальяферро, то ему в общем-то рассказывать было не о чем. По сравнению с работой бывших однокашников деятельность Лунной обсерватории была лишена романтического ореола. Последние данные о составлении метеорологических сводок на основе непосредственных наблюдений за воздушными потоками в околоземном пространстве не выдерживали никакого сравнения с радиоскопами и протонными бурями. К тому же его мысли все время возвращались к Вильерсу. Вильерс действительно был очень умен. Все они знали это. Даже Райджер, который все время лез в бутылку, не мог не сознавать, что если телепортация в принципе возможна, то по всем законам логики именно Вильерс мог открыть способ ее осуществления.

Из обсуждения их собственной научной деятельности напрашивался печальный вывод, что никто из друзей не внес в науку сколько-нибудь значительного вклада. Тальяферро внимательно следил за новинками специальной литературы и не питал на этот счет никаких иллюзий. Сам он печатался мало, да и те двое не могли похвастаться трудами, содержащими сколь-нибудь важные

научные открытия.

Приходилось признать, что никто из них не произвел переворота в науке об изучении космоса. То, о чем они самозабвенно мечтали в годы учебы, так и не свершилось. Из них получились просто знающие свое дело труженики. Этого у них не отнимешь, но, увы, и большего о них не скажешь, и они отлично сознавали это.

Другое дело — Вильерс. Они не сомневались, что он намного обогнал бы их В этом-то и крылась причина их неприязни, которая углублялась еще и невольным чувством вины перед бывшим товарищем.

В глубине души Тальяферро был уверен, что вопреки всему Вильерсу еще предстоит великое будущее, и эта мысль лишала его покоя.

Райджер и Конес, несомненно, были того же мнения, и сознание собственной заурядности могло вскоре перерасти в невыносимые муки уязвленного самолюбия. Если по ходу доклада выяснится, что Вильерс на самом деле открыл способ телепортации, он станет признанным гением и произойдет то, что было ему предопределено с самого начала, а его бывших соучеников, несмотря на все их заслуги, предадут забвению. Им достанется всего лишь роль простых зри-

телей, затерявшихся в толпе, которая до небес превознесет великого ученого.

Тальяферро почувствовал, как душа его корчится от зависти. Ему было стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

Разговор постепенно угасал.

— Послушайте, а почему бы нам не заглянуть к старине Вильерсу? — отводя глаза, спросил Конес.

Он пытался говорить тепло и непринужденно, но его фальшивая сердечность никого не могла обмануть.

— К чему эта вражда?.. Какой в ней смысл?..

«Конес хочет выяснить, правда ли то, о чем нам сказал Вильерс, — подумал Тальяферро. — Пока он еще не теряет надежды, что это всего лишь бред сумасшедшего, и хочет убедиться в этом немедленно, иначе ему сегодня не заснуть».

Но Тальяферро и сам сгорал от любопытства, а потому не стал возражать против предложения Конеса, и даже Райджер, неловко пожав плечами, сказал:

— Черт возьми, это неплохая идея.

Было около одиннадцати вечера.

Тальяферро разбудил настойчивый звонок в дверь. Мысленно проклиная того, кто посмел

нарушить его сон, он приподнялся на локте. С потолка лился мягкий свет индикатора времени — еще не было четырех.

— Кто там?! — крикнул Тальяферро.

Прерывистые резкие звонки не умолкали.

Тальяферро ворча набросил халат. Он открыл дверь, и яркий свет, хлынувший из коридора, заставил его на секунду зажмуриться. Лицо стоявшего перед ним человека было ему хорошо знакомо по часто попадавшимся на глаза трехмерным фотографиям.

— Мое имя — Хьюберт Мендел, — отрывистым шепотом представился тот.

— Знаю, — сказал Тальяферро.

Мендел был одним из крупнейших астрономов современности, достаточно выдающимся, чтобы занимать важный пост во Всемирном бюро астронавтики, и достаточно деятельным, чтобы стать председателем секции астронавтики нынешнего съезда.

Тальяферро вдруг вспомнил, что, по словам Вильерса, именно Менделу демонстрировал он свой опыт по перенесению массы. Мы ль о Вильерсе окончательно отогнала сон.

— Вы доктор Эдвард Тальяферро?

— Да, сэр.

— Одевайтесь. Вы пойдете со мной. Произошло очень важное событие, которое касается одного нашего общего знакомого.

— Доктора Вильерса?

Веки Мендела слегка дрогнули. На редкость светлые брови и ресницы делали его глаза какими-то странно незащищенными. У него были мягкие редкие волосы. На вид ему было лет пятьдесят.

— Почему вы назвали Вильерса? — спросил он.

— Он упомянул вчера вечером ваше имя. Кроме него, я не могу вспомнить ни одного человека, с которым мы были бы знакомы оба.

Мендел кивнул и, подождав, пока Тальяферро оденется, вышел следом за ним в коридор. Райджер и Конес ожидали их в номере этажом выше. В покрасневших глазах Конеса застыло тревожное выражение. Нетерпеливо затягиваясь, Райджер курил сигарету.

— Вот мы и снова вместе. Еще один вечер встречи, — произнес Тальяферро, но его острота повисла в воздухе.

Он сел, и все трое молча уставились друг на друга. Райджер пожал плечами.

Глубоко засунув руки в карманы, Мендел зашагал взад-вперед по комнате.

— Господа, я приношу свои извинения за причиненное вам беспокойство, — начал он, — и благодарю за то, что вы не отказали мне в моей просьбе. Но я жду от вас большего. Дело в том, что около часа назад умер наш общий друг Ромеро Вильерс. Тело его уже увезли из отеля. Врачи считают, что смерть произошла от острой сердечной недостаточности.

Воцарилось напряженное молчание. Райджер попытался было поднести ко рту сигарету, но его рука остановилась на полпути и медленно опустилась.

— Вот бедняга, — произнес Тальяферро.

— Какой ужас, — хрипло прошептал Конес. — Он был..

Слова замерли у него на губах.

— Что поделать, у него было больное сердце, — стряхивая с себя оцепенение, произнес Райджер.

— Следует уточнить кое-какие детали, — спокойно возразил Мендел.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Райджер.

— Когда все вы видели его в последний раз? — поинтересовался Мендел.

— Вчера вечером, — ответил Тальяферро. — Мы встретились как бывшие однокашники — до

этого дня мы не видели друг друга десять лет. К сожалению, не могу сказать, что это была приятная встреча.

Вильерс считал, что у него имелись основания быть в обиде на нас, и он очень раскипятился.

— И в котором часу это произошо?

— Первая встреча состоялась около девяти вечера.

— Первая?

— Позже мы повидались еще раз.

— Он ушел очень возбужденным, — взволнованно объяснил Конес. — Мы не могли примириться с этим и решили попробовать объясниться с ним начистоту. Ведь когда-то мы были друзьями. Поэтому мы отправились к нему в номер…

— Вы пошли к нему все вместе? — быстро спросил Мендел.

— Да, — с удивлением ответил Конес.

— В котором часу это было?

— Что-то около одиннадцати. — Конес обвел взглядом остальных. Тальяферро кивнул.

— И как долго вы оставались у него?

— Не больше двух минут, — сказал Райджер. — Он велел нам убираться вон. Похоже, он вообразил, будто мы явились отнять у него его записи. — Он остановился, как бы ожидая, что

Мендел поинтересуется, о каких записях идет речь, но тот промолчал, и Райджер продолжил:
— Мне кажется, Вильерс хранил эти записи под подушкой, потому что, выгоняя нас, он как-то странно пытался прикрыть ее телом.

— Возможно, как раз в ту минуту он уже умирал, — с трудом прошептал Конес.

— Тогда еще нет, — решительно сказал Мендел. — Раз вы были у него в номере, значит, там, вероятно, остались отпечатки ваших пальцев.

— Не исключено, — согласился Тальяферро.

Его почтительное отношение к Менделу постепенно сменялось нетерпением: было четыре часа утра и плевать он хотел на то, Мендел это или кто другой.

— Может, вы наконец скажете, что означает этот допрос? — спросил он.

— Так вот, господа, — произнес Мендел, — я собрал вас не только для того, чтобы сообщить о смерти Вильерса. Необходимо выяснить ряд обстоятельств. Насколько мне известно, существовал всего один экземпляр его записей. Как оказалось, этот единственный экземпляр был вложен кем-то в окуркосжигатель и от него остались лишь обгоревшие клочки. Я не читал этих записей и даже никогда их не видел, но доста-

точно знаком с открытием Вильерса, чтобы, если понадобится, подтвердить на суде под присягой, что найденные обрывки бумаги с сохранившимся на них текстом являются остатками того самого доклада, который он должен был сделать на съезде… Кажется, у вас, доктор Райджер, есть на этот счет какие-то сомнения. Правильно ли я вас понял?

— Я далеко не уверен, собирался ли он всерьез выступать с докладом, — кисло улыбнулся Райджер. — Если хотите знать мое мнение, сэр, Вильерс был душевнобольным. В течение десяти лет он в отчаянии бился о преграду, возникшую между ним и космосом, и в результате им овладела фантастическая идея мгновенного перенесения массы, — идея, в которой он увидел свое единственное спасение, единственную цель жизни. Ему удалось путем каких-то махинаций продемонстрировать эксперимент. Кстати, я не утверждаю, что он старался надуть вас умышленно. Он мог быть с вами искренен и в своей искренности безумен. Вчера вечером кипевшая в его душе буря достигла своей кульминации. Он возненавидел нас за то, что нам посчастливилось работать на других планетах, и пришел к нам, чтобы, торжествуя, показать свое превос-

ходство над нами. Для этой минуты он и жил все прошедшие десять лет. Потрясение от встречи с нами могло в какой-то мере вернуть ему разум, и Вильерс понял, что на самом деле он — полный банкрот, что никакого открытия не существует. Поэтому он сжег записи, и сердце его, не выдержав такого напряжения, остановилось. Как же все это скверно!

Лицо внимательно слушавшего Мендела выражало глубокое неодобрение.

— Ваша версия звучит очень складно, — сказал он, — но вы не правы. Меня, как это вам, вероятно, кажется, не так-то легко провести, демонстрируя мнимый опыт. А теперь я хочу выяснить кое-что еще. Согласно книге регистрации, вы, все трое, являетесь соучениками Вильерса по колледжу. Это верно?

Они кивнули.

— Есть ли среди приехавших на съезд ученых еще кто-нибудь, кто когда-то учился с вами в одной группе?

— Нет, — ответил Конес. — В год нашего выпуска только нам четверым должны были дать диплом астронома. Он тоже получил бы его, если б..

— Да-да, я знаю, — перебил его Мендел. — В

таком случае кто-то из вас троих побывал еще один раз в номере Вильерса в полночь.

Его слова были встречены молчанием.

— Только не я, — наконец холодно произнес Райджер.

Конес, широко раскрыв глаза, отрицательно покачал головой.

— На что вы намекаете? — спросил Тальяферро.

— Один из вас пришел к Вильерсу в полночь и стал настаивать, чтобы тот показал ему свои записи. Мне не известны мотивы, которые двигали этим человеком. Возможно, все делалось с заранее продуманным намерением довести Вильерса до такого состояния, которое неизбежно приведет к смерти. Когда Вильерс потерял сознание, преступник — будем называть вещи своими именами, — не теряя времени, завладел рукописью, которая действительно могла быть спрятана под подушкой, и сфотографировал ее. После этого он уничтожил рукопись в окуркосжигателе, но в спешке не успел сжечь бумагу до конца.

— Откуда вам известно, что там произошло? — перебил его Райджер. — Можно подумать, что вы при этом присутствовали.

— Вы не далеки от истины, — ответил Мен-

дел. — Случилось так, что Вильерс, потеряв сознание в первый раз, вскоре очнулся Когда преступник ушел, ему удалось доползти до телефона, и он позвонил мне в номер. Он с трудом выдавил из себя несколько слов, но этого достаточно, чтобы представить, как развернулись события. К несчастью, меня в это время в номере не было: я задержался на конференции. Однако все, что пытался мне сообщить Вильерс, было записано на пленку. Я всегда, придя домой или на работу, первым делом включаю запись телефонного секретаря. Такая уж у меня бюрократическая привычка. Я сразу позвонил ему, но он не отозвался.

— Тогда кто же, по его словам, там был? — спросил Райджер.

— В том-то и беда, что он этого не сказал. Вильерс говорил с трудом, невнятно, и все разобрать оказалось невозможно. Но одно слово Вильерс произнес совершенно отчетливо. Это слово — «однокашник».

Тальяферро достал из внутреннего кармана пиджака свой фотоаппарат и протянул его Менделу.

— Пожалуйста, можете проявить мои пленки, — спокойно сказал он. — Я не возражаю. Записей Вильерса вы здесь не найдете.

Конес последовал его примеру. Нахмурившись, то же самое сделал и Райджер.

Мендел взял все три аппарата и холодно сказал:

— Полагаю, что тот из вас, кто это совершил, уже успел сменить пленку, но все же..

Тальяферро пренебрежительно поднял брови:

— Можете обыскать меня и номер, в котором я остановился.

С лица Райджера не сходило выражение недовольства.

— Погодите-ка минутку, черт вас дери. Вы что, служите в полиции?

Мендел удивленно взглянул на него.

— А вам очень хочется, чтобы вмешалась полиция? Вам нужен скандал и обвинение в убийстве? Вы хотите сорвать работу съезда и дать мировой прессе сведения, воспользовавшись которыми, она смешает астрономов и астрономию с грязью? Смерть Вильерса вполне можно объяснить естественными причинами. У него на самом деле было больное сердце. Предположим, тот из вас, кто был у него в полночь, действовал под влиянием импульса и совершил преступление непреднамеренно. Если этот человек вернет пленку, нам удастся избежать больших непри-

ятностей.

— ***И*** преступник не понесет никакого наказания? — спросил Тальяферро.

Мендел пожал плечами.

— Я не стану обещать, что он выйдет сухим из воды, но, как бы там ни было, если он вовремя сознается, ему не грозит публичное бесчестье и пожизненное тюремное заключение, что произойдет неизбежно, если мы заявим в полицию.

Никто не проронил ни слова.

— Это сделал один из вас, — произнес Мендел.

Снова молчание.

— Я думаю, мне понятны соображения, которыми руководствовался виновный, и я попытаюсь их вам обрисовать. Рукопись уничтожена. Только мы четверо знаем об открытии Вильерса, и только один я присутствовал при эксперименте. Скажу больше — единственным доказательством того, что я был свидетелем этого эксперимента, являются слова самого Вильерса — человека, который, возможно, страдал психическим расстройством. Поскольку Вильерс умер от сердечной недостаточности, а его записи уничтожены, легко можно будет поверить в гипотезу доктора Райджера, который утверждает, что не существует и никогда не существовало никакого способа телепорта-

ции. Через один-два года наш преступник, в руках которого находится рукопись Вильерса, начнет постепенно использовать ее, причем не скрываясь, публично. Он будет ставить опыты, осторожно выступать в печати с соответствующими статьями, и дело кончится тем, что именно он окажется автором этого открытия, прославится и получит немалые деньги. Даже его бывшие соученики, и те ничего не заподозрят. В крайнем случае они решат, что давнишняя история с Вильерсом побудила его начать исследования в этой области. Но не более.

Мендел пристально всматривался в их лица.

— Но теперь у него ничего не выйдет. Любой из вас, кто когда-либо осмелится от своего имени опубликовать данные о способе телепортации, тем самым объявит себя преступником. Я присутствовал при опыте и уверен, что там не было подтасовки. Я знаю, что у одного из вас находится пленка, на которой заснята рукопись Вильерса. Как видите, эта рукопись теперь потеряла для вас ценность. Отдайте же мне эту пленку.

Молчание.

Мендел направился к двери, но, прежде чем уйти, еще раз обернулся к ним:

— Я буду вам очень признателен, если вы оста-

нетесь здесь до моего возвращения. Я вас долго не задержу. Надеюсь, что виновный воспользуется этим перерывом в наших переговорах и обдумает свое дальнейшее поведение.

Если он опасается, что, сознавшись, потеряет работу, пусть вспомнит, что при встрече с полицией его подвергнут зондированию памяти и он лишится свободы.

Взвесив на руке три фотоаппарата, Мендел добавил:

— Я проявлю эти пленки.

Он выглядел мрачным и невыспавшимся.

— А что, если мы сбежим в ваше отсутствие? — с вымученной улыбкой спросил Конес.

— Только у одного из вас есть к этому основания, — сказал Мендел. — Мне думается, я вполне могу положиться на двух невиновных. Они проследят за третьим — хотя бы во имя собственных интересов.

И он ушел.

Было пять часов утра.

— Проклятая история! Я хочу спать! — воскликнул Райджер, бросив взгляд на часы.

— При желании мы можем поспать и здесь, — философски заметил Тальяферро. — Кто-нибудь собирается сознаться в содеянном?

Конес отвел взгляд, Райджер презрительно скривил губы.

— Я так и думал. — Тальяферро закрыл глаза и, откинув свою массивную голову не спинку кресла, устало произнес: — Там, на Луне, сейчас период бездействия. Когда ночь, а она у нас длится две недели, работы хоть отбавляй. Но с наступлением лунного дня в течение двух недель не заходит Солнце, и нам остается только заседать да заниматься расчетами и поисками корреляций. Это тяжелое время. Я его ненавижу. Если б там было побольше женщин и если б мне посчастливилось вступить с одной из них в более или менее длительную связь…

Конес шепотом принялся рассказывать о том, что на Меркурии до сих пор не удается рассмотреть в телескоп весь солнечный диск — какая-то часть его постоянно скрыта за горизонтом. Правда, если еще на две мили удлинят дорогу, можно будет передвинуть обсерваторию, но для этого придется провернуть колоссальную работу, используя солнечную энергию. Только тогда Солнце полностью откроется для наблюдений. Он уверен, что в конце концов это будет сделано.

Вскоре к их бормотанию присоединился голос Райджера, который, не выдержав, начал рас-

сказывать о Церере. Работа там осложнялась слишком кратким периодом обращения Цереры вокруг своей оси, который длился всего лишь два часа. Благодаря этому звезды проносятся по небу с угловой скоростью, в двенадцать раз превышающей скорость движения звезд на земном небосклоне. Поэтому пришлось создать настоящую цепь приборов, состоящую из трех телескопов, трех радиоскопов и прочей аппаратуры, чтобы они по очереди вели наблюдения.

— Почему вы не используете один из полюсов? — спросил Конес.

— Ты подходишь к вопросу, исходя из условий, к которым привык на Меркурии, — нетерпеливо возразил Райджер. — Даже на полюсах небо там напоминает водоворот… К тому же половина его всегда скрыта от наблюдений. Если б Церера, подобно Меркурию, была обращена с Солнцу только одной стороной, мы имели бы над головой относительно стабильное небо, картина которого менялась бы полностью раз в три года.

За окном постепенно серело, медленно наступал рассвет.

Тальяферро задремал, усилием воли не позволяя сознанию отключиться полностью. Он опасался заснуть, пока бодрствуют остальные. У

него мелькнуло, что все они сейчас задают себе один и тот же вопрос: «Кто? Кто же из нас?» Все — за исключением виновного.

Вошел Мендел, и Тальяферро быстро открыл глаза. Видимый из окна кусок неба принял голубой оттенок.

Тальяферро был рад, что окно плотно закрыто. В отеле, конечно, имелось кондиционирование, но те из жителей Земли, которые питали, с его точки зрения, странное пристрастие к свежему воздуху, в теплую погоду открывали окна. Тальяферро, который никак не мог забыть об окружающем Луну безвоздушном пространстве, при одной мысли об этом содрогнулся от ужаса.

— Кто-нибудь из вас желает что-то сказать? — спросил Мендел.

Все молча смотрели на него, а Райджер отрицательно покачал головой.

— Я проявил пленки, господа, и ознакомился с заснятым вами материалом. — Мендел бросил на кровать аппараты и проявленные пленки. — И ничего не обнаружил! Боюсь, что у вас теперь будут трудности с монтажом. Приношу вам за это свои извинения. Вопрос о пропавшей пленке остается открытым.

— Если она вообще существует, — широко зев-

нув, заметил Райджер.

— Господа, я предлагаю спуститься в номер Вильерса, — сказал Мендел.

— Зачем? — испуганно воскликнул Конес.

— Не собираетесь ли вы пустить в ход испытанный психологический прием — привести виновного на место преступления, чтобы раскаяние в содеянном заставило его сознаться? — ехидно поинтересовался Тальяферро.

— Цель, с которой я приглашаю вас в номер Вильерса, далеко не столь мелодраматична. Я просто хотел бы, чтобы двое невиновных помогли мне найти пропавшую пленку.

— Вы считаете, что она находится именно там? — вызывающе спросил Райджер.

— Вполне возможно. Наше расследование только начинается. Потом мы обыщем и ваши номера. Симпозиум по астронавтике не начнется раньше десяти часов завтрашнего утра, и нам нужно уложиться в оставшееся время.

— А если мы до тех пор ничего не выясним?

— Тогда мы обратимся за помощью к полиции.

Они осторожно вошли в номер Вильерса. Райджер покраснел, Конес был очень бледен. Тальяферро пытался сохранять спокойствие.

Прошлой ночью они видели комнату при ис-

кусственном освещении. Тогда озлобленный растрепанный Вильерс, судорожно обхватив руками подушку и устремив на них полный ненависти взгляд, потребовал, чтобы они убирались вон. Сейчас здесь едва уловимо пахло смертью.

Чтобы улучшить освещение, Мендел занялся оконным поляризатором, и в помещение хлынули лучи восходящего солнца.

Конес быстрым движением закрыл рукой глаза.

— Солнце! — воскликнул он так, что остальные замерли. Лицо его исказил неподдельный ужас, словно он вдруг взглянул незащищенными глазами на то Солнце, которое мгновенно ослепляет в условиях Меркурия.

Вспомнив собственное — отношение к возможности выходить из помещения без скафандра, Тальяферро скрипнул зубами. Те десять лет, которые они провели вне Земли, изрядно деформировали их психику.

Конес бросился к окну, ощупью отыскивая рычаг поляризатора, но тут воздух с шумом вырвался из его груди, и он окаменел.

— Что случилось? — кинувшись к нему, спросил Мендел. Остальные последовали за ним.

Далеко внизу, простираясь до самого горизон-

та, лежала каменно-кирпичная громада города, контуры его четко прорисовывались в лучах восходящего солнца. Сейчас он был обращен к ним своей теневой стороной. Тальяферро исподтишка окинул эту картину тревожным взглядом.

Конес, грудь которого стеснило настолько, что он не мог даже вскрикнуть, не отрываясь смотрел на что-то, находившееся совсем близко.

Снаружи на подоконнике лежал дюймовый кусочек светло-серой пленки, которого коснулись первые лучи солнца. Уголок ее, попавший в трещину, пока еще оставался в тени. Вскрикнув, Мендел в ярости распахнул окно и схватил пленку. Бережно прикрыв ее рукой, он приказал:

— Ждите меня здесь!

Говорить им было не о чем. Когда Мендел ушел, они сели и молча уставились друг на друга.

Мендел вернулся через двадцать минут.

— Та небольшая часть пленки, что находилась в трещине, не успела засветиться, и мне удалось разобрать несколько слов. На эту пленку действительно кто-то заснял рукопись Вильерса. Остальные записи навсегда погибли, и спасти их невозможно. Открытия Вильерса больше не существует, — спокойно произнес Мендел.

Он был настолько потрясен, что его эмоции уже

были за гранью их внешнего проявления.

— Что же дальше? — спросил Тальяферро.

Мендел устало пожал плечами.

— Мне теперь все безразлично — ведь способ телепортации опять стал для человека нерешенной задачей, пока кто-нибудь, обладающий такими же блестящими способностями, как Вильерс, не откроет его заново. Я сам займусь этой проблемой, но я не питаю никаких иллюзий относительно собственных возможностей. Мне кажется, что, поскольку открытия Вильерса больше не существует, не имеет значения, кто из вас в этом виноват. Что даст нам дальнейшее расследование?

Отчаяние Мендела было настолько глубоко, что он весь сник.

— Нет, постойте, — раздался твердый голос Тальяферро. — В ваших глазах каждый из нас троих останется на подозрении. В том числе и я. Вы занимаете высокое положение, и у вас для меня никогда не найдется доброго слова. Меня можно будет обвинить в некомпетентности, а то и приклеить ярлык похуже. Я не желаю, чтобы мою карьеру погубил призрак недоказанной вины. Поэтому я предлагаю довести расследование до конца.

— Я не следователь, — устало возразил Мендел.

— Тогда, черт возьми, пригласите полицию.

— Минутку, Тал, не намекаешь ли ты на то, что преступление совершил я? — спросил Райджер.

— Я только хочу доказать свою невиновность.

— Если мы обратимся в полицию, каждого из нас подвергнут зондированию памяти! — в ужасе воскликнул Конес. — А это может привести к нарушению мозговой деятельности.

Мендел высоко поднял руки.

— Господа! Прошу вас, давайте обойдемся без склок! Осталась еще единственная возможность избежать вмешательства полиции. Вы правы, доктор Тальяферро. Было бы несправедливо по отношению к невиновным оставить вопрос открытым.

Повернувшиеся к нему лица отражали недоверие и враждебность.

— Что вы хотите нам предложить? — спросил Райджер.

— У меня есть друг по имени Уэнделл Эрт. Быть может, вы слышали о нем, а если и нет, это сейчас не имеет значения. Так или иначе, я постараюсь устроить, чтобы сегодня вечером он нас принял.

— Какой в этом смысл? — с неприязнью спро-

сил Тальяферро. — Что это нам даст?

— Он странный человек, — неуверенно произнес Мендел. — Очень странный. И в своем роде гениальный. Ему не раз приходилось помогать полиции, и кто знает, вдруг сейчас удастся помочь и нам.

2

Когда они вошли в комнату, Эдвард Тальяферро не смог побороть глубочайшего изумления, которое в нем вызывали и само помещение, и находившийся в нем человек. Казалось, и то и другое существовало в полной изоляции от окружающего и являлось частью какого-то иного, непонятного мира. Ни один земной звук не проникал сюда через мягкую обивку лишенных окон стен. Свет и воздух Земли заменяли искусственное освещение и система кондиционирования.

В этой большой, тонувшей в полумраке комнате царил немыслимый беспорядок. Они с трудом пробрались между разбросанными по полу предметами к дивану, с которого сгребли и свалили рядом в кучу микропленки с книжными текстами.

У хозяина комнаты было большое круглое лицо

и приземистое шарообразное тело. Он быстро передвигался на своих коротких ножках, так энергично вертя во все стороны головой, что очки едва удерживались на том крохотном бугорке, который был его носом. Усевшись наконец за письменный стол — единственное достаточно освещенное место, он устремил на них добродушный взгляд своих выпуклых близоруких глаз, полускрытых тяжелыми веками.

— Я очень рад вашему приходу, господа, и прошу извинить за беспорядок, — он взмахнул короткопалой рукой. — Сейчас я занимаюсь составлении каталога собранных мною объектов внеземного происхождения, которые имеют огромное значение для науки. Это колоссальная работа. Вот, например…

Он вскочил с места и стал рыться в куче каких-то непонятных предметов, в беспорядке сваленных возле письменного стола, и вскоре извлек дымчато-серый полупрозрачный цилиндр неправильной формы.

— Может оказаться, что этот цилиндр с Каллисто является наследием неведомой нам внеземной культуры. Вопрос о его происхождении еще окончательно не решен. Таких цилиндров было найдено не больше дюжины, и из всех известных

мне образцов данный экземпляр — самый совершенный по форме.

Он небрежно отбросил его в сторону, и Тальяферро вздрогнул.

— Цилиндр сделан из небьющегося материала, — сказал толстяк и проворно уселся обратно за свой стол; его крепко прижатые к животу руки поднимались и опускались в такт дыханию. — Так чем же я могу быть вам полезен? — спросил он.

Пока Мендел представлял их хозяину, Тальяферро упорно старался вспомнить, откуда ему знакомо имя Уэнделл Эрт. Несомненно, это был тот самый Уэнделл Эрт, который написал недавно опубликованный труд под названием «Сравнительное исследование эволюционных процессов на водно-кислородных планетах», однако в сознании как-то не укладывалось, что это был именно он.

— Доктор Эрт, не вы ли являетесь автором «Сравнительного исследования эволюционных процессов»? — не выдержав, спросил он.

Лицо Эрта расплылось в блаженной улыбке.

— Вы читали эту книгу?

— Нет, но…

Радостный блеск в глазах Эрта мгновенно по-

гас, уступив место осуждению.

— Тогда вам необходимо ее прочесть сейчас же, немедленно. У меня есть здесь один экземпляр…

Он снова вскочил со стула, но тут вмешался Мендел:

— Подождите, Эрт, не все сразу. Мы пришли к вам по серьезному вопросу.

Он почти насильно заставил Эрта сесть и быстро стал излагать суть дела, как бы боясь, чтобы тот не перебил его, снова увлекшись какой-нибудь посторонней темой. Предельная лаконичность, с которой Мендел обрисовал события, заслуживала восхищения.

Лицо Эрта побагровело. Он нервно схватил очки и прочно укрепил их на носу.

— Мгновенное перенесение массы! — воскликнул он.

— Я видел это собственными глазами, — подтвердил Мендел:

— А мне ни звука не сказали!

— Я поклялся хранить тайну. Как я уже отметил, изобретатель был… не без странностей.

— Как же вы могли позволить, чтобы такое ценное открытие осталось в распоряжении заведомого чудака? В крайнем случае, чтобы получить необходимые сведения, надо было под-

вергнуть его зондированию памяти.

— Это бы его убило, — запротестовал Мендел.

Но Эрт, прижав ладони к щекам и в отчаянии раскачиваясь взад и вперед, продолжал:

— Телепортация! Единственный пригодный для нормального цивилизованного человека способ передвижения. Единственно возможный способ! Если б я только знал! Если б я только был в отеле! Но, увы, он почти в тридцати милях отсюда.

— Насколько мне известно, — раздраженно перебил эту тираду Райджер, — между вашим домом и отелем существует регулярное воздушное сообщение. У вас ушло бы на дорогу десять минут.

Тело Эрта вдруг напряглось, и, бросив на Райджера какой-то странный взгляд, он вскочил с места и опрометью выбежал из комнаты.

— Что за черт! — воскликнул Райджер.

— Проклятие, я должен был предупредить вас, — пробормотал Мендел.

— О чем?

— У доктора Эрта есть свой пунктик — он никогда не пользуется никакими транспортными средствами. Он всегда ходит пешком.

— Но ведь он, насколько я понимаю, занимается

изучением жизни на других планетах, — щурясь в полумраке, заметил Конес.

Тальяферро, который минуты две назад поднялся с дивана, стоял теперь перед укрепленной на пьедестале чечевицеобразной моделью Галактики, устремив взгляд на мерцающее сияние звездных систем. Никогда в жизни ему не приходилось видеть такую большую и так тщательно выполненную модель.

— Верно. Но он ни разу не посетил ни одной из тех планет, изучением которых занимается, и никогда этого не сделает. Я сомневаюсь, отходил ли он за последние тридцать лет дальше чем за милю от этого дома.

Райджер расхохотался.

Мендел вспыхнул.

— Пусть вам такое положение вещей кажется смешным, — рассерженно произнес он, — но я буду вам очень признателен, если впредь в присутствии доктора Эрта вы постараетесь избегать этой темы.

Через минуту появился сам Эрт.

— Приношу мои извинения, господа, — прошептал он. — А теперь займемся нашей проблемой. Может, кто-нибудь из вас желает сознаться сам?

Тальяферро презрительно поджал губы. Едва

ли этот толстенький специалист по внеземным формам жизни, добровольно приговоривший себя к домашнему аресту, обладает достаточной твердостью, чтобы заставить кого бы то ни было признаться в совершенном преступлении. К счастью, дело обстоит так, что он им как талантливый следователь не понадобится. Если вообще у него есть такой талант.

— Скажите, доктор Эрт, вы связаны с полицией? — спросил Тальяферро.

На красном лице Эрта появилось самодовольное выражение.

— Официально нет, но тем не менее мы находимся в наилучших отношениях.

— В таком случае я сообщу вам кое-какие сведения, которые вы сможете передать.

Втянув живот, Эрт стал рывками вытаскивать из брюк подол рубашки, которым он принялся медленно протирать очки. Покончив с этим занятием и небрежно водрузив очки обратно на нос, он произнес:

— Итак, я вас слушаю.

— Я скажу вам, кто был у Вильерса в момент его смерти и кто заснял записи.

— Выходит, вам посчастливилось раскрыть тайну?

— Я думал об этом весь день и, кажется, пришел к правильному выводу.

Тальяферро явно наслаждался произведенным его словами эффектом.

— Что же вы собираетесь нам сообщить?

Тальяферро глубоко вздохнул. Несмотря на то, что он готовился к этому несколько часов, не так-то легко было наконец решиться.

— В происшедшем, по всей видимости, виновен не кто иной, как доктор Мендел, — наконец произнес он.

Мендел задохнулся от возмущения.

— Послушайте, доктор, — громко начал он, — если у вас есть какие-либо основания для такого страшного…

— Пусть он говорит, Хьюберт, — перебил его высокий голос Эрта. — Я предлагаю выслушать его. Ведь вы сами его подозреваете, и нет такого закона, который запретил бы ему подозревать вас.

Мендел зло поджал губы.

— Это больше, чем простое подозрение, доктор Эрт, — начал Тальяферро, усилием воли заставляя свой голос звучать ровно. — Доказательства налицо. Нам всем четверым было известно об изобретении Вильерса, но только один из нас, доктор Мендел, присутствовал при эксперимен-

те. Только он один знал, что оно не является плодом больного воображения.

Только он знал, что записи действительно существуют. Вильерс обладал слишком неуравновешенным характером, и для нас вероятность того, что он говорит правду, была слишком мала. Мы зашли к нему в одиннадцать, чтобы, как мне кажется, окончательно убедиться в этом, хотя никто из нас не назвал вслух истинную причину нашего визита. Но Вильерс был невменяем. Таким мы его прежде никогда не видели.

А теперь рассмотрим этот же вопрос с другой стороны. Что знал доктор Мендел и каковы были его мотивы? Представим себе, доктор Эрт, следующее. Человек, который пришел к Вильерсу в полночь, увидел, что тот потерял сознание, и заснял рукопись. Это лицо (не будем пока называть его по имени), вероятно, пришло в ужас, когда Вильерс очнулся от обморока и стал звонить кому-то по телефону. Охваченному паникой преступнику мгновенно приходит в голову мысль, что необходимо как можно скорее отделаться от единственного вещественного доказательства.

Он должен был немедленно избавиться от непроявленной пленки с заснятыми записями, причем таким образом, чтобы эта пленка не

была найдена и он в том случае, если его ни в чем не заподозрят, смог бы снова завладеть ею. Идеальным местом для этого был наружный подоконник. Быстро раскрыв окно, он положил на подоконник пленку и ушел. А если б Вильерс остался жив или если б его телефонный разговор дал какие-нибудь результаты, единственным доказательством вины этого человека были бы показания самого Вильерса и можно было бы легко убедить всех в том, что Вильерс — человек с большими странностями.

Тальяферро умолк, смакуя неоспоримость приведенных им доводов.

Уэнделл Эрт, сощурившись, взглянул на него и похлопал пальцами прижатых к животу рук по вытащенному из брюк подолу рубашки.

— В чем же вы видите главное доказательство вины доктора Мендела? — спросил он.

— На мой взгляд, самое важное здесь то, что лицо, совершившее преступление, открыло окно и положило пленку на подоконник снаружи. Судите сами: Райджер жил десять лет на Церере, Конес — на Меркурии, я — на Луне, и за этот период нам очень редко случалось бывать на Земле — только во время кратких отпусков, да и сколько их там было! Вчера мы не раз жаловались друг другу,

как трудно нам привыкнуть к земным условиям.

Планеты, на которых мы работаем, лишены атмосферы. Мы никогда не выходим из помещения без скафандра. Мы отвыкли даже от мысли, что можно выйти наружу без защитного костюма. Ни один из нас не смог бы открыть окно без отчаянной внутренней борьбы. Что касается доктора Мендела, то он жил только на Земле и для него открыть окно — всего лишь приложение мускульной силы. Он способен сделать это не задумываясь, а мы — нет. Отсюда логический вывод — преступление совершил он.

Тальяферро откинулся на спинку стула и позволил себе слегка улыбнуться.

— Клянусь космосом, он прав! — восторженно вскричал Райджер.

— Ни в коей мере! — приподнявшись с дивана, взревел Мендел. Казалось, он вот-вот бросится на Тальяферро с кулаками. — Я категорически протестую против этих жалких измышлений. А имеющаяся у меня запись телефонного звонка Вильерса? Там есть слово «однокашник».. А это как вы объясните?

— Вильерс в ту минуту умирал, — возразил Тальяферро. — Вы ведь сами говорите, что большую часть из сказанного им понять невозможно. Этой

записи я не слышал, поэтому я спрашиваю вас, доктор Мендел, в самом ли деле голос Вильерса был искажен до неузнаваемости?

— Видите ли… — смущенно начал Мендел.

— Я уверен, что это так. У меня нет оснований исключить вероятность того, что вы сами заранее сфабриковали запись, ввернув туда это проклятое слово «однокашник».

— О Господи, откуда я знал, что на съезд приехали бывшие соученики Вильерса? — воскликнул Мендел.

— Это мог вам сказать сам Вильерс. Я беру на себя смелость утверждать, что он действительно сделал это.

— Послушайте, — решительно начал Мендел. — вы трое видели Вильерса живым в одиннадцать вечера. Врач, осмотревший его тело вскоре после трех ночи, заявил, что умер он около двух часов назад. Отсюда — смерть наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи. В это время я присутствовал на вечернем заседании, и не меньше дюжины свидетелей могут показать, что с десяти часов вечера до двух ночи я находился в нескольких милях от отеля. Вам этого достаточно?

— Даже если это подтвердится, — немного по-

молчав, упрямо продолжал Тальяферро, — можно предположить, что вы вернулись в отель в половине третьего и тут же отправились к Вильерсу, чтобы обсудить какие-то вопросы, связанные с его будущим докладом. Вы нашли дверь открытой или пустили в ход дубликат ключа — это не имеет значения. Главное — вы нашли Вильерса мертвым и, воспользовавшись случаем, засняли рукопись…

— Но если он был уже мертв и не мог никому позвонить, зачем мне тогда понадобилось прятать пленку?

— Чтобы отвести от себя подозрение. Не исключено, что у вас есть второй экземпляр пленки. Кстати, о том, что она засвечена, мы знаем только с ваших слов.

— Хватит! — вмешался Эрт. — Вы выдвинули интересную гипотезу, доктор Тальяферро, но она рассыпается под тяжестью приведенных в ее защиту доказательств…

— Это с вашей точки зрения… — нахмурившись, попытался возразить Тальяферро.

— Это точка зрения каждого, кто обладает способностью к аналитическому мышлению. Неужели вы не заметили, что для преступника Хьюберт Мендел был излишне активен?

— Нет, — сказал Тальяферро.

Уэнделл Эрт мягко улыбнулся.

— Видите ли, доктор Тальяферро, я не сомневаюсь, что в процессе своей научной деятельности вы вряд ли настолько увлекаетесь собственными гипотезами, что начисто отбрасываете противоречащие им факты и логические умозаключения. Очень вас прошу не изменять этому золотому правилу, когда вы выступаете в роли следователя.

А теперь представьте себе, насколько проще была бы стоявшая перед доктором Менделом задача, если б его действия, как вы утверждаете, и впрямь стали причиной смерти Вильерса и он обеспечил себе алиби. Или же, как опять-таки следует из ваших слов, не застав Вильерса в живых, он воспользовался этим в своих интересах. Зачем ему понадобилось бы фотографировать рукопись или приписать это кому-нибудь из вас? Он же мог просто-напросто взять записи и уйти. Кто еще знал о их существовании? Практически никто. У доктора Мендела не было никаких оснований предполагать, что Вильерс рассказал о них еще кому-то. Ведь известно, что он был патологически скрытен.

Никто, кроме доктора Мендела, не знал, что

Вильерс собирался делать доклад. О его выступлении не было объявлено, тезисы доклада не опубликованы. Отсюда следует, что доктор Мендел мог без опаски забрать рукопись и спокойно удалиться. Даже если б он узнал, что Вильерс поделился своей тайной с бывшими однокашниками, что из того? Какими доказательствами располагали его бывшие соученики? На что они могли сослаться, кроме как на слова человека, которого они сами считали душевнобольным?

Однако доктор Мендел поступает иначе. Он заявляет, что бумаги Вильерса уничтожены, он утверждает, что смерть Вильерса нельзя признать в полном смысле слова естественной. Он ищет пленку, на которую была заснята рукопись. Короче, он делает все, чтобы навести на себя подозрение, в то время как единственное, что ему следовало сделать, это остаться в тени. Если б он и вправду совершил это преступление, а потом выбрал для себя такую линию поведения, он был бы самым тупым, самым убогомыслящим человеком из всех, кого я знаю. А о докторе Менделе этого никак не скажешь.

При всем желании Тальяферро не мог опровергнуть очевидную справедливость приведенных Эртом аргументов.

— Тогда кто же совершил это преступление? — спросил Райджер.

— Один из вас троих.

— Но кто именно?

— О, для меня этот вопрос давно решен. Я понял, кто из вас виновен, в ту самую минуту, когда доктор Мендел закончил свой рассказ.

Тальяферро с неприязнью взглянул на толстенького специалиста по изучению внеземных форм жизни. Его не испугали последние слова ученого, но они, судя по всему, произвели сильное впечатление на остальных. У Конеса отвисла челюсть, придав его лицу идиотское выражение, а губы Райджера как-то странно вытянулись в ниточку. Оба они стали похожи на рыб.

— Вы наконец скажете, кто это? — спросил Тальяферро.

Эрт сощурился.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы уяснили себе, что самое важное сейчас — это открытие Вильерса. Оно еще может быть восстановлено.

— Черт вас дери, Эрт, что за чушь вы несете? — с раздражением воскликнул Мендел, еще не забывший нанесенной ему обиды.

— Вполне возможно, что этот человек, прежде чем сфотографировать записи, пробежал из

взглядом. Сомневаюсь, хватило ли у него времени и присутствия духа прочесть их, а если он даже и успел их просмотреть, вряд ли он что-либо запомнил, во всяком случае сознательно. Но существует зондирование памяти. Если он бросил хоть один взгляд на записи, их можно будет восстановить.

Присутствующие невольно поежились.

— Вы напрасно так боитесь зондирования, — поспешно продолжал Эрт. — Если его проводят по всем правилам, оно совершенно безопасно, особенно когда человек идет на него добровольно. Причиной вредных последствий является внутреннее сопротивление, своего рода духовный отказ подчиниться. Поэтому, если виновный признается сам и добровольно отдаст себя в мои руки..

В тишине слабо освещенной комнаты неожиданно раздался хохот Тальяферро, которого развеселила примитивность этого психологического трюка.

Реакция Тальяферро привела Эрта в замешательство, и он с искренним недоумением воззрился на него поверх очков.

— Я имею достаточное влияние на полицию и могу устроить, чтобы зондирование не стало

достоянием гласности, — сказал он.

— Я не виновен! — зло выкрикнул Райджер.

Конес отрицательно мотнул головой.

Тальяферро хранил презрительное молчание.

— Что ж, тогда придется мне самому указать виновного, — вздохнув, произнес Эрт. — Увы, ничего хорошего из этого не получится. Человек будет травмирован, и возникнет много нежелательных осложнений.

Он теснее прижал к животу руки и пошевелил пальцами.

— Доктор Тальяферро сказал, что пленка была положена на наружный выступ подоконника с целью сокрытия и предохранения от возможных повреждений. В этом я с ним совершенно согласен.

— Благодарю вас, — сухо произнес Тальяферро.

— Однако почему кому-то пришло в голову, что это место является столь безопасным тайником? Явись туда полицейские, они бы несомненно нашли пленку. Фактически она была найдена без их помощи. У кого же могла возникнуть мысль, что предмет, хранящийся вне помещения, находится в полной безопасности? Только у человека, жившего долгое время на планете, лишенной атмосферы, и свыкшегося с тем, что нельзя выйти

из закрытого помещения без тщательной подготовки.

Например, если на Луне спрятать какой-нибудь предмет вне Лунного купола, можно считать, что его вряд ли найдут. Люди там редко выходят наружу, да и то с определенной целью, связанной с их работой. Поэтому человек, живший в условиях Луны, чтобы спрятать пленку, мог преодолеть внутреннее сопротивление и, открыв окно, оказаться лицом к лицу со средой, которую он подсознательно воспринимал бы как безвоздушное пространство. «Если какую-нибудь вещь поместить вне жилого помещения, уже одно это обеспечит ее полную сохранность», — такова суть импульса, заставившего преступника положить пленку за окно.

— Доктор Эрт, почему вы заговорили именно о Луне? — сквозь стиснутые зубы спросил Тальяферро.

— О, я упомянул о Луне только в качестве примера, — добродушно пояснил Эрт. — Все, о чем я говорил до сих пор, в равной мере относится к вам троим. А теперь я перехожу к вопросу об умирающей ночи.

Тальяферро нахмурился.

— Вы имеете в виду ту ночь, когда умер Ви-

льерс?

— Я имею в виду любую ночь. Сейчас я вам объясню. Если даже мы допустим, что наружный выступ подоконника действительно является вполне надежным тайником, то кто из вас мог до такой степени потерять всякое ощущение реальности, чтобы признать его таковым для непроявленной пленки? Хочу вам напомнить, что пленка, которую используют в наших микрофотоаппаратах, не обладает большой чувствительностью и рассчитана на то, чтобы ее можно было проявлять в самых разнообразных условиях. Всем нам известно, что рассеянное вечернее освещение не может нанести ей серьезных повреждений, однако рассеянный дневной свет погубит ее за минуты, а что касается прямых солнечных лучей, то они засветят ее мгновенно.

— Объясните же наконец, Эрт, к чему вы клоните? — прервал его Мендел.

— Не торопите меня! — обиженно воскликнул Эрт. — Я хочу дать вам возможность как следует во всем разобраться. Самым большим желанием преступника было обеспечить полную сохранность пленки, которая в тот момент стала для него бесценным сокровищем, ведь от нее зависело все его будущее — его вклад в мировую науку.

Так почему, спрашивается, он положил пленку туда, где ее неизбежно должно было разрушить утреннее солнце?.. Только потому, что, как ему казалось, солнце никогда не взойдет. Он думал, что ночь, образно говоря, бессмертна.

Но ночи на Земле не бессмертны, они умирают и уступают место дню. Даже полярная ночь, которая тянется шесть месяцев, в конце концов умирает. Ночь на Церере длится всего лишь два часа, ночь на Луне — две недели. Это тоже умирающие ночи, и как доктор Тальяферро, так и доктор Райджер знают, что ночь всегда сменяется днем.

— Погодите. — вскочив, начал было Конес.

Уэнделл Эрт твердо взглянул ему в глаза.

— Ждать больше незачем, доктор Конес. Меркурий является единственным во всей Солнечной системе небесным телом, которое всегда повернуто к Солнцу одной стороной. Три восьмых его поверхности никогда не освещаются Солнцем, и там царит вечный мрак[4]. Полярная обсерватория расположена как раз на границе теневой

---

[4] Примечания: 4

Предлагаемый вниманию читателя рассказ написан в 1956 г., когда еще не были уточнены периоды вращения Меркурия вокруг своей оси и его обращения вокруг Солнца, позже стало известно, что каждая часть поверхности планеты в тот или иной момент времени освещается Солнцем. — *прим. перев.*

части планеты. За десять лет своего пребывания на Меркурии вы, доктор Конес, привыкли считать ночь бессмертной. Вам казалось, что погруженная во тьму поверхность планеты будет оставаться такой вечно. И поэтому вы доверили непроявленную пленку земной ночи, забыв от волнения, что эта ночь обречена на смерть..

— Постойте… — запинаясь, произнес Конес.

Но Эрт был неумолим.

— Мне сегодня рассказали, что в тот миг, когда доктор Мендел повернул рычаг оконного поляризатора, вы вскрикнули при виде солнечного света. Что вас побудило к этому — страх перед меркурианским Солнцем или вы вдруг поняли, как солнечный свет нарушит ваши планы? Вы бросились к окну. Почему? Чтобы вернуть рычаг в исходное положение или чтобы взглянуть на испорченную пленку?

Конес упал на колени.

— Я не хотел этого. Я собирался только поговорить с ним, только поговорить! Но он закричал и потерял сознание. Мне показалось, что он умер. Записи были под подушкой, и все остальное произошло само собой. Одно потянуло за собой другое, и прежде, чем я понял, что делаю, было уже поздно. Клянусь, я не хотел этого.

Они окружили его, а Уэнделл Эрт устремил на рыдающего Конеса взгляд, полный глубокой жалости.

После того как уехала карета «скорой помощи», Тальяферро заставил себя заговорить с Менделом.

— Надеюсь, сэр, то, что было здесь сказано, не посеет между нами вражды, — натянуто произнес он.

— Я думаю, всем нам следует забыть о событиях последних суток, — столь же натянуто ответил Мендел.

Когда они, собираясь уходить, уже стояли в дверях, Уэнделл Эрт, склонив голову набок, с улыбкой произнес:

— Мы еще не уточнили вопрос о моем гонораре.

От удивления Мендел лишился дара речи.

— Я не имею в виду деньги, — поспешно сказал Эрт. — Я только хочу, чтобы в будущем, когда сконструируют первый рассчитанный на человека аппарат для телепортации, мне позволили совершить путешествие.

— Но до мгновенного перенесения массы в космос пока очень далеко, — еще окончательно не придя в себя, возразил Мендел.

Эрт отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, я не имею в виду космическое путешествие. Мне хотелось бы побывать в Лоуерфоллз, что в Нью-Гемпшире.

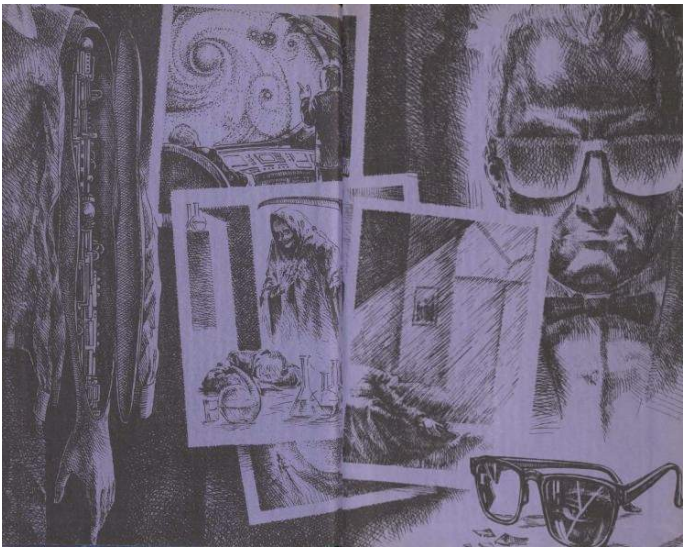
— По рукам, Эрт, будет сделано. Но почему вы хотите отправиться именно туда?

Эрт вскинул голову. К своему глубочайшему изумлению, Тальяферро увидел на лице специалиста по изучению внеземных форм жизни смущение.

— Когда-то... довольно давно... я ухаживал там за одной девушкой. С тех пор прошло много лет... Но иногда меня мучает вопрос...

Азимов А.

А11 Зеркальное отражение: Романы, повести, рассказы / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 510 с.
ISBN 5-8352-0088-9



·Северо-Запад·